

ДЕМИС

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DEMIS. DEMOGRAPHIC RESEARCH

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

2024. ТОМ 4. № 3

ДЕМИС. Демографические исследования.
2024. Том 4. № 3

DEMIS. Demographic research.
2024. Vol. 4. No. 3

Научный рецензируемый журнал
Издается с 2021 г.
Периодичность: 4 раза в год
Журнал открытого доступа
DOI 10.19181/demis.2024.4.3
EDN ANYDUS

Peer-reviewed scientific journal
Founded in 2021
Publication frequency: quarterly
Open access
DOI 10.19181/demis.2024.4.3
EDN ANYDUS

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук
Издатель: Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук

Founder: Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Publisher: Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Свидетельство о регистрации журнала Эл № ФС77-83138 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций 26 апреля 2022 г.

Media registration certificate
El No. FS77-83138 issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media on April 26, 2022

Главный редактор: С. В. Рязанцев

Editor-in-Chief: S. V. Ryazantsev

Доступ к контенту журнала бесплатный
Плата за публикацию с авторов не взимается
Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Free access
Authors are not charged for publication
Content licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации:
<https://www.demis-journal.ru>

All issues of the journal are posted in the public domain on the official website of the journal from the moment of publication:
<https://www.demis-journal.ru>

ISSN печатной версии: 2782-2303
ISSN электронной версии: 2782-229X

ISSN print: 2782-2303
ISSN online: 2782-229X

Редакционная коллегия научного журнала

- Рязанцев Сергей Васильевич**, главный редактор, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Моисеева Евгения Михайловна**, заместитель главного редактора, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Аббаси-Шавази Мохаммад Джалал**, доктор наук, профессор, Университет Тегерана, Тегеран, Иран
- Безвербный Вадим Александрович**, кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Воробьева Ольга Дмитриевна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Гаврилова Наталья Сергеевна**, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник, Центр по проблемам старения населения, Университет Чикаго, Чикаго, США
- Гейгер Мартин**, доктор наук, доцент, Карлтонский Университет, Оттава, Канада
- До Кармо Роберто Луиз**, доктор наук, профессор, заместитель директора, Университет Кампинас, Кампинас, Бразилия
- Жуков Василий Иванович**, академик РАН, заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт государства и права РАН, Москва, Россия
- Иванова Алла Ефимовна**, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Инглис Кристине Бренда**, доктор наук, профессор, Университет Сиднея, Сидней, Австралия
- Карачай Айсем Бириз**, доктор наук, доцент, Стамбульский университет коммерции, Стамбул, Турция
- Ким Сейонджин**, доктор наук, профессор, Женский университет Дуксун, Сеул, Республика Корея
- Кочербаева Айнура Анатольевна**, доктор экономических наук, профессор, Кыргызско-Российский славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Бишкек, Киргизия
- Леденева Виктория Юрьевна**, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Лукьянец Артем Сергеевич**, кандидат экономических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Мартин Филип**, доктор наук, профессор, Калифорнийский университет в Дейвисе, Дейвис, США
- Марушиакова-Попова Елена Андреевна**, доктор наук, доцент, Институт этнологии и фольклора Болгарской академии наук, София, Болгария
- Молодикова Ирина Николаевна**, кандидат географических наук, исследователь, Международная сеть исследований в области миграции, Льежский университет, Льеж, Бельгия
- Охаси Кэнити**, магистр социологии, профессор кафедры культурологии и туризма, колледж туризма, университет Рикке, Токио, Япония
- Пизарро Синтия Александра**, доктор наук, профессор, Университет Буэнос-Айреса, Буэнос-Айрес, Аргентина
- Письменная Елена Евгеньевна**, доктор социологических наук, доцент, профессор, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия
- Ростовская Тамара Керимовна**, доктор социологических наук, профессор, заместитель директора, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Хорие Норико**, доктор наук, профессор, директор Центра дальневосточных исследований, Университет Тояма, Тояма, Япония
- Храмова Марина Николаевна**, кандидат физико-математических наук, доцент, директор, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
- Шенк Каресс**, доктор наук, доцент, Назарбаев Университет, Нур-Султан, Казахстан

Editorial Board

- Sergey V. Ryazantsev**, Editor-in-Chief, Corresponding Member of the RAS, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Evgeniya M. Moiseeva**, Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Mohammad Jalal Abbasi-Shawazi**, PhD, Professor, University of Tehran, Tehran, Iran
- Vadim A. Bezverbny**, Candidate of Economic Sciences, Docent, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Olga D. Vorobyova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Natalia S. Gavrilova**, PhD, Senior Research Associate, Center on the Demography and Economics of Aging, University of Chicago, Chicago, USA
- Martin Geiger**, PhD, Associate Professor, Carleton University, Ottawa, Canada
- Roberto Luiz Do Carmo**, PhD, Professor, Deputy Director, University of Campinas, Campinas, Brazil
- Vasiliy I. Zhukov**, Member of the RAS, Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law of the RAS, Moscow, Russia
- Alla E. Ivanova**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Kristine Brenda Inglis**, PhD, Professor, University of Sydney, Sydney, Australia
- Aisem Biriz Karachay**, PhD, Assistant Professor, Istanbul University of Commerce, Istanbul, Turkey
- Seongjin Kim**, PhD, Professor, Women's University Duxun, Seoul, Republic of Korea
- Ainura A. Kocherbaeva**, Doctor of Economic Sciences, Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Eltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
- Victoria Y. Ledeneva**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Artem S. Lukyanets**, Candidate of Economic Sciences, Deputy Director, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Philip Martin**, PhD, Professor, University of California, Davis, USA
- Elena A. Marushiakova-Popova**, PhD, Associate Professor, Institute of Ethnology and Folklore Studies, Bulgarian Academy of Sciences, Sofia, Bulgaria
- Irina N. Molodikova**, PhD, Researcher, International Migration Research Network (IMISCOE), University of Liege, Liege, Belgium
- Kenichi Ohashi**, MA in Sociology, Professor, Department of Culture and Tourism Studies, College of Tourism, Rikkyo University, Tokyo, Japan
- Cynthia Alexandra Pizarro**, PhD, Professor, University of Buenos Aires, Buenos Aires, Argentina
- Elena E. Pismennaya**, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
- Tamara K. Rostovskaya**, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Norio Horie**, PhD, Professor, Director, Center for Far Eastern Studies, Toyama University, Toyama, Japan
- Marina N. Khranova**, Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Docent, Director, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
- Caress Schenk**, PhD, Assistant Professor, Nazarbayev University, Nur-Sultan, Kazakhstan

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

<i>Мехришвили Л. Л., Ткачева Н. А., Юдашкин В. А.</i> ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬЕ В РОССИИ	6
<i>Архангельский В. Н.</i> ЭТНИЧЕСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ	24
<i>Мусин Э. Р.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ: АНАЛИЗ РАЗЛИЧИЙ В УСЛОВИЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ, РАЗМЕРЕ, ЦЕЛЕВОМ НАПРАВЛЕНИИ	37

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

<i>Семенова В. Г., Григоров А. А., Сабгайда Т. П.</i> ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ ОТ ОСТРЫХ И ХРОНИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ В ПЕРИОД ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 В МОСКВЕ	49
<i>Шенеман М. В., Истомина О. Б.</i> ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ	74
<i>Гурьянова М. П., Клочина П. Д.</i> ХАРАКТЕРИСТИКА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ	88

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

<i>Рязанцев С. В., Сыдыгалиева Б. А.</i> НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ	105
<i>Дождиков А. В.</i> МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	119
<i>Письменная Е. Е., Сыдыгалиева Б. А.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ	138

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

<i>Леденева В. Ю.</i> УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	154
<i>Злотников А. Г.</i> ДЕПОПУЛЯЦИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ	167
<i>Аксютин Н. А.</i> МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: БАЛАНС МЕЖДУ ПРАВОМ И МОРАЛЬЮ	182

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

<i>Безвербный В. А.</i> ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ Л. Л. РЫБАКОВСКОГО	199
---	-----

CONTENT

FAMILY AND FERTILITY

<i>Lamara L. Mehrishvili, Nina A. Tkacheva, Valentin A. Yudashkin.</i> FORMATION AND TRANSMISSION OF TRADITIONAL VALUES IN A MODERN MULTIGENERATION FAMILY IN RUSSIA	6
<i>Vladimir N. Arkhangelsky.</i> ETHNIC AND EDUCATIONAL DIFFERENTIATION OF FERTILITY IN MOSCOW	24
<i>Eldar R. Musin.</i> REGIONAL MATERNITY CAPITAL IN RUSIA: ANALYSIS OF DIFFERENCES IN TERMS OF PROVISION, SIZE, AND TARGET DIRECTION	37

HEALTH, SELF-PRESERVATION BEHAVIOR, AND MORTALITY

<i>Victoria G. Semenova, Andrey A. Grigоров, Tamara P. Sabgaida.</i> MORTALITY FROM ACUTE AND CHRONIC DISEASES OF THE CIRCULATORY SYSTEM IN THE PERIOD BEFORE AND AFTER THE COVID-19 PANDEMIC IN MOSCOW	49
<i>Maria. V. Sheneman, Olga B. Istomina.</i> HEALTH FACTORS FOR PRESCHOOL CHILDREN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA	74
<i>Marina P. Guryanova, Polina D. Klochinova.</i> CHARACTERISTICS OF HEALTH-PRESERVING BEHAVIOR OF PARENTS RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES	88

DEMOGRAPHIC AND MIGRATION POLICY

<i>Sergey V. Ryazantsev, Begimai A. Sydygalieva.</i> NEW TRENDS IN MIGRATION FROM KYRGYZSTAN TO THE RUSSIAN FEDERATION	105
<i>Anton V. Dozhdikov.</i> INTERREGIONAL MIGRATION OF YOUTH IN THE RUSSIAN FEDERATION	119
<i>Elena E. Pismennaya, Begimai A. Sydygalieva.</i> EDUCATIONAL MIGRATION IN KYRGYZSTAN: TRENDS AND PROSPECTS	138

DEMOGRAPHIC REGIONAL STUDIES

<i>Viktoria Y. Ledeneva.</i> MIGRATION MANAGEMENT IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: A COMPARATIVE ANALYSIS	154
<i>Anatoly G. Zlotnikov.</i> DEPOPULATION AND LIMITATIONS OF DEMOGRAPHIC STATISTICS IN THE REPUBLIC OF BELARUS	167
<i>Nikita A. Aksiuitn.</i> MIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UNION: THE BALANCE BETWEEN LAW AND MORALITY	182

REVIEWS AND ESSAYS

<i>Vadim A. Bezverbny.</i> GEOPOLITICAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES: DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC IDEAS OF LEONID RYBAKOVSKY	199
--	-----

СЕМЬЯ И РОЖДАЕМОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.1)

EDN [DQQLWS](https://edn.dqqlws.com)

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСЛЯЦИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ МНОГОПОКОЛЕННОЙ СЕМЬЕ В РОССИИ

Мехришвили Л. Л.

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

E-mail: mehrishvilill@tyuiu.ru

Ткачева Н. А.

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

E-mail: sever626@mail.ru

Юдашкин В. А.

Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия

E-mail: wayu@mail.ru

Для цитирования: Мехришвили, Л. Л. Формирование и трансляция традиционных ценностей в современной многопоколенной семье в России / Л. Л. Мехришвили, Н. А. Ткачева, В. А. Юдашкин // ДЕМИС. 2024. Т. 4, № 3. С. 6–23. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.1). EDN [DQQLWS](https://edn.dqqlws.com).

Аннотация. Целью статьи является анализ представлений о традиционных семейных ценностях, определяющих социокультурный облик современной российской семьи и стиль внутрисемейных отношений; о влиянии социальных институтов на формирование таких ценностей, о роли социокультурных каналов их трансляции в повседневной жизни семей, в том числе многопоколенных. В научной литературе имеется неопределенность в трактовке содержания и объема понятий «традиционные семейные ценности» и «многопоколенная семья», неоднозначность подходов к изучению структуры семейных ценностей и методов их передачи новым поколениям. Это снижает эффективность научных исследований на фоне нынешнего значительного повышения активности государственной политики по обеспечению доминирования традиционных ценностей в общественном сознании, включающих и сферу семейной жизни. В статье рассматриваются особенности многопоколенной семьи, локализирующей непосредственное общение ее членов, значимые для понимания специфики процессов формирования и передачи в ней традиционных ценностей, в том числе вызванных современной цифровизацией общения. Изучение экспертного мнения, носящее рекогносцировочный характер, позволяет, во-первых, выявить институциональную природу традиционных семейных ценностей, объединяющих близких родственников для устойчивого функционирования семейного сообщества; во-вторых, сделать предположение, что причины ослабления влияния данных ценностей в семейных отношениях связаны с длительным периодом и значительным объемом аномии в обществе, с процессами секуляризации и цифровизации, а также с постепенной утратой значения многопоколенной семьи в ее традиционной форме как единого домохозяйства, состоящего из трех и более поколений; в-третьих, прийти к выводу о том, что несомненный социализирующий потенциал многопоколенной семьи требует перевода ее в центр государственной семейной политики, а кроме того проведения глубоких научных исследований современных социальных проблем этого типа семьи.

Ключевые слова: традиционные семейные ценности, социальный институт, многопоколенная семья, коммуникация, цифровизация, экспертный опрос

Введение

Трансляция традиционных ценностей в многопоколенных семьях является процессом, связанным с целым комплексом актуальных для российского общества вызовов: демографических, идеологических, ценностных, идентичностных. Изучение данной проблематики открывает широкие возможности как для понимания трансформации семьи и семейных отношений, так и для формирования и совершенствования государственной семейной социальной политики, однако сталкивается с двумя принципиальными сложностями.

Во-первых, существующее понимание «традиционных семейных ценностей» и их перечень размыты, что затрудняет операционализацию с целью их изучения. Вторая сложность связана с осмыслением того, что представляет собой многопоколенная семья. Устоявшееся представление о многопоколенной семье как группе людей, объединенных прямыми родственными связями, представляющих три и более поколений, проживающих в одном домохозяйстве, в современных условиях не соответствует реалиям и требует уточнения.

На фоне системной работы по укреплению традиционных ценностей и объявления 2024 г. Годом семьи внимание к данной теме существенно усилилось. Нормативно-правовое закрепление понятия «традиционные ценности» осуществлено в 2022 г. в соответствующем Указе Президента¹: это нравственные ориентиры, вбирающие в себя исторические и культурные особенности страны. Их функция аналогична иммунитету: сохранение идентичности, реакция на вызовы и угрозы, сбережение населения и развитие человеческого потенциала. В документе подчеркивается, что традиционные ценности сформировались во многом благодаря религии, в системе которой православие принадлежит особая роль. Перечислены 17 традиционных ценностей, среди них крепкая семья, историческая память и преемственность поколений. Очевидно, что Указ формирует общий вектор понимания традиционных ценностей без аксиологической детализации их структуры и дифференциации по сферам жизни.

Обзор научной литературы

Содержание традиционных семейных ценностей – предмет, привлекающий внимание значительного числа отечественных и зарубежных ученых. Так, в Научной электронной библиотеке eLibrary.ru по состоянию на февраль 2024 г. насчитывалось 3 013 публикаций по ключевым словам «семейные ценности», 2 520 из которых – в журналах, индексируемых в РИНЦ. В целом ряде публикаций описываются различные аспекты семейно-ценностного комплекса, его структура, даются классификации ценностей и их групп по различным основаниям.

¹ Указ Президента РФ № 809 от 09.11.2022 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 18.02.2024).

И. П. Лотова [1] в качестве основания типологии предлагает историко-цивилизационную принадлежность: доиндустриальная традиционная семья с превалирующими ценностями родства; современная семья индустриального общества с ценностями родительства; семья постиндустриального общества с ценностями супружества и индивидуализма.

И. Ф. Дементьева [2], характеризуя ценностную систему семьи как института воспитания, в качестве основы классификации рассматривает потенциал воспитательных возможностей родителей и восприятие молодым поколением транслируемых ценностей. Автор выделяет четыре группы критериев. Первая определяет статусные диспозиции и охватывает весь спектр субординаций внутри семьи, включая межпоколенные отношения. Вторая группа ценностей отражает систему правил поведения в семье и нравственные нормы общества, принимаемые членами семьи. Третья включает ценности внутренней свободы, способность самооценки и самоидентификации ребенка в процессе взросления и социализации. Четвертая группа характеризует дифференциацию воспитательного подхода к детям противоположного пола.

А. М. Русецка [3, с. 10] в иерархии семейных ценностей делает акцент на авторитетических ценностях, связанных с самореализацией и выбором стратегических жизненных ориентиров (любовь, счастливая семейная жизнь, семейное благополучие), жизненных ценностях (здоровье и материальное благополучие), нравственных установках просоциального характера (порядочность, честность, уважительность и др.), духовных ценностях, связанных с религией, высшими идеалами.

С. П. Акутина в исследовании системообразующих педагогических ценностей семейного воспитания [4, с. 13] выявляет духовно-нравственные родовые и видовые ценности в четырех группах: культурно-национальная и кровная самооценочность семьи; природно-климатические основы воспитания духовно-нравственных ценностей в семье; общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания; высшие (абсолютные) духовно-нравственные ценности семьи.

Исследуя культуроформирующие функции семьи как социального института в современной России, К. А. Рейтер [5, с. 13] трактует основные этапы процесса социализации личности в семье как этапы перехода от усвоения фамильных культурных ценностей к усвоению ценностей культуры в целом, отмечает комплементарность фамильных и духовных ценностей.

Поклонение предкам является одной из значимых культурных практик китайского общества. Китайские социологи в публикации [6], посвященной традиционным ценностям китайской семьи и вопросам их наследования (трансляции), указывают на важную роль мемориальных пространств в местах проживания семей (домах, квартирах), в которых представлены вещественные и визуальные доказательства внутрисемейных традиций как невидимой силы, оказывающей на членов семей и на иных людей глубокое влияние.

Автор обучающего блога Helpful Professor К. Дрю фиксирует расплывчатость и контекстуальность термина «семейные ценности», отражающего образ мышления людей, чьи личные качества, определенные моральные и этические принципы укоренены в семье, перечисляет важные по его мнению примеры семейных ценностей и форм их трансляции (семья прежде всего; приверженность и преданность членов

семьи друг другу; забота друг о друге; совместное проведение времени значимым образом; общая вера; совместный труд и т. д.)².

Коуч обучающего сообщества BetterUp Э. Перри выделяет пять типов семейных ценностей, определяющих отношения с другими, отношения друг с другом, отношение к себе, приоритеты и решение проблем; в качестве отправной точки приводит восемь примеров современных семейных ценностей: самосострадание; сочувствие и доброта по отношению к другим; ответственность; честность по отношению к другим; честность как открытость и уважение; уважение границ между людьми; время с семьей; настойчивость³. Упоминает о трех методах трансляции семейных ценностей: моделирование поведения, реализующего ценность; морализаторство как объяснение значения ценности; разъяснение ценностей. Подчеркивает значение семейных традиций (украшение елки, празднование начала учебного года, оформление семейных фотоальбомов и видеобиблиотек, вечера семейного кинопросмотра или семейных игр и т. п.), ритуалы исполнения которых формируют общие ценности семьи, укрепляют внутрисемейные связи.

Представляется, что существование сложного и детализированного аппарата описания семейно-ценностной сферы является следствием большой вариативности ситуаций его потенциального использования. Действительно, в современном мире, который, по утверждению У. Бека [7, с. 161], может быть охарактеризован как «тирания возможностей» индивидуального развития, формируется «по мере детрадиционализации семьи» множество форм семейных отношений с различной ценностной структурой. Мегалополисы, пронизанные социальными связями с традиционалистской провинцией [8]; эмансипация на фоне сохраняющегося гендерного различия [9]; общая секуляризация с локальными всплесками этноконфессиональной идентичности [10]; неограниченные коммуникационные возможности с простирающимся цифровым неравенством [11] и прочие процессы резко снижают модальность семейных установок [12]. Изменения структуры семейных ценностей фиксируются даже в крайне консервативных национальных регионах России, в том числе республиках северного Кавказа [13].

Безусловно в современном российском обществе существуют доминирующие семейно-ценностные модели, но в окружении иных форм взаимоотношений они в определенных пространственно-временных рамках формируют для исследователя уникальную картину. В каждом отдельном случае требуется особая настройка исследовательской оптики с «кастомизацией» научного инструментария. Это в свою очередь предполагает проведение разведывательных и пилотажных исследований.

Второе обстоятельство, осложняющее исследования означенной проблематики, связано с тем, что многопоколенная семья рассматривается в энциклопедиях и научной литературе как совокупность родственников, проживающих под одной крышей [14–16]. Сегодня подобный формат жизнедеятельности – скорее исключение, а отдельное жилье – безусловный приоритет для большинства населения. Так, в числе необходимых для создания семьи условий россияне чаще всего называют

² 27 top family values examples (to strive for) // Helpful Professor : [site]. URL: <https://helpfulprofessor.com/family-values-examples/> (accessed 18.02.2024).

³ 20 family tradition ideas to strengthen bonds and make memories // BetterUp : [site]. URL: <https://www.betterup.com/blog/family-traditions> (accessed 18.02.2024).

любовь, отдельное жилье и уровень доходов, позволяющий жить отдельно от родителей⁴ Пандемия Covid-19 эмпирически продемонстрировала рост семейных конфликтов и разводов в условиях изоляции [17], что объективизирует необходимость раздельного проживания нуклеарной семьи и старших поколений. На это же указывает и стремление государства к обеспечению молодых семей отдельным комфортным жильем. В то же время многопоколенная семья остается самостоятельной ценностью, а ее социализирующие функции по-прежнему востребованы в обществе.

Кажущийся диссонанс можно объяснить тем, что при анализе эволюции многопоколенной семьи наблюдается смещение акцента в социально-экономическую плоскость, к вопросам эмансипации, ролевых позиций. При этом слабо изучены новые формы взаимодействия поколений, в частности вопросы замещения прямых межличностных контактов общением через «гаджеты». Существующий методологический пробел также затрудняет исследование трансляции традиционных семейных ценностей в многопоколенных семьях и требует терминологических уточнений с учетом современных реалий.

Методы исследования

Изучение документов и публикаций позволило сформулировать три задачи эмпирического исследования экспертного мнения: выявить содержание традиционных семейных ценностей и основные каналы их трансляции; выделить признаки современной многопоколенной семьи и особенности коммуникации в ней; оценить перспективы многопоколенной семьи в современной России и необходимость государственной политики по ее сохранению.

В опросе, проведенном в январе-феврале 2024 г., использовался метод полуструктурированного интервью, в котором приняли участие 10 экспертов с длительным опытом работы в сферах, близко связанных с институтом семьи. Это работники системы образования: дошкольного и дополнительного (2 человека); специалисты органов социальной защиты (2 человека); представитель духовенства (1 человек), специалист по работе с молодежью (1 человек); исследователи семейной проблематики (2 человека), представители общественных организаций, осуществляющих работу с семьями (2 человека).

Представления экспертов о роли и значении традиционных семейных ценностей

Рассуждая о том, что представляют собой традиционные семейные ценности, эксперты озвучивали различные точки зрения. Но объединяющей стала идея самой семьи и ее наличия как главной, самостоятельной безусловной ценности: «*Это гордость от того, что у человека есть семья*».

Один из подходов, который можно условно назвать «утилитарным», заключался в оценке традиционных семейных ценностей как сопутствующего механизма удовлетворения психологических и физических потребностей. Нынешний кризис

⁴ Идеальная семья – 2023 // ВЦИОМ. Новости: [сайт]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/idealnaja-semja-2023> (дата обращения: 25.02.2024).

семьи эксперт связал с благоприятными условиями существования современного человека, которые *«на самом деле, не очень стимулируют к такому взаимодействию»*. Другая точка зрения обосновывает существование семейных ценностей потребностями духовного характера.

Один из экспертов произнес довольно емкую фразу: *«Семья – это длинный путь, где делят вместе и горести, и радости. Традиционные семейные ценности – это то, благодаря чему семья преодолевает этот путь»*. Вообще, идеи «труда» и «преодоления» неоднократно звучали в ходе интервью *«Сюда же можно включить уважение к труду в целом: на благо семьи, Родины, на благо сообщества, в котором семья живет»*. Эксперты весьма часто называли ценности, позволяющие сгладить сложности, которые могут возникнуть в межличностных коммуникациях: любовь, взаимная поддержка и ответственность друг перед другом, верность, взаимопонимание, терпение, защита.

Неотъемлемой частью семейных ценностей эксперты считают наличие традиций совместного времяпрепровождения. *«Семейные ценности – это традиции вместе проводить время, посещать бабушек-дедушек, вместе отмечать дни рождения в узком кругу, а не так, как это сейчас модно... – пригласить аниматоров, заказать пирог, сходить в кафе... Родители отдельно, дети отдельно»*. Почти в половине интервью отмечалась большая роль праздников в поддержании семейных ценностей: *«Очень многие молодые люди, когда мы их спрашиваем, что для вас традиции, которые вам близки, упоминают семейные праздники, причем праздники и религиозные, и национальные, и календарные, такие, например, как Новый год»*. Один из экспертов привел собственный пример формирования такой традиции: *«Я русская, вышла замуж за немца... Из уважения к мужу и свекрови стало традицией нашей семьи отмечать католическое рождество»*.

Другой блок ценностей, названных экспертами, связан с продолжением рода. Здесь отмечались такие ценности, как чувство материнства; желание и готовность воспитывать детей, видение смысла существования семьи именно в воспроизводстве новых поколений, *«потому что дети – это радость, счастье, свидетельство любви, которая есть в семье»*.

Отдельно следует отметить ценность взаимопомощи: *«Помощь младшим и забота о старших, когда не отвергается ни один член семьи, каким бы сложным он не был. Даже если он где-то «заблудился» по жизни...»*.

В отдельных случаях эксперты упоминали ценности, связанные с гендерной специализацией ролей: *«Семья, где муж – глава, жена – хранитель очага»*; со взаимоотношениями с родственниками и сохранением межпоколенных связей: *«Это обычаи и традиции, которые в семье передаются из поколения в поколение или формируются из-за каких-либо ситуаций, событий»*; а также с устойчивостью по отношению к внешней среде: *«В этом тоже ценность, чтобы семья, вне зависимости от госполитик, могла бы быть самостоятельной и самодостаточной»*.

Вывод. Эксперты, говоря о ценностях, указывают на роль и значение семьи, рассматривают ее саму по себе как традиционно главную, безусловную, самостоятельную жизненную ценность; отмечают, что традиционные семейные ценности, унаследованные от предыдущих поколений, оказывают зачастую определяющее влияние на функционирование семьи и уклад ее повседневной жизни, на формирование и удовлетворение психических, физических и духовных потребностей каждого из членов семьи, на обеспечение взаимопомощи ее членов, на отношение к

рождению детей и поддержанию гендерной специализации ролей, на формы и содержание совместного времяпрепровождения. Традиционные семейные ценности, по мнению экспертов, представляют собой некий институциональный «цемент», скрепляющий близких родственников для устойчивого функционирования семейного сообщества.

Экспертные оценки влияния социальных институтов на формирование традиционных семейных ценностей

Образование. Большинство экспертов высоко оценило влияние системы образования на традиционные семейные ценности. Но это касалось лишь дошкольного и начального образования, где аспекты межпоколенной коммуникации «встроены» в образовательный процесс: *«Если говорить про школы и сады, у нас работа в этом направлении ведется. Проводим акции, семинары для родителей, вебинары. Отдельно можно отметить фотоакции: фотография с бабушкой, с дедушкой, «бессмертный полк»».*

Эксперты отмечали, что подобные тенденции возникли недавно и стали результатом целенаправленной государственной политики в данном направлении: *«Сейчас семейные ценности возрождаются, особенно в последние 2–3 года, когда государственная политика развернулась в сторону решения внутренних задач».* Оценивая эффективность подобной работы, эксперты давали высокие оценки возрождению генеалогии: *«Я считаю, что это очень эффективно. Приходят молодые родители и говорят: вы заставили нас копаться в своей родословной. Мы узнали много нового».* А вот слова другого эксперта: *«Сейчас, начиная с начальной школы, рисуют генеалогические деревья. Мы этого не делали».*

Воспитательная работа в системе среднего и высшего образования интегрирована в учебный процесс в значительно меньшей степени: *«Пока нет еще таких курсов как семейведение, или они носят элективный характер, но тем не менее что-то делается».* Один эксперт указал на отсутствие системной работы в данном направлении, приводя релевантный пример: *«Мой знакомый, высококлассный инженер, переезжал в разные города, внедряя в производство прогрессивные технологии. При этом менял город – менял семью. Брак – семья – ребенок – развод. И так 3 раза».*

СМИ. Влияние СМИ, интернет-ресурсов на семейные ценности эксперты оценивали неоднозначно. С одной стороны, контент, создаваемый на государственные средства, должен содержать воспитательную составляющую, отвечать политике в сфере сохранения и укрепления института семьи. С другой стороны, большая часть информации, которая создается в социальных сетях и видеосервисах, не контролируется: *«У нас все еще мир Youtube, где культивируется индивидуализм, одиночество и даже неприятие к старшему поколению».*

Современные детские мультфильмы в целом ориентированы на семейные ценности: *«Если брать отечественные мультфильмы «Малышарики», «Барбоскины», «Маша и Медведь», там какие-то правила еще соблюдаются. Современные мультфильмы тоже есть нравственные, учат эталонам каким-то, доброте».* Однако в случае с маленькими детьми важен контроль: *«Я же прежде, чем в саду им что-то показать, сама десять раз посмотрю. Здесь важна роль педагога. Но семья все-таки важнее – это 80%!».*

Более старшим поколениям государство также уделяет внимание: *«Есть неплохие попытки государства в доступном для молодежи виде подать информацию о ценности*

семьи. Это вся инфраструктура Росмолодежи. Я на многие сообщества подписана, я это наблюдаю. Ненавязчиво, исподволь, но такие ценности транслируются».

Религия. Религия, по мнению экспертов, остается одним из основных «хранилищ» традиционных семейных ценностей, но ее значение оценивается все же невысоко в силу общей тенденции снижения роли данного института в жизни современного общества: «Религия с себя эту функцию никогда не снимала. Другое дело, что отношение молодежи к религии на протяжении многих лет было такое, что «это вроде не обязательно»»; «Религия наиболее значимая, однако менее распространенная среди подрастающего поколения»; «Религия же подразумевает не только внешние атрибуты, но и все основные аспекты: уважение к старшим и так далее... И это по деткам видно. То есть я это не привью, а в семье это прививается, и такие дети отличаются».

Влияние религии, как считает часть экспертов, сегодня проявляется скорее ситуативно, чем системно: «Меньше людей верят в бога, поэтому и влияние церкви на формирование семейных ценностей невелико, а жаль. Церковь больше других институтов стимулировала сохранение традиций»; «В последнее время, в связи с тем, что есть социальная напряженность, определенная потребность в вере у людей возникает. Например, в связи с началом СВО. Люди понимают, что важно иметь опору».

В семьях с маленькими детьми многое зависит от родителей: «Современные дети не боятся выразить свою национальную и религиозную принадлежность. Здесь никакие институты ничего не сделают. Если в семье присутствует религиозное или национальное воспитание, то оно и будет у детей, если его нет – то нет».

Рассуждая об отдельных религиозных направлениях, эксперты отмечали их неодинаковое влияние на общество: «Ислам тоже всегда поддерживал и, мне кажется, исламские традиции даже крепче. Но православные тоже начинают укрепляться в последние несколько лет»; «Я хочу надеяться, что религиозные общины этому уделяют внимание, и особенно это у протестантов, мне кажется, сильно. Потому что там – культ семьи».

Семья. Самым эффективным институтом трансляции традиционных ценностей, по мнению экспертов, является сама семья. Это связано с тем, что семья не просто формирует и транслирует традиционные ценности, но «пропускает через себя» влияние других институтов, и такой процесс сильно различается в разных семьях: «Семья – пример для подражания. В зависимости от окружения ребенка формируется его поведение, взгляды, в том числе модель семьи».

С недавних пор благодаря государственной политике роль семьи становится более заметной: «Я бы сказала, что в последнее время возрождается. Немаловажную роль играет политика, объявление 2024 г. Годом семьи. Этой информации стало больше. Люди же не задумываются в повседневности о важности этих вещей и вспоминают о семье, только когда что-то серьезное случится или пока кто-нибудь об этом не напомнит».

Цифровизация коммуникаций. Обсуждая влияние институтов, эксперты постоянно затрагивали тему влияния цифровых технологий на коммуникацию и специфику передачи традиционных ценностей в семье; обращали внимание на объективный характер данного процесса и необходимость приспособления к существующим реалиям: «Вы знаете, винить в этом мы никого не можем. Потому что сейчас это норма жизни»; «Цифровизация – это то, без чего нам уже не получится жить, поэтому остается использовать ее на благо».

Отмечались две противоречивые тенденции, связанные с современными цифровыми форматами коммуникативного взаимодействия. С одной стороны, они усиливают индивидуализм, когда человек «погружается» в смартфон, разрывая коммуникацию, которая могла бы быть при взаимодействии друг с другом в реальности. Особо это касается маленьких детей: *«С ними должно быть только живое общение. Это бабушка, которая обнимет, состряпает пирожки. Родственники, проживающие рядом. Если этого нет, то это не норма»*. С другой – появляются возможности общения с родственниками, дедушками и бабушками, проживающими вдали от семьи. Причем общения насыщенного, посредством обмена голосовыми сообщениями, фотографиями, видеозаписями: *«Вот у меня лично, у нас есть чат братьев и сестер, нас 27 человек. И если бы не цифровизация, когда бы мы еще созвонились, встретились? А тут можно поздравлять друг друга с событиями, делиться семейными новостями, и это классно»*.

Вывод. Все ключевые институты обладают большим потенциалом в формировании и трансляции традиционных семейных ценностей, вместе с тем этот потенциал в значительной части не реализуется. Причины лежат в разных плоскостях: длительном периоде аномии, существовавшем в стране; секуляризации и стремительном развитии новых цифровых технологий коммуникации, не всегда эффективно используемых такими институтами как образование, религия, да и самой семьей. Эксперты отмечают позитивные изменения под влиянием государственной политики в ряде случаев, но насколько результаты окажутся системными, покажет время.

Экспертные оценки социокультурных каналов трансляции традиционных семейных ценностей

Достаточно общим экспертным мнением о значимых каналах (способах, механизмах) передачи традиционных семейных ценностей явилось то, что такие каналы создает государство, декларируя конкретные ценности, модели поведения и внедряя их через систему поощрения и наказания.

Еще одна точка зрения связана с формами воспитания и особенностями ведущей деятельности у детей – именно игра способствует формированию традиционных ценностей, их передачу из поколения в поколение. Например, совместная организация семейных праздников (день пожилого человека, день матери, день отца, день защиты детей и т. д.): *«Даже семейный ужин может стать традицией, которая будет «увязкой» членов семьи, формирующей у них чувство «семейности», формирование образа «я часть большой и счастливой семьи»»*.

Один из экспертов в качестве примера проектов, связанных с семейными ценностями, назвал коалицию некоммерческих организаций «Забота рядом» – объединение общественных организаций, работающих ради поддержки института заботы в ближайшем окружении. Созданная в марте 2020 г. для помощи пожилым людям, находившимся в самоизоляции во время пандемии коронавирусной инфекции, с 2023 г. коалиция начала работу с семьями с детьми, оказавшимися в трудной жизненной ситуации. Второй конструктивный проект – «Старшие» фонда «Добрый город Петербург». Резюме: *«Надо создавать такие точки притяжения, которые*

профессионально могут включаться в эту работу. А сюда надо вкладывать деньги, внимание, это важно».

Представитель духовенства значимым каналом передачи ценностей считает воспитание «мудрым словом, добрым личным примером людей старших поколений», а также школу и церковный приход посредством «мудрых священников, опытных педагогов воскресной школы, через здоровую общинную обстановку в приходе».

Вывод. Таким образом, основными каналами трансляции семейных ценностей, по мнению экспертов, являются: государственная политика, деятельность общественных организаций, событийные мероприятия, а кроме того, воспитание.

Многопоколенная семья как механизм трансляции традиционных семейных ценностей

Актуальность ценности многопоколенной семьи. На вопрос о том, сохранила ли в современных условиях свою ценность многопоколенная семья, эксперты высказывали различные точки зрения.

Эксперты, ответившие на вопрос утвердительно, подчеркивали, что уйти от ценности такого формата сложно по ряду причин. Первая – утилитарная: *«Хочется пойти на какую-нибудь вечеринку – надо оставить с кем-то ребенка, если задержался на работе, нужно чтобы кто-то забрал ребенка».* Вторая связана с желанием передачи опыта и ценностей старших поколений: *«Оставить ребенка с бабушкой с дедушкой для того, чтобы они не просто посидели, а книжки почитали, передали какой-то свой опыт, свои знания, организовали по-другому досуг».* Более того экспертом была озвучена интересная мысль о важности взаимодействия и обогащения обеих сторон: *«Природой предусмотрено взаимодействие внуков и дедушек, бабушек на духовном уровне. И это продолжается недолго, до 7–8 лет. Потом ребенок уже начинает осознавать, от кого зависит основное решение вопросов его жизни. И это – родители».* Третья – эмоциональное удовлетворение: *«Многопоколенная семья – это дом, в котором тепло и любовь, радость в общении, счастье быть вместе большой семьей».* *«Многопоколенная семья – это всегда хорошо. Это отлично. Это забота, внимание, пример, образ, память для детей».*

Четвертая причина была выявлена в процессе ответов на дополнительные вопросы о том, различаются ли социально-психологические качества детей из многопоколенных и нуклеарных семей. Характеризуя детей дошкольного возраста, воспитывающихся в многопоколенных семьях, эксперт отметила, что *«у них шире кругозор. Даже говор бывает другой. Если они общаются с бабушкой, скорее всего они знают еще и прабабушку. То есть это именно связь поколений, и дети более чуткие, более добрые, более нравственные».* В старшем возрасте, как считает другой эксперт, такие дети в большей степени обладают просоциальными качествами: *«Они отличаются большей дисциплинированностью в поведении, скромностью. Влияет, наверное, то, что, когда много людей в семье, всегда нужно договариваться. Воспитанные в одиночестве или без старшего поколения, больше ориентированы на личные достижения, меньше – на коллектив. А еще мне кажется, что такие ребята чуть более склонны к агрессии. Это то, что я вижу даже среди наших молодых лидеров. Им кажется, что нужно воевать со всем миром, чтобы добиться результата».*

Эксперты, давшие отрицательный ответ либо указавшие на частичную актуальность ценности многопоколенной семьи, констатировали, что *«сейчас, когда*

общаешься с человеком, и он рассказывает о своей семье, это как правило, семья, где есть только два поколения – родители и дети либо вообще одно поколение: ты и твой супруг. Очень мало кто при слове «семья» мыслит несколькими поколениями». Они аргументировали свою позицию отсутствием у современной молодежи соответствующих ценностей, что является следствием исторических факторов: «У молодежи западная модель уже сидит в голове: стариков надо отдавать в приюты, или, как минимум, жить с ними раздельно». Один из опрошенных усматривал причину не только в постсоветском периоде, но и раньше – в существовавшей в советское время системе распределения выпускников вузов: «В СССР тема семьи затрагивалась мало и редко. Чаще это были трудовые династии – те, что работали на благо страны. На межпоколенные связи внимание не обращали. За эти 70 лет достаточно сильно ценность многопоколенной семьи снизилась по сравнению с тем, что было в Российской империи, когда она еще и поддерживалась религией».

Вывод. Обобщая ответы экспертов на вопрос об актуальности ценности многопоколенности, можно сделать вывод о том, что основное благо такого формата семейных отношений – развитие малолетних детей. Дошкольники и младшие школьники наиболее восприимчивы к заботе прародителей, что в дальнейшем благоприятно сказывается на формировании их личностных качеств. В то же время для многих понятия «семья» и «многопоколенность» не связаны, что является следствием исторического и социально-экономического развития страны.

Специфика, основные признаки и формы современной многопоколенной семьи. Большинство экспертов ассоциирует специфику современной многопоколенной семьи с проблематикой совместного проживания нуклеарной семьи с прародителями.

В классическом варианте многопоколенная семья имела общее жизненное пространство, что являлось насущной необходимостью и было оправдано. Одним из экспертов приводился пример русских народных сказок, где главными героями часто выступали дедушка с бабушкой и внучкой, а о родителях речи не шло. По умолчанию подразумевалось, что они были заняты обеспечением семьи, не беспокоясь о безопасности и воспитании детей. В нынешних условиях необходимость выживания отсутствует, поэтому традиционная многопоколенная семья является скорее исключением, чем правилом. Так, один из экспертов полагает, что с точки зрения финансового благополучия у таких семей «уровень средний или ниже среднего. Если б могли, то развехались».

Большинство экспертов считает, что в многопоколенных семьях высок риск бытовых конфликтов, поскольку люди старших поколений часто могут вмешиваться в жизнь молодой семьи, навязчиво указывая, как жить, давая советы, контролируя все стороны жизни: «Горький опыт – намеренное разрушение молодых семей («твой выбор оказался плохим!») даже при наличии двух и более детей!! (сноха оказалась никчемной, недостойной нашего сына; зять – просто негодяй). Ненамеренное разрушение – через постоянные конфликты, оскорбления даже в присутствии детей».

Также эксперты отмечали, что увеличение продолжительности жизни и активного долголетия обуславливают долговременность включенности старшего поколения в активные социально-экономические отношения: «К сожалению, нынешние бабушки работают, как и родители»; «Может быть они там как-то и общаются, но уровень такой – пришел, конфетку дал и ушел»; «Бабушки молодые сейчас, они занимаются

собой, дедушкам вообще не до внуков. Ну процентов 30 – просто общаются, а в остальных случаях могут вообще не общаться».

Основными преимуществами многопоколенных семей эксперты называют взаимопомощь, взаимозаменяемость, передачу жизненного опыта, создание комфортного эмоционально-психологического климата: «Люди старших поколений помогают решать вопросы, связанные с воспитанием маленьких детей. Это – передача бесценного жизненного опыта, накопленной мудрости, создание «биополя» любви и тепла для малышей»; «Преимущества в том, что дети, воспитывающиеся в семьях с бабушками и дедушками, получают в два раза больше любви и ласки, чем без них».

При этом демонстрируется убежденность в том, что в наше время семьям разных поколений целесообразнее проживать раздельно: «При здоровом подходе к межпоколенным отношениям лучше относительно недалеко проживать друг от друга для возможности частого доброго и позитивного общения»; «Мне кажется, распространенная форма – гостевая многопоколенная семья – самая подходящая для нашего времени».

Полагаем, следует согласиться с одним из экспертов, что практически любая семья в той или иной степени многопоколенная. Другое дело, с какой интенсивностью осуществляется коммуникация. У каждой семьи есть возможность стать по-настоящему многопоколенной и здесь многое зависит и от традиций, и от крепости семьи, и от осознанного намерения наиболее дееспособных средних членов семьи объединять поколения.

Вывод. Приведенные данные показывают, что ключевой особенностью современной многопоколенной семьи по сравнению с традиционной является стремление к раздельному проживанию ее нуклеарной части и прародителей при сохранении эмоциональных контактов и различных форм взаимопомощи. Для подавляющего большинства такое положение дел становится нормальным, а с учетом того, что современные бабушки и дедушки сами продолжают жить «полной» жизнью, «проигравшей стороны» в такой ситуации нет.

Воспроизводство и сохранение традиционных ценностей в многопоколенной семье. Воспроизводство и формирование традиций, а также сохранение традиционных ценностей в многопоколенной семье, как считают эксперты, безусловно осуществляется, но ограничено в силу объективных причин: «Сегодня, в наш скоростной век, формируются новые традиции в семьях, будут ли они передаваться из поколения в поколение или будут быстротечны и сменяются новыми, не ясно. Но сохранение традиционных семейных ценностей должно быть во все времена и не важно, нуклеарная или многопоколенная семья». Также озвучивалось мнение, что традиционные семейные ценности могут формироваться и транслироваться не только в многопоколенных семьях: «Мы не можем утверждать, что многопоколенные семьи – это главная платформа сохранения или развития ценностей традиционных. Это не зависит от поколения».

Вывод. Итак, эксперты не отводят многопоколенной семье ключевую роль в формировании и трансляции традиционных семейных ценностей.

Об инициаторах межпоколенной коммуникации, многопоколенных отношений. Ключевым инициатором межпоколенной коммуникации в семьях выступают женщины, на что указало большинство опрошенных экспертов: «Это мама. Изначально все исходит от женщины. Она может не общаться с мужем, но она может общаться с его родителями и позволять общаться с ними детям. Или не позволять»; «Уверена, что

женщина – представительница среднего поколения. Женщина – хранительница очага, а очаг – это дом и семья».

Однако, если относительно пола экспертные мнения оказались солидарны, то в оценках принадлежности к поколению взгляды разделились: представители пра-родителей и родителей упоминались примерно в равной степени. Для бабушек и дедушек основными мотивами является потребность в общении: *«Я думаю, что старшее поколение. Потому что они, собственно, создали такую семью. Семья разрастается, им хочется, чтобы дети были рядом».* Родители же обладают большими возможностями и преимущественным правом решать судьбу своих детей: *«Инициатором создания многопоколенных семей чаще всего являются мама и папа. Они решают, жить ли большой семьей или перевезти родителей ближе к своему дому, чтобы была возможность их чаще навещать».* Один из экспертов констатировал ситуативность такого процесса: *«Чаще всего организующую либо, наоборот, деструктивную роль выполняют все-таки родители. В силу возраста, возможностей и здоровья. Если семья совсем разобщена, то чаще с инициативой выступает старшее поколение, когда пра-родители ищут в своих внуках утешение».*

Вывод. С учетом того, что основным инициатором межпоколенной коммуникации становятся женщины среднего поколения, нам представляется, что именно на них должны быть сконцентрированы усилия в рамках политики в сфере сохранения и укрепления института семьи.

О потребности в сохранении межпоколенных семей в современной России. Рассуждая о том, существует ли в настоящее время потребность в сохранении многопоколенной семьи, эксперты часто выражали скепсис: *«Безусловно. Как музейную редкость. Если, конечно, такие семьи проживают в мире и гармонии»; «Потребность есть. Но не факт, что этот тренд сохранится».* Вместе с тем были высказаны и более оптимистичные взгляды, с предложениями конкретных мероприятий. Так, для детей дошкольного возраста предлагалось проводить больше мероприятий, относящихся к людям старшего поколения: *«В детских учреждениях должно быть больше мероприятий, связанных с людьми старшего поколения. Если у нас день пожилого человека и 9 мая – то это ведь люди уже совсем пожилые. Но есть ведь более молодые бабушки и дедушки. Нужны совместные праздники, акции, конкурсы, фото...».*

Один из экспертов отметил, что сейчас государство прилагает усилия для активизации данного процесса: *«У нас это все начинало утрачиваться и сейчас, через СМИ и госполитику, возвращается эта тема. Долгое время было засилье материального над духовным. А многопоколенная семья – это все-таки духовные связи, и не важно, под одной крышей живет семья или под разными».* В то же время было высказано сомнение в правильности такой политики: *«К сожалению, раз она сама не осталась ценностью, то искусственно остановить этот процесс не получится».*

В качестве замены традиционной многопоколенной семьи озвучивались альтернативные форматы: *«В сельской местности в большей степени сохранились многопоколенные семьи, но и они не всегда проживают под одной крышей, чаще на одной улице или строят два дома на одном участке. В городе наблюдала аналогичные формы – родители и их дети с внуками живут в одном многоквартирном доме, иногда на одной площадке, говорят, что очень удобно и функционально».* Еще один эксперт заявил, что для передачи семейных ценностей многопоколенная семья не является обязательным условием: *«Если с*

детства заложены любовь и уважение, в том числе к старшим членам семьи, то связь поколений будет сопровождать этого ребенка в течение жизни, и он будет прививать ее в своей новой семье».

Вывод. Приведенные выше экспертные мнения позволяют говорить о том, что в «классическом» виде многопоколенная семья свою актуальность потеряла, а функции, которые она выполняла в прошлом, успешно реализуются другими институтами. В то же время связь поколений как ценность остается востребованной, и современные семьи ищут свои способы ее реализации.

Способствует ли многопоколенность семьи ее многодетности? По вопросу о взаимосвязи многопоколенности и многодетности семей мнения экспертов разошлись. Сторонники существования подобной связи полагают, что чем больше семья, тем больше уверенности в будущем детей: *«Если говорить про «здоровую» многодетную семью, там, где связи со старшим поколением не нарушены, у них сохранится устойчивость и стабильность».*

Придерживающиеся противоположного мнения отмечают отсутствие в нынешних условиях связи многодетности с поддержкой старших поколений: *«Сейчас одного-двух детей в состоянии семья сама вырастить: есть машины, есть ясли, детсады. Государство помогает, выплачивая пособия. Многопоколенная семья никак не сможет решить демографическую проблему в России».*

Затруднившийся с ответом на этот вопрос эксперт считает, что многое зависит от самой семьи и моральной обстановки в ней, при этом подчеркивает редкость морально здоровых одновременно многодетных и многопоколенных семей: *«Почти все встреченные мной многодетные семьи – «нуклеарные», где бабушка и бабушка – просто добрые гости».*

Вывод. Следовательно, обозначенное экспертами отсутствие взаимосвязи многопоколенности и многодетности ограничивает возможности развития данного направления на государственном уровне как способа решения демографических проблем в стране.

Заключение

Подводя итог рассмотрению результатов проведенного исследования, отметим ряд выводов, которые мы сделали в привязке к поставленным задачам.

Во-первых, традиционные семейные ценности остаются важнейшим каркасом современного российского общества. Значительная часть усилий ключевых социальных институтов направлена на их формирование и трансляцию. В то же время остается нереализованным институциональный потенциал, который может быть использован после того, как в государственной политике будут учтены современные социально-экономические, политические, духовные и технологические тенденции, а также исторические особенности, повлиявшие на общественные установки. Государство прилагает большие усилия в данном направлении, однако, как нам представляется, акцент должен быть сделан не на массовости и масштабности политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей, а на «точечности» и учете особенностей локальных социумов.

Во-вторых, можно констатировать, что многопоколенная семья в традиционном виде утратила свои первоначальные функции, хотя сама ценность

многопоколенности остается для российского общества актуальной. Исследование показало, что сегодня такие семьи не стоит рассматривать как основной канал формирования и трансляции традиционных семейных ценностей. Гораздо эффективнее здесь справляются основные социальные институты, но при условии, что государство уделяет этому соответствующее внимание. В то же время ценность многопоколенной семьи имеет место быть и связана она с более полной первичной социализацией подрастающего поколения, созданием комфортной эмоционально-психологической атмосферы в семьях. В данной связи требуется пересмотр рассматриваемого понятия с учетом современных реалий, в том числе касающихся стремления к раздельному проживанию нуклеарной ячейки от старших поколений, а также возможностей, предоставляемых современными информационными технологиями. Важно иметь четкое представление относительно всех преимуществ и недостатков многопоколенного формата жизнедеятельности семьи для ее различных членов: детей (с учетом возрастных групп), родителей, прародителей. Необходимо понимать структуру коммуникации в таких семьях, связующие звенья, их интересы и многое другое.

В-третьих, понимание потенциала и ограничений влияния многопоколенного формата проживания семей позволит оценить перспективы многопоколенной семьи в России нынешней и необходимость государственной политики по ее сохранению. Это актуализирует проведение серьезных научных исследований рассматриваемой проблематики.

В заключение подчеркнем, что проведенное исследование носит предварительный характер, полученная информация не является репрезентативной, а сформулированные выводы имеют значение гипотез. Нами продемонстрированы взгляды экспертов – людей, хорошо знакомых с семейной проблематикой; эти взгляды в том или ином виде и объеме представлены в современном российском социуме. Очевидно, что для формулирования выводов, на которые можно было бы опираться при принятии управленческих решений, требуется более глубокое изучение проблем с использованием методического арсенала широкого спектра: опросов, фокус-групп, экспертных интервью на более представительной выборке, что и реализует в настоящее время авторский коллектив.

Список литературы

1. *Лотова, И. П.* Системный подход к изучению семейных ценностей в современном российском обществе // Статистика и экономика. 2015. № 5. С. 62–66. EDN [UXWENR](#).
2. *Дементьева, И. Ф.* Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2004. № 1 (6–7). С. 150–160. EDN [HRREFJ](#).
3. *Русецка, А. М.* Формирование культурных ценностей у ребенка в польской семье : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.02 / Русецка Ада Мария ; Российский государственный социальный университет, Москва, 2005. 42 с.
4. *Акутина, С. П.* К проблеме классификации семейных духовно-нравственных ценностей // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 94. С. 9–15. EDN [JWSRET](#).
5. *Рейтер, К. А.* Современная российская семья как транслятор культурных ценностей : автореферат дисс. ... канд. филос. Наук : 24.00.01 / Рейтер Кирилл Александрович ; Волгоградский государственный медицинский университет, Волгоград, 2005. 23 с. EDN [NIGTNZ](#).

6. Sun, Y. Inheritance of Traditional Family Values: A Comparative Study of Family Ancestral Shrines and Related Paintings of Lee Family / Y. Sun, H. Lo, J. Cao, R. Lin // Sustainability. 2022. Vol. 14, No. 12. Article 7188. DOI [10.3390/su14127188](https://doi.org/10.3390/su14127188).

7. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седельника и Н. Федоровой; Послесл. А. Филиппова. Москва: Прогресс-Традиция. 2000. 384 с. ISBN 5-89826-059-5.

8. Трофимова, И. Н. «Мегаполис» и «глубинка» как модели ценностных ориентаций и политических установок россиян // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 3 (07). С. 60–78. EDN [SNLJBR](https://elibrary.ru/snljbr).

9. Задворнова, Ю. С. Дифференциация домашнего труда в российской семье: гендерные стереотипы и современные тенденции // Женщина в российском обществе. 2014. № 1 (70). С. 51–58. EDN [RYLFJN](https://elibrary.ru/rylfjn).

10. Клименко, Л. В. Семья в поликультурном пространстве Юга России: этногендерное измерение // Женщина в российском обществе. 2021. № 3. С. 99–116. DOI [10.21064/WinRS.2021.3.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.8). EDN [CVAEEV](https://elibrary.ru/cvaeev).

11. Климовицкий, С. В. Цифровое неравенство и его социальные последствия / С. В. Климовицкий, Г. В. Осипов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 2. С. 47–51. DOI [10.23672/SAE.2019.2.26689](https://doi.org/10.23672/SAE.2019.2.26689). EDN [ZASHNJ](https://elibrary.ru/zashnj).

12. Кабайкина, О. В. Трансформация роли женщины в современном обществе: в семье и на работе / О. В. Кабайкина, О. А. Сущенко // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2017. № 3. С. 140–155. EDN [ZIVXRF](https://elibrary.ru/zivxrf).

13. Стародубровская, И. В. Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. № 1. С. 39–56. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56). EDN [YOWMMF](https://elibrary.ru/yowmmf).

14. Медков, В. М. Семья / В. М. Медков, А. И. Антонов. Социологическая энциклопедия: в 2 т. Национальный общественно-научный фонд, Руководитель научного проекта Г. Ю. Семигин; главный редактор В. Н. Иванов. Москва: Мысль. 2003. Т. 2. С. 394–396. ISBN 5-244-01017-4.

15. Цветкова, Н. А. Псковская область. Традиции русской семьи // Традиционные ценности семей народов России: атлас / Под ред. Г. И. Климантовой, Е. Ф. Лаховой. Москва: Квант Медиа, 2023. С. 58–68.

16. Тарасова, Е. О. Положительные и негативные аспекты проживания в многопоколенных семьях // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 64–74. DOI [10.15593/2224-9354/2020.1.5](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.5). EDN [NGENCZ](https://elibrary.ru/ngencz).

17. Лобода, П. Е. Междисциплинарное исследование влияния пандемии COVID-19 на институты семьи и брака / П. Е. Лобода, Р. О. Прокудина // Социодинамика. 2022. № 6. С. 37–46. DOI [10.25136/2409-7144.2022.6.35580](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.6.35580). EDN [YCLLYVI](https://elibrary.ru/ycllyvi).

Сведения об авторах

Мехришвили Ламара Ленгизовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой гуманитарных наук и технологий, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: mehrishvilil@tyuiu.ru; ORCID ID: [0000-0001-8144-3652](https://orcid.org/0000-0001-8144-3652); РИНЦ SPIN-код: [9893-9080](https://elibrary.ru/9893-9080); Web of Science Researcher ID: [GLO-9744-2022](https://orcid.org/GLO-9744-2022); Scopus Author ID: [59254688700](https://orcid.org/59254688700).

Ткачева Нина Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: sever626@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7545-6358](https://orcid.org/0000-0002-7545-6358); РИНЦ SPIN-код: [2237-8134](https://elibrary.ru/2237-8134); Web of Science Researcher ID: [AFG-3775-2022](https://orcid.org/AFG-3775-2022); Scopus Author ID: [57205070564](https://orcid.org/57205070564).

Юдашкин Валентин Андреевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, Тюмень, Россия.

Контактная информация: e-mail: wavyu@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-3484-8467](https://orcid.org/0000-0003-3484-8467); РИНЦ SPIN-код: [7210-0720](https://elibrary.ru/7210-0720); Scopus Author ID: [59254397500](https://orcid.org/59254397500).

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках реализации государственного задания Минобрнауки России в сфере науки по проекту «Традиционные ценности как фактор репродуктивных установок и социально-демографического поведения семей: региональный аспект» (№ FEWN-2023-0010).

Статья поступила в редакцию 25.06.2024; принята в печать 26.08.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

FORMATION AND TRANSMISSION OF TRADITIONAL VALUES IN A MODERN MULTIGENERATION FAMILY IN RUSSIA

Lamara L. Mehrishvili

Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia
E-mail: mehrishvilill@tyuiu.ru

Nina A. Tkacheva

Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia
E-mail: sever626@mail.ru

Valentin A. Yudashkin

West Siberian Branch of the FCTAS RAS, Tyumen, Russia
E-mail: wayu@mail.ru

For citation: Mehrishvili, Lamara L. Formation and Transmission of Traditional Values in a Modern Multigeneration Family in Russia / L. L. Mehrishvili, N. A. Tkacheva, V. A. Yudashkin. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 6–23. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.1](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.1).

Abstract. The purpose of the article is to discuss ideas about traditional family values that determine the sociocultural appearance of the modern Russian family and the style of intrafamily relations; about the influence of social institutions on the formation of these values, about the role of sociocultural channels of their transmission in the everyday life of families, including multigenerational ones. In the scientific literature, there is uncertainty in the interpretation of the content and scope of the concepts of “traditional family values” and “multi-generation family”, ambiguity in approaches to studying the structure of family values and methods of transmitting them to new generations. This reduces the effectiveness of scientific research against the background of the current significant increase in the activity of government policy to ensure the dominance of traditional values in the public consciousness, including in the sphere of family life. The article examines the features of a multigenerational family that localizes the direct communication of its members, which are significant for understanding the specifics of the processes of formation and transmission of traditional values in it, including those caused by the modern digitalization of communication. The study of expert opinion, which is of a reconnaissance nature, made it possible, firstly, to identify the institutional nature of traditional family values that unite close relatives for the sustainable functioning of the family community; secondly, to make the assumption that the reasons for the weakening influence of these values in family relationships are associated with a long period and significant amount of anomie in society, with the processes of secularization and digitalization, as well as with the gradual loss of the significance of the multigenerational family in its traditional form as a single household consisting from three or more generations; thirdly, to conclude that the undoubted socializing potential of a multigenerational family requires its transfer to the center of state family policy, as well as conducting in-depth scientific research into modern social problems of this type of family.

Keywords: traditional family values, social institution, multigenerational family, communication, digitalization, expert survey

References

1. Lotova, I. P. A Systematic Approach to the Study of Family Values in the Modern Russian Society. *Statistics and Economics*. No. 5. Pp. 62–66. (In Russ.).
2. Dementieva, I. F. Social Value Transformation in the Contemporary Russian Family. *RUDN Journal of Sociology*. 2004. No. 1 (6–7). Pp. 150–160. (In Russ.).
3. Rusetska, A. M. *Formirovanie kul'turnykh tsennostej u rebenka v pol'skoj sem'e* [Formation of cultural values in a child in a Polish family], abstract of a thesis ... Doctor of pedagogical sciences : 13.00.02 / Rusetska Ada Maria ; Russian State Social University, Moscow, 2005. 42 p. (In Russ.).
4. Akutina, S. P. On the Problem of Moral and Ethical Family Values Classification. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities and Science*. No. 94. P. 9–15. (In Russ.).

5. Reiter, K. A. *Sovremennaiia rossijskaia sem'ia kak transliator kul'turnykh tsennostej* [Modern Russian family as a transmitter of cultural values], abstract of a thesis ... Candidate of philosophical sciences : 24.00.01 / Reiter Kirill Aleksandrovich ; Volgograd State Medical University, Volgograd, 2005. 23 p. (In Russ.).
6. Sun, Y. Inheritance of Traditional Family Values: A Comparative Study of Family Ancestral Shrines and Related Paintings of Lee Family / Y. Sun, H. Lo, J. Cao, R. Lin // *Sustainability*. 2022. Vol. 14, No. 12. Article 7188. DOI [10.3390/su14127188](https://doi.org/10.3390/su14127188).
7. Bek, U. *Obshchestvo riska. Na puti k drugomu modernu* [Risk Society. On the way to another modernity], Translated from German by V. Sedelnik and N. Fedorova. Afterword by A. Filippov. Moscow : Progress-Traditsiya Publishing House. 384 p. ISBN 5-89826-059-5. (In Russ.).
8. Trofimova, I. N. "Megalopolis" and "Remote Place" as Models of Value Orientations and Political Attitudes of Russians. *Sociological Science and Social Practice*. 2014. No. 3 (07). P. 60–78. (In Russ.).
9. Zadvornova, Iu. S. Differentiation of Housework in the Russian Family: Gender Stereotypes and Modern Trends. *Woman in Russian Society*. No. 1 (70). Pp. 51–58. (In Russ.).
10. Klimenko, L. V. Family in the Multicultural Space of the South of Russia: Gendering Ethnography. *Woman in Russian Society*. No. 3. Pp. 99–116. DOI [10.21064/WinRS.2021.3.8](https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.3.8). (In Russ.).
11. Klimovitsky, S. V. Digital Inequality and its Social Consequences / S. V. Klimovitsky, G. V. Osipov. *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2019. No. 2. P. 47–51. DOI [10.23672/SAE.2019.2.26689](https://doi.org/10.23672/SAE.2019.2.26689). (In Russ.).
12. Kabaikina, O. V. Transformation of the Role of Women in Modern Society: In the Family and at Workplace / O. V. Kabaikina, O. A. Sushchenko. *Bulletin of Moscow University. Series 18. Sociology And Political Science*. 2017. No. 3. Pp. 140–155. (In Russ.).
13. Starodubrovskaya, I. V. The Crisis of the Traditional Northcaucasian Family in the Post-Soviet Period and its Social Consequences. *Journal of Social Policy Research*. 2019. No. 1. P. 39–56. DOI [10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56](https://doi.org/10.17323/727-0634-2019-17-1-39-56). (In Russ.).
14. Medkov, V. M. Sem'ia [Family] / V. M. Medkov, A. I. Antonov. In : *Sotsiologicheskaja entsiklopedia* [Sociological Encyclopedia] : In 2 vol. Science project by G. Iu. Semigin ; Ed. by V. N. Ivanov. Vol. 2. Moscow : Mysl' Publishing House, 2003. Pp. 394–396. ISBN 5-244-01017-4. (In Russ.).
15. Tsvetkova, N. A. Pskovskaia oblast'. Traditsii russkoj sem'i [Pskov region. Traditions of the Russian family]. In : *Traditsionnye tsennosti semej narodov Rossii* [Traditional values of the family of the peoples of Russia]. Atlas. Ed. by G. I. Klimantova, E. F. Lakhova. Moscow : Kvant Media Publishing House, 2023. Pp. 58–69. (In Russ.).
16. Tarasova, E. O. Positive and Negative Aspects of Living in Multigenerational Families. *PNRPU Sociology and Economics Bulletin*. 2020. No. 1. Pp. 64–74. DOI [10.15593/2224-9354/2020.1.5](https://doi.org/10.15593/2224-9354/2020.1.5). (In Russ.).
17. Loboda, P. E. Interdisciplinary Study of the Impact of the Covid-19 Pandemic on Family and Marriage Institutions / P. E. Loboda, R. O. Prokudina. *Sotsiodinamika*. 2022. No. 6. Pp. 37–46. DOI [10.25136/2409-7144.2022.6.35580](https://doi.org/10.25136/2409-7144.2022.6.35580). (In Russ.).

Bio notes

Lamara L. Mehrishvili, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Humanities and Technology, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: mehrishvilill@tyuiu.ru; ORCID ID: [0000-0001-8144-3652](https://orcid.org/0000-0001-8144-3652); РИНЦ SPIN-код: [9893-9080](https://elibrary.ru/9893-9080); Web of Science Researcher ID: [G10-9744-2022](https://orcid.org/G10-9744-2022); Scopus Author ID: [59254688700](https://orcid.org/59254688700).

Nina A. Tkacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Tyumen Industrial University, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: sever626@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-7545-6358](https://orcid.org/0000-0002-7545-6358); РИНЦ SPIN-код: [2237-8134](https://elibrary.ru/2237-8134); Web of Science Researcher ID: [AFG-3775-2022](https://orcid.org/AFG-3775-2022); Scopus Author ID: [57205070564](https://orcid.org/57205070564).

Valentin A. Yudashkin, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, West Siberian Branch of the FCTAS RAS, Tyumen, Russia.

Contact information: e-mail: wavyu@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-3484-8467](https://orcid.org/0000-0003-3484-8467); РИНЦ SPIN-код: [7210-0720](https://elibrary.ru/7210-0720); Scopus Author ID: [59254397500](https://orcid.org/59254397500).

Acknowledgements and financing

The article was prepared as part of the implementation of the state task of the Russian Ministry of Education and Science in the field of science under the project «Traditional values as a factor in reproductive attitudes and socio-demographic behavior of families: regional aspect» (No. FEWN-2023-0010).

Received on 25.06.2024; accepted for publication on 26.08.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.2)

EDN [COSIDA](https://cosida.org/)

ЭТНИЧЕСКАЯ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ РОЖДАЕМОСТИ В СТОЛИЧНОМ МЕГАПОЛИСЕ

Архангельский В. Н.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;

НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия

E-mail: archangelsky@yandex.ru

Для цитирования: *Архангельский, В. Н. Этническая и образовательная дифференциация рождаемости в столичном мегаполисе // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 24–36. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.2). EDN [COSIDA](https://cosida.org/).*

Аннотация. В статье анализируются различия в показателях рождаемости у жительниц Москвы различной национальности и с разным уровнем образования. Анализ основан на данных переписи населения 2020 г. по ответам на вопрос о числе рожденных детей. Этнические различия рассматриваются дифференцированно по очередности рождения. В наибольшей мере они проявились по доле родивших третьего ребенка среди родивших второго. Среди наиболее многочисленных национальностей в столице наименьшее среднее число рожденных детей у русских, белорусов, украинцев и евреев. С другой стороны, у киргизов и чеченцев этот показатель превышает 2,0 даже у тех женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 35–39 лет. Анализ образовательных различий в среднем числе рожденных детей в реальных поколениях женщин показал, что в Москве, в отличие от России в целом, у женщин с высшим профессиональным образованием имеет место наибольшая, а не наименьшая величина данного показателя. Выявление причин этого предполагает проведение дополнительных исследований, но в любом случае такие данные ставят под сомнение тезис о неизбежности более низкой рождаемости у женщин с высшим образованием.

Ключевые слова: *рождаемость, реальные поколения, очередность рождения, национальность, уровень образования, Москва*

Введение

В статье анализируются различия в уровне рождаемости (по данным переписи населения 2020 г.) у женщин различной национальности и разного уровня образования в Москве.

Изучение этнических особенностей рождаемости в нашей стране имеет давние традиции. Прежде всего, речь идет о работах В. И. Козлова [1] и Г. А. Бондарской [2].

Анализ межнациональных различий в среднем числе рожденных детей в Москве представляется актуальным как с точки зрения факторов рождаемости, так и с позиций возможного постепенного изменения этнического состава населения столицы как следствия разного уровня рождаемости женщин различных национальностей. В этой связи нужно упомянуть статьи Г. И. Осадчей [3; 4] и А. В. Носковой [5; 6].

На этнические различия рождаемости в мегаполисах обращают внимание не только демографы и социологи, но и генетики [7; 8].

Зарубежные исследования этнических различий в уровне рождаемости в крупных городах и столичных мегаполисах в основном относятся к США [9; 10].

В статье Y. Yang и S. P. Morgan подробно рассматриваются как этническая, так и образовательная дифференциация рождаемости в Соединенных Штатах Америки [10].

Различия в уровне рождаемости в зависимости от уровня образования анализируются во многих научных работах. Образовательная дифференциация рождаемости отмечается по результатам исследований, проведенных как в России [12; 13], так и за рубежом [14–16].

Целью настоящего исследования являются оценка и анализ различий показателей рождаемости в зависимости от национальности и от уровня образования в Москве.

Этническая дифференциация рождаемости

Данные переписей населения позволяют оценить различия в уровне рождаемости в зависимости от национальности женщин. При этом есть возможность проанализировать поколенческие изменения как в целом по всем рожденьям, так и дифференцированно по очередности рождения.

Среди жительниц российской столицы, которым при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, наименьшее среднее число рожденных детей у русских (1,36). В более молодых поколениях несколько меньше, чем у русских, данный показатель у белорусов, евреев и украинцев. Но пока трудно сказать, каким будет соотношение среднего числа рожденных детей у них к завершению репродуктивного периода (табл. 1).

У 40–44-летних женщин немного больше, чем у русских, среднее число рожденных детей у белорусов (1,38), украинцев (1,39) и евреев (1,42). Еще несколько больше оно у грузин (1,47).

У русских женщин в Москве среднее число рожденных детей снижалось в более старших поколениях и наименьшее оно у тех, кому при переписи населения в 2020 г. было 50–59 лет. У более молодых женщин оно несколько повышается. Похожие поколенческие изменения рождаемости имеют место у украинцев. У белорусов и евреев, после поколенческого снижения среднего числа рожденных детей, оно существенно возросло у женщин, которым при проведении переписи населения в 2020 г. было 45–49 лет. Однако у 40–44-летних женщин оно не выше, чем у тех, кто на 5 лет старше (как это имеет место у русских и украинцев), а значительно ниже. А среди тех, кому при переписи населения в 2020 г. было 35–39 лет и 30–34 года, у белорусов и евреев оно меньше, чем у русских и украинцев. У грузинских женщин, после увеличения среднего числа рожденных детей в поколениях 45–54-летних женщин, оно намного меньше у тех, кому при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года.

Схожие с русскими и украинцами поколенческие изменения среднего числа рожденных детей присутствуют у татар. В то же время, если в поколениях женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 45–54 года, этот показатель у них ниже, чем у грузин, то у 40–44-летних (1,58) и более молодых женщин, наоборот, выше.

Немного больше, чем у татар, среднее число рожденных детей у армян (у женщин, которым при переписи населения 2020 г. было 40–44 года – 1,66). Еще

несколько больше оно у узбеков (1,77). В более молодых поколениях у них среднее число рожденных детей выше: у женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 55–64 года, оно составляет 1,61–1,62; 40–54 года – 1,76–1,79. Впрочем, следует иметь в виду, что по национальностям, представители которых активно мигрируют в Москву, межпоколенческое сравнение показателей рождаемости может быть не вполне корректным. Дело в том, что соотношение численности давно живущих (и даже, возможно, родившихся в столице) и сравнительно недавно мигрировавших женщин той или иной национальности может существенно различаться между поколениями, причем у них может различаться репродуктивное поведение и число рожденных детей.

Таблица 1

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин разных национальностей в Москве

Table 1

Average number of children born in real generations of women of different nationalities in Moscow

Национальность ¹	Возраст (лет)									
	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и более
Русские	0,46	0,92	1,23	1,36	1,34	1,30	1,30	1,35	1,35	1,32
Белорусы	0,47	0,81	1,16	1,38	1,49	1,43	1,45	1,48	1,45	1,52
Украинцы	0,45	0,86	1,22	1,39	1,36	1,37	1,41	1,40	1,45	1,48
Евреи	0,47	0,81	1,13	1,42	1,48	1,30	1,31	1,38	1,32	1,34
Грузины	0,55	0,98	1,33	1,47	1,57	1,58	1,47	1,45	1,51	1,51
Татары	0,48	1,05	1,45	1,58	1,51	1,50	1,51	1,56	1,59	1,61
Армяне	0,55	1,08	1,45	1,66	1,67	1,66	1,70	1,61	1,60	1,67
Узбеки	0,97	1,42	1,65	1,77	1,76	1,79	1,62	1,61	1,53	1,59
Азербайджанцы	0,84	1,36	1,74	1,95	1,95	1,81	1,82	1,78	1,57	1,48
Таджики	1,18	1,67	1,91	2,01	1,81	2,06	1,89	2,06	2,01	1,90
Киргизы	1,12	1,66	2,11	2,11	2,02	2,11	1,85	1,67	1,56	1,75
Чеченцы	0,85	1,57	2,02	2,43	2,20	2,26	2,11	2,21	2,11	1,99

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.²

Это может влиять на относительно большее среднее число рожденных как у узбеков в поколениях женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 40–54 года (у 35–39-летних показатель на 0,12 меньше, чем у 40–44-летних, но может и значительно возрасти до конца репродуктивного периода), так и у азербайджанцев в поколениях, которым в 2020 г. было 40–49 лет. У них среднее число рожденных детей составляет 1,95, тогда как в более старших поколениях женщин не превышает 1,82.

Несколько выше данный показатель у таджиков (у 40–44-летних женщин – 2,01) и еще выше у киргизов, у которых среднее число рожденных детей составляет

¹ Здесь и далее в таблицах национальности даны в порядке возрастания среднего числа рожденных детей у женщин в возрасте 40–44 года.

² Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 05.06.2024).

2,11 не только у тех, кому при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, но и у тех, кто на 5 лет моложе (понятно, что до конца репродуктивного периода этот показатель у них еще заметно возрастет).

Среди наиболее многочисленных национальностей в Москве, по которым есть разработка данных переписи населения 2020 г. о числе рожденных детей, наибольшая средняя величина такого показателя у женщин, которым в 2020 г. было 40–44 года и более, у чеченцев. У 40–44-летних женщин она составляет 2,43 (табл. 1).

Среднее число рожденных детей у русских женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, в столице на 0,22 меньше, чем в целом по России. Примерно такая же разница у белорусов (0,20), армян (0,23), азербайджанцев (0,23) и украинцев (0,26). Немного меньше она у грузин (0,16) и татар (0,17). Существенно больше разница в величине данного показателя между жительницами Москвы и в целом по России у чеченцев (0,37) и киргизов (0,39). Еще несколько больше она у узбеков (0,44) и наиболее значительная у таджиков (0,66). С другой стороны, у евреев среднее число рожденных детей у 40–44-летних женщин в Москве лишь на 0,08 меньше, чем по России в целом.

Если среднее число рожденных детей у женщин, которым при проведении переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, в Москве наименьшее у русских, белорусов и украинцев, то среднее число первых рождений (или доля родивших хотя бы одного ребенка) у евреев (0,77) и грузин (0,79) (табл. 2).

Таблица 2

Среднее число первых рождений детей в реальных поколениях женщин разных национальностей в Москве

Table 2

Average number of first births of children in real generations of women of different nationalities in Moscow

Национальность	Возраст (лет)									
	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и более
Евреи	0,30	0,51	0,65	0,77	0,84	0,83	0,85	0,87	0,86	0,87
Грузины	0,38	0,56	0,71	0,79	0,85	0,85	0,86	0,87	0,87	0,87
Русские	0,35	0,62	0,76	0,82	0,84	0,85	0,87	0,88	0,88	0,87
Белорусы	0,37	0,58	0,75	0,83	0,88	0,90	0,90	0,91	0,92	0,93
Украинцы	0,34	0,62	0,75	0,83	0,84	0,88	0,88	0,88	0,90	0,91
Узбеки	0,56	0,75	0,81	0,84	0,86	0,85	0,84	0,87	0,83	0,87
Армяне	0,35	0,62	0,76	0,85	0,86	0,89	0,90	0,87	0,91	0,90
Татары	0,35	0,65	0,81	0,87	0,88	0,90	0,91	0,92	0,92	0,92
Чеченцы	0,44	0,71	0,79	0,88	0,85	0,87	0,89	0,96	0,92	0,91
Азербайджанцы	0,48	0,70	0,82	0,88	0,90	0,90	0,90	0,90	0,87	0,87
Таджики	0,61	0,78	0,83	0,88	0,84	0,85	0,88	0,92	0,91	0,89
Киргизы	0,66	0,77	0,86	0,88	0,90	0,92	0,83	0,85	0,82	0,88

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.³

³ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 05.06.2024).

Этот показатель у них заметно меньше, чем у женщин, которые на 5 лет старше. Существенно более низкое, по сравнению с другими национальностями, среднее число первых рождений у евреев и грузин налицо и в более молодых поколениях женщин.

Примерно одинаковое среднее число первых рождений у русских (у 40–44-летних женщин – 0,82), белорусов (0,83) и украинцев (0,83). Немного больше оно у узбеков (0,84) и армян (0,85). Причем в отношении армян, вероятно, можно говорить о несколько большем снижении данного показателя в более молодых поколениях, в которых он на том же уровне, что у русских, украинцев и белорусов. Значительно снижается этот показатель и у татар. Среди женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, одинаковое среднее число первых рождений у чеченцев, азербайджанцев, таджиков и киргизов (по 0,88). У женщин, которым в 2020 г. было 35–39 лет, первые дети еще будут рождаться, но пока имеют место существенные различия между этими национальностями. С одной стороны, у чеченцев среднее число первых рождений составляет 0,79 (что даже меньше, чем у узбеков и татар), а, с другой стороны, у киргизов – 0,86 (всего на 0,02 меньше, чем у 40–44-летних) (табл. 2).

Отмеченные выше межнациональные различия в среднем числе рожденных детей у москвичек в большей мере связаны с показателями рождаемости по вторым и особенно по третьим рождениям. Анализируя их, важно исключить влияние среднего числа детей предыдущей очередности. В связи с чем используются показатели доли родивших второго и третьего ребенка среди родивших ребенка предыдущей очередности (табл. 3 и 4).

У русских и украинок в столице в поколении, которому при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, доля родивших второго ребенка среди родивших первого немного превышает половину: русские – 50,6%; украинки – 50,9% (табл. 3). Если у украинок, живущих в Москве, это имеет место и в поколениях, которым в 2020 г. было 55 лет и более, то у русских в более старших поколениях такой уровень данного показателя не достигался. У женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 35–39 лет, этот показатель немного меньше, но в оставшиеся годы репродуктивного периода второго ребенка они рожают с большей вероятностью, чем первого. Следовательно, итоговая доля родивших второго ребенка среди родивших первого в данном поколении будет выше, чем у тех, кто на 5 лет старше.

Среди 40–44-летних женщин несколько выше, чем у русских и украинцев, доля родивших второго ребенка среди родивших первого у белорусов (53,5%) и евреев (54,9%). Среди женщин остальных национальностей, по которым осуществлена разработка данных переписи населения 2020 г. о числе рожденных детей у жительниц Москвы, во всех поколениях, начиная с тех, кому было 30–34 года (кроме татар), до 65–69-летних доля родивших второго ребенка среди родивших первого не менее 50%, а у тех, кому в 2020 г. было 40–44 года, она превышает 60%. Свыше 70% она у 40–44-летних киргизов (71,5%) и азербайджанцев (78,5%), а более 80% – у чеченцев (82,4%). Даже у тех, кому при переписи населения в 2020 г. было 25–29 лет, у таджиков, узбеков, киргизов и азербайджанцев доля родивших второго ребенка среди родивших первого превышает 50% (у грузин и армян это имеет место, начиная с 30–34-летних), а у чеченцев – 60% (табл. 3).

Таблица 3

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого в реальных поколениях женщин разных национальностей в Москве (%)

Table 3

The share of women of different nationalities who gave birth to a second child among those who gave birth to their first child in real generations of women of different nationalities in Moscow (%)

Национальность ⁴	Возраст (лет)									
	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и более
Русские	26,9	39,1	48,8	50,6	46,5	42,3	42,3	45,2	44,8	41,7
Украинцы	25,6	35,3	49,7	50,9	49,0	46,8	50,5	52,6	52,3	50,9
Белорусы	25,3	36,1	45,6	53,5	54,7	47,8	52,1	54,5	50,9	52,4
Евреи	40,2	44,3	53,5	54,9	50,4	44,1	43,6	46,4	46,4	44,1
Татары	30,4	49,5	59,5	61,0	58,7	55,5	55,1	59,1	59,4	56,1
Грузины	35,7	54,5	60,1	63,2	59,9	60,8	54,3	53,0	56,5	49,6
Таджики	57,4	65,7	72,2	67,8	66,8	71,5	65,7	65,8	63,7	56,2
Узбеки	55,5	61,2	64,9	68,0	61,4	63,8	61,4	56,9	52,4	49,6
Армяне	44,6	56,1	65,7	68,4	69,6	66,5	69,2	64,7	57,4	58,4
Киргизы	52,9	68,8	75,6	71,5	65,8	70,8	70,6	60,0	56,9	58,4
Азербайджанцы	50,1	64,8	71,9	78,5	76,4	70,9	68,5	64,0	61,0	46,6
Чеченцы	61,7	69,7	77,7	82,4	75,4	79,0	67,9	65,7	63,5	60,1

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.⁵

Еще больше межнациональные различия в российской столице по доле родивших третьего ребенка среди родивших второго (табл. 4).

В поколении тех, кому при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, каждая пятая белоруска, родившая второго ребенка, родила и третьего. Среди русских и украинок в этом поколении таковых по 24,3%. Что выше, чем во всех более старших поколениях. То же имеет место у татар, евреев, азербайджанцев, киргизов и чеченцев.

Больше половины составляет доля родивших третьего ребенка среди родивших второго среди 40–44-летних женщин у таджиков, а более 60% – у киргизов и чеченцев. У таджиков и киргизов данный показатель превышает 50% даже у женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 30–34 года, а у чеченцев он почти близок к 50%.

Об относительно большем числе имеющих трех и более детей среди мигрантов по сравнению с москвичами и жителями Подмосковья пишут, ссылаясь на результаты исследования репродуктивного поведения, Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина и А. А. Кочербаева [17].

⁴ Национальности ранжированы в порядке возрастания доли родивших второго ребенка среди родивших первого у женщин в возрасте 40–44 года.

⁵ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladienie_yazykami (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 4

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго в реальных поколениях женщин разных национальностей в Москве (%)

Table 4

The share of women of different nationalities who gave birth to a third child among those who gave birth to a second child in real generations of women of different nationalities in Moscow (%)

Национальность	Возраст, лет									
	25–29	30–34	35–39	40–44	45–49	50–54	55–59	60–64	65–69	70 и более
Белорусы	13,6	7,6	18,1	20,1	20,6	17,4	13,3	11,9	12,9	15,8
Русские	15,0	18,2	22,3	24,3	21,4	17,6	14,2	13,7	14,0	17,2
Украинцы	12,3	13,5	23,9	24,3	19,8	15,0	15,1	10,5	14,6	16,9
Татары	14,3	19,6	25,4	27,9	19,1	16,2	15,4	15,6	17,9	22,3
Грузины	27,3	28,7	33,0	29,3	31,3	29,3	24,0	20,1	24,1	29,4
Армяне	22,3	24,5	28,8	32,8	28,3	26,5	24,3	25,3	24,0	33,4
Евреи	27,5	25,0	25,3	34,3	28,7	22,1	17,0	16,6	13,8	15,6
Азербайджанцы	34,9	34,2	44,0	43,5	39,9	33,4	36,1	35,3	26,4	37,1
Узбеки	25,2	33,1	42,5	44,1	47,8	44,9	33,7	32,8	43,2	39,5
Таджики	46,0	50,2	52,2	52,1	47,8	56,0	47,1	48,8	44,4	44,0
Киргизы	25,4	50,2	59,3	60,8	57,3	52,7	48,0	43,1	26,8	34,2
Чеченцы	41,5	49,7	57,9	62,1	59,3	60,8	58,2	57,8	51,9	45,3

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.⁶

Образовательная дифференциация рождаемости

Данные переписи населения позволяют оценить различия в уровне рождаемости в зависимости не только от национальности, но и от уровня образования (табл. 5).

Различия в среднем числе рожденных детей у жительниц столицы в зависимости от уровня образования сравнительно невелики. Существенно более низкой величиной такого показателя почти во всех поколениях отличаются женщины с основным общим образованием. У женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, среднее число рожденных детей составляет 1,13. На показателях у женщин с начальным и более низким уровнем образования не следует, видимо, акцентировать внимание из-за относительной малочисленности и вероятной специфичности самой группы.

В поколении, которому при проведении переписи населения в 2020 г. было 40–44 года, наибольшее среднее число рожденных детей у женщин с высшим профессиональным образованием (1,39). То же имеет место и в соседних возрастных группах (35–39, 45–49 и 50–54 года). Эта ситуация специфична для Москвы. В целом по России у городского населения, наоборот, у женщин с высшим образованием наименьшее среднее число рожденных детей. Здесь заметим, что некоторые данные социологических исследований репродуктивного поведения жительниц Москвы, напротив, показывают меньшее число рожденных детей у женщин с высшим образованием [18].

⁶ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 05.06.2024).

Немного ниже данный показатель у 40–44-летних женщин, относящихся к кадрам высшей квалификации (1,36). Еще несколько меньше в этом поколении среднее число рожденных детей у имеющих неполное высшее (1,33), среднее профессиональное (1,32) и среднее общее (1,31) образование (табл. 5).

Таблица 5

Среднее число рожденных детей в реальных поколениях женщин с разным уровнем образования в Москве

Table 5

Average number of children born in real generations of women with different levels of education in Moscow

Уровень образования	Возраст (лет)										
	20-24	25-29	30-34	35-39	40-44	45-49	50-54	55-59	60-64	65-69	70 и более
Кадры высшей квалификации	0,43	0,41	0,85	1,21	1,36	1,33	1,28	1,27	1,30	1,31	1,29
Высшее профессиональное	0,12	0,40	0,89	1,24	1,39	1,37	1,32	1,31	1,35	1,35	1,29
Неполное высшее профессиональное	0,21	0,53	0,92	1,18	1,33	1,30	1,28	1,27	1,30	1,31	1,28
Среднее профессиональное	0,20	0,58	0,94	1,19	1,32	1,32	1,30	1,32	1,38	1,36	1,33
Среднее общее	0,08	0,58	0,96	1,23	1,31	1,30	1,26	1,29	1,33	1,33	1,34
Основное общее	0,12	0,47	0,76	1,02	1,13	1,08	1,10	1,09	1,14	1,14	1,26
Начальное и ниже	0,23	0,83	1,35	1,46	1,38	1,11	1,11	0,98	1,03	1,24	1,42

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.⁷

Разработанные и представленные на сайте Росстата результаты переписи населения 2020 г. о числе рожденных детей у женщин с разным уровнем образования показывают только среднее число рожденных детей и не содержат информации о распределении женщин по числу рожденных детей. Соответственно, на их основе нельзя рассчитать средние числа рожденных детей по очередности рождения и основанные на них доли родивших ребенка той или иной очередности рождения среди родивших ребенка предыдущей очередности.

Однако итоговые таблицы переписи населения 2020 г. содержат информацию о распределении женщин по уровню образования и числу рожденных детей по наиболее многочисленным национальностям. Суммированием этих данных по национальностям для каждого уровня образования можно получить сводные показатели в целом по Москве. Так как в разработке выделены не все, а только наиболее многочисленные национальности, полученное таким расчетным путем среднее число рожденных детей у женщин с разным уровнем образования несколько отличается от официальных данных по Москве в целом, но представляется, что различия сравнительно небольшие. Таким образом, по всем женщинам оно составляет 0,009, по группам с различным уровнем образования – от 0,004, у женщин с высшим уровнем образования до 0,019, у женщин с образованием начальным и ниже (если не учитывать эту группу), то до 0,013 у женщин со средним профессиональным образованием) (табл. 6).

⁷ Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 6

**Среднее число рожденных детей у женщин с разным уровнем образования
в Москве**

Table 6

**Average number of children born to women with different levels of education
in Moscow**

Источник данных	Все женщины	Имеющие уровень образования:						
		кадры высшей квалификации	высшее профессиональное	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное	среднее общее	основное общее	начальное и ниже
Итоговые данные переписи населения	1,134	1,234	1,158	1,116	1,234	0,901	0,773	0,777
Результат расчета (сумма данных для наиболее многочисленных национальностей)	1,143	1,228	1,162	1,124	1,247	0,907	0,785	0,796
Разница	-0,009	0,006	-0,004	-0,008	-0,013	-0,006	-0,012	-0,019

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.⁸

Использование таких расчетных показателей числа рожденных детей дает возможность проанализировать имеющиеся различия в зависимости от уровня образования дифференцированно по очередности рождения. Но эти данные не могут быть рассчитаны по возрастным группам (только для всех женщин в возрасте 15 лет и старше), причем следует иметь в виду, что возрастной состав женщин с разным уровнем образования несколько различается, что, конечно, может влиять на величину показателей.

Наибольшее среднее число первых рождений у женщин со средним профессиональным образованием (0,81) и кадров высшей квалификации (0,80). Несколько меньше оно у имеющих высшее и неполное высшее профессиональное образование. Значительно меньше среднее число первых рождений у женщин со средним общим и более низким уровнем образования (табл. 7). Что, возможно, в какой-то мере связано с их более молодым возрастным составом, чем у женщин с более высоким уровнем образования.

Доля родивших второго ребенка среди родивших первого сравнительно мало различается в зависимости от уровня образования женщин (несколько выше она лишь у имеющих начальное и более низкий уровень образования): от 43,4% у имеющих неполное высшее образование до 44,9% у имеющих высшее и среднее общее образование.

Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин с высшим профессиональным образованием (17,6%) наименьшая, а наибольшая она у имеющих основное общее образование (23,5%), начальное и более низкий уровень образования (24,3%).

⁸ Итоги ВПН-2020. Том 9 Рождаемость // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom9_Rozhdaemost (дата обращения: 05.06.2024).

Таблица 7

Среднее число первых рождений, доля родивших второго ребенка среди родивших первого и доля родивших третьего ребенка среди родивших второго у женщин с разным уровнем образования в Москве

Table 7

Average number of first births, the share of those who gave birth to a second child among those who gave birth to their first, and the share of those who gave birth to a third child among those who gave birth to their second among women with different levels of education in Moscow

Показатель	Все женщины	Имеющие уровень образования:						
		кадры высшей квалификации	высшее профессиональное	неполное высшее профессиональное	среднее профессиональное	среднее общее	основное общее	начальное и ниже
Среднее число первых рождений	0,74	0,80	0,75	0,72	0,81	0,57	0,49	0,48
Доля родивших второго ребенка среди родивших первого (%)	44,5	44,0	44,9	43,4	44,2	44,9	44,8	49,3
Доля родивших третьего ребенка среди родивших второго (%)	18,7	17,6	17,6	20,8	17,9	21,6	23,5	24,3

Источник: составлено автором по данным Всероссийской переписи населения 2020 г.⁹

Заключение

Анализ этнических различий в уровне рождаемости, основанный на данных переписи населения 2020 г., показал, что среди наиболее многочисленных национальностей в Москве наименьшее среднее число рожденных детей у русских, белорусов, украинцев и евреев. В то же время у киргизов и чеченцев этот показатель превышает 2,0 даже у тех женщин, которым при переписи населения в 2020 г. было 35–39 лет, т. е. в поколении, у которого до конца репродуктивного периода среднее число рожденных детей еще существенно возрастет.

В наибольшей степени межнациональные различия проявляются в доле родивших третьего ребенка среди родивших второго.

Как показали результаты переписи населения 2020 г., одной из демографических особенностей российской столицы является более высокое среднее число рожденных детей в реальных поколениях у женщин с высшим профессиональным образованием по сравнению с имеющими более низкий уровень образования. Вероятно, это связано с возможной спецификой Москвы, состоящей в том, что более высокий уровень образования в большей мере, чем в других регионах России, прямо связан с возможностью обеспечения лучшего экономического положения. Скорее всего, имеют место какие-либо другие причины такого соотношения показателей рождаемости у женщин с разным уровнем образования. В любом случае эти данные

⁹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 05.06.2024).

ставят под сомнение тезис о неизбежности более низкой рождаемости у женщин с высшим образованием.

Список литературы

1. Козлов, В. И. Этническая демография. Москва : Статистика, 1977. 240 с. EDN [ZXASNP](#).
2. Бондарская, Г. А. Рождаемость в СССР. Москва : Статистика, 1977. 128 с.
3. Осадчая, Г. И. Рождаемость как фактор изменения социально-этнической структуры столицы // Наука. Культура. Общество. 2011. № 1. С. 94–106. EDN [SJBXUO](#).
4. Осадчая, Г. И. Методология и методика социологического анализа этносоциального будущего Москвы // Социальная политика и социология. 2010. № 1 (55). С. 35–59. EDN [MTZWLF](#).
5. Носкова, А. В. Формирование этнического плюрализма в столичном мегаполисе: факторы, тенденции, противоречия // Вестник военного университета. 2007. № 1. С. 21–26. EDN [LGKJIP](#).
6. Носкова, А. В. Современные демографические тенденции и этнические процессы: специфика столичного мегаполиса // Социальная политика и социология. 2008. № 2. С. 109–117. EDN [JWFNHD](#).
7. Курбатова, О. Л. Изменчивость параметров естественного воспроизводства и индексов Кроу в этнических группах двух крупнейших мегаполисов России / О. Л. Курбатова, Е. Ю. Победносцева // Генетика. 2017. Т. 53, № 11. С. 1349–1359. EDN [ZSUGYB](#). DOI [10.7868/S0016675817110054](#).
8. Грачева, А. С. Генетико-демографический анализ параметров естественного воспроизводства и индексов Кроу в этнических группах Москвы и Санкт-Петербурга (по материалам Всероссийской переписи населения 2010 г.) / А. С. Грачева, И. Г. Удина, О. Л. Курбатова // Генетика. 2023. Т. 59, № 9. С. 1078–1089. EDN [WUIQEY](#). DOI [10.31857/S0016675823090059](#).
9. Browning, C. R. Racial Differences in Sexual and Fertility Attitudes in an Urban Setting / C. R. Browning, L. A. Burrington // Journal of Marriage and Family. 2006. Vol. 68, No. 1. Pp. 236–251. DOI [10.1111/j.1741-3737.2006.00244.x](#).
10. Sweeney, M. M. Race, Ethnicity, and Changing Context Childbearing in United States / M. M. Sweeney, R. K. Raley // Annual Review Sociology. 2014. Vol. 40, No. 1. Pp. 539–558. DOI [10.1146/annurev-soc-071913-043342](#).
11. Yang, Y. How Big are Educational and Racial Fertility Differentials in the US? / Y. Yang, S. P. Morgan // Social Biology. 2003. Vol. 50, No. 3–4. Pp. 167–187. DOI [10.1080/19485565.2003.9989070](#).
12. Архангельский, В. Н. Рождаемость у женщин с разным уровнем образования: текущее состояние и прогнозные сценарии / В. Н. Архангельский, Ю. В. Зинькина, С. Г. Шульгин // Народонаселение. 2019. Т. 22, № 1. С. 21–39. EDN [BRIUXB](#). DOI [10.24411/1561-7785-2019-00002](#).
13. Рябкова, С. А. Демографическая закономерность: зависимость уровня рождаемости от уровня образования / С. А. Рябкова, И. А. Мусихина, Н. В. Черепанина // Инновационные технологии в управлении. 2017. Выпуск 7. С. 198–202. EDN [ZCAAXJ](#).
14. Impicciatore, R. The Nexus Between Education and Fertility in Six European Countries / R. Impicciatore, F. Tomatis // Genus. 2020. No. 76. Article 35. DOI <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00104-4>.
15. Klesment, M. Varying Association Between Education and Second Births in Europe: Comparative Analysis Based on the EU-SILC Data / M. Klesment, A. Puur, L. Rahnu, L. Sakkeus // Demographic Research. 2014. Vol. 31, No. 1. Pp. 813–860. DOI [10.4054/DemRes.2014.31.27](#).
16. Impicciatore, R. The Impact of Education on Fertility in Italy. Changes Across Cohorts and South–North Differences / R. Impicciatore, G. D. Zuanna // Quality & Quantity. 2017. Vol. 51, No. 5. Pp. 2293–2317. DOI [10.1007/s11135-016-0388-0](#).
17. Осадчая, Г. И. Репродуктивное поведение мигрантов из стран Центральной Азии в Московской агломерации / Г. И. Осадчая, Т. Н. Юдина, А. А. Кочербаяева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. № 4. С. 78–91. EDN [OFLPIM](#). DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](#).
18. Малева, Т. М. Ловушка низкой рождаемости в Москве: высокообразованные бездетные? / Т. М. Малева, А. О. Тындик // Регион: экономика и социология. 2014. № 2 (82). С. 116–136. EDN [SMGPBR](#).

Сведения об авторе

Архангельский Владимир Николаевич, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ (Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: archangelsky@vandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-7091-9632](#); РИНЦ SPIN-код: [1472-3201](#); Web of Science Researcher ID: [T-4845-2017](#); Scopus Author ID: [57190431221](#).

Статья поступила в редакцию 15.06.2024; принята в печать 15.08.2024.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

ETHNIC AND EDUCATIONAL DIFFERENTIATION OF FERTILITY IN MOSCOW

Vladimir N. Arkhangelsky

Institute for Demographic Research FCTAS RAS;

Research Institute NIIQZMM, Moscow, Russia

E-mail: archangelsky@yandex.ru

For citation: Arkhangelsky, Vladimir N. Ethnic and Educational Differentiation of Fertility in Moscow. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 24–36. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.2](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.2).

Abstract. The article analyzes differences in fertility rates among Moscow residents of different nationalities and with different levels of education. The analysis is based on 2020 Census data on responses to the question on the number of children born. Ethnic differences are considered differentially according to birth order. They were most evident in the proportion of those who gave birth to a third child among those who gave birth to a second. Among the most numerous nationalities in Moscow, Russians, Belarusians, Ukrainians and Jews have the lowest average number of children born. On the other hand, among Kyrgyz and Chechens this indicator exceeds 2.0, even among those women who were 35–39 years old at the 2020 census. An analysis of educational differences in the average number of children born in real generations of women showed that in Moscow, unlike Russia as a whole, women with higher professional education have the largest, not the smallest, value of this indicator. Identifying the reasons for this requires additional research, but in any case, these data cast doubt on the thesis about the inevitability of lower fertility among women with higher education.

Keywords: fertility, real generations, birth order, nationality, level of education, Moscow

References

1. Kozlov, V. I. *Etnicheskaya demografiya [Ethnic demography]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1977. 240 p. (In Russ.).
2. Bondarskaya, G. A. *Rozhdaemost' v SSSR. [Fertility in the USSR]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1977. 128 p. (In Russ.).
3. Osadchaya, G. I. Birth Rate as a Factor of Socially-Ethnic Structure Change of Capital. *Science. Culture. Society*. 2011. No. 1. Pp. 94–106] (In Russ.).
4. Osadchaya, G. I. Metodologiya i metodika sociologicheskogo analiza etnosocial'nogo budushhego Moskvyy [Methodology and methods of sociological analysis of the ethnosocial future of Moscow]. *Social Policy and Sociology*. 2010. No. 1 (55). Pp. 35–59 (In Russ.).
5. Noskova, A. V. Formirovanie etnicheskogo plyuralizma v stolichnom megapolise: faktory, tendencii, protivorechiya [Formation of ethnic pluralism in the metropolitan metropolis: factors, trends, contradictions]. *Vestnik voennogo universiteta [Bulletin of the Military University]*. 2007. No. 1. Pp. 21–26. (In Russ.).
6. Noskova, A. V. Modern Demographic Tendencies and Ethnical Processes: Specificity of the Capital Citi Mega Polis. *Social Policy and Sociology*. 2008. No. 2. Pp. 109–117. (In Russ.).
7. Kurbatova, O. L. Variation of Natural Reproduction Parameters and Crow's Indices in Different Ethnic Groups in the Two Largest Megacities of Russia / O. L. Kurbatova, E. Y. Pobedonostseva. *Russian Journal of Genetics*. 2017. Vol. 53, No. 11. P. 1349–1359. DOI [10.7868/S0016675817110054](https://doi.org/10.7868/S0016675817110054). (In Russ.).
8. Gracheva, A. S. Genetic-Demographic Analysis of Natural Reproduction Parameters and Crow's Indices in Ethnic Groups of Moscow and St. Petersburg (Based on the 2010 Russia's Population Census) / A. S. Gracheva, I. G. Udina, O. L. Kurbatova. *Russian Journal of Genetics*. 2023. Vol. 59, No. 9. P.1078–1089. DOI [10.31857/S0016675823090059](https://doi.org/10.31857/S0016675823090059). (In Russ.).
9. Browning, C. R. Racial Differences in Sexual and Fertility Attitudes in an Urban Setting / C. R. Browning, L. A. Burrington. *Journal of Marriage and Family*. 2006. Vol. 68, No. 1. Pp. 236–251. DOI [10.1111/j.1741-3737.2006.00244.x](https://doi.org/10.1111/j.1741-3737.2006.00244.x).

10. Sweeney, M. M. Race, Ethnicity, and Changing Context Childbearing in United States / M. M. Sweeney, R. K. Raley. *Annual Review Sociology*. 2014. Vol. 40, No. 1. Pp. 539–558. DOI [10.1146/annurev-soc-071913-043342](https://doi.org/10.1146/annurev-soc-071913-043342).
11. Yang, Y. How Big are Educational and Racial Fertility Differentials in the US? / Y. Yang, S. P. Morgan. *Social Biology*. 2003. Vol. 50, No. 3–4. Pp. 167–187. DOI [10.1080/19485565.2003.9989070](https://doi.org/10.1080/19485565.2003.9989070).
12. Arkhangelsky, V. N. Fertility Differentiation According to Female Education Levels in Russia: Current Situation and Forecast Scenarios / V. N. Arkhangelsky, Yu. V. Zinkina, S. G. Shulgin. *Population*. 2019. Vol. 22, No. 1. Pp. 21–39. DOI [10.24411/1561-7785-2019-00002](https://doi.org/10.24411/1561-7785-2019-00002). (In Russ.).
13. Ryabkova, S. A. Demographic Principles: Dependence of Level of Fertility from Level of Education / S. A. Ryabkova, I. A. Musikhina, N. V. Cherepanina. *Innovative Technologies in Management*. 2017. No. 7. Pp. 198–202. (In Russ.).
14. Impicciatore, R. The Nexus Between Education and Fertility in Six European Countries / R. Impicciatore, F. Tomatis. *Genus*. 2020. No. 76. Article 35. DOI <https://doi.org/10.1186/s41118-020-00104-4>.
15. Klesment, M. Varying Association Between Education and Second Births in Europe: Comparative Analysis Based on the EU-SILC Data / M. Klesment, A. Puur, L. Rahnu, L. Sakkeus. *Demographic Research*. 2014. Vol. 31, No. 1. Pp. 813–860. DOI [10.4054/DemRes.2014.31.27](https://doi.org/10.4054/DemRes.2014.31.27).
16. Impicciatore, R. The Impact of Education on Fertility in Italy. Changes Across Cohorts and South–North Differences / R. Impicciatore, G. D. Zuanna. *Quality & Quantity*. 2017. Vol. 51, No. 5. Pp. 2293–2317. DOI [10.1007/s11135-016-0388-0](https://doi.org/10.1007/s11135-016-0388-0).
17. Osadchaya, G. I. Reproductive Behavior of Migrants from Central Asian Countries in the Moscow Agglomeration / G. I. Osadchaya, T. N. Yudina, A. A. Kocherbaeva. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. Pp. 78–91. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.5](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.5). (In Russ.).
18. Maleva, T. M. The Low Birth Rate Trap in Moscow: Highly Educated Childless? / T. M. Maleva, A. O. Tyndik. *Region: Economics and Sociology* 2014. No. 2 (82). Pp. 116–136. (In Russ.).

Bio note

Vladimir N. Arkhangelsky, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Researcher, Research Institute NIIOZMM (Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: archangelsky@vandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-7091-9632](https://orcid.org/0000-0002-7091-9632); RSCI SPIN-code: [1472-3201](https://www.rsci.ru/spin/1472-3201); Web of Science Researcher ID: [T-4845-2017](https://orcid.org/T-4845-2017); Scopus Author ID: [57190431221](https://orcid.org/57190431221).

Received on 15.06.2024; accepted for publication on 15.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3)EDN [JXYMRR](https://www.edn.ru/JXYMRR)

РЕГИОНАЛЬНЫЙ МАТЕРИНСКИЙ КАПИТАЛ В РОССИИ: АНАЛИЗ РАЗЛИЧИЙ В УСЛОВИЯХ ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ, РАЗМЕРЕ, ЦЕЛЕВОМ НАПРАВЛЕНИИ

Мусин Э. Р.

ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия

E-mail: eldarmusin43@gmail.com

Для цитирования: Мусин, Э. Р. Региональный материнский капитал в России: анализ различий в условиях предоставления, размере, целевом направлении // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 37–48. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3). EDN [JXYMRR](https://www.edn.ru/JXYMRR).

Аннотация. В субъектах Российской Федерации осуществляется активная реализация региональных мер демографической и семейной политики, важное значение среди которых имеет региональный материнский капитал. Цель настоящего исследования состояла в выявлении особенностей предоставления этой меры поддержки в субъектах РФ. В рамках статьи была рассмотрена краткая история проведения программы в контексте государственной демографической политики. Была произведена актуализация данных, касающихся условий предоставления данной меры поддержки и размеров выплат, на момент начала 2024 г. В качестве метода исследования был использован анализ нормативно-правовых актов, регламентирующих реализацию программы предоставления выплаты в субъектах Российской Федерации, который показал, что правила предоставления такой меры поддержки вариативны по очередности рождения ребенка, на которого начисляется выплата, включению в правила ограничения по уровню дохода семьи, возможным целевым направлениям траты средств, требуемым срокам проживания на территории субъекта РФ и размере выплаты. На основании анализа нормативно-правовых актов было установлено, что законодательная база, в соответствии с которой предоставляется данная мера поддержки, продолжает модифицироваться: исключаются дополнительные условия, ограничивающие число получателей (условие нуждаемости, период регистрации в субъекте и однократность возникновения права на выплату). Результаты настоящего анализа могут быть применены при исследовании эффективности регионального материнского капитала как инструмента пронаталистской политики.

Ключевые слова: демография, региональный материнский капитал, рождаемость, поддержка семей, пронаталистская политика, региональная семейная политика

Введение

В Российской Федерации реализуется широкий комплекс мер, направленных на улучшение ситуации в области рождаемости и поддержку семей с детьми. Однако помимо федеральных мер поддержки в каждом регионе страны также осуществляется собственная демографическая и семейная политика, дополняющая общероссийскую. Каждый регион имеет свой набор мер, что связано с бюджетными ограничениями, различиями в демографической ситуации и иными особенностями. Важное место в перечне региональных мер поддержки занимает региональный материнский капитал (далее – РМК), который представляет собой финансовую меру государственной помощи проживающим в регионе семьям при рождении в них ребенка (зачастую третьего или последующего). Это единовременная выплата относительно крупного размера (в среднем 100–200 тыс. рублей), зачастую имеющая целевое назначение.

Сведения, указанные в исследовательской литературе, могут нуждаться в актуализации по причине возможных изменений в условиях предоставления РМК и направлениях использования средств в отдельных регионах, а также индексации суммы предоставляемых выплат. Фактором постоянного совершенствования регионального законодательства в части предоставления данной меры поддержки можно объяснить актуальность настоящей статьи. Исследовательская новизна связана с попыткой анализа особенностей предоставления регионального материнского капитала во всех субъектах РФ. Но при этом в настоящей статье не изучается эффект от реализации рассматриваемой меры поддержки. Цель статьи состоит в анализе и систематизации особенностей РМК в субъектах Российской Федерации по таким критериям, как условия предоставления, размер выплаты, основные направления использования средств и пр. характеристики.

Обзор научной литературы

Вопрос эффективности регионального материнского капитала как меры повышения рождаемости довольно широко освещен в исследовательской литературе. Обзор особенностей предоставления и использования РМК в различных субъектах проводили К. И. Казенин и В. А. Козлов [1], Е. Е. Гришина и Е. А. Цацура [2], И. Е. Калабихина [3], Н. С. Студенникова [4] и др. Анализ исследовательской литературы позволил установить, что РМК на протяжении всего существования как меры поддержки обладал значительной вариативностью характеристик.

В работе В. Н. Архангельского и Н. Г. Джанаевой отмечено, что реализация программы РМК привела к повышению значения суммарного коэффициента рождаемости (СКР) третьих и последующих рождений [5]. Приведенные там же результаты опроса свидетельствовали о наличии воздействия данной меры поддержки на репродуктивные решения населения. Е. С. Вакуленко с соавторами была построена эконометрическая модель, показавшая влияние регионального материнского капитала, предоставляемого на второго ребенка, на повышение рождаемости детей этой очередности. Также была подмечена закономерность, что в регионах с изначально высокой рождаемостью введение мер поддержки способствует большему увеличению СКР по сравнению с регионами с более низкой рождаемостью [6].

Краткая история демографической политики РФ в области повышения рождаемости и введение РМК

В Послании Президента Федеральному Собранию Российской Федерации 2010 г. было отмечено влияние негативных последствий спада рождаемости 1990-х годов и сокращение числа женщин репродуктивного возраста¹. Глава государства указал на необходимость принятия комплексной демографической политики, выделив в качестве приоритетных направлений помощь молодым и многодетным семьям, при этом отметил региональный материнский капитал и некоторые другие меры поддержки (налоговые льготы, выдача участков для строительства жилья) в качестве актуальных и рекомендовал распространить их во всех субъектах.

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.11.2010 г. // Консультант Плюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107290/ (дата обращения: 15.05.2024).

Начало реализации программы РМК пришлось на 2011–2012 гг.: введенная выплата в основном распространялась на третьих или последующих детей, родившихся после начала осуществления мероприятия. Как отмечают К. И. Казенин и В. А. Козлов, в 2011 г. данная мера поддержки реализовывалась в 34 регионах России, а в 2016 г. уже в 77 субъектах [1].

Региональный материнский капитал подразумевался (и во многих регионах подразумевается до сих пор) как мера поддержки многодетных семей. Тем не менее со временем регионами вносились изменения в условия предоставления РМК в части переноса или введения дополнительных средств на второго ребенка, а в некоторых случаях даже на первого. Вероятно, установление права получения РМК на второго ребенка вызвано необходимостью повышения вторых рождений из-за общего падения рождаемости [1].

К положительным аспектам изменения РМК, принимаемым во многих субъектах РФ, можно отнести отмену условия на однократное право получения выплаты. Благодаря этим изменениям повышается охват населения данной мерой поддержки, что потенциально должно способствовать повышению ее результативности. С начала 2023 г. РМК предоставляется семьям при рождении третьего и каждого последующего ребенка в Костромской, Орловской, Курской, Смоленской и Тамбовской областях.

Кратко рассмотрев историю введения регионального материнского капитала, перейдем к анализу нынешней ситуации в субъектах РФ. Указанные сведения сформированы на основе проведенного анализа нормативно-правовых актов и актуальны на начало 2024 г.

Все субъекты Российской Федерации, предоставляющие РМК, устанавливают собственные требования, выполнение которых обязательно для получения мер поддержки, что отличает региональный материнский капитал от федерального материнского капитала. К таким требованиям относятся, например, ограничения по доходу, сроку проживания на территории региона, возрасту матери при рождении ребенка. Однако во всех регионах, в которых установлена эта мера поддержки, предусмотрен общий перечень условий. Так, право на получение РМК возникает только у лиц с гражданством РФ, которые проживают в регионе в течение необходимого срока. Получателем РМК может быть не только женщина (мать или усыновитель ребенка), но в ряде случаев² и мужчина (отец или усыновитель ребенка). Региональный материнский капитал на одного и того же ребенка может быть получен только один раз.

Наименования и содержание нормативно-правовых актов, регулирующих предоставление и распоряжение РМК, не унифицированы. В то время как в одних субъектах региональный материнский капитал предоставляется в соответствии с законом, имеющим соответствующее название³, в других регионах документ, ре-

² В случаях смерти женщины, лишения родительских прав в отношении ребенка.

³ Например, «О региональном материнском (семейном) капитале в Чукотском автономном округе», Закон Калужской области «О материнском (семейном) капитале» и т. д.

главентирующий предоставление этой выплаты, назван по аналогии с федеральным законом, регулирующим предоставление материнского капитала⁴. Также предоставление РМК может осуществляться в рамках нормативно-правового акта, утверждающего предоставление мер социальной поддержки определенным группам населения⁵.

Ограничения по уровню дохода семьи

В большинстве регионов России РМК назначается без учета размера среднедушевого дохода семьи. Но в нескольких регионах это условие сохраняется:

- 1) если размер среднедушевого дохода семьи меньше значения регионального прожиточного минимума: Ростовская область⁶, Псковская область⁷, Курганская область⁸, Республика Марий Эл⁹, Чувашская Республика¹⁰;
- 2) если среднедушевой доход семьи ниже 1,5-кратной величины размера регионального прожиточного минимума: Волгоградская область¹¹, Республика Бурятия¹²;
- 3) если среднедушевой доход семьи не превышает 2-кратной величины регионального прожиточного минимума: Челябинская область¹³, Томская область¹⁴;

⁴ Например, «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, в Челябинской области».

⁵ Например, «О социальной поддержке многодетных семей в Тамбовской области».

⁶ Закон Ростовской области от 18.11.2011 № 727-ЗС «О региональном материнском капитале» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/9971014/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁷ Закон Псковской области от 06.04.2011 № 1060-ОЗ «О региональном материнском капитале» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/16719336/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁸ Закон Курганской области от 9 марта 2007 г. № 232 «О мерах по улучшению демографической ситуации в Курганской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/18347389/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁹ Постановление Правительства Республики Марий Эл от 26 января 2012 г. № 14 «Об утверждении Порядка предоставления и индексации единовременной выплаты материнского капитала» (с изменениями и дополнениями) // Кодекс : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/469001798> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁰ Закон Чувашской Республики от 21 февраля 2012 г. № 1 «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/17544559/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹¹ Закон Волгоградской области от 31.12.2015 № 246-ОД «Социальный кодекс Волгоградской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/24719500/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹² Закон Республики Бурятия от 6 июля 2006 г. № 1810-III «О мерах социальной поддержки многодетных семей в Республике Бурятия» (Принят Народным Хуралом Республики Бурятия 28 июня 2006 г.) (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://internet.garant.ru/#/document/29502549/paragraph/1609:21> (дата обращения: 10.05.2024).

¹³ Закон Челябинской области от 15.12.2011 г. № 251-ЗО «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, в Челябинской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/8787889/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁴ Закон Томской области от 16 декабря 2004 г. № 253-ОЗ «О социальной поддержке граждан, имеющих несовершеннолетних детей» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/7753111/> (дата обращения: 10.05.2024).

- 4) если размер среднедушевого дохода семьи не превышает 2,5-кратной величины установленного в субъекте прожиточного минимума: город Севастополь¹⁵;
- 5) если среднедушевой доход семьи не превышает 3,5-кратной величины регионального прожиточного минимума: Калининградская область¹⁶;
- 6) если среднедушевой доход семьи меньше величины среднего дохода в регионе: Ленинградская область¹⁷.

Перечень регионов, устанавливающих критерий нуждаемости для получения РМК, постепенно сокращается. Так, например, с начала 2023 г. в Воронежской области данная мера поддержки предоставляется без учета дохода семьи¹⁸.

Возможность многократного получения регионального материнского капитала

Изначально в большинстве субъектов РФ право на получение РМК возникало у семьи лишь единожды, несмотря на количество рожденных детей. Но постепенно, благодаря укреплению государственной помощи семьям, такое условие становится все менее распространенным. Так, в статье Е. Е. Гришиной и Е. А. Цацура [2], написанной в 2017 г., отмечено, что РМК мог быть получен семьей несколько раз только в 15 регионах. В то время как на начало текущего 2024 г., по данным проведенного анализа, правило однократного получения сохраняется только в 30 регионах¹⁹.

Предоставление РМК на каждого ребенка, начиная с установленной регионом очередности, осуществляется в 24 регионах²⁰. В Республике Саха (Якутия) реализуется капитал «Дети столетия», полагающийся всем семьям, в которых начиная с

¹⁵ Закон г. Севастополя от 13 августа 2019 г. № 534-ЗС «О региональном материнском капитале в городе Севастополе» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72596598/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁶ Закон Калининградской области от 7 октября 2019 г. № 318 «Социальный кодекс Калининградской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72833688/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁷ Закон Ленинградской области от 17 ноября 2017 г. N 72-оз «Социальный кодекс Ленинградской области» (Принят Законодательным собранием Ленинградской области 25 октября 2017 года) (с изменениями и дополнениями) // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/43435672/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁸ Закон Воронежской области от 14 ноября 2008 г. N 103-ОЗ «О социальной поддержке отдельных категорий граждан в Воронежской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант: [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/18125215/> (дата обращения: 10.05.2024).

¹⁹ Карачаево-Черкесская Республика, Республика Алтай, Республика Хакасия, Белгородская область, Вологодская область, Нижегородская область, Кировская область, Новгородская область, Республика Карелия, Саратовская область, Тверская область, Санкт-Петербург, Алтайский край, Забайкальский край, Кемеровская область, Красноярский край, Новосибирская область, Оренбургская область, Свердловская область, Томская область, Челябинская область, Республика Марий Эл, Самарская область, Чувашская Республика, город Севастополь, Краснодарский край, Волгоградская область, Ростовская область, Республика Калмыкия, Ханты-Мансийский автономный округ.

²⁰ В Брянской области, Воронежской области, Калужской области, Смоленской области, Липецкой области, Рязанской области, Курской области, Мурманской области, Ярославской области, Ульяновской области, Костромской области, Республике Мордовия, Камчатском крае, Псковской области, Ленинградской области, Калининградской области, Приморском крае, Республике Тыва, Архангельской области, Хабаровском крае, Республике Саха (Якутия), Ненецком автономном округе, Тюменской области, Ямало-Ненецком автономном округе.

1 января 2022 г. родился ребенок, безотносительно очередности рождения, возраста матери и дохода семьи²¹.

В регионах Дальневосточного федерального округа совместно с РМК, финансируемым в рамках регионального бюджета, установлен также дополнительный региональный материнский капитал на второго ребенка в размере 30% от размера федерального материнского капитала.

РМК на первого ребенка установлен в 8 субъектах РФ, в четырех из которых предусмотрено дополнительное условие о возрасте матери, что должно потенциально способствовать снижению откладывания первых рождений (Ивановская область, Новгородская область, Магаданская область, Камчатский край). Так, в Новгородской области право на региональный капитал «Первый ребенок» полагается в случае рождения первого ребенка женщиной до наступления 30 лет²². В нескольких регионах, ранее включавших критерий возраста женщины при рождении ребенка, данное условие было отменено. К примеру, право на РМК предоставляется не зависимо от возраста матери при рождении первого ребенка с начала 2020 г. в таких регионах, как Сахалинская область²³, Тюменская область²⁴, Республика Коми²⁵.

В 16 субъектах региональный материнский капитал предоставляется при рождении второго ребенка²⁶. В Ханты-Мансийском автономном округе РМК на второго ребенка в размере 177 тыс. рублей был принят с начала 2024 г.²⁷.

²¹ Указ Главы Республики Саха (Якутия) от 30 декабря 2021 г. № 2258 "О целевом капитале Республики Саха (Якутия) «Дети столетия» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/yakut/1525683/> (дата обращения: 10.05.2024).

²² Закон Новгородской области от 29 января 2019 г. № 369-ОЗ «О региональном капитале «Первый ребенок» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/45028296/e88847e78ccd9fdb54482c7fa15982bf/> (дата обращения: 10.05.2024).

²³ Закон Сахалинской области от 9 марта 2011 г. № 21-ЗО «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей» (Принят Сахалинской областной Думой 1 марта 2011 г.) (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/31774193/> (дата обращения: 10.05.2024).

²⁴ Постановление Правительства Тюменской области от 27.12.2011 № 503-п «О региональном материнском (семейном) капитале» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/18867108/> (дата обращения: 10.05.2024).

²⁵ Закон Республики Коми от 29.04.2011 № 45-РЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/27326646/> (дата обращения: 10.05.2024).

²⁶ В Калужской области, Ульяновской области, Республике Саха (Якутия), Республике Бурятия, Амурской области, Еврейской автономной области, Забайкальском крае, Камчатском крае, Магаданской области, Приморском крае, Сахалинской области, Хабаровском крае, Чукотском автономном округе, городе Севастополе, Ханты-Мансийском автономном округе и Ямало-Ненецком автономном округе.

²⁷ Закон Ханты-Мансийского АО – Югры от 28 октября 2011 г. № 100-оз «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/18931376/> (дата обращения: 10.05.2024).

На четвертого или последующего ребенка РМК направлен в Республике Алтай²⁸ и в Карачаево-Черкесской Республике²⁹. В Республике Тыва³⁰, как регионе с традиционно высокой рождаемостью, региональный материнский капитал предоставляется только на пятого и последующего ребенка, что нетипично при сравнении с программами других регионов.

Различия в размерах РМК

Размер регионального материнского капитала значительно варьируется, что выделяет его на фоне других мер поддержки семей. Кроме того, не всеми субъектами предусмотрено проведение ежегодной индексации его величины. Наименьшие по размеру выплаты установлены в Курганской области (40 тыс. рублей), Калужской и Ульяновской областях (50 тыс. рублей (РМК на второго ребенка)), Республике Алтай (54,8 тыс. рублей), Республике Тыва (60,9 тыс. рублей), Республике Бурятия (65,2 тыс. рублей (РМК на третьего ребенка)), Ярославской области (69,5 тыс. рублей) и Республике Марий Эл (76,5 тыс. рублей).

Наибольшие по размеру выплаты, без учета выплат за одновременное рождение нескольких детей, установлены в Хабаровском крае (297,8 тыс. рублей), Ненецком автономном округе (379,9 тыс. рублей), в Камчатском крае (438,8 тыс. рублей (на шестого и последующего ребенка)), а также Ямало-Ненецком автономном округе (500 тыс. рублей).

Размеры РМК меняются не только под влиянием ежегодной индексации, но и по решению региональных властей. Так, например, в Республике Коми региональный материнский капитал на третьих и последующих детей, рожденных с 1 января 2024 г., был увеличен вдвое – с 150 тыс. до 300 тыс. рублей, а в случае рождения первого ребенка женщиной, не достигшей возраста 25 лет, размер РМК будет составлять 500 тыс. рублей³¹.

Несмотря на наличие выплат в размере менее 100 тыс. рублей и более 200 тыс. рублей, в большинстве субъектов РФ размер РМК установлен в пределах 100–200 тыс. рублей.

²⁸ Закон Республики Алтай от 8 июля 2011 г. № 44-ПЗ «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Алтай» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/32113021/> (дата обращения: 10.05.2024).

²⁹ Закон Карачаево-Черкесской Республики от 6 декабря 2013 г. № 81-РЗ «О республиканском материнском капитале при рождении (усыновлении) четвертого ребенка или последующих детей в Карачаево-Черкесской Республике и наделении органов местного самоуправления муниципальных районов и городских округов Карачаево-Черкесской Республики отдельными государственными полномочиями Карачаево-Черкесской Республики» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/30922172/> (дата обращения: 10.05.2024).

³⁰ Закон Республики Тыва от 28 октября 2011 г. № 937 ВХ-1 «О мерах социальной поддержки отдельных категорий семей в Республике Тыва» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/28713999/> (дата обращения: 10.05.2024).

³¹ Закон Республики Коми от 29 апреля 2011 г. № 45-ПЗ «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, на территории Республики Коми» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/27326646/> (дата обращения: 10.05.2024).

Возможные направления использования средств регионального материнского капитала

Направления расходования средств РМК устанавливаются региональным законодательством и могут существенно различаться. Однако всеми субъектами установлены типовые направления использования средств, дублирующие предусмотренные федеральным материнским капиталом³². Помимо этого средства капитала могут быть потрачены на лечение ребенка (детей), покупку автомобиля, газификацию жилых домов (квартир) или на иные определенные регионом направления. Вместе с тем некоторыми субъектами установлена возможность получения семьей выплаты из средств РМК на определенных условиях³³.

Перечень направлений расходования регионального материнского капитала со временем также расширяется. К примеру, в Саратовской области с начала 2024 г. средства РМК могут быть направлены на подключение дома к системе горячего и холодного водоснабжения, проведение канализации; на приобретение окон, дверей и остекление балконов³⁴.

РМК не всегда имеет целевое назначение и может быть потрачен по усмотрению семьи в 10 субъектах РФ³⁵.

Требования по срокам проживания в регионе для получения выплаты

В регионах установлен разный срок проживания, по истечении которого семья может претендовать на получение РМК. В большинстве регионов в качестве условия отмечено постоянное проживание в субъекте без указания срока давности. В некоторых регионах для получения РМК женщине необходимо прожить не менее одного года³⁶, не менее полутора лет³⁷ или не менее трех лет³⁸. Давность проживания не менее пяти лет установлена в Республике Саха (Якутия) в качестве условия для получения регионального материнского капитала на третьего или последующего ребенка. Требования по необходимому сроку проживания в регионе для назначения рассматриваемой меры поддержки также подвержены изменению в сторону

³² Улучшение жилищных условий, получение образования ребенком (детьми), приобретение товаров и услуг, предназначенных для социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов.

³³ Калининградская область, Курская область, Мурманская область, Иркутская область, Красноярский край, Магаданская область, Новосибирская область, Сахалинская область, Чувашская Республика, Тюменская область, Ненецкий автономный округ.

³⁴ Закон Саратовской области от 28 декабря 2011 г. № 212-ЗСО «О региональном материнском (семейном) капитале в Саратовской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/9599500/> (дата обращения: 10.05.2024).

³⁵ Архангельская область, Владимирская область, Вологодская область, Калужская область, Ярославская область, город Севастополь, Волгоградская область, Костромская область, Республика Марий Эл, Тюменская область.

³⁶ Республика Бурятия, Республика Алтай, Белгородская область, Брянская область, Воронежская область, Кировская область, Костромская область, Орловская область, Новгородская область, Смоленская область, Тульская область, Ярославская область, Еврейская автономная область, Сахалинская область, город Севастополь, Ямало-Ненецкий автономный округ.

³⁷ Томская область, Вологодская область.

³⁸ Республика Саха (Якутия) (для получения РМК на второго ребенка), Камчатский край, Ульяновская область, Республика Марий Эл, Новосибирская область, Челябинская область, Ненецкий автономный округ.

снижения. Так, в Орловской области необходимый для получения РМК срок проживания был сокращен с трех лет до одного года³⁹.

В нескольких регионах для получения РМК установлено требование к регистрации ребенка в региональных органах ЗАГС. Такие правила действуют в Калужской области⁴⁰, Тюменской области⁴¹ (для получения РМК при рождении первого ребенка, родившегося начиная с 1 января 2020 г.) и Ханты-Мансийском автономном округе⁴².

Предоставление альтернативных региональному материнскому капиталу мер поддержки в регионах России

Выплата РМК в качестве меры поддержки семей установлена в большинстве российских регионов, но есть регионы, в которых РМК вообще не предусмотрен. В нескольких субъектах РФ данная выплата предоставлялась на детей, рожденных в определенный период времени, и не выплачивается новым получателям. К ним относятся: Московская область⁴³ (до конца 2016 г.), Омская область⁴⁴ (до конца 2018 г.), Пермский край⁴⁵ (до конца 2015 г.), Астраханская область⁴⁶ (до конца 2017 г.), Ставропольский край (до конца 2015 г.), Республика Северная Осетия – Алания (до конца 2018 г.).

Некоторые субъекты, не применяющие рассматриваемую меру в качестве инструмента демографической политики, имеют аналогичные РМК выплаты. К ним относятся: Кабардино-Балкарская Республика⁴⁷ (выплата в размере 250 тыс. рублей

³⁹ Закон Орловской области от 2 октября 2003 г. № 350-ОЗ «О статусе многодетной семьи Орловской области и мерах ее социальной поддержки» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/28500350/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁰ Закон Калужской области от 27.12.2011 № 240-ОЗ «О материнском (семейном) капитале» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/15929936/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴¹ Постановление Правительства Тюменской области от 27.12.2011 № 503-п «О региональном материнском (семейном) капитале» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/18867108/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴² Закон Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 28.10.2011 № 100-оз «О дополнительных мерах поддержки семей, имеющих детей, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/18931376/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴³ Закон Московской области от 12 января 2006 г. № 1/2006-ОЗ «О мерах социальной поддержки семьи и детей в Московской области» (принят постановлением Московской областной Думы от 21 декабря 2005 г. № 5/163-П) (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/28943540/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁴ Закон Омской области от 04.07.2008 № 1061-ОЗ «Кодекс Омской области о социальной защите отдельных категорий граждан» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/15535438/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁵ Закон Пермского края от 29.02.2012 № 5-ПК «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» (с изменениями и дополнениями) (прекратил действие) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/16172302/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁶ Закон Астраханской области от 22.12.2016 № 85/2016-ОЗ «О мерах социальной поддержки и социальной помощи отдельным категориям граждан в Астраханской области» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/46454144/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁷ Постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 3 октября 2016 г. № 175-ПП «О Порядке предоставления средств единовременной адресной социальной помощи на улучшение жилищных условий многодетным семьям, воспитывающим пятерых и более детей, и о внесении изменений в постановление Правительства Кабардино-Балкарской Республики от 12 июля 2013 г. № 202-

многодетным семьям, имеющим пятерых и более детей), Республика Адыгея⁴⁸ (выплата в размере 50 тыс. рублей на третьего или последующего ребенка), Республика Дагестан⁴⁹ (выплата 300 тыс. рублей малоимущим семьям при рождении в них десятого ребенка), Удмуртская Республика⁵⁰ (выплата на улучшение жилищных условий или ремонт жилого помещения), Республика Башкортостан⁵¹ (выплата 622,8 тыс. рублей при рождении восьмого ребенка).

Заключение

Региональный материнский капитал относится к категории распространенных и востребованных мер поддержки семей: начиная с 2011 г. большинство субъектов РФ внедрили эту практику в региональную семейную политику. Как показал анализ особенностей РМК в регионах, данная выплата все еще остается инструментом поддержки семей преимущественно при третьих или последующих рождениях. В то же время в ряде регионов эта мера затрагивает вторые и даже первые рождения.

Особенности предоставления РМК в субъектах РФ различаются по многим параметрам: направленность на детей различных очередностей рождения, однократность или многократность права получения РМК семьей, наличие ограничения по доходам семьи, установление целевого направления РМК или его отсутствие, а также срок регистрации на территории субъекта. Такая вариативность выделяет региональный материнский капитал среди других мер поддержки семей с детьми. Кроме того, существенно варьируются размеры РМК: выплата предоставляется в диапазоне от 40 тыс. рублей в Курганской области до полумиллиона рублей в Ямало-Ненецком автономном округе и Республике Коми (на первого ребенка). Однако большинство субъектов предоставляют данную меру поддержки в размере 100–200 тыс. рублей.

Нормативно-правовая база в сфере предоставления РМК претерпевает постоянные изменения: отменяется условие на однократность права получения выплаты (как, например, с начала 2023 г. в Костромской, Тамбовской, Орловской, Смоленской и Курской областях), а также вводятся дополнительные направления использования средств РМК (такое изменение произошло, к примеру, в Саратовской области с начала 2024 г.), исключается критерий нуждаемости (как, например, с

ПП» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/45452804/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁸ Закон Республики Адыгея от 28 сентября 1994 г. № 117–1 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/32301918/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁴⁹ Указ главы Республики Дагестан от 31 мая 2007 г. № 71 «О дополнительных мерах социальной поддержки семей, имеющих детей» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/26504561/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁵⁰ Закон Удмуртской Республики от 05.05.2006 № 13-ПЗ «О мерах по социальной поддержке многодетных семей» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/15712300/> (дата обращения: 10.05.2024).

⁵¹ Постановление Правительства Республики Башкортостан от 11 декабря 2014 г. № 569 «О порядке предоставления единовременной денежной выплаты многодетным семьям, имеющим восемь и более детей в возрасте до 23 лет» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/17702899/f886e23ac9cd269a29db4ccfe7a57a16/> (дата обращения: 10.05.2024).

начала 2023 г. в Воронежской области). Благодаря снижению количества действующих ограничений на получение данной меры поддержки увеличивается число семей, которые смогут воспользоваться средствами РМК, что в свою очередь должно способствовать повышению эффективности регионального материнского капитала как инструмента демографической и семейной политики.

Список литературы

1. Казенин, К. И. Региональные меры поддержки многодетных семей в РФ / К. И. Казенин, В. А. Козлов // Журнал исследований социальной политики. 2020. Т. 18, № 2. С. 191–206. DOI [10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206). EDN [ZBDNXO](https://www.edn.ru/ZBDNXO).
2. Гришина, Е. Е. Региональный материнский капитал: анализ региональных различий и влияния на репродуктивное поведение / Е. Е. Гришина, Е. А. Цацура // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 3 (205). С. 51–58. EDN [ZDRMEX](https://www.edn.ru/ZDRMEX).
3. Калабихина, И. Е. О региональном материнском (семейном) капитале // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2013. № 2. С. 62–70. EDN [QBGCAT](https://www.edn.ru/QBGCAT).
4. Студенникова, Н. С. Региональные особенности выплаты и использования материнского капитала // Вестник сельского развития и социальной политики. 2015. Т. 8, № 4 (8). С. 9–14. EDN [WJELYJ](https://www.edn.ru/WJELYJ).
5. Архангельский, В. Н. Региональные особенности динамики рождаемости и демографическая политика / В. Н. Архангельский, Н. Г. Джанаева // Уровень жизни населения регионов России. 2014. № 1 (191). С. 73–82. EDN [SBLGZN](https://www.edn.ru/SBLGZN).
6. Вакуленко, Е. С. Региональные программы материнского капитала: влияние на рождаемость в России / Е. С. Вакуленко, Н. В. Ивашина, Я. О. Свистильник // Экономика региона. 2023. Т. 19, № 4. С. 1077–1092. DOI [10.17059/ekon.reg.2023-4-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10). EDN [DTEAV](https://www.edn.ru/DTEAV).

Сведения об авторе

Мусин Эльдар Рафаэлевич, аналитик, Центр исследований социальной политики ВНИИ труда Минтруда России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: eldarmusin43@gmail.com; ORCID ID: [0009-0005-9251-5566](https://orcid.org/0009-0005-9251-5566); ПИНЦ SPIN-код: [7627-0239](https://www.spin-код.рф/7627-0239).

Статья поступила в редакцию 29.05.2024; принята в печать 01.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

REGIONAL MATERNITY CAPITAL IN RUSSIA: ANALYSIS OF DIFFERENCES IN TERMS OF PROVISION, SIZE, AND TARGET DIRECTION

Eldar R. Musin

*All-Russian Scientific Research Institute of Labor, Ministry of Labor
and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia*

E-mail: eldarmusin43@gmail.com

For citation: Musin, Eldar R. Regional Maternity Capital in Russia: Analysis of Differences in Terms of Provision, Size, and Target Direction. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 37–48. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.3](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.3).

Abstract. Along with the federal demographic and family policy, the subjects of the Russian Federation are actively implementing their own regional measures to support families with children, a special place among which is occupied by regional maternity capital. The purpose of this study is to identify the specifics of the provision of regional maternity capital. In this article a brief history of the implementation of the regional maternity capital program was considered in the

context of Russian demographic policy. Data on the conditions for the provision of this support measure and the size of payments have been updated to the beginning of 2024. The analysis of normative legal acts regulating the implementation of the program to provide regional maternity capital in the subjects of the Russian Federation was used as a research method. It was revealed that the rules for providing this support measure are variable and differ in many criteria: according to the birth order for whom the payment is provided, the presence or absence of a need criterion, the directions of use of funds, as well as the terms of residence in the region and the size of the regional maternity capital. Based on the analysis of regulatory legal acts, it was found that the legislative framework governing the provision of regional maternity capital continues to be improved and modified by excluding or changing additional conditions limiting the range of recipients of this support measure, such as the criterion of need, the duration of residence in the region and the one-time right to use regional maternity capital. The results obtained can be used as a material to study the effectiveness of the implementation of regional maternity capital as a measure aimed at increasing the birth rate.

Keywords: demography, regional maternity capital, fertility, family support, pronatalist policy, regional family policy

References

1. Kazenin, K. I. Regional Measures of Support for Families with Three and More Children: An Overview / K. I. Kazenin, V. A. Kozlov. *The Journal of Social Policy Studies*. 2020. Vol. 18, No. 2. Pp. 191–206. DOI [10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206](https://doi.org/10.17323/727-0634-2020-18-2-191-206). (In Russ.).
2. Grishina, E. E. Regional Maternal Capital: Analysis of Regional Differences and Influence on Fertility Behavior / E. E. Grishina, E. A. Tsatsura. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2017. No. 3 (205). Pp. 51–58. (In Russ.).
3. Kalabihina, I. E. On Regional Maternity (Family) Capital. *Moscow University Economics Bulletin*. 2013. No. 2. Pp. 62–70. (In Russ.).
4. Studennikova, N. S. Regional'nyye osobennosti vyplaty i ispol'zovaniya materinskogo kapitala [Regional features of payment and use of maternity capital]. *Vestnik sel'skogo razvitiya i sotsial'noy politiki [Bulletin of rural development and social policy]*. 2015. Vol. 8, No. 4 (8). Pp. 9–14. (In Russ.).
5. Arkhangel'skiy, V. N. Regional Characteristics of Fertility Dynamics and Demographic Policy / V. N. Arkhangel'skiy, N. G. Dzhanayeva. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2014. No. 1 (191). Pp. 73–82. (In Russ.).
6. Vakulenko, E. S. Regional Maternity Capital Programmes: Impact on Fertility in Russia / E. S. Vakulenko, N. V. Ivashina, Ya. O. Svistyl'nik. *Economy of Region*. 2023. Vol. 19, No. 4. Pp. 1077–1092. DOI [10.17059/ekon.reg.2023-4-10](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-4-10). (In Russ.).

Bio note

Eldar R. Musin, Analyst, Center for Social Policy Research, All-Russian Scientific Research Institute of Labor, Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: eldarmusin43@gmail.com; ORCID ID: [0009-0005-9251-5566](https://orcid.org/0009-0005-9251-5566); RSCI SPIN-code: [7627-0239](https://www.rsci.spin-code.ru/7627-0239).

Received on 29.05.2024; accepted for publication on 01.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

ЗДОРОВЬЕ, САМОСОХРАНИТЕЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И СМЕРТНОСТЬ

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.4)

EDN [GNZTTA](https://edn.gnztta.ru)

ТЕНДЕНЦИИ СМЕРТНОСТИ ОТ ОСТРЫХ И ХРОНИЧЕСКИХ БОЛЕЗНЕЙ СИСТЕМЫ КРОВООБРАЩЕНИЯ В ПЕРИОД ДО И ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 В МОСКВЕ

Семенова В. Г.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;

НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия

E-mail: vika-home@yandex.ru

Григоров А. А.

Департамент здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

E-mail: grigorova@mos.ru

Сабгайда Т. П.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;

ЦНИИОИЗ Минздрава России; НИИОЗММ ДЗМ, Москва, Россия

E-mail: tamara@mednet.ru

Для цитирования: *Семенова, В. Г. Тенденции смертности от острых и хронических болезней системы кровообращения в период до и после пандемии COVID-19 в Москве / В. Г. Семенова, А. А. Григоров, Т. П. Сабгайда // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 49–73. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.4). EDN [GNZTTA](https://edn.gnztta.ru).*

Аннотация. Внезапная смерть от острых форм сердечно-сосудистых заболеваний, особенно в трудоспособных возрастах, когда она физиологически явно преждевременна – это свидетельство вовремя не выявленных заболеваний: основной задачей кардиологов является избежание перехода хронических патологий в острую форму, при которой состояние может ухудшиться молниеносно. Острые и хронические формы сердечно-сосудистых заболеваний требуют различных клинических подходов. Таким образом, разделение патологий на два блока – острые и хронические состояния – имеет помимо академического сугубо практическое значение. В этом контексте крайне интересной представляется специфика мегаполиса с его развитой медицинской структурой, как скорой помощи и госпитальной, так и амбулаторной. Настоящее исследование посвящено выявлению различий динамики острых и хронических форм болезней системы кровообращения в стабильные и кризисные периоды в условиях мегаполиса. Оно продемонстрировало, что вклад острых состояний как в смертность от ИБС и ЦВБ, так и в потери от болезней системы кровообращения в целом у населения Москвы в период исследования существенно снизился, что, безусловно, свидетельствует о позитивных сдвигах смертности. В России наблюдались сходные процессы, однако в Москве доля острых состояний была ниже общероссийской.

Ключевые слова: смертность от болезней системы кровообращения, острые болезни системы кровообращения, хронические болезни системы кровообращения, смертность от болезней системы кровообращения в

Введение

Болезни системы кровообращения остаются ведущей причиной смерти в России, определяющей около половины случаев смерти и значительный вклад в изменение продолжительности жизни населения. На протяжении второй половины XX и двух десятилетий XXI века болезни системы кровообращения наряду с внешними причинами определяли тенденции продолжительности жизни как в периоды ее сокращения, так и на этапах роста. Кроме того, болезни сердечно-сосудистой системы формируют более трети современного разрыва в продолжительности жизни мужчин и женщин, а в периоды кризиса их вклад в гендерные различия еще выше. И, наконец, региональная вариация продолжительности жизни в России в значительной мере определяется смертностью от болезней системы кровообращения: ее масштабами, возрастной структурой и основными причинами [1–4].

Характеризуя потери от болезней системы кровообращения, нельзя забывать о том, что смертность от них формируется за счет состояний как в острой, так и в хронической форме. До 25% случаев сердечно-сосудистой смертности приходится на внезапные сердечные смерти [5]. Это относится и к основным кластерам заболеваний – ишемической болезни сердца и цереброваскулярным болезням. Благодаря созданию сети сосудистых центров и повышению доступности чрескожных коронарных вмешательств результаты лечения больных острым коронарным синдромом в нашей стране за последнее десятилетие явно улучшились, а для снижения риска сердечно-сосудистых событий у пациентов с хронической ишемической болезнью сердца рекомендуется изменение образа жизни, контроль факторов риска, обучение пациентов и доказательная фармакотерапия. При этом доля инфаркта миокарда в структуре первичной заболеваемости ишемической болезнью сердца у взрослых – 18,2%; основную массу новых случаев заболевания составили хронические формы [6]. Хроническая недостаточность мозгового кровообращения характеризуется медленно прогрессирующим диффузным нарушением кровоснабжения головного мозга [7].

Говоря об острых формах сердечно-сосудистых патологий, нельзя не затронуть вопрос о внезапных смертях: несмотря на существующие оценки огромных масштабов потерь от подобных инцидентов, нозологический профиль их остается расплывчатым, возникают вопросы о временных критериях диагностики сердечно-сосудистых смертей как внезапных. В большинстве случаев внезапная сердечная смерть является осложнением хронических заболеваний сердца [8]. Остановка сердца, приводящая к внезапной сердечной смерти, может возникать при всем спектре проявлений последствий ИБС [9]. Частота случаев внезапной сердечной смерти увеличивается с возрастом, у мужчин она в три-четыре раза больше, чем у женщин [10]. Следует признать, что причину «Внезапная сердечная смерть» (код 146.1) не рекомендуется использовать для кодирования первоначальной причины смерти, тогда как смерть от заболеваний коронарных артерий – «Внезапная коронарная смерть» (код 124.8) – может использоваться в диагнозе причин смерти [11].

Специалисты отмечают, что при проведении патологоанатомического исследования требуется согласование критериев выбора инфаркта миокарда или внезапной коронарной смерти как первоначальной причины в случае смерти, наступившей до момента обращения за медицинской помощью [12].

Остановка сердечной деятельности чаще всего происходит без предшествующих симптомов и почти всегда приводит к смерти [13]. Вместе с тем необходимо подчеркнуть: при современном развитии кардиологии при большинстве патологий возможно лабораторное выявление предикторов внезапной смерти (например, пароксизмальная тахикардия) [14]. Что же касается заболеваний, делающих сердечно-сосудистую смертность массовой (упомянутые выше ишемическая болезнь сердца и цереброваскулярные болезни), то в большинстве случаев смерти от острых состояний предшествуют длительные патологические процессы. В то же время при некоторых генетических заболеваниях внезапная сердечная смерть является первым клиническим проявлением [15].

Таким образом, внезапная смерть от острых форм сердечно-сосудистых заболеваний, особенно в трудоспособных возрастах, когда она физиологически явно преждевременна – это свидетельство вовремя не выявленных заболеваний: основная задача кардиологов заключается в том, чтобы избежать перехода хронических патологий в острую форму, при которой состояние может утяжелиться стремительно.

Острые и хронические формы сердечно-сосудистых заболеваний требуют различных клинических подходов, поэтому разделение патологий на два блока – острые и хронические состояния – имеет, помимо академического, сугубо практическое значение.

В таком контексте крайне интересной представляется специфика мегаполиса с его развитой медицинской структурой, как скоропомощной и госпитальной, так и амбулаторной.

Нельзя оставить в стороне недавно пережитую пандемию коронавирусной инфекции, которая привела не только к потерям непосредственно от COVID, но и существенно сказалась на целом ряде других заболеваний, в том числе и на болезнях системы кровообращения.

Из этого вытекает цель настоящего исследования: выявление различий динамики острых и хронических форм болезней системы кровообращения в стабильные и кризисные периоды в условиях мегаполиса.

Материалы и методы

Исследование базировалось на данных Росстата о смертности населения России и Москвы в 2000-е гг. для возрастных групп 40–59 лет, 60 лет и старше от болезней системы кровообращения, а также от ишемической болезни сердца (ИБС) в острых (инфаркт миокарда (I21, I22), другие формы острой ишемической болезни сердца (I24)) и хронических формах (I20, I23, I25), и от цереброваскулярных болезней (ЦВБ) в острой (инсульт (I60–I64)) и хронической формах (I65–I69).

При оценке суммарных потерь от острых состояний, кроме острых форм ИБС и ЦВБ, были учтены потери от внезапной сердечной смерти (I46.1) и алкогольной кардиомиопатии (I42.6).

Результаты

Первое, о чем уместно сказать, это стабильно более низкий уровень сердечно-сосудистой смертности 40–59-летнего населения в Москве, чем в стране в целом (и среди мужчин, и среди женщин), а кроме того, более высокие темпы снижения смертности в мегаполисе. В 2000-е гг. смертность москвичей снизилась в 2,5 раза против 46,1% в России, москвичек – в 2,8 против 2 раз, вследствие чего выигрыш столицы вырос с 34,1% и 1,5 раз до 80,9% и 2 раз соответственно (рис. 1).

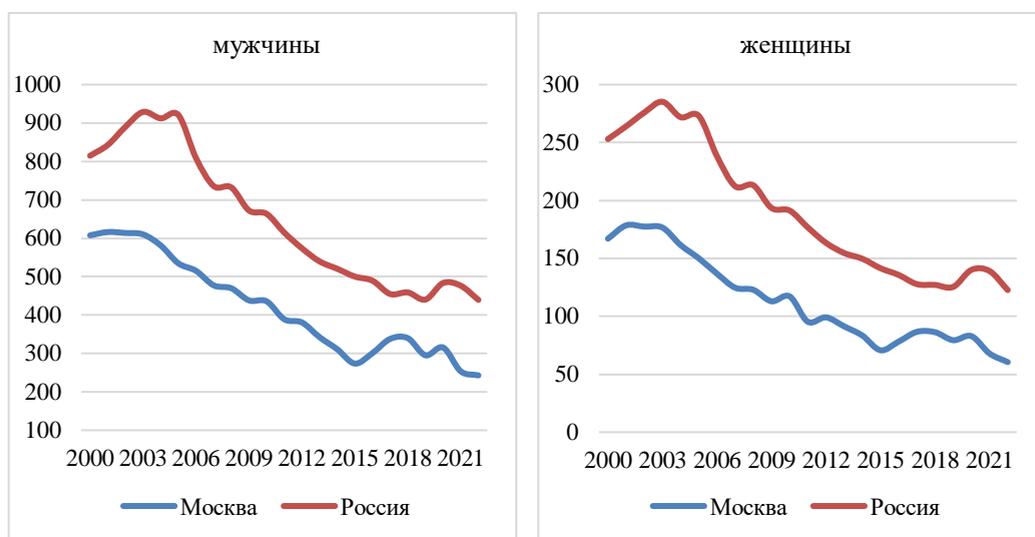

Рис. 1. Динамика смертности 40–59-летнего населения Москвы и России от болезней системы кровообращения на 100 тыс. населения

Fig. 1. Dynamics of mortality of the 40–59-year-old population of Moscow and Russia from diseases of the circulatory system per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹

Закономерности изменения сердечно-сосудистой смертности московского и российского населения в 2000-е гг. являются сходными: рост показателей в начале нулевых годов как следствие не исчерпанных до конца последствий дефолта 1998 г., последовавшее достаточно стабильное снижение показателей, негативные сдвиги в период пандемии COVID-19 и выход из нее в последний год исследования. Но при этом снижение и мужской, и женской смертности в России наблюдалось вплоть до начала пандемии, а в Москве только до 2015 г., хотя снижение и возобновилось в 2018 г.

В контексте настоящего исследования актуальным представляется вопрос: являются ли эти закономерности общими для острых и хронических форм основных сердечно-сосудистых патологий, к которым относятся ИБС и ЦВБ?

Динамика смертности от ИБС в 2000-е гг. и в столице, и в стране характеризуется закономерностями, свойственными для болезней системы кровообращения в

¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

целом, причем в течение всего периода исследования отмечалось существенное преимущество Москвы, увеличившееся в 2000-е гг. с 39,1% у мужчин и 56% у женщин до 72,3% и 2,3 раз соответственно.

Говоря об острых формах ИБС, нельзя не упомянуть о том, что в Москве позитивные тенденции были исчерпаны до пандемии (у мужчин – в 2015 г., у женщин – в 2018 г.), после чего снижение смертности отмечалось только в 2022 г., в период выхода из пандемии (рис. 2).

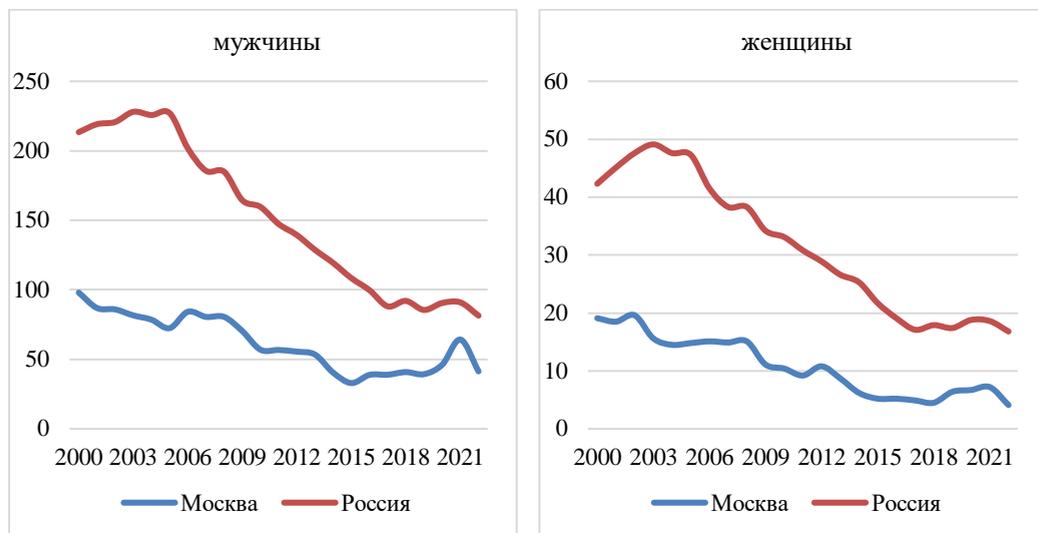

Рис. 2. Динамика смертности 40–59-летнего населения Москвы и России от острых форм ишемической болезни сердца на 100 тыс. населения

Fig. 2. Dynamics of mortality of the 40–59-year-old population of Moscow and Russia from acute forms of coronary heart disease per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата²

Среднегодовые темпы снижения смертности от острых форм ИБС за период 2000–2019 гг. у московских мужчин были меньше российских (4,1% против 4,6%), совпадая у женщин (по 4,4%), хотя в итоге за этот период уровни мужской смертности уменьшились в 2,5 раза и в Москве, и в России, а смертность москвичек снизилась в большей степени (в 3 раза против 2,4 раз). Пандемия же гораздо острее сказалась на населении столицы: за 2019–2021 гг. потери выросли на 63,4% у мужчин и на 12,5% у женщин против соответственно 6,3% и 6,9% в стране. В то же время выход из пандемии (2021–2022 гг.) в Москве сопровождался позитивными сдвигами, темпы которыхкратно превосходили российские (снижение на 35,7% и 43,1% против 10,5% и 9,7% соответственно). В итоге темпы снижения смертности от острых состояний при ИБС с 2000 г. по 2022 г. у московских мужчин несколько отставали от российских, а у москвичек – существенно их опережали (57,9% против 61,9% и 78,5% против 60,3%).

² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

Смертность от хронических форм ИБС 40–59-летнего населения Москвы в 2000-е гг. снижалась весьма стабильно, хотя и не всегда последовательно – даже наступление пандемии не привело к росту показателей, сколько-нибудь существенно отличавшемуся от флуктуационных сдвигов в предшествующий период (рис. 3).

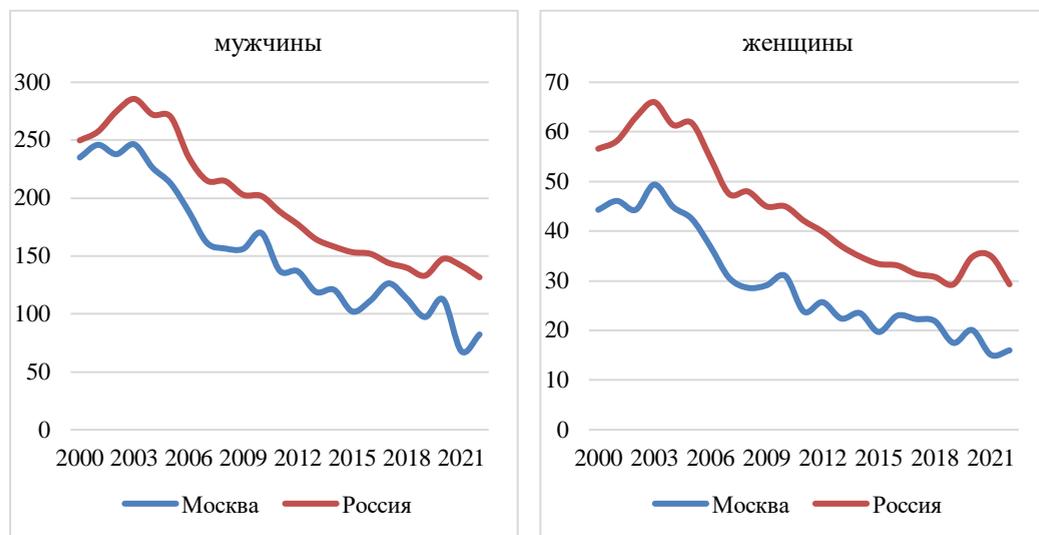

Рис. 3. Динамика смертности 40–59-летнего населения Москвы и России от хронических форм ишемической болезни сердца на 100 тыс. населения
Fig. 3. Dynamics of mortality of the 40–59-year-old population of Moscow and Russia from chronic forms of coronary heart disease per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата³

Можно констатировать, что ситуация в Москве развивалась более благополучно, нежели в России: так, в 2000–2019 гг. смертность от острых форм ИБС снизилась на 58,6% у мужчин и на 60,5% у женщин против снижения на 46,8% и 48,2% в стране. В 2019–2021 гг., в период пандемии, в Москве наблюдалось снижение показателей на 30,3% и 13,7% против роста на 6,5% и 19,5% в России. Исключением оказался последний год исследования: в 2021–2022 гг., в период выхода из пандемии, смертность москвичей выросла соответственно на 21,4% и 6% соответственно против снижения на 7,1% и 16,3% в России. Но несмотря на это, темпы снижения смертности от хронических форм ИБС с 2000 по 2022 г. существенно превышали российские (почти 3-кратное против менее чем 2-кратного).

В стабильный период (2000–2019 гг.) и в период выхода из пандемии (2021–2022 гг.) потери от острых форм ИБС в столице снижались более высокими темпами, нежели от хронических форм, а в период пандемии (2019–2021 гг.) потери от хронических форм снизились на фоне роста смертности от острых состояний.

³ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

Заметим, что потери 40–59-летнего населения и в Москве, и России от ИБС формируются в основном за счет хронических форм, причем доля острых состояний снижалась, хотя и не всегда последовательно (табл. 1).

Таблица 1

Доля потерь от острых состояний в смертности 40–59-летнего населения Москвы и России от ишемической болезни сердца, cerebrovasкулярных болезней и болезней системы кровообращения (%)

Table 1

The share of losses from acute conditions in the mortality of the 40-59-year-old population of Moscow and Russia from coronary heart disease, cerebrovascular diseases and diseases of the circulatory system (%)

Годы	Москва						Россия					
	% острых форм ИБС		% острых форм ЦВБ		% острых форм ССБ		% острых форм ИБС		% острых форм ЦВБ		% острых форм ССБ	
	муж.	жен.										
2000	29,4	30,1	86,1	88,2	н/д	н/д	46,1	42,8	84,2	85,6	н/д	н/д
2001	26,1	28,6	83,9	87,5	н/д	н/д	46,0	43,7	85,4	87,1	н/д	н/д
2002	26,5	30,7	84,7	87,0	н/д	н/д	44,6	43,1	85,7	86,9	н/д	н/д
2003	24,9	24,0	85,4	86,9	н/д	н/д	44,4	42,7	86,8	87,6	н/д	н/д
2004	25,8	24,4	84,4	87,2	н/д	н/д	45,3	43,7	87,0	88,0	н/д	н/д
2005	25,4	25,8	85,8	84,9	н/д	н/д	45,7	43,4	86,8	87,6	н/д	н/д
2006	30,9	29,0	82,9	86,2	н/д	н/д	46,2	43,1	87,4	88,2	н/д	н/д
2007	33,3	32,7	86,7	87,6	н/д	н/д	46,3	44,6	87,3	88,8	н/д	н/д
2008	34,0	34,6	87,4	87,6	н/д	н/д	46,3	44,4	87,8	88,6	н/д	н/д
2009	31,0	27,6	86,3	88,1	н/д	н/д	44,8	43,2	87,1	88,2	н/д	н/д
2010	25,1	25,1	82,0	84,0	н/д	н/д	44,2	42,4	86,1	87,2	н/д	н/д
2011	29,2	27,9	85,4	88,1	40,1	43,7	43,9	42,2	85,1	86,6	49,4	57,1
2012	28,9	29,6	86,8	89,2	38,4	42,4	44,0	42,0	85,2	85,8	49,0	57,0
2013	31,0	28,0	87,3	87,4	39,0	40,0	43,9	41,8	85,9	86,3	48,8	56,6
2014	25,1	20,9	87,6	85,8	36,2	36,6	43,0	42,0	85,8	85,9	48,3	56,2
2015	24,4	20,9	87,1	84,5	38,4	40,3	41,4	39,4	86,1	86,7	47,6	55,0
2016	25,8	18,4	84,9	84,6	37,9	37,3	39,6	36,6	85,7	86,7	46,7	53,9
2017	23,5	18,0	85,5	81,9	32,1	31,8	38,0	35,3	85,3	86,4	44,7	51,8
2018	26,5	17,0	84,0	80,3	31,3	30,4	39,7	36,8	84,9	84,8	44,9	52,9
2019	28,8	26,8	79,3	76,2	32,4	31,6	39,1	37,3	83,8	84,3	44,5	52,8
2020	29,1	25,0	79,2	73,6	34,2	32,1	38,0	35,1	83,0	82,8	43,5	52,5
2021	48,6	32,3	75,3	66,3	49,5	39,2	39,1	34,7	82,8	83,8	44,4	53,0
2022	33,4	20,4	75,7	74,5	39,4	38,5	38,2	36,4	82,2	82,9	43,6	52,6

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁴

Вместе с тем вклад острых форм в столице в 2000-е гг. был заметно выше, чем в стране, но в период пандемии московские показатели выросли как в мужской, так и женской популяции (в 2021 г. – до 48,6% и 32,3% соответственно против 28,8% и 26,8% в 2019 г.), в России же искомый показатель оставался стабильным, составив 38%–39% у мужчин и 36%–37% у женщин).

Смертность 40–59-летнего населения Москвы от ЦВБ в течение всего периода исследования оказалась ниже российской как в мужской, так и в женской популяции, однако выигрыш столицы в 2000-е гг. заметно сократился, составив 39,9% и

⁴ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

36,8% в 2022 г. против соответственно 53,4% и 78,2% в 2000 г. Возникает вопрос: за счет каких состояний – острых или хронических – произошло сокращение преимущества столицы?

Закономерности в динамике смертности московского и российского населения от острых форм ЦВБ в 2000-е гг. схожи: снижение потерь в стабильные 2000–2019 гг. с некоторым отставанием темпов позитивных тенденций в Москве (50,5% против 52,6% у мужчин и 64% против 62,1% у женщин), рост показателей в период пандемии с меньшими темпами в столице (3,2% против 6,9% и 0,6% против 5,4% соответственно) и снижение смертности в период выхода из пандемии, в Москве отмеченное только у мужчин на фоне стагнации показателей у москвичек (снижение на 11,3% и рост на 0,6% против снижения на 9,4% и 10,9% соответственно российских показателей) (рис. 4). Вследствие подобной динамики смертность мужского населения Москвы и России от острых форм ЦВБ снижалась сходными темпами, особенно у мужчин, составившими 54,7% против 54,1% и 61,7% против 66,2% соответственно).

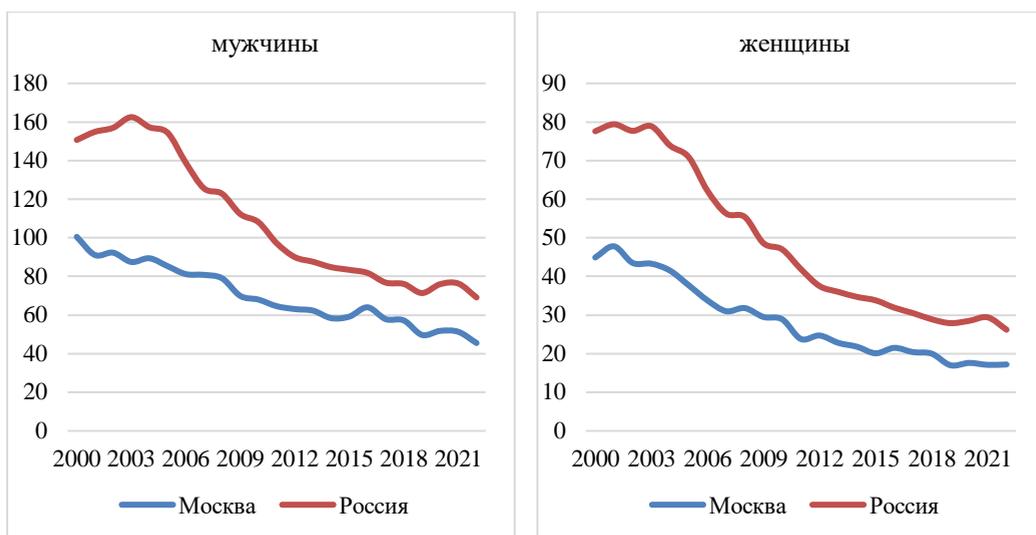

Рис. 4. Динамика смертности 40–59-летнего населения Москвы и России от острых форм cerebrovascular diseases на 100 тыс. населения

Fig. 4. Dynamics of mortality of the 40–59-year-old population of Moscow and Russia from acute forms of cerebrovascular diseases per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁵

Закономерности изменения смертности от хронических форм ЦВБ существенно отличались от таковых для острых форм, в первую очередь более ранним исчерпанием позитивных трендов, наблюдавшимся до наступления пандемии. Если в России минимальные значения показателя наблюдались в 2017 г., то в

⁵ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

Москве смена вектора произошла уже в 2014 г. у мужчин и в 2012 г. – у женщин, после чего показатели росли до 2021 г., когда наблюдался максимум смертности (локальный – у мужчин, абсолютный – у женщин), составивший 16,8 и 8,7 на 100 тыс. соответствующего населения, и смертность снизилась только в последний год исследования (рис. 5).

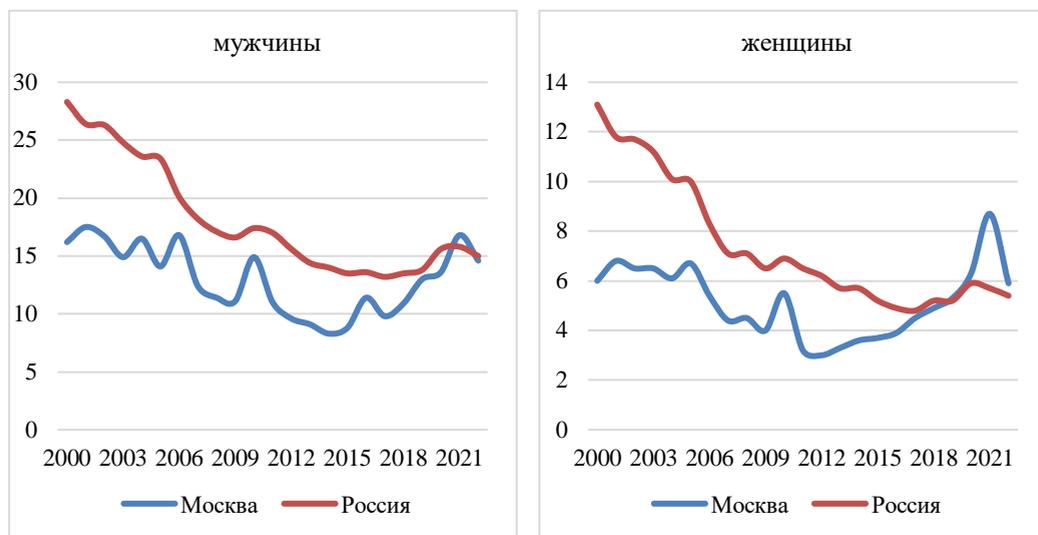

Рис. 5. Динамика смертности 40–59-летнего населения Москвы и России от хронических форм цереброваскулярных болезней на 100 тыс. населения
Fig. 5. Dynamics of mortality of the 40–59-year-old population of Moscow and Russia from chronic forms of cerebrovascular diseases per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁶

Вследствие такой достаточно неожиданной траектории изменения смертности от хронических форм ЦВБ темпы снижения показателей в Москве в 2000–2019 гг. значительно уступали российским и в мужской, и в женской популяции (19,8% и 11,7% против 51,2% и 60,3% соответственно). В период пандемии негативные сдвиги в столице оказались значительно более выраженными, чем в России (соответственно рост на 29,2% и 64,2% против 14,5% и 9,6%). И только в период выхода из пандемии (2021–2022 гг.) ситуация в Москве складывалась лучше, нежели чем в России (снижение смертности на 13,1% и 32,2% против 5,1% и 5,3%).

Итак, в 2000-е гг. Москва существенно уступала России по темпам снижения смертности от хронических форм ЦВБ (почти 2-кратное и более чем 2-кратное снижение смертности в стране против снижения на 9,9% и 1,7% в столице). Как итог, преимущество в 75% у московских мужчин, наблюдавшийся в 2000 г., сократился к 2022 г. до 2,7%, в женской популяции более чем 2-кратное преимущество москвичек к 2022 г. сменилось отставанием на 9,3%. При этом 1,5-кратное превышение смерт-

⁶ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

ности москвичей от острых форм ЦВБ, наблюдавшееся в 2000 г., было зафиксировано и в последний год исследования, у москвичек же оно сократилось с 72,8% до 1,5-кратного. Сокращение преимущества столицы по смертности от ЦВБ уменьшилось исключительно у мужчин, а у женщин – преимущественно за счет хронических форм данных патологий.

Интересно, что если потери от ИБС у лиц 40–59 лет формируются в большей степени за счет хронических форм заболевания, то смертность от ЦВБ в этих возрастах и в Москве, и в России формируется прежде всего за счет острых состояний. При этом в России изменения данного показателя достаточно инерционны: достаточно указать на то, что максимальные значения искомого показателя, отмеченные в 2007–2008 гг., составили 87,8% и 88,8%, минимальные – 82,2% и 82,9% соответственно. В Москве же с начала 2010-х гг., когда налицо были максимальные значения показателя (87,6% и 89,2% соответственно), последовало резкое падение такого показателя, продолжившееся и в период пандемии: так, в 2021 г. он составил 75,3% и 66,3% соответственно, с некоторым его ростом в последний год пандемии. Особо подчеркнем, что вплоть до начала 2010-х гг. вклад острых состояний в смертность от ЦВБ в Москве и в России был сопоставим, в последнее десятилетие московские показатели оказались значимо ниже российских.

В целом же вклад острых состояний в сердечно-сосудистую смертность 40–59-летнего населения столицы в 2010-е гг. заметно снизился: если в 2011 г. он составил 40,1% у мужчин и 43,7% у женщин, то в 2019 г. – 32,4% и 31,6% соответственно, резко увеличившись в период пандемии. В последний год исследования показатели несколько снизились (соответственно 39,4% и 38,5%), тем не менее заметно превышая долю острых состояний в стабильные 2010-е гг. В России, с одной стороны, вклад острых состояний в сердечно-сосудистую смертность заметно превысил московские показатели, с другой – как и в Москве, отмечалось снижение искомым показателей, которое носило гораздо более стабильный, нежели в столице характер. Причем в период пандемии происходила стабилизация показателей на уровнях предшествующего периода (см. табл. 1).

Рассматривая ситуацию среди лиц старших возрастов в Москве, укажем на стабильное снижение смертности в предпандемийный период как от острых, так и от хронических форм ИБС, при этом и у мужчин, и у женщин темпы позитивных тенденций смертности от острых состояний заметно опережали таковые от хронических форм, составив в 2000–2019 гг. соответственно 4,1 и 4,6 против 2,6 и 2,5 раз (рис. 6, 7).

Пандемия сказалась в первую очередь на острых формах ИБС, смертность от которых в 2019–2021 гг. выросла соответственно на 24,6% и 13% против снижения на 14,8% и 14% потерь от хронических состояний (за счет позитивного сдвига во второй год пандемии). У лиц пожилых возрастов, как и в более молодой группе, выход из пандемии ознаменовался снижением смертности от острых форм (соответственно на 23,1% и 20,9%) на фоне роста на 2,6% и 5% показателей от хронических состояний.

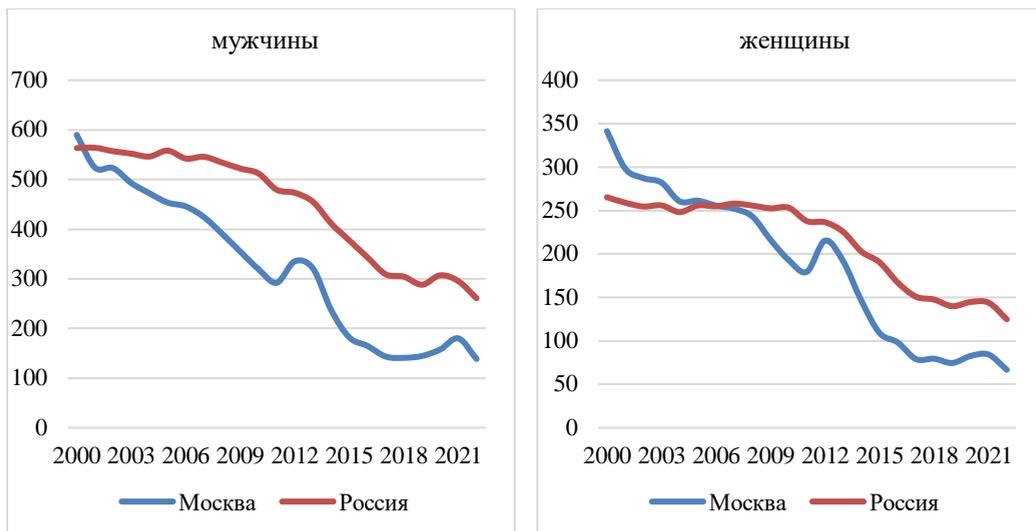

Рис. 6. Динамика смертности населения Москвы и России 60 лет и старше от острых форм ишемической болезни сердца на 100 тыс. населения
Fig. 6. Dynamics of mortality in the population of Moscow and Russia aged 60 years and older from acute forms of coronary heart disease per 100 thousand people
 Источник: составлено авторами по данным Росстата⁷

Рис. 7. Динамика смертности населения Москвы и России 60 лет и старше от хронических форм ишемической болезни сердца (на 100 тыс. населения)
Fig. 7. Dynamics of mortality in the population of Moscow and Russia aged 60 years and older from chronic forms of coronary heart disease (per 100 thousand people)
 Источник: составлено авторами по данным Росстата⁸

⁷ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

⁸ Там же.

В России в стабильный период тенденции были сходными, хотя темпы их заметно отставали от московских. Так, в 2000–2019 гг. смертность пожилого населения страны от острых форм ИБС снизилась менее чем вдвое против более чем 4-кратного снижения показателей в столице, от хронических форм – на 37,1% и 39,3% против 2,5 раз в столице.

Последствия пандемии в России оказались более тяжелыми нежели в Москве, но только для хронических форм ИБС, смертность от которых в период 2019–2021 гг. в стране выросла на 12,3% и 19,2% против снижения на 14,8% и 14% в столице. Для острых форм, наоборот, при общих негативных сдвигах темпы роста смертности в Москве кратно превосходили таковые в России (24,6% и 13% против 2,5% и 2,9% соответственно).

Ко всему прочему выход из пандемии выявил явные нозологические различия: если сдвиги смертности от острых форм ИБС в последний год исследования показывают преимущества Москвы и в мужской и в женской популяции (соответственно снижение на 23,1% и 20,9% против 11,7% и 13,3%), то в контексте хронических форм складывается обратная ситуация – рост смертности в столице на 2,6% и 5% в 2021–2022 гг. наблюдался на фоне снижения показателей в России на 12,4% и 13%.

Вследствие подобной динамики за период исследования смертность пожилых от острых форм ИБС в столице снизилась в 4,3 и 5,1 раза против 2,2 и 2,1-кратного снижения показателей в стране, от хронических форм ИБС – соответственно в 3 и 2,8 раза против 38,2% и 37,1%.

Заметим, что, как и в более молодых возрастах, смертность пожилого населения Москвы от острых форм ИБС снижалась более высокими темпами, чем для хронических форм, в периоды 2000–2019 гг. и 2021–2022 гг., а в период пандемии (2019–2021 гг.) потери от острых состояний выросли на фоне снижения смертности от хронических состояний. В России же ситуация с острыми состояниями в течение всего периода исследования развивалась лучше, чем для хронических форм ЦВБ, за исключением 2021–2022 гг., когда смертность мужчин снижалась меньшими темпами, нежели потери от хронических форм. В России у мужчин ситуация в течение всего периода исследования развивалась лучше для острых форм ИБС, у женщин исключением оказался выход из пандемии: в 2021–2022 гг. темпы снижения смертности от хронических состояний превысили таковые для острых форм ИБС (16,3% против 9,7%).

Вклад смертности от острых состояний в общие потери пожилых от ИБС в период исследования и в Москве, и в России, во-первых, не превышал 22% у мужчин и 20% у женщин, во-вторых, этот показатель снижался. Следует обратить внимание на то, что в России на эти сдвиги пандемия не повлияла, в Москве же наблюдался некоторый рост искомых показателей, вследствие чего локальный максимум, составивший 21,6% и 16,1%, был зафиксирован в 2021 г. (табл. 2).

В России, как и в Москве, потери от ИБС также формировались в основном за счет хронических состояний, при этом доля острых форм в течение всего периода исследования, как и в столице, в 2000-е гг. снижалась. Вклад острых состояний у пожилых москвичей за весь период исследований превышал российские показатели.

Смертность российского населения от ИБС, как правило, превышала московскую. В первые годы исследования выигрыш Москвы у мужчин был минимальным, составив 2%, москвички же по смертности от ИБС проигрывали 7,5% российским сверстницам. Однако в последние годы выигрыш столицы приблизился к 90% у мужчин и 75% у женщин. Отставание Москвы в первые годы исследования формировалось за счет острых форм ИБС: в 2000 г. московские показатели превышали российские на 4,7% у мужчин и 28,7% у женщин, к 2022 г. сменившись выигрышем в 88,2% и 87,4%. Преимущество столицы по хроническим формам ИБС отмечалось в течение всего периода исследования, при этом в 2000-е гг. показатель вырос соответственно с 3,7 и 4,7 до 4,9 и 6,3-кратного.

Таблица 2

Доля потерь от острых состояний в смертности населения Москвы и России 60 лет и старше от ишемической болезни сердца, cerebrovasкулярных болезней и болезней системы кровообращения (%)

Table 2

The share of losses from acute conditions to the mortality of the population of Moscow and Russia 60 years of age and older from coronary heart disease, cerebrovascular diseases and the circulatory system diseases (%)

Годы	Москва						Россия					
	% острых форм ИБС		% острых форм ЦВБ		% острых форм ССБ		% острых форм ИБС		% острых форм ЦВБ		% острых форм ССБ	
	муж.	жен.										
2000	22,9	20,9	59,2	36,4	н/д	н/д	21,5	17,4	59,8	57,8	н/д	н/д
2001	21,6	18,7	57,8	40,0	н/д	н/д	21,2	17,0	60,4	58,2	н/д	н/д
2002	22,0	18,2	58,6	40,1	н/д	н/д	20,1	16,0	59,4	56,8	н/д	н/д
2003	20,4	17,5	59,7	40,7	н/д	н/д	19,5	15,9	61,1	58,5	н/д	н/д
2004	20,5	17,5	59,5	42,5	н/д	н/д	20,0	16,2	61,6	59,0	н/д	н/д
2005	20,8	17,8	57,0	43,0	н/д	н/д	20,2	16,6	60,9	58,4	н/д	н/д
2006	21,8	18,0	54,1	43,0	н/д	н/д	20,4	16,6	62,9	60,5	н/д	н/д
2007	22,4	19,0	56,7	44,0	н/д	н/д	21,1	17,3	63,0	60,9	н/д	н/д
2008	21,2	18,8	56,7	45,6	н/д	н/д	20,8	17,3	62,6	59,8	н/д	н/д
2009	20,7	18,1	55,5	46,8	н/д	н/д	21,0	17,6	60,5	57,8	н/д	н/д
2010	18,3	15,1	51,0	42,3	н/д	н/д	20,6	17,5	57,7	54,7	н/д	н/д
2011	20,8	18,0	53,3	47,1	30,0	27,8	20,9	17,7	54,1	51,1	29,2	27,5
2012	23,4	21,2	55,9	50,2	32,2	30,5	21,2	18,0	52,1	48,8	28,5	26,7
2013	23,8	20,2	53,2	48,4	31,5	29,4	22,1	18,6	51,6	48,3	29,0	26,9
2014	18,2	15,5	51,4	45,9	27,6	25,8	21,8	18,8	50,4	47,0	28,7	26,9
2015	14,4	11,7	50,5	44,4	25,5	23,3	20,3	17,8	50,3	46,8	28,0	26,3
2016	12,7	10,1	45,3	41,6	22,6	21,1	19,3	16,4	50,0	46,9	27,2	25,5
2017	11,7	8,8	47,6	43,3	22,1	20,4	18,3	15,7	49,8	46,8	26,3	24,9
2018	12,9	10,6	42,8	38,0	22,2	21,0	18,5	15,9	49,4	45,7	26,3	24,6
2019	15,9	12,7	37,9	32,1	23,1	20,7	18,2	15,5	48,2	44,3	25,9	24,0
2020	15,7	12,8	37,9	31,9	22,9	20,2	16,8	14,1	46,4	43,4	24,2	22,5
2021	21,6	16,1	30,0	23,7	23,7	19,0	16,9	13,7	46,0	41,2	24,2	21,6
2022	17,1	12,6	32,1	24,5	21,9	17,8	17,0	13,6	45,9	40,3	24,2	21,5

Источник: составлено авторами по данным Росстата⁹

⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

Анализируя ситуацию с ЦВБ у пожилых, нужно сказать о весьма существенных различиях в эволюции смертности от острых и хронических форм, формирование которых было замечено в более молодых (40–59 лет) возрастах. Так, смертность от острых форм ЦВБ в 2000-е гг. стабильно снижалась и у московского, и у российского населения 60 лет и старше, причем даже пандемия, несмотря на незначительный подъем показателей в первый год кризиса, не смогла сколько-нибудь существенно сказаться на таких позитивных сдвигах (рис. 8).

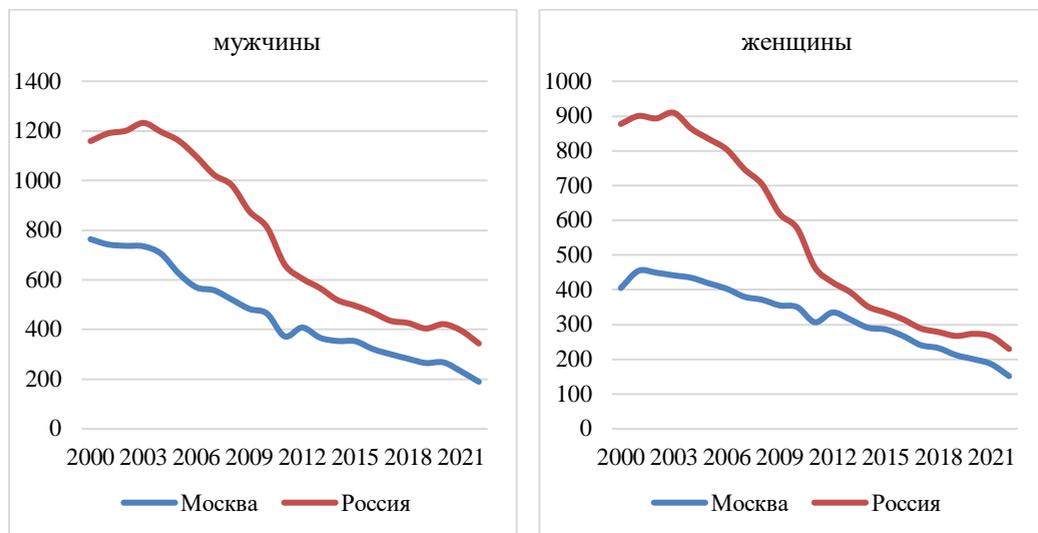

Рис. 8. Динамика смертности населения Москвы и России 60 лет и старше от острых форм цереброваскулярных болезней на 100 тыс. населения
Fig. 8. Dynamics of mortality in the population of Moscow and Russia aged 60 years and older from acute forms of cerebrovascular diseases per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹⁰

Если в 2000–2019 гг. темпы позитивных тенденций у мужчин в Москве и в России были практически одинаковыми (почти 3-кратное снижение показателей), то в период пандемии (2019–2021 гг.) столица получила явный выигрыш – снижение показателей на 12,8% против 2,1% в стране. Эта же ситуация сохранилась в период выхода из пандемии – в 2021–2022 гг. смертность пожилых москвичей снизилась на 18% против 13,2% среди их российских ровесников.

У женщин ситуация была сходной, за одним исключением: в докризисный период, в 2000–2019 г., темпы позитивных трендов в столице заметно уступали российским (менее чем 2-кратное снижение против 3,3-кратного), но в дальнейшем смертность пожилых москвичек снижалась более высокими темпами, нежели у их российских ровесниц, составив в период пандемии 12,3% против 0,6%, в 2021–2022 гг. – 18,5% против 13,5% в России.

¹⁰ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

Вследствие подобной динамики в 2000-е годы темпы снижения смертности от острых форм ЦВБ у пожилых москвичей заметно превышали, у москвичек – отставали от российских, составив соответственно 4 против 3,4 раз и 2,7 против 3,8 раз соответственно.

Далеко не столь однозначно выглядит эволюция смертности от хронических форм ЦВБ. Как и в более молодых возрастах, в Москве позитивные тренды смертности от хронических состояний оказались исчерпанными задолго до пандемии: рост показателей и в мужской, и в женской популяции начался в 2011 г. и продолжался более десятилетия, снижение смертности произошло только в последний год исследования (рис. 9).

Рис. 9. Динамика смертности населения Москвы и России 60 лет и старше от хронических форм цереброваскулярных болезней на 100 тыс. населения
Fig. 9. Dynamics of mortality in the population of Moscow and Russia aged 60 years and older from chronic forms of cerebrovascular diseases per 100 thousand people

Источник: составлено авторами по данным Росстата¹¹

В России же эволюция смертности в мужской популяции выглядит достаточно традиционно, с минимумом показателей в 2019 г., у женщин же негативные сдвиги начали формироваться задолго до пандемии – в 2017 г. В период пандемии показатели выросли и в мужской, и в женской популяции, с закономерным позитивным сдвигом в процессе выхода из кризиса.

Подобная динамика привела к достаточно интересным результатам: в течение всего периода исследования ситуация в Москве развивалась хуже, чем в России. Так, в стабильные 2000–2019 гг. смертность пожилого населения Москвы снизилась на 17,5% у мужчин и на 36,7% в женской популяции против 44,1% и 47,6% в России, в период пандемии (2019–2021 гг.) рост смертности в столице составил 24% и

¹¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 17.05.2024).

33,4% против 6,8% и 12% в стране. Исключением оказался только последний год: в 2021–2022 гг. московская смертность снизилась на 25,5% и 22,1% против соответственно 13% и 10,1% снижения российских показателей. В результате в 2000-е гг. смертность пожилого населения Москвы от хронических форм ЦВБ снизилась на 23,8% и 34,2% против почти 2-кратного снижения российских показателей.

В столице до 2021 г. и в мужской, и в женской популяции ситуация для острых форм ЦВБ формировалась более благополучно, нежели для хронических: так, в 2000–2019 гг. темпы снижения смертности составили соответственно 65,3% и 47,7% против 17,5% и 36,7%, в 2019–2021 гг. смертность от острых форм снижалась на фоне роста потерь от хронических форм. Однако в 2021–2022 гг. смертность от хронических форм ЦВБ снизилась на 25,5% и 22,1% против 18% и 18,5% от острых форм. В России же ситуация для острых форм в течение всего периода исследования развивалась благополучнее, чем для хронических форм.

За счет подобных трендов преимущество Москвы по смертности от ЦВБ в 1,5 раза и на 36,3%, наблюдаемое в 2000 г., к 2022 г. сократилось до 26,6% у мужчин, у женщин же сменилось отставанием столицы на 8,3%. У мужчин эти негативные для Москвы сдвиги формировались за счет хронических состояний – по смертности от острых форм москвичи увеличили преимущество с 1,5-кратного до 81,3% на фоне элиминации почти 1,5-кратного преимущества по смертности от хронических состояний. В женской популяции 2,2-кратный выигрыш столицы от острых форм ЦВБ в 2000-е гг. сократился до 1,5-кратного, что касается хронических форм, то отставание Москвы на 10,6%, отмеченное в первый год исследования, к 2022 г. выросло до 37%.

Доля острых форм ЦВБ, как и в случае ИБС, сокращалась, однако их вклад оказался существенно выше, нежели при ИБС, составив в 2000 г. у пожилых москвичей 59,2%, в 2022 г. – 32,1%. У москвичек же наблюдался рост вклада острых форм до 2012 г., когда искомым показатель достиг половины всех потерь от ИБС, после чего началось снижение показателя – в 2022 г. он составил 24,5%.

В течение всего периода исследования московские показатели были значительно ниже российских, при этом в России отмеченное ранее снижение вклада острых состояний происходило более последовательно: здесь укажем на то, что минимальные значения показателя были отмечены у пожилого населения страны в последний год исследования и составили 45,9% и 40,3% соответственно.

В целом же вклад острых состояний в смертность пожилого населения Москвы, как и России в целом, начиная с 2011 г. снижалась, хотя и не всегда стабильно, и в 2022 г. показатель представляется минимальным и в Москве, и в России за последние 12 лет, составив 21,9% против 17,8% у мужчин и 24,2% против 21,5% у женщин.

Особо обратим внимание на то, что пандемия повлияла на эволюцию искомых показателей несущественно: можно подметить только незначительное (с 22,9% до 23,7%) повышение показателя у пожилых москвичей.

Обсуждение

Первое обстоятельство, которое требует обсуждения в контексте настоящего исследования – это вопрос о нозологическом профиле кластера «острые состоя-

ния». В него были включены острые формы ишемической болезни сердца и цереброваскулярных болезней, алкогольная кардиомиопатия и внезапная сердечная смерть. Причем в потери от острых форм не включена неуточненная кардиомиопатия: критерии диагностики этой патологии в настоящее время более чем расплывчаты, о чем свидетельствует огромный внутрироссийский разброс показателя. А именно: в 2022 г. смертность 40–59-летнего населения варьировала от 99 на 100 тыс. человек в Астраханской области до нулевых значений в Кировской области и Республике Марий Эл.

Уточним, что сравнение закономерностей эволюции острых и хронических форм допустимо только при анализе смертности от ИБС и ЦВБ, поскольку масштабы острых состояний среди болезней системы кровообращения в целом в рамках существующей системы учета вряд ли возможно оценить достаточно корректно.

Второй вопрос – о различиях острых и хронических форм основных сердечно-сосудистых патологий, к которым, безусловно, относятся ишемическая болезнь сердца и цереброваскулярные болезни. Подчеркнем, что острые состояния при этих заболеваниях не могут сформироваться ураганно – они являются следствием либо несвоевременного выявления таких патологий, либо их неадекватного лечения. В любом случае речь идет об уже имеющемся заболевании, и задачей здравоохранения представляется предупреждение перехода хронической формы в острую путем адекватного лечения и социальной поддержки. Всем больным с острыми коронарными синдромами рекомендуется сердечно-сосудистая реабилитация, которая снижает не только сердечно-сосудистую смертность, но в ряде случаев и общую [16]. После острого инцидента сердечно-сосудистого заболевания необходима вторичная профилактика из-за высокого риска рецидива [17].

Третий вопрос – о различиях ведения больных в острой и хронической формах заболевания. В первом случае актуально правило «золотого часа», работы скорой помощи, экстренной госпитализации и реанимационных служб с возможным хирургическим вмешательством, во втором – рутинная работа врачей и скрупулезное соблюдение пациентами их рекомендаций, что, впрочем, не гарантировано ведет к предупреждению смертельных исходов [18]. Кроме того, специалисты обращают внимание на необходимость дифференцированного подхода к ведению женщин с острым коронарным синдромом [19], у которых отмечается повышенный риск повторных сосудистых катастроф [20]. Если пожилой возраст, пол, наследственная предрасположенность являются некорректируемыми факторами риска развития хронической ишемии головного мозга, то негативные последствия атеросклероза и гипертонической болезни современная медицина позволяет нивелировать [21]. Эффективность фармакотерапии хронической сосудистой мозговой недостаточности наибольшая при начальных проявлениях цереброваскулярной недостаточности (I стадия), менее выражена при II стадии, а при III стадии весьма проблематична [22].

В данном контексте в Москве сложилась парадоксальная ситуация: когда речь не идет о кризисных ситуациях, к которым, несомненно, относится пандемия, ситуация для острых форм и ишемической болезни сердца и цереброваскулярных болезней складывалась более благоприятно, нежели чем для хронических состояний.

Если при ИБС динамика смертности от острых и хронических форм различается только в темпах позитивных тенденций, то в случае ЦВБ проблема не может не вызывать опасений. Вследствие крайне низких темпов снижения показателей Москва утратила свое преимущество по сравнению с Россией – в настоящее время смертность москвичек от хронических форм ЦВБ превышает российскую и в старших трудоспособных, и в пожилых возрастах, в мужской популяции показатели сравнялись, несмотря на очевидный выигрыш столицы в начале 2000-х годов.

Прежде всего это касается лиц трудоспособных возрастов: смерть от хронических форм ЦВБ в 40–59 лет, безусловно, преждевременна, потому что она не является физиологически обусловленной объективными процессами старения, тем не менее в 2000-е годы смертность московского населения снизилась только на 9,9% у 40–59-летних мужчин и на 1,7% у их ровесниц против более чем 2-кратного снижения российских показателей.

Анализируя эти результаты, надо учитывать то, что столичная смертность включает в себя не только потери среди постоянного населения, но и среди иногородних, вклад которых особенно велик в трудоспособных возрастах [23].

Еще одно обстоятельство, которое нельзя игнорировать, характеризуя ситуацию в столице – это ранняя исчерпанность позитивных тенденций смертности. Так, первые негативные сдвиги смертности от ИБС (и острых и хронических состояний) 40–59-летнего населения Москвы начались задолго до пандемии – в 2015 г. Именно в возрасте трудоспособности в допандемический период проявилось действие программ снижения сердечно-сосудистой смертности в изменении смертности от ИБС и ЦВБ [24]. В полной мере исчерпанность потенциала снижения смертности обнаружилась в случае хронических форм ЦВБ как для трудоспособных, так и для пожилых возрастов. Рост показателей начался с 2012–2014 гг. при достаточно стабильном снижении смертности от острых состояний, вследствие чего с 2015 г. у пожилых москвичей и с 2012 г. у москвичек смертность от хронических состояний стала превышать таковую от острых форм ЦВБ. Нельзя забывать и о том, что процесс замещения острых форм ЦВБ хроническими в старших возрастах в этот же период наблюдался и в России. Однако в стране, в отличие от столицы, он реализовывался на фоне одновекторных процессов: смертность от хронических состояний, как и острых форм, снижалась, хотя и более медленными темпами. Более того, само по себе замещение острых форм на хронические в случае сердечно-сосудистых заболеваний однозначно является прогрессивным явлениям, но оно не должно сопровождаться, как в Москве, ростом потерь от хронических состояний.

Обсуждая этот московский феномен, важно обратить внимание на некоторые хронологические обстоятельства – резкое снижение смертности от обеих форм ЦВБ в 2010–2011 гг., после чего позитивные тренды потерь от острых форм сохранились, от хронических – показатели начали расти, что было наиболее выражено у москвичей старших возрастов (среди 40–59-летних – только у москвичек, у мужчин данный процесс начался с 2014 г.). В России же этой разновекторной динамики смертности от острых и хронических форм не наблюдалось. Напомним, что именно в то время была принята программа по снижению сердечно-сосудистой смертности с акцентом на инфаркты и инсульты, т. е. острые состояния. Впрочем, нельзя исключать факт лучшей доступности медицинских организаций третьего уровня в

столице, позволяющей придерживаться правила «золотого часа». В других субъектах концентрация сердечно-сосудистых центров меньше. К примеру, в Вологодской области выявились недостатки в системе оказания экстренной медицинской помощи пациентам с болезнями системы кровообращения, поскольку не предусмотрен четкий алгоритм эвакуации пациентов из одной медицинской организации в другую – в региональный центр 3-го уровня, более оснащенный оборудованием и квалифицированными специалистами, что не позволяет оказывать экстренную медицинскую помощь в пределах «золотого часа» [25].

Для объяснения московского парадокса с хроническими формами ЦВБ можно выдвинуть 3 гипотезы. Во-первых, в Москве с начала 2010-х гг. сложились чрезвычайно высокие риски формирования хронических форм ЦВБ. Вторая гипотеза – при стабильных рисках московская медицина, начиная с этого периода, перестала справляться с контингентами больных с такими патологиями. И, в-третьих, допустимо предположить, что в столице особое внимание к инсультам привело к гипердиагностике хронических форм ЦВБ за счет острых состояний, и как следствие – заметное сокращение преимущества Москвы по сравнению с Россией по смертности от ЦВБ в целом, составившее у 40–59-летних соответственно 39,9% и 36,8% в 2022 г. против 1,5 раз и 78,2% в 2000 г., и полностью утраченное у пожилого населения.

В Москве в период пандемии COVID-19 зоной риска ИБС оказались острые формы (рост смертности против снижения потерь от хронических состояний). Возможно, это объясняется наличием нескольких механизмов вовлечения миокарда в патологический процесс при поражении SARS-CoV-2, что может приводить к развитию внезапной сердечной смерти [26]. При более высокой заболеваемости москвичей COVID-19 частота острых коронарных событий среди них заметно увеличилась. При ЦВБ векторы оказались зеркальными – зоной риска стали хронические состояния. В частности, среди 40–59-летних отмечался рост смертности от обеих форм ЦВБ, крайне незначительный при острых и весьма существенный при хронических состояниях, в пожилых возрастах смертность от острых форм снижалась на фоне заметного роста потерь от хронических состояний. Первое. Здесь могут проявляться последствия инфицирования коронавирусом, приводящему среди прочих осложнений к микроангиопатиям, поскольку установлено, что важной причиной развития хронического сосудистого поражения мозга является микроангиопатия, ведущая к хронической ишемии мозга [27]. Второе. Следует подчеркнуть, что у лиц пожилого возраста специалисты выявили критически низкую заинтересованность в укреплении собственного здоровья, что сегодня наиболее актуально для повышения эффективной медицинской профилактики осложнений болезней системы кровообращения на основе оказания бесплатных медицинской помощи и услуг [28].

Изучая проблематику тенденций сердечно-сосудистой смертности в период пандемии коронавирусной инфекции, нельзя не учитывать проблему диагностики причин смерти в случае сочетанных состояний [29]. Поскольку разработка причин смерти ведется только по первоначальной причине, весь комплекс множественных состояний, особенно в пожилых возрастах, в диагнозе не фиксируется, но существенно влияет на риск смерти.

Отметим, что в отличие от Москвы у 40–59-летнего населения России в 2019–2021 гг. наблюдался рост потерь и от острых, и от хронических форм ИБС и ЦВБ, в пожилых возрастах – рост смертности от обеих форм ИБС и, как и в столице, от хронических форм ЦВБ на фоне снижения потерь от острых форм.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время основной проблемой Москвы являются хронические формы цереброваскулярных болезней.

В заключение нельзя не отметить еще один специфический московский феномен – неожиданный рост смертности от хронических форм ИБС, отмеченный в 2021–2022 гг. на фоне снижения потерь и от острых состояний, и от обеих форм ЦВБ. Возможно, имеют место отдаленные последствия у лиц, переболевших коронавирусной инфекцией [30].

Выводы и заключения

Проведя анализ смертности населения столицы от основных сердечно-сосудистых патологий в 2000-е гг., важно отметить несколько обстоятельств.

Во-первых, смертность населения Москвы от ишемической болезни сердца в 2000-е гг. снижалась, и позитивные тренды определялись как острыми, так и хроническими состояниями, за исключением периода пандемии (2019–2021 гг.), когда наблюдался рост смертности от острых состояний, и выхода из пандемии (2021–2022 гг.) – в этот период выросла смертность от хронических форм ИБС. Ситуация в Москве для острых форм ИБС складывалась лучше, чем в России, в течение всего периода исследования, за исключением 2019–2021 гг., периода пандемии COVID-19. Для хронических форм исключением оказался последний год исследования, когда московская смертность выросла на фоне снижения российских показателей.

Во-вторых, смертность и от острых, и от хронических форм ИБС в Москве в 2000-е гг. была значительно ниже российской, и выигрыш столицы существенно вырос.

В-третьих, ситуация в Москве на возрастной шкале складывалась существенно разным образом. Преимущество столицы по смертности от острых форм ЦВБ, отмеченное в первые годы исследования, удалось увеличить только для мужчин пожилых возрастов; у 40–59-летних мужчин выигрыш столицы остался неизменным, у москвичек 40 лет и старше наблюдалось существенное сокращение искомого показателя. Выигрыш в смертности москвичей от хронических форм ЦВБ, наблюдаемый в первые годы исследования, был элиминирован: показатели москвичек, особенно в пожилых возрастах, существенно опережали российские.

В-четвертых, вклад острых состояний как в смертность от ИБС и ЦВБ, так и в потери от болезней системы кровообращения в целом, у населения Москвы в период исследования значительно снизился, что, разумеется, свидетельствует о позитивных сдвигах смертности. В России наблюдались сходные процессы, однако в Москве доля острых состояний была ниже общероссийской.

Список литературы

1. Сабгайда, Т. П. Смертность от болезней системы кровообращения как отражение демографического старения / Т. П. Сабгайда, Г. Н. Евдокушкина, А. Е. Иванова // Здравоохранение Российской Федерации. 2023. Т. 67, № 5. С. 436–443. EDN [UFSWCS](#). DOI [10.47470/0044-197X-2023-67-5-436-443](#).

2. Иванова, А. Е. Резервы сокращения смертности в России в контексте ее возрастных и нозологических особенностей / А. Е. Иванова, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 4. С. 92–125. EDN [PZYBQE](#). DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](#).
3. Сабгайда, Т. П. Результативность федерального проекта «Борьба с сердечно-сосудистыми заболеваниями» в контексте предотвратимых причин в городских и сельских поселениях России / Т. П. Сабгайда, А. В. Зубко, В. Г. Семенова // Вопросы управления. 2023. Т. 17, № 2. С. 71–85. EDN [QWOSBY](#). DOI [10.22394/2304-3369-2023-2-71-85](#).
4. Архангельский, В. Н. Воспроизводственный потенциал демографического развития России / В. Н. Архангельский, Т. А. Фадеева. Под ред. Л. Л. Рыбаковского. Москва: Экон-Информ, 2022. 165 с. ISBN 978-5-907427-72-3.
5. Eckart, R. E. Sudden Death in Young Adults: An Autopsy-Based Series of a Population Undergoing Active Surveillance / R. E. Eckart, E. A. Shry, A. P. Burke, et al. // Journal of the American College of Cardiology. 2011. Vol. 58, No. 12. Pp. 1254–1261. DOI [10.1016/j.jacc.2011.01.049](#).
6. Бойцов, С. А. Возможности диспансерного наблюдения в снижении смертности от ишемической болезни сердца / С. А. Бойцов, С. И. Проваторов // Терапевтический архив. 2023. Т. 95, № 1. С. 5–10. EDN [FECWMD](#). DOI [10.26442/00403660.2023.01.202038](#).
7. Воробьева, О. В. Фармакотерапия тревожных расстройств у пациентов с хронической ишемией мозга / О. В. Воробьева, В. В. Русая // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 2016. Т. 116, № 13. С. 49–55. EDN [YFSRWD](#). DOI [10.17116/jnevro201611612249-54](#).
8. Semsarian, C. Molecular Autopsy in Victims of Inherited Arrhythmias / C. Semsarian, J. Ingles // Journal of Arrhythmia. 2016. Vol. 32, No. 5. Pp. 359–365. DOI [10.1016/j.joa.2015.09.010](#).
9. Myerburg, R. J. Sudden Cardiac Death Caused by Coronary Heart Disease / R. J. Myerburg, M. J. Junttila // Circulation. 2012. Vol. 125, No. 8 Pp. 1043–1052. DOI [10.1161/circulationaha.111.023846](#).
10. Wong, C. X. Epidemiology of Sudden Cardiac Death: Global and Regional Perspectives / C. X. Wong, A. Brown, D. H. Lau et al. // Heart, Lung and Circulation. 2019. Vol. 28, No. 1. Pp. 6–14. DOI [10.1016/j.hlc.2018.08.026](#).
11. Markwerth, P. Sudden Cardiac Death-Update / P. Markwerth, T. Bajanowski, I. Tzimas, R. Dettmeyer // International Journal of Legal Medicine. 2021. Vol. 135, No. 2. Pp. 483–495. DOI [10.1007/s00414-020-02481-z](#).
12. Самородская, И. В. Показатели смертности от острых форм ишемической болезни сердца и внезапной сердечной смерти в регионах Российской Федерации в 2019–2021 гг. / И. В. Самородская, М. Г. Бубнова, О. А. Акулова, Н. И. Остроушко, О. М. Драпкина // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 5. С. 6–16. EDN [ZDOYLT](#). DOI [10.15829/1728-8800-2023-3557](#).
13. Тыренко, В. В. Проблемы профилактики внезапной сердечной смерти в Вооруженных Силах Российской Федерации / В. В. Тыренко, Ю. В. Овчинников, С. Г. Бологов и др. // Известия Российской военно-медицинской академии. 2017. Т. 36, № 3. С. 40–48. EDN [YZKHVZ](#).
14. Deo, R. Development and Validation of a Sudden Cardiac Death Prediction Model for the General Population / R. Deo, F. L. Norby, R. Katz et al. // Circulation. 2016. Vol. 134, No. 11. Pp. 806–816. DOI [10.1161/CIRCULATIONAHA.116.023042](#).
15. Качнов, В. А. Генетическое типирование при болезнях ионных каналов в профилактике внезапной сердечной смерти / В. А. Качнов, В. В. Тыренко, С. Н. Колюбаева и др. // Вестник Национального медико-хирургического Центра имени Н. И. Пирогова. 2018. Т. 13, № 1, С. 147–154. EDN [YVXJAQ](#).
16. Anderson, L. Exercise-Based Cardiac Rehabilitation for Coronary Heart Disease: Cochrane Systematic Review and Meta-Analysis / L. Anderson, N. Oldridge, D. R. Thompson // Journal of the American College of Cardiology. 2016. Vol. 67, No. 1. Pp. 1–12. DOI [10.1016/j.jacc.2015.10.044](#).
17. Матеев, Х. Ф. Медико-социальная реабилитация пациентов с острыми сердечно-сосудистыми заболеваниями в Болгарии / Х. Ф. Матеев, Д. А. Сиджимова // Медико-социальная работа: теория, технологии, образование. Материалы II Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. 2023. С. 127–136. EDN [OCUGKF](#).
18. Надирова, Ю. И. Оценка эффективности и оптимизация дезагрегантной терапии у больных с ИБС / Ю. И. Надирова, О. О. Жаббаров, Ф. Г. Бобошарипов, Л. Д. Турсунова Г. П. Мирзаева // Tadqiqotlar. 2023. С. 180–186.
19. Бродовская, Т. О. Острый коронарный синдром у женщин. Есть ли особенности? / Т. О. Бродовская, Э. В. Аребьев, И. Ф. Гришина, М. И. Петровских // Уральский медицинский журнал. 2023. Т. 22, № 4. С. 128–139. DOI [10.52420/2071-5943-2023-22-4-128-139](#). EDN [PKKYBD](#).
20. Elgendy, I. Y. Sex Differences in Management and Outcomes of Acute Myocardial Infarction Patients Presenting with Cardiogenic Shock / I. Y. Elgendy, Z. K. Wegermann, S. Li et al. // JACC: Cardiovascular Interventions. 2022. Vol. 15, No. 6. Pp. 642–652. DOI [10.1016/j.jcin.2021.12.033](#).

21. Путилина, М. В. Алгоритм диагностики и терапии хронических форм нарушений венозного кровообращения // Лечащий врач. 2015. Т. 6. С. 66–72. EDN [TVYDDJ](#).
22. Костенко, Е. В. Хронические цереброваскулярные болезни: патогенетическая гетерогенность и терапевтические стратегии / Е. В. Костенко, М. А. Энеева // Медицинский совет. 2018. № 18. С. 50–55. EDN [YNMOPZ](#). DOI [10.21518/2079-701X-2018-18-50-55](#).
23. Иванова, А. Е. Вклад миграции в смертность российского населения трудоспособного возраста / А. Е. Иванова, С. В. Рязанцев, В. Г. Семенова // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2016. № 6. С. 47–60. EDN [XIFXEY](#).
24. Зубко, А. В. Потери российского населения от предотвратимых причин сердечно-сосудистой смертности в периоды до и во время пандемии / А. В. Зубко, Т. П. Сабгайда, В. Г. Семенова, Н. Н. Музыкантова // Социальные аспекты здоровья населения. 2023. Т. 69, № 1. Статья 6. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-1-6](#). EDN [IGKRTS](#).
25. Ваньков, Д. В. Организация эвакуации пациентов с болезнями системы кровообращения для оказания экстренной медицинской помощи на региональном уровне // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2023. № 3. С. 1214–1228. DOI [10.24412/2312-2935-2023-3-1214-1228](#). EDN [CRSSRQ](#).
26. Фисун, А. Я. Механизмы поражения сердечно-сосудистой системы при COVID-19 / А. Я. Фисун, Ю. В. Лобзин, Д. В. Черкашин и др. // Вестник РАМН. 2021. Т. 76, № 3. С. 287–297. EDN [WUPBRU](#). DOI [10.15690/vramn1474](#).
27. Визило, Т. Л. Повышение эффективности фармакотерапии у коморбидных пациентов с хронической ишемией головного мозга в амбулаторных условиях / Т. Л. Визило, Е. Г. Арефьева // Журнал неврологии и психиатрии имени С. С. Корсакова. 2023. Т. 123, № 3. С. 51–55. EDN [JRKCTU](#). DOI [10.17116/jnevro202312303151](#).
28. Нечаев, В. С. К вопросу об особенностях организации профилактических мероприятий больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями / В. С. Нечаев, А. А. Загоруйченко, О. Б. Карпова // Менеджер здравоохранения. 2023. № 7. С. 33–41. EDN [EJVLBO](#). DOI [10.21045/1811-0185-2023-7-33-41](#).
29. Зубко, А. В. Сопряженные заболевания при смерти от болезней системы кровообращения по данным анализа множественных причин / А. В. Зубко, Т. П. Сабгайда, А. Е. Иванова и др. // Вестник Российской академии медицинских наук. 2021. Т. 76, № 4. С. 368–376. EDN [TZJJUQ](#). DOI [10.15690/vramn1496](#).
30. Лукьянов, М. М. Отдаленные исходы у больных, перенесших COVID-19 (данные регистра ТАРГЕТ-ВИП) / М. М. Лукьянов, Н. П. Кутишенко, С. Ю. Марцевич и др. // Российский кардиологический журнал. 2022. Т. 27, № 3. С. 60–66. EDN [YVXVXW](#). DOI [10.15829/1560-4071-2022-4912](#).

Сведения об авторах

Семенова Виктория Георгиевна, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ (Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vika-home@vandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-2794-1009](#); РИНЦ SPIN-код: [6519-4858](#); Web of Science Researcher ID: [AAH-1211-2020](#); Scopus Author ID: [6507196116](#).

Григорев Андрей Александрович, кандидат медицинских наук, начальник организационно-аналитического управления, Департамент здравоохранения города Москвы, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: grigorovaa@mos.ru; ORCID ID: [0009-0008-4440-5858](#); РИНЦ SPIN-код: [7060-0683](#).

Сабгайда Тамара Павловна, доктор медицинских наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН; главный научный сотрудник, ЦНИИОИЗ Минздрава России; научный сотрудник, НИИОЗММ ДЗМ (Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения Москвы), Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: tamara@mednet.ru; ORCID ID: [0000-0002-5670-6315](#); РИНЦ SPIN-код: [7925-6902](#); Web of Science Researcher ID: [R-9626-2016](#); Scopus Author ID: [6603936011](#).

Статья поступила в редакцию 17.06.2024; принята в печать 19.08.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

MORTALITY FROM ACUTE AND CHRONIC DISEASES OF THE CIRCULATORY SYSTEM IN THE PERIOD BEFORE AND AFTER THE COVID-19 PANDEMIC IN MOSCOW

Victoria G. Semenova

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS;
Research Institute NIIOZMM, Moscow, Russia
E-mail: vika-home@yandex.ru*

Andrey A. Grigorov

*Department of Health of Moscow, Moscow, Russia
E-mail: grigorovaa@mos.ru*

Tamara P. Sabgaida

*Institute for Demographic Research FCTAS RAS;
Russian Research Institute of Health, Research Institute NIIOZMM, Moscow, Russia
E-mail: tamara@mednet.ru*

For citation: Semenova, Victoria G. Mortality from Acute and Chronic Diseases of the Circulatory System in the Period before and after the COVID-19 Pandemic in Moscow / V. G. Semenova, F. F. Grigorov, T. P. Sabgaida. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 49–73. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.4](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.4).

Abstract. Sudden death from acute forms of cardiovascular diseases, especially in working age, when it is physiologically clearly premature, is evidence of diseases not detected in time: the main task of cardiologists is to avoid the transition of chronic pathologies into an acute form, in which the condition can worsen at lightning speed. Acute and chronic forms of cardiovascular diseases require different clinical approaches. Thus, the division of pathologies into two blocks – acute and chronic conditions – has, in addition to academic, purely practical significance. In this context, the specifics of the metropolis, with its developed medical structure, both emergency and hospital, and outpatient, are extremely interesting. The present study is devoted to identifying differences in the dynamics of acute and chronic forms of circulatory diseases during stable and crisis periods in a metropolis. It demonstrated that the contribution of acute conditions to both mortality from coronary heart disease and CVB, as well as losses from diseases of the circulatory system in general, decreased significantly in the population of Moscow during the study period, which certainly indicates positive changes in mortality. Similar processes were observed in Russia, but in Moscow the proportion of acute conditions was lower than the national one.

Keywords: mortality from diseases of the circulatory system, acute diseases of the circulatory system, chronic diseases of the circulatory system, mortality from diseases of the circulatory system in a pandemic, mortality in a megalopolis, mortality from ischemic heart disease, mortality from cerebrovascular diseases

References

1. Sabgayda, T. P. Mortality from Circulatory Diseases as a Reflection of Demographic Aging / T. P. Sabgayda, G. N. Evdokushkina, A. E. Ivanova. *Health Care of the Russian Federation*. 2023. Vol. 67, No. 5. P. 436–443. DOI [10.47470/0044-197X-2023-67-5-436-443](https://doi.org/10.47470/0044-197X-2023-67-5-436-443). (In Russ.).
2. Ivanova, A. E. Reserves for Reducing Mortality in Russia in the Context of Its Age and Nosological Characteristics / A. E. Ivanova, T. P. Sabgayda, V. G. Semenova. *DEMIS. Demographic Research*. 2023. Vol. 3, No. 4. P. 92–125. DOI [10.19181/demis.2023.3.4.6](https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.4.6). (In Russ.).
3. Sabgayda, T. P. Effectiveness of Federal Project “Fight Against Cardiovascular Diseases” in the Context of Preventable Causes of Death in the Russian Urban and Rural Settlements // T. P. Sabgayda, A. V. Zubko, V. G. Semenova. *Management Issues*. 2023. Vol. 17, No. 2. P. 71–85. DOI [10.22394/2304-3369-2023-2-71-85](https://doi.org/10.22394/2304-3369-2023-2-71-85). (In Russ.).

4. Arkhangel'skiy, V. N. *Vosproizvodstvennyy potentsial demograficheskogo razvitiya Rossii [Reproductive potential of demographic development of Russia]* / V. N. Arkhangel'skiy, A. E. Ivanova, T. A. Fadeeva. Ed. by L. L. Rybakovskiy. Moscow : Ekon-Inform Publishing House, 2022, 165 p. ISBN 978-5-907427-72-3.
5. Eckart, R. E. Sudden Death in Young Adults: An Autopsy-Based Series of a Population Undergoing Active Surveillance / R. E. Eckart, E. A. Shry, A. P. Burke, et al. *Journal of the American College of Cardiology*. 2011. Vol. 58, № 12. Pp 1254–1261. DOI [10.1016/j.jacc.2011.01.049](https://doi.org/10.1016/j.jacc.2011.01.049).
6. Boytsov, S. A. Possibility of Dispensary Observation in Reducing Mortality from Coronary Heart Disease / S. A. Boytsov, S. I. Provatorov. *Terapevticheskiy arkhiv*. 2023. Vol. 95, No. 1. P. 5–10. DOI [10.26442/00403660.2023.01.202038](https://doi.org/10.26442/00403660.2023.01.202038). (In Russ.).
7. Vorob'eva, O. V. Pharmacotherapy of Anxiety Disorders in Patients with Chronic Cerebral Ischemia / O. V. Vorob'eva, V. V. Rusaya. S. S. Korsakov *Journal of Neurology and Psychiatry*. 2016. Vol. 116, No. 13. P. 49–55. DOI [10.17116/jnevro201611612249-54](https://doi.org/10.17116/jnevro201611612249-54). (In Russ.).
8. Semsarian, C. Molecular Autopsy in Victims of Inherited Arrhythmias / C. Semsarian, J. Ingles. *Journal of Arrhythmia*. 2016. Vol. 32, No. 5. Pp. 359–365. DOI [10.1016/j.joa.2015.09.010](https://doi.org/10.1016/j.joa.2015.09.010).
9. Myerburg, R. J. Sudden Cardiac Death Caused by Coronary Heart Disease / R. J. Myerburg, M. J. Junttila. *Circulation*. 2012. Vol. 125, No. 8 Pp. 1043–1052. DOI [10.1161/circulationaha.111.023846](https://doi.org/10.1161/circulationaha.111.023846).
10. Wong, C. X. Epidemiology of Sudden Cardiac Death: Global and Regional Perspectives / C. X. Wong, A. Brown, D. H. Lau et al. *Heart, Lung and Circulation*. 2019. Vol. 28, No. 1. Pp. 6–14. DOI [10.1016/j.hlc.2018.08.026](https://doi.org/10.1016/j.hlc.2018.08.026).
11. Markwerth, P. Sudden Cardiac Death-Update / P. Markwerth, T. Bajanowski, I. Tzimas, R. Dettmeyer. *International Journal of Legal Medicine*. 2021. Vol. 135, No. 2. Pp. 483–495. DOI [10.1007/s00414-020-02481-z](https://doi.org/10.1007/s00414-020-02481-z).
12. Samorodskaya, I. V. Mortality Rates of Acute Types of Coronary Artery Disease and Sudden Cardiac Death in the Russian Regions in 2019–2021 / I. V. Samorodskaya, M. G. Bubnova, O. A. Akulova et al. *Cardiovascular Therapy and Prevention*. 2023. Vol. 22, No. 5. Pp. 6–16. DOI [10.15829/1728-8800-2023-3557](https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3557). (In Russ.).
13. Tyrenko, V. V. Problems of Prevention of Sudden Cardiac Death in Armed Forces of Russian Federation / V. V. Tyrenko, Yu. V. Ovchinnikov, S. G. Bologov et al. *Russian Military Medical Academy Reports*. 2017. Vol. 36, No. 3. Pp. 40–48. (In Russ.).
14. Deo, R. Development and Validation of a Sudden Cardiac Death Prediction Model for the General Population / R. Deo, F. L. Norby, R. Katz et al. *Circulation*. 2016. Vol. 134, No. 11. Pp. 806–816. DOI [10.1161/CIRCULATIONAHA.116.023042](https://doi.org/10.1161/CIRCULATIONAHA.116.023042).
15. Kachnov, V. A. Genetic Typing of Diseases of Ion Channels in the Prevention of Sudden Cardiac Death / V. A. Kachnov, V. V. Tyrenko, S. N. Kolyubaeva et al. *Bulletin of Pirogov National Medical & Surgical Center* 2018. Vol. 13, No. 1. Pp. 147–154. (In Russ.).
16. Anderson, L. Exercise-Based Cardiac Rehabilitation for Coronary Heart Disease: Cochrane Systematic Review and Meta-Analysis / L. Anderson, N. Oldridge, D. R. Thompson. *Journal of the American College of Cardiology*. 2016. Vol. 67, No. 1. Pp. 1–12. DOI [10.1016/j.jacc.2015.10.044](https://doi.org/10.1016/j.jacc.2015.10.044).
17. Mateev, Kh. F. Medical and Social Rehabilitation of Patients with Acute Coronary Syndromes or After Heart Surgery in Bulgaria / Kh. F. Mateev, D. A. Sidzhimova. *Medical and Social Work: Theory, Technology, Education. Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation*. 2023. Pp. 127–136. (In Russ.).
18. Nadirova, Yu. I. Otsenka effektivnosti i optimizatsiya dezagregantnoy terapii u bol'nykh s IBS [Evaluation of the effectiveness and optimization of antiplatelet therapy in patients with coronary heart disease] / Yu. I. Nadirova, O. O. Zhabbarov, F. G. Bobosharipov, L. D. Tursunova G. P. Mirzaeva. *Tadqiqotlar*. 2023. Pp. 180–186. (In Russ.).
19. Brodovskaya, T. O. Acute Coronary Syndrome in Women. Are There any Special Features? / T. O. Brodovskaya, E. V. Areb'ev, I. F. Grishina, M. I. Petrovskikh. *Ural Medical Journal*. 2023. Vol. 22, No. 4. Pp. 128–139. DOI [10.52420/2071-5943-2023-22-4-128-139](https://doi.org/10.52420/2071-5943-2023-22-4-128-139). (In Russ.).
20. Elgendy, I. Y. Sex Differences in Management and Outcomes of Acute Myocardial Infarction Patients Presenting with Cardiogenic Shock / I. Y. Elgendy, Z. K. Wegermann, S. Li et al. *JACC: Cardiovascular Interventions*. 2022. Vol. 15, No. 6. Pp. 642–652. DOI [10.1016/j.jcin.2021.12.033](https://doi.org/10.1016/j.jcin.2021.12.033).
21. Putilina, M. V. Algoritm diagnostiki i terapii khronicheskikh form narusheniy venoznogo krovoobrashcheniya [Algorithm for diagnostics and therapy of chronic forms of venous circulation disorders]. *Lechaschi Vrach*. 2015. No. 6. Pp. 66–72. (In Russ.).
22. Kostenko, E. V. Chronic Cerebrovascular Diseases: Pathogenetic Heterogeneity and Therapeutic Strategies / E. V. Kostenko, M. A. Eneeva. *Medical Council*. 2018. No. 18. Pp. 50–55. DOI [10.21518/2079-701X-2018-18-50-55](https://doi.org/10.21518/2079-701X-2018-18-50-55). (In Russ.).

23. Ivanova, A. E. Contribution of Migration in Russian Mortality Working-Age Population / A. E. Ivanova, S. V. Ryazantsev, V. G. Semenova. *Scientific Review. Series 2. Human sciences*. 2016. No. 6. Pp. 47–60. (In Russ.).
24. Zubko, A. V. Mortality Associated with Preventable Causes of Deaths from Cardio-Vascular Diseases in the Pre-COVID Period and During Pandemic in Russia / A. V. Zubko, T. P. Sabgayda, V. G. Semenova, N. N. Muzykantova. *Social Aspects of Population Health*. 2023. Vol. 69, No. 1. Article 6. DOI [10.21045/2071-5021-2023-69-1-6](https://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-1-6). (In Russ.).
25. Van'kov, D. V. Organization of Evacuation of Patients with Diseases of the Circulatory System for Emergency Medical Care at the Regional Level. *Current problems of health care and medical statistics*. 2023. No. 3. Pp. 1214–1228. DOI [10.24412/2312-2935-2023-3-1214-1228](https://doi.org/10.24412/2312-2935-2023-3-1214-1228). (In Russ.).
26. Fisun, A. Ya. Mechanism of Damage to the Cardiovascular System in COVID-19 / A. Ya. Fisun, Yu. V. Lobzin, D. V. Cherkashin et al. *Annals of the Russian academy of medical sciences*. 2021. Vol. 76, No. 3. Pp. 287–297. DOI [10.15690/vramn1474](https://doi.org/10.15690/vramn1474). (In Russ.).
27. Vizilo, T. L. Improving the Effectiveness of Pharmacotherapy in Comorbid Patients with Chronic Cerebral Ischemia on an Outpatient Basis / T. L. Vizilo, E. G. Aref'eva, S. S. Korsakov *Journal of Neurology and Psychiatry*. 2023. Vol. 123, No. 3. Pp. 51–55. DOI [10.17116/jnevro202312303151](https://doi.org/10.17116/jnevro202312303151). (In Russ.).
28. Nechaev, V. S. On the Issue of Peculiarities of Organization of Preventive Measures for Patients with Cardiovascular Diseases / V. S. Nechaev, A. A. Zagoruychenko, O. B. Karpova. *Manager Zdravoochranenia*. 2023. No. 7. Pp. 33–41. DOI [10.21045/1811-0185-2023-7-33-41](https://doi.org/10.21045/1811-0185-2023-7-33-41). (In Russ.).
29. Zubko, A. V. Associated Pathology in Case of Death from Circulatory Diseases According to the Analysis of Multiple Causes / A. V. Zubko, T. P. Sabgayda, A. E. Ivanova et al. *Annals of the Russian academy of medical sciences*. 2021. Vol. 76, No. 4. Pp. 368–376. DOI [10.15690/vramn1496](https://doi.org/10.15690/vramn1496). (In Russ.).
30. Luk'yanov, M. M. Long-Term Outcome in Patients After COVID-19: Data from TARGET-VIP Registry. M. M. Luk'yanov, N. P. Kutishenko, S. Yu. Martsevich et al. *Russian Journal of Cardiology*. 2022. Vol. 27, No. 3. Pp. 60–66. DOI [10.15829/1560-4071-2022-4912](https://doi.org/10.15829/1560-4071-2022-4912). (In Russ.).

Bio notes

Victoria G. Semenova, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Researcher, Research Institute NIIOZMM (Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vika-home@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-2794-1009](https://orcid.org/0000-0002-2794-1009); RSCI SPIN-code: [6519-4858](https://www.rsci.ru/spin/6519-4858); Web of Science Researcher ID: [AAH-1211-2020](https://orcid.org/AAH-1211-2020); Scopus Author ID: [6507196116](https://orcid.org/6507196116).

Andrey A. Grigorov, Candidate of Medical Sciences, Head of the Organizational and Analytical Department, Moscow Department of Health, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: grigorovaa@mos.ru; ORCID ID: [0009-0008-4440-5858](https://orcid.org/0009-0008-4440-5858); RSCI SPIN-code: [7060-0683](https://www.rsci.ru/spin/7060-0683).

Tamara P. Sabgaida, Doctor of Medical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS; Chief Researcher, Russian Research Institute of Health; Researcher, Research Institute NIIOZMM (Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management of the Moscow Department of Healthcare), Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: tamara@mednet.ru; ORCID ID: [0000-0002-5670-6315](https://orcid.org/0000-0002-5670-6315); RSCI SPIN-code: [7925-6902](https://www.rsci.ru/spin/7925-6902); Web of Science Researcher ID: [R-9626-2016](https://orcid.org/R-9626-2016); Scopus Author ID: [6603936011](https://orcid.org/6603936011).

Received on 17.06.2024; accepted for publication on 19.08.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.5)

EDN [YANKSZ](https://www.edn.ru/YANKSZ)

ФАКТОРЫ ЗДОРОВЬЕСБЕРЕЖЕНИЯ ДЕТЕЙ В РОССИЙСКИХ ДОШКОЛЬНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Шенеман Мария Владиславовна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: ms.sheneman@bk.ru

Истомина Ольга Борисовна

Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия

E-mail: olgaistomina@mail.ru

Для цитирования: *Шенеман, М. В. Факторы здоровьесбережения детей в российских дошкольных образовательных организациях / М. В. Шенеман, О. Б. Истомина // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 74–87. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.5). EDN [YANKSZ](https://www.edn.ru/YANKSZ).*

Аннотация. В статье анализируются проблемы и ресурсы сбережения здоровья детей дошкольного возраста. Позиции и выводы авторов основываются на результатах социологических замеров, проведенных в образовательных организациях Иркутской области в январе-феврале 2024 г. Объем выборки – 943 родителя или законных представителя детей, посещающих образовательные организации Иркутской области. Авторы исследуют факторы динамики уровня заболеваемости детей дошкольного возраста. Определение данных компонентов позволяет наметить и апробировать программу профилактических мер с целью результативного внедрения в региональную систему подготовки специалистов дошкольного образования. В перечне деструктивных трансформаций региональной системы здоровьесбережения авторы отмечают рост хронических заболеваний, дефицит физической активности, нарушения режима питания и его качества. В программу исследования заложено определение оценок участников образовательного процесса. Обоснована важность выявления растущих потребностей родительского сообщества и детских коллективов в области охраны здоровья. Рассмотрены социально значимые и допустимые программы-протекторы как по оздоровлению и образованию всех участников образовательного процесса, так и развитию культуры здоровьесбережения внутри дошкольной организации и за ее пределами. Выводы и результаты работы в равной степени могут быть полезны педагогам-практикам, специалистам административно-управленческого аппарата ведомственных служб, а также представителям научного сообщества в социальной сфере, в институтах здравоохранения и образования, для развития программ социальной стабилизации современного российского общества.

Ключевые слова: *детское здоровье, детский коллектив, участники образовательного процесса, здоровьесбережение, программы-протекторы, факторы сбережения здоровья*

Введение

Культура здоровьесбережения – важный фактор стабилизации социальных отношений. В условиях увеличения продолжительности жизни и старения нации развитие навыков формирования и поддержания культуры здорового образа жизни в раннем детском возрасте способствует улучшению физического, психологического и социального благополучия населения. Понятие «здоровьесбережение» поливариантно, охватывает широкий спектр семантических полей. В его дефиницию включены такие позиции, как профилактика заболеваний, обеспечение адекватного питания, физической активности, сна, эмоционального комфорта и

социальной поддержки.

Социальная значимость, экономическая обоснованность, стратегические задачи национальной политики обуславливают растущие потребности формирования и развития культуры здоровьесбережения и распространения успешных программ, направленных на сохранение здоровья детей. В Иркутской области действуют различные программы, например, проект «Здоровье детей – богатство региона», направленный на создание условий для здорового образа жизни детей, повышение качества медицинского обслуживания и образования.

Однако стоит отметить, что проблемы оздоровления детей в Иркутской области не теряют своей актуальности. Причины проблем сохранности здоровья связаны как с экологической ситуацией в регионе, так и с социально-экономическими условиями. Поэтому работа по сохранению здоровья детей в Иркутской области требует постоянного пристального внимания со стороны властей, служб социальной защиты населения, управленческих органов здравоохранения, образования и общества в целом.

В данной работе рассматриваются такие показатели оценки функционирующих программ здоровьесбережения детей дошкольного возраста, как уровень удовлетворенности родителей оздоровительными мероприятиями в детском саду, определение основных потребностей родителей по охране здоровья ребенка дошкольного возраста.

Цель исследования состоит в определении оценок родителей или законных представителей детей в отношении созданной здоровьесберегающей среды дошкольной образовательной организации; в обосновании важности выявления растущих потребностей родительского сообщества и детских коллективов в области охраны здоровья, а также результативных факторов для коррекции комплекса профилактических мер по здоровьесбережению детских коллективов.

Обзор литературы

Программы сбережения здоровья в современной системе образования основаны на принятии и реализации комплекса мероприятий, направленных на сохранение и улучшение здоровья ребенка. В таком комплексе уместно синтезировать различные аспекты, начиная от физической активности и правильного питания до психологической поддержки и социальной адаптации. Растущая социальная значимость проблемы обуславливает многоаспектность исследований в разных научных сферах.

Исследования Ю. М. Штольц [1], И. С. Зиминой и Е. В. Кондратенко [2] фокусируются на рассмотрении профессиональной компетентности педагогов дошкольного образования как на факторе формирования и развития здоровьесберегающей среды в детских образовательных учреждениях (ДОО). Авторы выявляют возможные причины низкого уровня сформированности у педагогов необходимых компетенций для адекватной реализации здоровьесберегающей среды. Особое внимание уделяется ценностным установкам и ориентациям педагогов, содержательной стороне направленности личности на здоровый образ жизни.

В научных трудах Д. С. Иванищевой и Н. Н. Тарасовой [3], В. В. Толмачевой [4], Л. А. Кривчиковой и Т. Н. Полькиной [5] доминирующим фактором сбережения

здоровья признается состояние образовательной среды, оказывающей влияние на физическое, психическое и социальное развитие ребенка. В связи с полярностью доходов и уровнем качества жизни в разных регионах сложилась ситуация значительной разности материально-технического оснащения ДООУ. Однако образовательная среда, ее характер зависят в том числе и от профессиональных установок педагогического коллектива, и от форм взаимодействия всех участников образовательного и воспитательного процессов.

Взаимодействие всех субъектов в вопросах реализации здоровьесберегающей среды анализируется с позиций каузальности в научных исследованиях А. Г. Маковой [6], Н. А. Андреевой, Т. А. Шипициной, М. А. Язовских [7], Н. А. Золотовской, Л. В. Хлебниковой [8]. Детский сад играет ключевую роль в формировании у детей привычек здорового образа жизни. Именно в учебно-воспитательном процессе формируются привычки физической активности, рационального питания, своевременных медицинских осмотров, вместе с тем для достижения успешных результатов здоровьесбережения необходимо грамотное и активное взаимодействие всех участников процесса и поддержка родителей.

Многочисленные научные исследования опираются на проблемы и перспективы реализации здоровьесберегающих технологий. Так, И. В. Зырина [9], М. А. Гераськина, Г. В. Пожарова, А. А. Тишкова [10], М. Ю. Стожарова и И. О. Кузнецова [11], К. А. Нургалиева [12] раскрывают использование здоровьесберегающих технологий в ДООУ, содержание работы по сохранению и укреплению здоровья и формированию здорового образа жизни у дошкольников. Рассматривают уровень продуктивности отдельно взятых технологий, описывают результаты конкретных программ и мероприятий, проводимых в экспериментальных условиях в детском саду.

Несмотря на поливариантность подходов исследований культуры здоровьесбережения, в современных условиях снижения иммунных реакций молодого поколения актуализируются проблемы выявления факторов, уровня роста заболеваемости детей в разных регионах с учетом географии болезней и ресурсов образовательных сред. Попытка анализа этих проблем как раз и предпринята в данном исследовании.

Методологическая основа и база исследования

Методологическая основа исследования базируется на принципах диалектического, содержательного, системного, личностно ориентированного, деятельностного и качественно-количественного подходов. В ходе исследования привлечены общелогические методы (анализ, синтез). В качестве частно-научного инструментария применен социологический опрос в форме анкетирования.

С целью выявления актуальных факторов роста числа заболеваемости среди воспитанников дошкольного возраста, а также определения комплекса профилактических мер авторами статьи в январе-феврале 2024 г. проведен опрос родителей или законных представителей детей, посещающих образовательные организации Иркутской области (г. Иркутск, г. Бодайбо и пос. Балахнинский Бодайбинского района, с. Большая Елань Усольского района).

Объем выборки составил 943 респондента, из них:

- Муниципальное дошкольное образовательное учреждение г. Иркутска детский сад № 176 – 257 опрошенных;
- Муниципальное дошкольное образовательное учреждение г. Иркутска детский сад № 33 – 237 респондентов;
- Автономная некоммерческая дошкольная образовательная организация «Академия счастливого детства Цветик-Семицветик», г. Иркутск – 40 опрошенных;
- Муниципальное бюджетное общеобразовательное учреждение «Большееланская СОШ» дошкольное отделение, с. Большая Елань Усольского района – 147 респондентов;
- Муниципальное казенное дошкольное образовательное учреждение детский сад № 20 «Родничок» пос. Балахнинский Бодайбинского района – 90 опрошенных;
- Муниципальное казенное общеобразовательное учреждение «Начальная общеобразовательная школа г. Бодайбо» – 172 респондента.

Результаты исследования

Замеры числа заболеваемости детей Иркутского региона показывают следующие результаты. Растущую актуальность проблем сбережения здоровья отмечает большая часть респондентов: ответы «да, актуальна» и «скорее актуальна» дали 66% интервьюируемых. Не видят актуальности («скорее не актуальна» и «нет, не актуальна») 25% респондентов. И 9% опрошенных затруднились ответить на вопрос. Итак, злободневность рассматриваемой проблемы не оставляет сомнений (рис. 1).

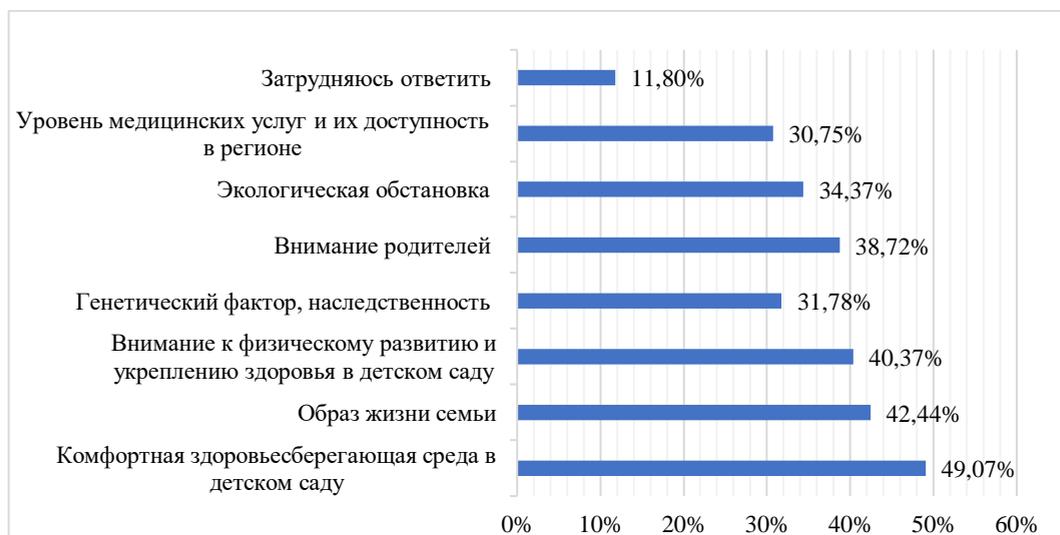

Рис. 1. Ответы респондентов на вопрос: «Какой фактор, на Ваш взгляд, в наибольшей степени влияет на состояние здоровья Вашего ребенка?» (%)
Fig. 1. Respondents' answers to the question: «Which factor, in your opinion, has the greatest impact on your child's health?» (%)

Источник: составлено авторами

Рост заболеваемости детей в Иркутской области вызван многочисленными

причинами, в том числе экологическими. Специалисты среди факторов ухудшения здоровья детей отмечают загрязнение воздуха и воды, социально-экономические условия, низкий уровень доходов, плохие жилищные условия и недоступность качественных медицинских услуг, отсутствие культуры здоровьесбережения в дошкольных организациях, невнимательное отношение родителей и культуру питания в семейном кругу. Одной из причин может выступать изменение образа жизни и питания. Для решения задачи выявления факторов динамики заболеваемости детей в опросы родителей или законных представителей был включен перечень предполагаемых позиций. Полученные ответы распределились, как показано на рис. 1.

Очевидно, что большая часть респондентов видит потенциал сбережения здоровья в «комфортной здоровьесберегающей среде в детском саду» (49%). Перспективность объясняется комплексным характером как физкультурно-оздоровительных, воспитательных, социально-психологических, морально-этических, так и медико-гигиенических процедур, направленных на создание и обеспечение условий для психического и физического благополучия детей, их успешной социализации. Несмотря на то, что родители, согласно ст. 63 Семейного кодекса Российской Федерации, обязаны заботиться о здоровье, физическом, психическом, духовном и нравственном развитии своего ребенка, фактически приоритет сохранения здоровья детей они отдают именно дошкольному образованию.

Это может быть связано с тем, что современный ребенок весьма значительное время проводит в детском саду. Это объясняется рядом причин, включая занятость родителей, необходимость раннего развития ребенка и социальные требования общества [13]. По данным Росстата, около 60% детей дошкольного возраста посещают детские сады. В среднем дети проводят в детском саду около 8–10 часов в день, т. е. большую часть своего активного времени. Важно также отметить и то, что время, проведенное в дошкольном учреждении, имеет большое значение для развития ребенка, дает возможность общаться со сверстниками, учиться взаимодействовать, развивать социальные навыки. В детском саду дети получают преемственное начальное образование, которое помогает им лучше подготовиться к школе, занимаются дополнительными видами деятельности, музыкой, спортом, искусством, что способствует их всестороннему развитию.

Не менее значимыми родители считают «образ жизни семьи» (42%), «внимание к физическому развитию и укреплению здоровья в детском саду» (40%), а кроме того, «внимание родителей» (39%). Здесь следует указать на то, что интервьюируемые все же отмечают собственную причастность к состоянию здоровья своих детей, но при этом не снимают ответственности и подчеркивают важную роль участия дошкольного учреждения в жизни ребенка.

Роль родителей в сохранении здоровья собственных детей, особенно в период дошкольного возраста, трудно переоценить. Это касается вопросов питания, физической активности, гигиены, медицинского обслуживания, ведения здорового образа жизни, психологического здоровья и безопасности. В то же время в современной реальности инфантилизация формально взрослого населения, делегирование своих социальных обязательств иным лицам и институтам осложняют достижение успешных результатов, поскольку взаимодействие педагогического и родительского сообществ не всегда результативно. Детский сад является немаловажным

этапом в жизни ребенка в формировании навыков взаимодействия с окружающим миром вне семьи. Завышенные ожидания родителей и перенесение ими родительских обязанностей на педагогов дошкольного учреждения, действительно, осложняют достижение положительной динамики здоровьесбережения. Учитывая высокую роль акторов первичной и ранней вторичной социализации (семьи и дошкольной организации), важно наладить системную партнерскую работу между ними для формирования на раннем этапе культуры здорового образа жизни, необходимого для дальнейшей успешной социализации и адаптации ребенка к школьному режиму.

К факторам, влияющим на здоровье детей, респонденты равным образом отнесли экологическую обстановку (34%), генетический фактор и наследственность (32%), уровень медицинских услуг и их доступность в регионе (31%). Представленность таких аспектов в оценках респондентов достаточно высока, и при проектировании системы профилактических мер роста заболеваемости детей дошкольного возраста целесообразно их брать во внимание.

Исходя из большой акцентуации родителей и законных представителей на дошкольную образовательную организацию в рамках вопроса сохранения здоровья детей, большое значение имеет уровень их удовлетворенности оздоровительными мероприятиями в детском саду. Подавляющее число опрошенных – 64% знают о проведении оздоровительных мероприятий в дошкольном учреждении. 28% затруднились ответить, что говорит о недостаточной информированности родителей о данном виде деятельности. Назовем вероятные причины сложившейся ситуации:

- недостаток образования и незаинтересованность в здоровьесбережении детей (некоторые родители могут не иметь необходимого образования или знаний о здоровье и гигиене, чтобы понять важность этих вопросов в детском развитии);

- отсутствие доступа к информации: в дошкольной системе важным направлением работы воспитателей с семьей является просветительская деятельность, с помощью которой родители получают сведения о проходящих мероприятиях, о необходимости обратить внимания на сохранение и укрепление здоровья детей. Формами такой работы могут выступать родительские собрания, круглые столы, беседы, консультации, информационные стенды, буклеты и т. д.;

- языковой барьер, культурные различия (если родители говорят на другом языке, они могут испытывать трудности при общении со специалистами здравоохранения и воспитателями детского сада. Различные культуры имеют разные представления о здоровье и гигиене, что может привести к непониманию между родителями и персоналом. Подобная ситуация не нова, а в условиях активных изменений этнонациональной структуры региона фактор актуализируется).

О низкой информированности родителей и законных представителей в области сбережения здоровья воспитанников в детском саду также свидетельствуют данные, полученные при ответах на вопрос «Что Вы знаете о новых мерах по оздоровлению Вашего ребенка в детском саду?». Ответы «Что-то слышал, но без подробностей» и «Слышу впервые» дали 79% респондентов.

Незаинтересованность родителей в вопросе сохранения здоровья детей может иметь серьезные последствия для физического и психологического благополучия как ребенка, так и его семьи и всего социального окружения:

- ухудшение здоровья (например, ожирение, аллергии, инфекции и другие хронические заболевания, влияющие на общее самочувствие и качество жизни);
- психологические проблемы (недостаток заботы о здоровье ребенка может привести к развитию у него эмоциональных и поведенческих проблем. Вследствие чего ребенок может чувствовать себя неуверенно, тревожно или даже депрессивно, хуже справляется со стрессом и проблемными ситуациями в своей жизни);
- проблемы в детском саду и школе (здоровье играет ключевую роль в успеваемости ребенка и усвоении новых знаний и навыков. Проблемы здоровья приводят к низкой успеваемости и сложностям в отношениях с педагогами и сверстниками);
- социальные проблемы (недостаток заботы о здоровье ребенка способен вызвать психологические дисфункции, трудности в общении с другими детьми и взрослыми, поскольку ребенок может чувствовать себя некомфортно или неуверенно, что в свою очередь может привести к социальной изоляции и трудностям в установлении здоровых отношений);
- финансовые проблемы (упущенные факторы здоровьесбережения определяют рост хронических заболеваний и степень их тяжести).

Не менее важными являются ответы респондентов на один из открытых вопросов об определении проблем и трудностей, с которыми родители сталкиваются в ДОУ. Результаты опроса помогают понять, какую перспективу работы администрация детского сада может выстроить для предупреждения негативных ситуаций в дальнейшем, для корректировки отдельных видов деятельности и мероприятий.

Полученные ответы можно распределить по четырем кластерам:

- не сталкивались с трудностями (10%);
- сталкивались с трудностями, связанными с организацией образовательного процесса со стороны администрации (35%);
- сталкивались с трудностями, связанными с организацией образовательного процесса со стороны педагогического персонала (26%);
- сталкивались с трудностями нерегулируемого характера (29%).

Стоит отметить, что трудности, связанные с организацией образовательного процесса со стороны педагогического персонала, также являются проблемной сферой административного персонала, т. к. они выступают как иерархически связанные единицы.

Подгруппа интервьюируемых, сталкивающихся с трудностями, связанными с организацией образовательного процесса со стороны администрации, давала такие ответы: «индивидуальный план питания», «мало дополнительных кружков», «методическое оснащение групп», «безразличие руководства», «текучка кадров», «компетентность педагогов», «отсутствие постоянного воспитателя в группе», «сбор денег», «питание», «рацион для аллергиков», «допущение болеющих детей до занятий», «не ясно, есть ли какая-то программа, по которой занимаются дети», «отсутствие работников», «текучка кадров», «закрытость информации», «программа обучения» и т. п. Необходимо в полной мере оценить искренность отвечавших и серьезно задуматься о глобальной проверке построения воспитательно-образовательного процесса в каждой образовательной организации, независимо от места ее расположения. Методика сбора данных через «ящик вопросов» – результативный способ оценки качества образования в каждой конкретной организации.

Итоги исследования подтвердили важность базовых категорий в деятельности дошкольных образовательных организаций (питания, кадров, доступности информации, оснащения групп). Некачественная проработка самых элементарных вопросов неизбежно приводит к ухудшению положения всего детского сада.

Была выделена подгруппа респондентов, определивших трудности в организации образовательного процесса. Были получены следующие комментарии: «обижали моего ребенка», «недостаточно качественно построен образовательный процесс», «дефицит общения с персоналом», «невнимательность персонала», «воспитатель недостаточно времени уделяет детям», «отсутствует подход к детям», «воспитатель не очень хорошо следит за детьми и не очень хорошо обучает знаниям», «непонимание со стороны воспитателей», «дети много смотрят телевизор», «используются устаревшие методы работы» и пр. При анализе этих ответов особого внимания требует область компетентности педагогического персонала, что также находится в зоне ответственности администрации.

Педагоги в детских садах играют важную роль в развитии и воспитании детей. Они отвечают за обучение и социальное развитие дошкольников, поэтому им необходимо постоянно совершенствовать свои знания и навыки. Причин тому множество, среди них наиболее значимы:

- непрерывное изменение образовательных стандартов, в силу чего педагоги должны быть в курсе последних тенденций и требований;
- формирование новых запросов современного образовательного поколения, что определяет необходимость пересмотра методик обучения;
- растущая потребность в индивидуальном подходе к каждому ребенку (педагоги обязаны уметь адаптировать методы обучения под индивидуальные потребности детей. Повышение квалификации помогает им развивать навыки дифференцированного подхода к обучению);
- социальное развитие детей (растет потребность в развитии навыков социального взаимодействия и командной работы, коммуникативного поведения, решения конфликтных ситуаций);
- профессиональный рост (повышение квалификации способствует профессиональному росту педагогов, что способствует успеху в профессии и, конечно, социализации и инкультурации обучающихся).

Помимо этого, была выделена подгруппа опрошенных, сталкивающихся с трудностями нерегулируемого характера. Общая схема в их ответах – это «длительная адаптация ребенка», «частые карантинны», «не хочет идти в сад», «масочный режим» и т. д. Необходимо констатировать, что перечисленные трудности все же имеют свое решение, например, организация работы психолога в адаптационный период дошкольников, профилактика заболеваний детей, нормализация питания и режима сна ребенка и др.

Тем не менее, сложности ранней вторичной социализации закономерны и объяснимы как физиологическими, так и психо-адаптивными особенностями возраста. Очевидно, что адаптация детей – событие неизбежное, входящее в перечень базовых задач образовательной организации, ориентированное на ребенка и его родителей для более успешной интеграции и социализации участников образовательного процесса.

Из общего числа ответов респондентов на данный вопрос для нашей работы целесообразно выделить те, что сигнализируют о проблемах здоровья: «слабое здоровье ребенка», «дети постоянно болеют», «частые карантинны», «некорректное (несбалансированное) питание»/«неполноценное детское меню», «не решена потребность в индивидуальном питании», «отсутствие прогулок в теплые дни», «допуск в группу больных или недолеченных детей» и т. д. Проблемы такого характера описываются в 16% всех открытых ответов опрошенных, что требует особого внимания при создании системы профилактических мер.

В решении вопросов здоровьесбережения, по мнению родителей и законных представителей, на первом месте стоит профилактика простудных заболеваний (58%). Так, 48% отмечают необходимость большего включения в рацион питания фруктов и овощей.

Детский сад осуществляет питание детей через свою собственную кухню по договору с организацией, предоставляющей услуги питания (комбинат питания). В первом случае в дошкольном учреждении работает штат поваров, которые готовят блюда согласно меню, утвержденному Роспотребнадзором. Во втором случае организация, предоставляющая услуги питания, доставляет в детский сад уже готовые блюда. Есть и третий вариант, при котором организация поставщика доставляет субпродукты на пищеблок, а штат поваров готовит пищу, согласно разработанному и утвержденному меню.

Меню в детском саду составляется таким образом, чтобы обеспечить детей всеми необходимыми питательными веществами в соответствии с рекомендованным калоражем. Чаще всего меню разрабатывается специалистом-диетологом на неделю или ближайшие десять дней и включает в себя завтрак, второй завтрак, обед, полдник и ужин.

Приготовление пищи осуществляется в соответствии с санитарно-эпидемиологическими нормами и требованиями СанПиН 1.2.3685–21 «Гигиенические нормативы и требования к обеспечению безопасности и (или) безвредности для человека факторов среды обитания». Все продукты проходят строгий контроль качества, а готовая пища проверяется на соответствие температурному режиму и срокам хранения.

В довершение всего уточним: в детских садах проводится обучение детей правилам здорового питания. Воспитатели рассказывают им о пользе различных продуктов, учат детей отличать здоровую пищу от вредной. Также одним из нововведений в Иркутской области стало индивидуальное питание, которое осуществляется в соответствии с медицинскими показаниями и пожеланиями родителей. Для этого в каждой организации имеется диетолог или медсестра, которая составляет индивидуальное меню для отдельно взятого ребенка с учетом его здоровья и особенностей организма. Альтернативой является контрактное составление индивидуального меню диетологом, исходя из медицинского диагноза.

Для составления индивидуального меню используются данные о состоянии здоровья ребенка, его аллергических реакциях, пищевых привычках и предпочтениях. На основе таких данных диетолог определяет список продуктов, которые должны быть исключены из рациона ребенка, а также рекомендует те продукты, которые необходимо добавить в его ежедневный рацион.

Однако стоит заметить, что данный вид работы еще находится на начальных этапах разработки и имеет свои нюансы реализации. Среди них такие как:

- длительная разработка индивидуального меню;
- отсутствие в штате комбината питания или детского сада диетолога или медицинского работника, который занимается разработкой подобного меню;
- кадровый дефицит кухонных работников (среди работников пищеблока чаще всего обнаруживается нехватка персонала), а приготовление пищи по индивидуальному меню занимает больше времени и требует большего количества специалистов;

- невозможность или сложность доставки необходимых продуктов для индивидуального питания, причем меню для всех воспитанников составляется таким образом, чтобы каждый ребенок имел возможность питаться качественно. В случае аллергии ребенка на какие-либо продукты или целый список продуктов (кисломолочные, глютеносодержащие и т. п.), замена может осуществляться с помощью введения в рацион питания тех продуктов, которые не предусмотрены общим меню (большее количество рыбы, говядины или специальных хлебцев), а их транспортировка, доставка и хранение требуют больших материально-технических ресурсов.

Несмотря на значительное количество сложностей, данный вариант питания детей все же реализуется и совершенствуется.

При этом соблюдение правил санитарно-эпидемиологического режима в группе составило 47% от числа ответов респондентов. Соблюдение таких правил в детском саду является важным условием для сохранения здоровья детей и предотвращения распространения инфекционных заболеваний. К ним относятся:

- регулярная уборка и дезинфекция помещений;
- контроль за гигиеной;
- контроль за состоянием здоровья детей;
- контроль за качеством питания;
- контроль за состоянием игрушек и оборудования;
- обучение персонала и детей (персонал группы должен быть обучен правилам санитарно-эпидемиологического режима и следить за их соблюдением. Кроме того, детей следует учить правилам гигиены и повышению их роли в сознании ребенка для сохранения здоровья);

- работа с родителями, особенно в случаях сезонных инфекционных и респираторных заболеваний – родители в своей зоне ответственности также должны следить за здоровьем ребенка, не приводить его в детский сад с признаками заболевания, чтобы исключить распространение инфекций. Это является частой проблемой и провоцирует контагиозность, вирулентность инфекции.

Респонденты отмечают важность личной гигиены (46%), являющейся совместной ответственностью всех участников образовательного процесса. И родители, и воспитатели должны напоминать детям о необходимости мытья рук перед едой, после туалета и игр на улице. Воспитатели к тому же обязаны контролировать состояние здоровья детей и при необходимости обращаться к медицинскому работнику.

Широта спектра программ сбережения здоровья позволяет учитывать и иные меры, важные как в оценках специалистов, так и родительского сообщества. К таковым интервьюируемые отнесли «разнообразие форм физической и умственной

деятельности» (40%), «соблюдение двигательного режима ребенка» (39%). Двигательная активность способствует укреплению мышц и костей, улучшению работы сердечно-сосудистой и дыхательной систем, стимулирует развитие мозга. В детском саду двигательный режим должен быть организован таким образом, чтобы дети могли свободно перемещаться и играть на открытом воздухе. Мало того, должны проводиться специальные занятия физкультурой и спортивные игры.

Важно, чтобы двигательный режим был адаптирован под возраст и возможности каждого ребенка. Значимо, чтобы воспитатели детского сада знали особенности каждого ребенка и учитывали их при организации двигательного режима.

В спектре важных факторов следует отметить такие ответы респондентов, как «профилактика нарушений осанки и плоскостопия у детей» (32%), «организация правильного рационального питания, соответствующего возрасту ребенка» (32%), «физическая и психологическая подготовка к школе» (31%), «расширение круга дополнительных образовательных услуг, в том числе спортивных секций» (31%), «соблюдение режима дня дошкольника» (28%), «материально-техническое оснащение группы» (13%).

Выводы

Итак, родители и законные представители воспитанников дошкольных образовательных организаций крайне заинтересованы в вопросе сохранения и укрепления здоровья детей. Необходимость развития культуры здоровьесбережения глубоко ощущается на всех уровнях социального взаимодействия педагогического и родительского сообществ. Значимость данной социальной задачи актуализируется в связи с текущими социально-демографическими и медико-рекреационными процессами. Среди множества факторов динамики здоровьесбережения авторы статьи особенно выделяют профессиональный дефицит как в родительских, так и педагогических коллективах, проблемы адаптации всех участников образовательного процесса, сложности обеспечения растущих потребностей в построении индивидуальных траекторий исполнения витальных потребностей, а также физического развития ребенка.

Результаты авторского социологического исследования имеют первостепенное практическое значение в дальнейшей разработке системы профилактики и преемственности частых заболеваний детей дошкольного возраста, в развитии культуры здоровьесбережения, начиная с дошкольного возраста.

Список литературы

1. Штольц, Ю. М. Оценка уровня готовности педагогов к деятельности по сохранению здоровья в дошкольном образовательном учреждении // Психолого-педагогический журнал ГАУДЕАМУС. 2022. Т. 21, № 3. С. 89–97. DOI [10.20310/1810-231X-2022-21-3-89-97](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2022-21-3-89-97). EDN [XEAVEJ](https://www.edn.ru/xeavej/).
2. Зими́на, И. С. Формирование готовности будущего педагога к организации здоровьесберегающей образовательной среды / И. С. Зими́на, Е. В. Кондратенко // Вестник Марийского государственного университета. 2019. Т. 13, № 3. С. 335–343. DOI [10.30914/2072-6783-2019-13-3-335-343](https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-3-335-343). EDN [XEAVEJ](https://www.edn.ru/xeavej/).
3. Иванищева, Д. С. Безопасность образовательной среды как фактор здоровьесбережения детей дошкольного возраста / Д. С. Иванищева, Н. Н. Тарасова // Здоровьесберегающее образование – залог безопасной жизнедеятельности молодежи: проблемы и пути решения : Материалы XII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 17–18 ноября 2022 г. / Под научной редакцией З. И. Тюмасевой. Челябинск : ЗАО «Библиотека А. Миллера», 2022. С. 111–115. EDN [RYZATH](https://www.edn.ru/ryzath/).
4. Толмачева, В. В. Образовательная среда дошкольной образовательной организации как

фактор здоровьесбережения ребенка // Мир науки. 2016. Т. 4, № 5. С. 1–7. EDN [ZIPLZZ](#).

5. *Кривчикова, Л. А.* Современные проблемы сохранения здоровья и обеспечения безопасности детей дошкольного возраста / Л. А. Кривчикова, Т. Н. Полькина // Высшее педагогическое образование в провинции: традиции и новации : Сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 12 мая 2023 г. / Под общей редакцией О. В. Бессчетновой, П. А. Шацкова. Саратов : Издательство «Саратовский источник», 2023. С. 320–324. EDN [NEEAWX](#).

6. *Макоева, А. Г.* Взаимодействие ДОО с семьями воспитанников по использованию здоровьесберегающей среды // Современное дошкольное образование: теория и практика. 2020. № 14. С. 20–23. EDN [YYUIFZ](#).

7. *Андреева, Н. А.* Взаимодействие детского сада и семьи по вопросам сохранения и укрепления здоровья детей дошкольного возраста / Н. А. Андреева, Т. А. Шипицина, М. А. Язовских // Современное образование: традиции и инновации : Материалы международной научно-практической конференции, Шадринск, 25 октября 2019 г. / Шадринский государственный педагогический университет и др. Т. 2. Шадринск : Шадринский государственный педагогический университет, 2020. С. 67–69. EDN [WDGYIA](#).

8. *Золотовская, Н. А.* Взаимодействие семьи и детского сада в сохранении и укреплении психофизиологического здоровья детей / Н. А. Золотовская, Л. В. Хлебникова // Научное исследование как основа инновационного развития общества : Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Калуга, 04 апреля 2022 г. Стерлитамак : ООО «Агентство международных исследований», 2022. С. 22–24. EDN [TSQDLL](#).

9. *Зырина, И. В.* Здоровьесберегающие технологии как эффективный инструмент укрепления и охраны здоровья детей дошкольного возраста // Педагогический форум : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 марта 2020 г. Пенза : «Наука и Просвещение», 2020. С. 16–17. EDN [UULKYU](#).

10. *Гераськина, М. А.* Применение здоровьесберегающих технологий в условиях дошкольной образовательной организации / М. А. Гераськина, Г. В. Пожарова, А. А. Тишкова // Успехи гуманитарных наук. 2023. № 4. С. 211–216. EDN [LJWAUG](#).

11. *Стожарова, М. Ю.* Применение здоровьесберегающих технологий в ДОО как условие формирование здоровой личности дошкольников / М. Ю. Стожарова, И. О. Кузнецова // Поволжский педагогический поиск. 2016. № 3 (17). С. 63–65. EDN [XHGHP](#).

12. *Нургаalieва, К. А.* Тенденция применения здоровьесберегающих технологий в дошкольной образовательной организации // Образование будущего : Материалы IV Международной научно-практической конференции с международным участием, Грозный, 17–18 ноября 2023 г. Грозный : Грозненский государственный нефтяной технический университет имени академика М. Д. Миллионщикова, 2023. С. 153–156. DOI [10.26200/GSTOU.2024.33.57.031](#). EDN [JDTJCF](#).

13. *Ширшова, Н. С.* Физическое воспитание как фактор формирования здоровьесберегающей среды в дошкольных образовательных учреждениях / Н. С. Ширшова, И. В. Барабанова // Научный поиск. 2015. № 4. С. 48–52. EDN [OSZNMN](#).

Сведения об авторах

Шенеман Мария Владиславовна, соискатель, Иркутский государственный университет; исполняющий обязанности заведующего, МБДОУ г. Иркутска детский сад № 182, Иркутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: ms.sheneman@bk.ru; ORCID ID: [0009-0008-3395-7286](#); РИНЦ SPIN-код: [6550-9008](#).

Истомина Ольга Борисовна, доктор философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-экономических дисциплин, Иркутский государственный университет, Иркутск, Россия.

Контактная информация: e-mail: olgaiostomina@mail.ru; ORCID ID: [0000-0003-4060-6106](#); РИНЦ SPIN-код: [9182-8006](#).

Статья поступила в редакцию 20.04.2024; принята в печать 24.06.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

HEALTH FACTORS FOR PRESCHOOL CHILDREN EDUCATIONAL INSTITUTIONS IN RUSSIA

Maria V. Sheneman

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
E-mail: ms.sheneman@bk.ru

Olga B. Istomina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia
E-mail: olgaistomina@mail.ru

For citation: Sheneman, Maria V. Health Factors for Preschool Children Educational Institutions in Russia / M. V. Sheneman, O. B. Istomina. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 74–87. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.5](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.5).

Abstract. The article analyzes the health problems and resources of preschool children. The positions and conclusions of the authors are based on the results of sociological measurements carried out in educational organizations of the Irkutsk region in January-February 2024. The sample size is 943 parents or legal representatives of children attending educational organizations of the Irkutsk region. The subject of author's research is the factors of the dynamics of the incidence rate of preschool children. The definition of these factors makes it possible to outline and test a program of preventive measures in order to effectively introduce preschool education into the regional system. In the list of destructive transformations of the regional health care system, the authors note an increase in chronic diseases, a deficit of physical activity, violations of the diet and its quality. The research program includes the determination of not only objective indicators of a medical nature, but also subjective assessments of all participants in the educational process. The importance of identifying the growing needs of the parent community and children's teams in the field of health protection is justified. Socially significant and acceptable protector programs are discussed both for the improvement and education of all participants in the educational process, and for the development of a culture of health preservation within the preschool institution and beyond. The conclusions and results of the work can equally be useful to teachers-practitioners, administrative and managerial apparatus of departmental services, as well as representatives of the scientific community in the social sphere, in the institutes of health and education, for the development of social stabilization programs for modern society.

Keywords: child health, children's team, participants in the educational process, health conservation, protector programs, health saving factors

References

1. Shtolts, Yu. M. Level Assessment of Teachers' Readiness for Activities to Preserve Health in the Preschool Educational Space. *Psychological-Pedagogical Journal "Gaudeamus"*. 2022. Vol. 21, No. 3. P. 89–97. DOI [10.20310/1810-231X-2022-21-3-89-97](https://doi.org/10.20310/1810-231X-2022-21-3-89-97). (In Russ.).
2. Zimina, I. S. Formation of Future Teachers' Readiness to Organize a Health-Saving Educational Environment / I. S. Zimina, E. V. Kondratenko. *Vestnik of Mari State University*. 2019. Vol. 13, No. 3. P. 335–343. DOI [10.30914/2072-6783-2019-13-3-335-343](https://doi.org/10.30914/2072-6783-2019-13-3-335-343). (In Russ.).
3. Ivanischeva, D. S. Safety of the Educational Environment as a Factor in the Health Protection of Preschool Children / D. S. Ivanischeva, N. N. Tarasova. *Zdorov'yesberegayushcheye obrazovaniye – zalog bezopasnoy zhiznedeyatel'nosti molodezhi: problemy i puti resheniya [Health-saving education is the key to the safe life of young people: problems and solutions] : Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference, Chelyabinsk, November 17–18, 2022 / Scientifically edited by Z. I. Tyumaseva*. Chelyabinsk: JSC "Biblioteka A. Millera", 2022. P. 111–115. (In Russ.).
4. Tolmacheva, V. V. Educational Environment of Preschool Educational Establishment as a Factor of Child's Health Protection. *World of Science*. 2016. Vol. 4, No. 5. P. 1–7. (In Russ.).
5. Krivchikova, L. A. Modern Problems of Preserving the Health and Safety of Preschool Children / L. A. Krivchikova, T. N. Polkina. *Vysshneye pedagogicheskoye obrazovaniye v provintsii: traditsii i novatsii [Higher pedagogical education in the province: traditions and innovations] : Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, May 12, 2023 / Generally edited by O. V. Besschetnova*,

- P. A. Shatskova. Saratov : "Saratovskiy istochnik" Publishing House, 2023. P. 320–324. (In Russ.).
6. Makoeva, A. G. Vzaimodeystviye DOO s sem'yami vospitannikov po ispol'zovaniyu zdorov'yeberegayushchey sredy [Interaction of preschool educational institutions with families of pupils on the use of a health-preserving environment]. *Sovremennoye doshkol'noye obrazovaniye: teoriya i praktika [Modern preschool education: theory and practice]*. 2020. No. 14. P. 20–23. (In Russ.).
 7. Andreeva, N. A. Interaction of Preschool Institutions and Family on the Questions of Health Maintenance and Promotion of Preschool Children / N. A. Andreeva, T. A. Shipitsina, M. A. Yazovskikh. *Sovremennoye obrazovaniye: traditsii i innovatsii [Modern education: traditions and innovations] : Materials of the international scientific and practical conference, Shadrinsk, October 25, 2019 / Shadrinsk State Pedagogical University, etc. Vol. 2*. Shadrinsk : Shadrinsk State Pedagogical University, 2020. P. 67–69. (In Russ.).
 8. Zolotovskaya, N. A. Vzaimodeystviye sem'i i detskogo sada v sokhraneni i ukreplenii psikhofiziologicheskogo zdorov'ya detey [Interaction between family and kindergarten in preserving and strengthening the psychophysiological health of children] / N. A. Zolotovskaya, L. V. Khlebnikova. *Naukoyemkiye issledovaniya kak osnova innovatsionnogo razvitiya obshchestva [Science-intensive research as the basis for innovative development of society] : Collection of articles based on the results of the International Scientific and Practical Conference, Kaluga, April 04, 2022*. Sterlitamak : LLC "Agentstvo mezhdunarodnykh issledovaniy", 2022. P. 22–24. (In Russ.).
 9. Zyrina, I. V. Zdorov'yeberegayushchiye tekhnologii ka effektivnyy instrument ukrepleniya i okhrany zdorov'ya detey doshkol'nogo vozrasta [Health-saving technologies as an effective tool for strengthening and protecting the health of preschool children]. *Pedagogicheskiy forum [Pedagogical Forum] : Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference, Penza, March 12, 2020*. Penza : "Nauka i Prosveshcheniye" Publishing House, 2020. P. 16–17. (In Russ.).
 10. Geraskina, M. A. The Use of Health-Saving Technologies in the Conditions of a Preschool Educational Organization / M. A. Geraskina, G. V. Pozharova, A. A. Tishkova. *Modern Humanities Success*. 2023. No. 4. P. 211–216. (In Russ.).
 11. Stozharova, M. Yu. Using Health-Saving Technologies in Preschool Educational Institutions as a Condition of Forming a Healthy Personality of Pre-Schoolers / M. Yu. Stozharova, I. O. Kuznetsova. *Volga Region Pedagogical Search*. 2016. No. 3 (17). P. 63–65. (In Russ.).
 12. Nurgalieva, K. A. Trend of Application of Health-Saving Technologies in Preschool Educational Organization. *Obrazovaniye budushchego [Education of the future] : Materials of the IV International Scientific and Practical Conference with international participation, Grozny, November 17–18, 2023*. Grozny : Grozny State Petroleum Technical University named after Academician M. D. Millionshchikov, 2023. P. 153–156. DOI [10.26200/GSTOU.2024.33.57.031](https://doi.org/10.26200/GSTOU.2024.33.57.031). (In Russ.).
 13. Shirshova, N. S. Physical Education as a Factor of Formation of Health Saving Environment in Pre-School Educational Institutions / N. S. Shirshova, I. V. Barabanova. *Nauchnyy poisk [Scientific Search]*. 2015. No. 4. P. 48–52. (In Russ.).

Bio notes

Maria. V. Sheneman, Graduate Student, Irkutsk State University; Acting Head, Irkutsk Kindergarten No. 182, Irkutsk, Russia.

Contact information: e-mail: ms.sheneman@bk.ru; ORCID ID: [0009-0008-3395-7286](https://orcid.org/0009-0008-3395-7286); RSCI SPIN-code: [6550-9008](https://www.rsci.spn.ru/6550-9008).

Olga B. Istomina, Doctor of Philosophical Sciences, Docent, Head Department for Socio-Economic Disciplines, Irkutsk State University, Irkutsk, Russia.

Contact information: e-mail: olgaistomina@mail.ru, ORCID ID: [0000-0003-4060-6106](https://orcid.org/0000-0003-4060-6106); RSCI SPIN-code: [9182-8006](https://www.rsci.spn.ru/9182-8006).

Received on 20.04.2024; accepted for publication on 24.06.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.6)

EDN [WPPZUI](https://www.edn.ru/WPPZUI)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩЕГО ПОВЕДЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ, ВОСПИТЫВАЮЩИХ ДЕТЕЙ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ И ИНВАЛИДНОСТЬЮ

Гурьянова М. П.

НМИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия

E-mail: guryanowamp@yandex.ru

Клочинова П. Д.

*Боровский центр социальной помощи семье и детям «Гармония»,
Боровск, Россия*

E-mail: garmony-centr@yandex.ru

Для цитирования: *Гурьянова, М. П. Характеристика здоровьесберегающего поведения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью / М. П. Гурьянова, П. Д. Клочинова // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 88–104. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.6). EDN [WPPZUI](https://www.edn.ru/WPPZUI).*

Аннотация. В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению здоровьесберегающего поведения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и инвалидностью в возрасте 6–10 лет. Исследование проведено в апреле-мае 2024 г. в Боровском районе Калужской области. Метод исследования – анкетный опрос родителей. Вопросы затрагивали реализацию таких важных направлений здоровьесбережения ребенка, как домашнее питание, режим дня, сна, гигиена, контроль за безопасным для здоровья ребенка использованием гаджетов, психологический климат в семье, отношение родителей к собственному здоровью и др. Изучен был также процесс взаимодействия родителей с медицинским учреждением и медицинскими работниками как субъектами здоровьесбережения детей. Было установлено, что большинство родителей (85%) полностью выполняет советы и назначения врачей. Большая часть родителей (68%) знает особенности заболевания и лечения ребенка. По оценке 54% родителей, их дети охотно соблюдают рекомендуемые медиками предписания. 15% родителей не удалось сформировать у детей с ОВЗ и инвалидностью навыков выполнения рекомендаций врачей. У 30% родителей ребенок не соблюдает предписания врача или соблюдает благодаря родителям. В каждой третьей семье не соблюдается режим сна больного ребенка. Только у трети родителей (31%) ребенок посещает занятия ЛФК. Родители имеют невысокий уровень здоровьесберегающей компетентности по вопросу здорового питания. Материалы статьи могут быть использованы в работе специалистов медицинских и социальных учреждений, образовательных и общественных организаций, а также могут быть полезны исследователям, проявляющим интерес к проблеме здоровьесбережения детей с ОВЗ и инвалидностью.

Ключевые слова: ребенок с ОВЗ и инвалидностью, семья, образовательная организация, медицинская активность родителей, здоровьесберегающее поведение родителей

Введение

Гуманистическая парадигма развития современного российского общества связана с особой значимостью института семьи и детства для поступательного развития страны. В условиях объявленного в 2024 г. Президентом России Года семьи актуализируется проблема поиска новых подходов к укреплению здоровьесберегающего потенциала семьи. Его развитие особо значимо для семей, которые воспитывают детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, что

влечет за собой необходимость более активного включения родителей в процессы поддержания и укрепления здоровья, коррекции, реабилитации и абилитации ребенка.

Семья для ребенка с ОВЗ и инвалидностью – это не только главный институт его жизнеобеспечения, воспитания, но и основной источник ежедневного ухода, постоянной заботы, помощи и поддержки.

Семьи, воспитывающие детей с ОВЗ и инвалидностью, призваны создать комфортную, доброжелательную для ребенка семейную среду, условия для поддержания и укрепления его здоровья, лечения, позитивной социализации, содействовать формированию у ребенка необходимых гигиенических и жизненных навыков, помочь в развитии интересов и способностей с целью социальной адаптации в обществе, интеграции в различные сообщества: детское, школьное, уличное.

Для успешного взросления и социального развития детям с ОВЗ и инвалидностью необходимы не только любовь, забота и поддержка со стороны родителей, но и их здоровьесберегающее поведение.

Здоровьесберегающее поведение родителей, воспитывающих ребенка с ОВЗ и инвалидностью, мы рассматриваем как комплекс разнопрофильных видов деятельности родителей, направленных на поддержание, восстановление и укрепление здоровья больного ребенка, включающих систематические, грамотные действия родителей по медицинской активности, санитарно-гигиеническую, физкультурно-оздоровительную, коррекционно-развивающую, реабилитационную деятельность родителей; родительский контроль за режимом дня ребенка, питанием, выполнением гигиенических процедур, безопасным использованием гаджетов, пребыванием ребенка в соцсетях, двигательной активностью, а также как образ жизни самих родителей, содействующий/разрушающий здоровье ребенка с ОВЗ и инвалидностью.

Концепция социологического исследования

Исследование проведено совместными усилиями сотрудников НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков НМИЦ здоровья детей Минздрава России и Боровского центра социальной помощи семье и детям «Гармония» Калужской области в апреле-мае 2024 г.

В числе задач исследования: социальная характеристика детей с ОВЗ и инвалидностью и их родителей; определение степени удовлетворенности родителей получаемой медицинской помощью; оценка отношения родителей к советам и назначениям врачей, их выполнению; отношения ребенка к своей болезни; изучение организации родителями процесса здоровьесбережения ребенка в семье: выполнение ребенком гигиенических процедур, режима сна и др.; анализ отношения родителей к сохранению собственного здоровья, степени удовлетворенности родителей организацией обучения ребенка в образовательной организации.

Основной метод исследования – анкетный опрос родителей, имеющих детей с ОВЗ и инвалидностью в возрасте от 6 до 10 лет. На 36 вопросов анкеты ответили 50 родителей, (46 матерей (92%) и четверо отцов (8%)), проживающие в городах: Боровск, Балабаново, Ермолино (96%) и в деревне Кабицыно (4%) Боровского района

Калужской области. Таким образом, имеющаяся выборка характеризует особенности и проблемы здоровьесберегающего поведения родителей в малых городах и сельской местности центральной части России.

Выбор Боровского района Калужской области как базы проведения исследования обусловлен рядом причин. В районе 207 детей с инвалидностью: 75 школьников, 41 воспитанников детских садов. Детей с ОВЗ – 84, из них: 14 – воспитанники дошкольных организаций, 70 – обучающиеся в школе-интернате. На обслуживании центра «Гармония» – 56 детей с инвалидностью, 25 детей с ОВЗ.

Сотрудники центра «Гармония», работающие в участковой социальной службе в городе Балабаново, в процессе повседневного взаимодействия с семьями по месту их жительства отдают приоритет работе с семьями, имеющими ребенка с ОВЗ и инвалидностью. Важным направлением деятельности работников социальной службы является профилактика рисков здоровью в семьях, воспитывающих детей с ОВЗ и инвалидностью. В числе основных рисков здоровью детей в таких семьях сотрудники социальной службы рассматривают: тяжелое психологическое состояние родителей в большинстве семей и, как следствие, их невротизация и травматизация; низкий материальный достаток; аддиктивное поведение определенной части родителей; ограниченность источников помощи и поддержки; недостаточная активность определенной части родителей в использовании возможностей медицинских учреждений, влияющая на доступность медицинской помощи детям с ОВЗ и инвалидностью; проблема включенности/невключенности родителей в реабилитационный и абилитационный процесс, осуществляемый сотрудниками социальной службы; неумение родителей разрабатывать программу развития и здоровьесбережения ребенка; невысокий уровень здоровьесберегающих компетенций родителей, незнание родителями мер профилактики; трудности обучения ребенка в системе инклюзивного образования.

Одной из главных задач исследования было получение новых знаний о здоровьесберегающем поведении родителей с целью повышения уровня профессиональной компетентности работников социальной службы по оказанию помощи родителям в укреплении здоровья детей в семье.

Обзор научной литературы

Проблема поддержания и укрепления здоровья детей с ОВЗ и инвалидностью сегодня в нашей стране стала объектом изучения специалистов разных научных дисциплин: медицинских работников, социологов, психологов, педагогов, социальных педагогов, занимающихся ею в контексте предмета своего исследования. Полученные научные знания помогают медицинским, социальным, педагогическим работникам на практике совершенствовать работу с семьями, имеющими детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, по здоровьесбережению детей, содействовать родителям в поддержании здоровья больного ребенка.

При составлении перечня вопросов анкеты авторы статьи опирались на научные труды разных исследователей, выделивших и обосновавших значимость определенных аспектов поведения родителей для сбережения здоровья детей с ОВЗ и инвалидностью.

Так, А. В. Старшинова и Е. А. Гоголева (2015) подчеркивают важность ценностных ориентаций и установок родителей на восстановление и укрепление и здоровья детей, а кроме того, приводят собственную типологию семей в соответствии с позицией родителей, нацеленной на поддержание и укрепление здоровья ребенка [1]. Авторы настоящего исследования также исходят из понимания поведения родителей как важного элемента поддержания и укрепления здоровья детей.

Аналогичным образом И. С. Демина (2022) рассматривает семью ребенка с ограниченными возможностями здоровья как ресурс для его коррекции и развития, поднимает проблему оказания ребенку с ОВЗ коррекционно-развивающей помощи, обращает внимание на вовлечение родителей в образовательный процесс с целью оказания эффективной коррекционно-развивающей помощи ребенку с ОВЗ [2]. Мы разделяем подход этого автора, считая семью ребенка с ограниченными возможностями здоровья как ресурс для его коррекции и развития.

Н. Д. Русанова (2018) на основе большого практического опыта анализирует влияние разных факторов, имеющих большое значение для здоровья ребенка с ОВЗ: быт и уклад семьи, психологический климат в ней, воспитание правильных привычек, умение должным образом строить режим дня и выполнять его и т. п. [3]. Все эти аспекты нашли отражение в вопросах нашей анкеты.

Л. В. Симинякиной и Н. А. Пешковой (2020) изучено влияния семьи на психологическое благополучие/неблагополучие ребенка с ограниченными возможностями здоровья. Авторы отмечают возможность появления в таких семьях проблем психоэмоционального напряжения как у родителей, так и у детей, вероятность развития субдепрессивных состояний, появление личностных нарушений [4]. Ценность труда данных авторов состоит для нас в рассмотрении такого важного направления здоровьесбережения ребенка в семье, как влияние семьи на психологическое благополучие/неблагополучие ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

А. Е. Уклеина и соавторы (2021) в своей работе характеризуют основные группы родителей, имеющих ребенка с ОВЗ, по их отношению к детям (гиперопека, гипопротекция, репрессивный стиль общения, сотрудничество), анализируют влияние характера отношений родителей к детям на формирование у ребенка личностных качеств, развитие психики [5]. В нашем исследовании психологическим аспектам взаимодействия в семье, где растут дети с ОВЗ и инвалидностью, был посвящен отдельный блок вопросов.

М. Н. Егизарьянц и А. А. Мякинских (2019) изучили проведение родителями реабилитационной работы с ребенком, имеющим нарушения развития, излагают задачи родителей в ее проведении. В их числе: создание дома доброжелательной и комфортной атмосферы, соблюдение режима, предписаний врачей, постоянное наблюдение за состоянием здоровья ребенка и его самочувствием – физическим и психическим, знание особенностей развития своего ребенка, формирование у него адекватной самооценки и адекватного отношения к своей особенности, приобщение ребенка к домашним делам в соответствии с его возможностями и формирование у него навыков самообслуживания и др. [6]. Опираясь на такие выводы, мы в свое исследование включили вопросы, касающиеся соблюдения ребенком режима

дня, выполнения домашних обязанностей и отношения к собственному состоянию.

О. В. Ивасева (2022) раскрывает содержание рационально организованной двигательной активности детей с ограниченными возможностями здоровья в семье, конкретизирует задачи физического воспитания детей с ОВЗ, обосновывает формы и методы его осуществления, дает некоторые практические рекомендации родителям, имеющим детей с ОВЗ и инвалидностью [7]. Авторы настоящей статьи также выделяют физическое воспитание детей с ограниченными возможностями здоровья в семье как важное направление здоровьесберегающей деятельности родителей.

М. П. Гурьянова, Н. И. Котова и П. Д. Ключинова (2023) в процессе изучения проблемы социализации в семье детей с ОВЗ и инвалидностью в числе прочих исследовали проблему использования детьми младшего школьного возраста цифровых устройств, при этом установив, что треть родителей не соблюдает рекомендации медицинских работников. Для уточнения данных в нашу анкету были включены вопросы по безопасному для здоровья детей использованию гаджетов и соцсетей [8].

Результаты исследования

Структурируем результаты исследования по блокам вопросов, включенных в анкету.

1. Социальная характеристика семей, родителей, воспитывающих ребенка с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью

В числе обследованных семей были следующие категории: 48% – полные семьи; 26% – неполные семьи; 20% – многодетные семьи; 6% – многопоколенные семьи.

Более половины семей (53%) имеют двоих детей; 33% – троих и более детей. Каждая седьмая семья (14%) воспитывает одного ребенка с ОВЗ и инвалидностью, причем многие семьи планируют рождение второго ребенка (детей), но решаются на такой шаг далеко не все женщины, опасаясь вновь родить ребенка с нарушениями здоровья.

Образование матерей: 31% матерей имеет среднее общее образование; 29% – высшее образование; 25% – неполное среднее; 16% – среднее профессиональное. Итак, образовательный уровень матерей, воспитывающих ребенка с ОВЗ и инвалидностью, существенно различается.

Образование отцов. На данный вопрос получено только 34 ответа. Исходя из этого числа, 35% отцов имеют высшее образование; 35% – среднее профессиональное; 24% – среднее общее; 6% – неполное среднее. Таким образом, по результатам выборки, образование отцов в среднем выше, чем у матерей.

Большинство обследованных семей (82%) оценило материальное обеспечение своей семьи как среднее; 18% – как низкое. Данные исследования свидетельствуют о традиционно существующей в российской провинции привычке людей жить скромно, ограничиваться и довольствоваться малым. Такой вывод сделан на основе наших многолетних исследований социально-педагогических проблем сельского социума, проводимых в Институте социальной педагогики РАО, личных наблюде-

ний в ходе научно-методического сотрудничества с Боровским центром социальной помощи семье и детям «Гармония», который является исследовательской базой ФГАУ «НМИЦ здоровья детей Минздрава России [9].

2. Социальная характеристика детей с ОВЗ и инвалидностью

Из числа обследованных семей, имеющих детей с ОВЗ и инвалидностью, 64% воспитывают мальчиков; 36% – девочек. Детей в возрасте 6 лет – 44%; 7 лет – 22%; 8 лет – 11%; 9 лет – 4%; 10 лет – 20%.

У 55% родителей ребенок посещает детский сад; у 32% – общеобразовательную школу; у 6% – коррекционную школу; у 4% родителей ребенок учится на дому; у 2% – не посещает детский сад/общеобразовательную школу. Из чего следует, что подавляющее большинство детей посещает образовательные организации, а значит дети с ОВЗ и инвалидностью интегрированы в детские сообщества, имеют возможности для социализации.

На вопрос о видах нарушений у ребенка ответили только родители из 44 семей. В этих семьях дети имеют следующие нарушения: 20% – нарушения речи (9 детей); 2% – нарушения слуха (1 ребенок); 2% – нарушения слуха и речи (1 ребенок); 11% – задержка психического развития (5 детей); 27% – комплексные нарушения (12 детей); 5% – сахарный диабет (2 ребенка); 9% – нарушения зрения (4 ребенка); 2% – умственная отсталость (1 ребенок); 7% – нарушения опорно-двигательного аппарата (3 ребенка); 2% – аутизм без умственной отсталости (1 ребенок); 2% – аутизм с умственной отсталостью (1 ребенок); 2% – нефробластома (1 ребенок); 2% – онкология (1 ребенок); 2% – атрезия желчевыводящих путей (1 ребенок); 2% – болезнь Крона (1 ребенок).

Установлено, что среди нарушений детей в возрасте 6–8 лет на первом месте стоят комплексные нарушения, на втором – задержка речи, на третьем – задержка психического развития.

В ходе исследования был изучен вопрос об обучении детей с ОВЗ и инвалидностью в образовательных организациях (табл. 1).

Таблица 1

Ответы респондентов на вопрос: «Где учится Ваш ребенок?» (человек)

Table 1

Respondents' answers to the question: "Where does your child study?" (people)

Семья с ребенком, имеющим нарушения	Кол-во	Детский сад	Общеобразовательная школа	Коррекционная школа	Учеба на дому
нарушения органов чувств ¹	15	8	4	1	-
ментальные нарушения ²	8	4	2	1	-
соматические нарушения ³	6	2	3	-	-
нарушения опорно-двигательного аппарата	3	-	2	-	-
комплексные нарушения	12	11	1	-	1

¹ Здесь и далее в таблицах: заболевания и нарушения слуха, речи, зрения.

² Задержка психического развития, умственная отсталость, аутизм, в т. ч. аутизм с умственной отсталостью.

³ Сахарный диабет, нефробластома, онкология, атрезия желчевыводящих путей, болезнь Крона.

Один родитель, воспитывающий ребенка с задержкой психического развития в возрасте 8 лет, написал, что ребенок нигде не учится. Другой родитель, имеющий ребенка с нарушением речи, не стал отвечать на заданный вопрос.

В результате ответов на вопросы анкеты установлено, что детский сад посещают дети с нарушениями речи, слуха и зрения, с задержкой психического развития, комплексными нарушениями, аутизмом, болезнью Крона, нефробластомой.

В общеобразовательной организации учатся дети, имеющие нарушения речи, задержку психического развития, комплексные нарушения, сахарный диабет, нарушения зрения, нарушения опорно-двигательного аппарата, онкологию, атрезию желчевыводящих путей.

В коррекционной школе учатся дети с нарушением зрения и умственной отсталостью. Один ребенок с комплексными нарушениями учится на дому.

Исследование позволило определить комплекс проблем, с которыми сталкиваются дети с ОВЗ в процессе обучения в образовательных организациях. Зафиксировано проблемное поле инклюзивного образования. Установлено, что 70% родителей удовлетворены организацией обучения ребенка в образовательной организации, 21% – отчасти удовлетворен, 8% – не удовлетворены. В числе причин неудовлетворенности 43% родителей назвали трудности во взаимоотношениях ребенка с другими детьми; 21% опрошенных сказали о непосильной для ребенка учебной нагрузке; 14% – об отсутствии в образовательной организации тьютора; 7% – об отсутствии комфортных условий для ребенка; 7% – о проблемах во взаимоотношениях с учителем.

Следовательно, развитие инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья требует совместных мер министерств просвещения и здравоохранения РФ по подготовке рекомендаций для педагогов, воспитателей по гармоничному взаимодействию детей с особыми образовательными потребностями и обычных детей в процессе инклюзивного образования, а для учителей – по особенностям поведения и общения детей с ОВЗ и инвалидностью.

3. Анализ медицинской активности родителей

Основная задача родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, заключается в создании в семье оптимальных условий для поддержания и укрепления здоровья больного ребенка, в приучении ребенка к регулярному выполнению предписаний врачей, в постоянном контроле за выполнением ребенком различных видов здоровьесберегающей деятельности.

Абсолютное большинство родителей (85%) в полном объеме реализовывает на практике советы и назначения врача; 13% родителей делают это не в полной мере.

4% опрошенных родителей заявили, что не выполняют рекомендации медиков. Называя причины невыполнения назначений врача, родители написали: «забываю», «знаю, что подходит сыну, а что нет», «не все подходит»; «не считаю выполнение назначений обязательным».

Как показало исследование, 43% родителей удовлетворены получаемой медицинской помощью, связанной с заболеванием ребенка; 43% удовлетворены только отчасти; 15% родителей не удовлетворены совсем. Один родитель написал: «В Москве удовлетворен получаемой медицинской помощью, в Балабаново – нет». Ро-

дители назвали причины неудовлетворенности получаемой медицинской помощью: 33% сказали о невнимательном отношении медицинского персонала; 24% – о том, что поликлиника расположена далеко от дома; 24% – об отсутствии специалиста по нозологии; 24% – об отсутствии квалифицированных врачей и ряда специалистов; 19% – о неудобном графике работы медперсонала.

Основная часть опрошенных родителей (68%) знает особенности заболевания и лечения ребенка; 23% – частично знакомы с особенностями заболевания и лечения ребенка; 9% родителей ответили, что не знают особенностей лечения заболевания ребенка.

Лишь 38% родителей регулярно обращаются за советами к медицинским работникам; 31% обращается только по вызову или направлению; 31% нерегулярно обращается за советами к медицинским работникам.

По оценке 54% родителей, их дети охотно соблюдают рекомендуемые предписания квалифицированных специалистов; 30% – их ребенок не соблюдает предписания врача или соблюдает благодаря родителям; 15% – ребенок иногда нарушает данные ему врачебные предписания.

Важный момент в сохранении психического здоровья больного ребенка – родительская поддержка в восприятии им своей болезни (табл. 2).

Таблица 2

Ответы респондентов на вопрос: «Как, по Вашему мнению, ребенок относится к своей болезни?» (человек)

Table 2

Respondents' answers to the question: "How do you think your child feels about his/her illness?" (people)

Семья с ребенком, имеющим нарушения	Кол-во	Не понимает, что болеет	Относится спокойно	С повышенным вниманием	Комплексует
нарушения органов чувств	15	2	7	3	2
ментальные нарушения	8	4	2	1	-
соматические нарушения	6	1	4	1	-
нарушения опорно-двигательного аппарата	3	-	3	-	-
комплексные нарушения	12	8	2	2	-

На вопрос о том, как дети относятся к своей болезни, 41% родителей ответили, что их ребенок не понимает, что болеет; у 39% ребенок к своей болезни относится спокойно; у 15% – с повышенным вниманием; у 4% – ребенок комплексует по поводу своей болезни. Детям, переживающим по поводу своей болезни, возможно, нужна помощь психолога, о чем следует позаботиться родителям или работникам социальной службы.

4. Анализ здоровьесберегающего поведение родителей, касающегося заболевания ребенка

Источники информации о здоровье. Во время опроса было установлено, что информацию о здоровье 63% родителей получают из лекций, бесед с медицинскими работниками; 46% – из Интернета, газет, журналов, радио, ТВ; 24% – от знакомых и родных; 2% – из личного опыта; 2% – от сотрудников реабилитационного центра.

Контроль за режимом дня ребенка. Для поддержания здоровья больного ребенка чрезвычайно важен устоявшийся в семье режим дня.

Подавляющее большинство родителей (90 %) ответило: в семье есть устоявшийся режим дня, что является положительным фактором здоровьесбережения ребенка в семье. У 10% семей нет устоявшегося режима дня для ребенка (речь идет о следующих семьях: в одной растет ребенок с умственной отсталостью, в другой – с нефробластомой, в третьей – с нарушением речи, в четвертой – с задержкой психического развития). Два родителя не стали отвечать на заданный вопрос.

Оказалось, что основная часть родителей (79%) следит за режимом дня ребенка регулярно, что способствует укреплению его здоровья. 19% контролирует его периодически. 2% вообще не осуществляют такой контроль. Три родителя не стали отвечать на вопрос.

Оздоровление ребенка. Для оздоровления больного ребенка чрезвычайно важно длительное пребывание на свежем воздухе. На вопрос: «Сколько времени Ваш ребенок ежедневно находится на свежем воздухе?» 54% родителей заявили, что ребенок находится на свежем воздухе 2–3 часа; у 38% родителей – от часа до двух часов; у 8% родителей – до 1 часа. Один родитель справедливо уточнил: в будние дни ребенок ежедневно находится на свежем воздухе от часа до двух; в выходные – от 2–3 часов. Таким образом, наибольшая часть опрошенных родителей осуществляет контроль за пребыванием ребенка на свежем воздухе, что является положительным моментом в поддержании здоровья детей.

Выявлено, что только 16% родителей вместе с ребенком делают утреннюю зарядку; 44% родителей сказали, что делают ее только иногда; 40% родителей заявили, что не делают с ребенком утреннюю зарядку. Исследование показало, что такой ресурс укрепления здоровья как утренняя зарядка детей и родителей, используют лишь 16% опрошенных.

Неотъемлемой частью реабилитационных мероприятий для детей с ограниченными возможностями здоровья считается лечебная физическая культура (ЛФК), основанная на систематической, строго регламентированной тренировке, которая, кроме местного воздействия на отдельные органы и системы, оказывает положительное влияние на организм в целом.

Таблица 3

Ответы респондентов на вопрос: «Посещает ли ребенок занятия ЛФК?» (человек)

Table 3

Respondents' answers to the question: "Does your child attend physical therapy classes?" (people)

Семья с ребенком, имеющим нарушения	Кол-во	Нет	Иногда	Регулярно
нарушения органов чувств	15	5	4	6
ментальные нарушения	8	5	2	1
соматические нарушения	6	4	-	2
нарушения опорно-двигательного аппарата	3	1	-	2
комплексные нарушения	12	3	6	3

Исследование показало, что только у трети родителей (31%) ребенок посещает занятия ЛФК регулярно; у 29% – ребенок иногда бывает на занятиях ЛФК; у 39% –

ребенок не посещает занятия ЛФК (табл. 3). Два родителя не стали отвечать на вопрос. Итак, значительная часть родителей (69%) в своей деятельности не использует оздоровительные возможности ЛФК для реабилитации ребенка с ограниченными возможностями здоровья.

5. Анализ здоровьесберегающей деятельности родителей по основным направлениям здоровьесбережения ребенка в семье: домашнее питание, режим сна, гигиена, использование гаджетов, психологический климат в семье.

Организация правильного домашнего питания – важный фактор сбережения здоровья ребенка [9; 10], главное направление здоровьесберегающего поведения родителей. В ходе исследования зафиксировано, что подавляющее большинство родителей (92%) регулярно готовит дома первые блюда, что является ответственным подходом к здоровью ребенка, к собственному здоровью, примером для воспитания. 8% родителей только иногда готовят первое.

У 50% родителей ребенок ест дома молочные каши, у 26% – иногда ест; у 24% – ребенок не ест дома молочные каши. Одна мама написала, что у ребенка аллергия на молоко. Более 70% родителей заботятся о том, чтобы их дети употребляли блюда из круп, что является положительным моментом в здоровьесбережении ребенка.

63% родителей регулярно интересуются, что ребенок ел в детском саду, школе; 21% – только иногда проявляет интерес к подобному вопросу; 17% – не интересуются тем, что ребенок ел вне дома. Один родитель ответил: «Ребенок не ест в школе».

На вопрос: «Какие предпочтения в еде есть у Вашего ребенка?» – получены следующие ответы. 44% родителей отметили избирательность ребенка в еде; 33% – ребенок предпочитает питание, которое дают родители; 22% – у ребенка нет предпочтений; 13% – их ребенок – малоежка; 11% – предпочитает сладкое, мучное; 11% – ребенок отказывается есть в детском саду, школе; 2% – ест ежедневно «всухомятку». Четверо родителей не стали отвечать на этот вопрос. Полученные данные свидетельствуют о том, что в большинстве семей родители не придерживаются правил здорового питания, недостаточно осуществляют контроль за питанием ребенка.

78 % родителей указали на то, что ребенок иногда употребляет чипсы, сухарики, газированную воду, жевательную резинку; 15% родителей сказали, что ребенок не употребляет чипсы, сухарики, газированную воду, жевательную резинку; 6% родителей – ребенок регулярно употребляет чипсы, сухарики, газированную воду, жевательную резинку.

Установлено, что 39% детей от 6 до 10 лет пробовали безалкогольные энергетические напитки; 9% детей иногда их пьют; 3% употребляют энергетика регулярно; у 59% родителей ребенок не пробовал такие напитки. Заметим, что 16 респондентов не стали отвечать на данный вопрос [11]. Значительная часть детей (от 12% до 39%) подвержена негативному влиянию на их здоровье безалкогольных энергетических напитков, вредного для детей питания.

Полученные ответы в целом характеризуют присутствие нездоровых продуктов в питании детей.

Режим питания и сна. Констатировано, что 32% детей, согласно оценке родителей, регулярно принимают пищу за 2 часа до сна; 64% детей делают это иногда; 4% детей пищу за 2 часа до сна не принимают. Отсюда следует, что, в большинстве семей не соблюдается режим питания.

На вопрос «В котором часу ребенок ложится спать?» – 23% родителей ответили, что ребенок ложится спать «как придется»; у 7% опрошенных родителей ребенок «может лечь поздно». Согласно оценке 30% респондентов, в каждой третьей семье не соблюдается режим сна больного ребенка.

Гигиена детей. Для поддержания здоровья больных детей необходимо приобщение их к систематическому ежедневному выполнению гигиенических процедур. Зафиксировано, что только треть детей (32%) ежедневно утром и вечером чистит зубы; у 56% родителей дети чистят зубы ежедневно 1 раз в день; у 12% – не каждый день.

У 64% участников опроса ребенок моет руки после прогулки; у 54% – после посещения туалета. У 50% родителей ребенок обязательно моет руки перед приемом пищи; у 18% дети моют руки по настоянию родителей; у 6% ребенок не всегда моет руки.

Использование гаджетов. 57% респондентов указали, что у ребенка нет личного телефона либо смартфона. Чуть больше половины детей, имеющих личный телефон, смартфон (52%) проводят с ним до 1 часа в день; 29% детей – от 1 часа до 3-х часов в день; 19% – свыше 3-х часов в день. Однако для обучения и досуговой деятельности детей дошкольного возраста использование электронных средств не рекомендуется. Для детей младшего школьного возраста при использовании электронных устройств следует помнить, что суммарная ежедневная продолжительность работы с устройствами, оборудованными экранами (компьютерами, планшетами, смартфонами и пр.), не должна превышать: для обучающихся 1–2 классов – 1 час 20 мин. Более длительное время их использования, как отмечают А. М. Курганский и др., является опасным для здоровья [8; 12; 13]. Исходя из сказанного, напрашивается вывод: необходим родительский контроль за безопасным для здоровья детей использованием гаджетов.

Психологический климат в семье как фактор здоровьесбережения ребенка. Для поддержания здоровья ребенка с ОВЗ и инвалидностью большое значение имеет создание в семье благоприятного психологического климата, что доказано многими исследователями [3; 4; 8; 14].

От того, как в семье осуществляется забота родителей о ребенке, насколько правильно она построена, зависит его самочувствие. В ходе исследования важно было выяснить, как распределяется забота о ребенке между родителями, как ведут себя родители в присутствии ребенка, какое поведение свойственно матери или отцу по отношению к ребенку.

Для создания хорошего микроклимата в семье важно проведение всей семьей выходных дней. Отвечая на вопрос «Как проводят выходные дни члены Вашей семьи?» – 56% родителей сказали, что ребенок чаще всего проводит их с мамой (папой); 38% часто проводят выходные дни всей семьей, что является благоприятным фактором для психического здоровья ребенка и родителей.

Полученные данные свидетельствуют об ответственном отношении примерно 50% матерей и отцов к постоянной заботе о больном ребенке, о равном участии матери и отца в воспитании детей.

57% родителей иногда ссорятся в присутствии ребенка, что создает обстановку напряженности в семье, негативно сказывается на психическом состоянии ребенка; 43% – никогда не допускают ссор в присутствии детей. Один из опрошенных родителей не стал отвечать на заданный вопрос.

У 41% опрошенных поведение матери по отношению к больному ребенку такое же, как и к другим детям; у 41% – мать регулярно общается, играет с больным ребенком, помогает ему; 12% – матери свойственна гиперопека; 6% – мать занимается своими делами. Один из родителей не стал отвечать на вопрос. Установлено, что для каждой восьмой матери свойственна гиперопека, выраженное расширение сферы проявления родительских чувств. Это поведение, как отмечают А. Е. Уклеина и др. [5], негативно сказывается на развитии психики ребенка. В этих случаях дети растут пассивными, несамостоятельными, неуверенными в себе, эгоцентричными. Для них характерна психическая и социальная незрелость, которая препятствует социальной адаптации.

53% родителей сказали, что отношение отца к ребенку такое же, как и к другим детям: 43% – отец регулярно общается, играет с больным ребенком, помогает ему; 5% – отец не общается с ребенком, живет замкнуто. На этот вопрос ответили 40 респондентов из 50. Самоустраивающееся поведение отцов (5%) свидетельствует об эмоциональном отвержении ребенка, что негативно сказывается на его здоровье, формирует у ребенка негативное отношение к отцу.

Включение ребенка в выполнение работ по дому является важным элементом создания благоприятного психологического климата в семье.

Таблица 4

Ответы респондентов на вопрос: «Выполняет ли ребенок обязанности по дому?» (человек)

Table 4

Respondents' answers to the question: "Does your child carry out housework duties?" (people)

Семья с ребенком, имеющим нарушения	Кол-во	Иногда	Регулярно	Не выполняет
нарушения органов чувств	15	9	5	1
ментальные нарушения	8	4	3	1
соматические нарушения	6	3	3	-
нарушения опорно-двигательного аппарата	3	-	2	1
комплексные нарушения	12	8	3	1

При ответах на вопрос: «Выполняет ли ребенок обязанности по дому?» – оказалось, что у 52% родителей ребенок иногда выполняет такую работу; у 38% – регулярно исполняет обязанности по дому; у 10% – ребенок не выполняет эту работу (табл. 4). Итак, в большинстве семей дети выполняют обязанности по дому, что свидетельствует о том, что родители осуществляют правильное воспитание ребенка, используют данный эффективный метод социализации, приобщения ребенка к делам и жизни родителей.

6. Анализ собственного поведения родителей, влияющего на здоровье детей

Немалое влияние на здоровье детей оказывает поведение родителей. Установлено, что 45% родителей имеют увлечение, которое отвлекает их на несколько часов

в неделю от забот по дому. Каждый пятый родитель (20%) имеет непостоянное увлечение. Такое действие родителей является позитивным фактором для здоровья ребенка, так как родители, сменившие на несколько часов домашнюю обстановку, могут с новыми силами включиться в заботу о больном ребенке. К сожалению, 35% родителей не имеют никакого хобби.

Исходя из вышеизложенного, можно констатировать, что лишь треть родителей не реализуют имеющуюся потребность в восстановлении своих жизненных сил после напряженного домашнего труда с помощью хобби. Выявлена проблема реабилитации родителей, что диктует необходимость поиска способов ее решения работниками социальной службы.

23% родителей сказали, что курят; 15% родителей делают это иногда; 63% родителей не курят. Таким образом, около 40% родителей (а это в основном мамы) заявили, что «курят и не всегда курят». Такие данные свидетельствуют о никотиновой зависимости родителей, которые подают плохой пример детям, вредят собственному здоровью и здоровью ребенка.

67% родителей сказали, что редко употребляют алкогольные напитки; 29% алкоголь не употребляют; 4% употребляют спиртные напитки раз в неделю. Около 70% родителей редко, но все же употребляют алкоголь, что является дополнительными факторами риска для здоровья больного ребенка.

7. Оценка родителями отношения к собственному здоровью

47% родителей оценили свое отношение к здоровью как ответственное. 44% – как относительно ответственное. 8% родителей – как безответственное. Итак, меньше половины родителей, имеющих детей с ОВЗ и инвалидностью, по их оценке, ответственно относятся к своему здоровью, что является тревожным фактором для поддержания здоровья больных детей.

Выводы

Исследование позволило сформулировать позитивные и негативные особенности здоровьесберегающего поведения родителей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидностью, характерные для малых городов и сельских поселений европейской части России.

Обратим внимание на позитивные элементы здоровьесберегающего поведения родителей: 54% родителей приучили детей соблюдать рекомендуемые предписания врача. Более половины соблюдают рекомендации здорового питания по набору блюд и режиму питания. 48% мам и пап в равной степени участвуют в заботе о ребенке. У 54% родителей ребенок находится на свежем воздухе 2–3 часа. 38% семей часто проводят выходные дни всей семьей. 57% детей в возрасте от 6 до 10 лет не имеют личного телефона, смартфона.

Вместе с тем треть родителей в силу разных причин недооценивает значимость таких важных факторов здоровьесбережения ребенка в семье, как правильное питание, соблюдение режима питания, режима сна, родительский контроль за безопасным для здоровья ребенка использованием гаджетов, употреблением детьми дошкольного и младшего школьного возраста безалкогольных энергетических напитков (энергетиков).

Пристального внимания работников социальной службы требует отношение родителей, имеющих детей с ОВЗ и инвалидностью, к собственному здоровью. Более половины родителей оценили свое отношение к здоровью как относительно ответственное либо безответственное. Необходимо учитывать тот факт, что психологическая нестабильность больного ребенка оказывает огромное влияние на родителей и может стать причиной ухудшения их здоровья, деструктивного поведения.

Список литературы

1. Старшинова, А. В. Активность семей как фактор доступности медицинской помощи детям-инвалидам / А. В. Старшинова, Е. А. Гоголева // Дискуссия. 2015. № 5(57). С. 103–109. EDN [UBEXOR](#).
2. Демина, И. С. Семья, воспитывающая ребёнка с ограниченными возможностями здоровья, как ресурс проведения успешной коррекционной работы // Ребенок в современном образовательном пространстве мегаполиса : Материалы IX Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Москва, 08 апреля 2022 г. Москва: Известия института педагогики и психологии образования, 2022. С. 193–198. EDN [IYOLYH](#).
3. Русанова, Н. Д. Роль семьи в формировании здорового образа жизни детей с ОВЗ : доклад // Образовательный Портал «Продленка», 08.01.2018. URL: <https://www.proddenka.org/metodicheskie-razrabotki/291253-rol-semi-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhiz>.
4. Симинякина, Л. В. Влияние семьи на психологическое благополучие ребенка с ограниченными возможностями здоровья / Л. В. Симинякина, Н. А. Пешкова // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки : Сборник материалов VI Международной научно-практической конференции, Тула, 19 ноября 2020 г. –Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. С. 186–190. EDN [UHTRXD](#).
5. Уклеина, А. Е. Роль семьи в социализации детей с ограниченными возможностями здоровья / А. Е. Уклеина, С. А. Мухортова, Т. В. Горбачева [и др.] // Национальная Ассоциация Ученых. 2021. № 71-1. С. 41–43. EDN [RYBJNG](#).
6. Егизарьянц, М. Н. Роль семьи в воспитании ребенка с ограниченными возможностями здоровья / М. Н. Егизарьянц, А. А. Мьякинских // Проблемы педагогики. 2019. № 4(43). С. 67–68. EDN [XYDZNR](#).
7. Ивасева, О. В. Физическое воспитание детей с ОВЗ в семье // Социально-экономические процессы: новое видение, вызовы, тенденции : монография. Петрозаводск : Международный центр научного партнерства «Новая Наука» (ИП Ивановская И.И.), 2022. С. 233–259. EDN [PSDEXD](#).
8. Гурьянова, М. П. Социально-педагогический анализ социализации в семье детей с ОВЗ и инвалидностью / М. П. Гурьянова, П. Д. Ключинова, Н. И. Котова // Педагогика. 2023. Т. 87, № 10. С. 41–50. EDN [GUJLPH](#).
9. Гурьянова, М. П. Профилактические технологии работы специалистов социальной службы по оказанию помощи семье в организации правильного питания / М. П. Гурьянова, Ж. Ю. Горелова, Е. В. Андрейчук, Ю. В. Соловьева // Социальное обслуживание. 2023. № 1. С. 71–80. EDN [BEQHKT](#).
10. Горелова, Ж. Ю. Возможности применения современных профилактических технологий в работе специалистов разного профиля по оказанию помощи семье в организации правильного питания ребенка / Ж. Ю. Горелова, М. П. Гурьянова // Медицинский алфавит. 2023. № 8. С. 75–81. DOI [10.33667/2078-5631-2023-8-75-81](https://doi.org/10.33667/2078-5631-2023-8-75-81). EDN [VNGCAD](#).
11. Горелова, Ж. Ю. Обзор исследований по изучению влияния безалкогольных тонирующих напитков на здоровье детей и подростков, проведенных в период с 2015 по 2023 год / Ж. Ю. Горелова, М. П. Гурьянова, А. М. Курганский // Медицинский алфавит. 2023. № 29. С. 28–32. DOI [10.33667/2078-5631-2023-29-28-32](https://doi.org/10.33667/2078-5631-2023-29-28-32). EDN [VEGJNU](#).
12. Гурьянова, М. П. Родительский контроль за безопасным для здоровья ребенка использованием гаджетов и соцсетей / М. П. Гурьянова, Т. П. Сепянен, А. М. Курганский // Public health forum: Человек. Здоровье. Окружающая среда : Сборник материалов Республиканской научно-практической конференции с международным участием, Минск, 14 июня 2023 года. Минск: Белорусская медицинская академия последипломного образования, 2023. С. 147–151. EDN [HXEDPX](#).
13. Курганский, А. М. Медициньские и социально-педагогические риски использования детьми младшего школьного возраста цифровых устройств: эмпирическое исследование / А. М. Курганский, М. П. Гурьянова, П. И. Храпцов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2023. Т. 20, № 3. С. 501–525. DOI [10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525). EDN [BQFWMW](#).

14. *Ткачева, В. В.* Семья ребенка с ограниченными возможностями здоровья : диагностика и консультирование : [пособие]. Москва : Нац. кн. центр, 2014. 149 с. ISBN 978-5-4441-0057-8.

Сведения об авторах

Гурьянова Марина Петровна, доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник, НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков, НИИЦ здоровья детей Минздрава России, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: guryanowamp@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9066-6882](https://orcid.org/0000-0001-9066-6882); РИНЦ SPIN-код: [3447-1188](https://elibrary.ru/3447-1188).

Ключинова Полина Дмитриевна, директор, ГБУ Калужской области «Боровский центр социальной помощи семье и детям «Гармония»», Боровск, Россия.

Контактная информация: e-mail: garmoniy-centr@yandex.ru.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках государственного задания НИИ гигиены и охраны здоровья детей и подростков ФГАУ «Национальный медицинский исследовательский центр здоровья детей» Министерства здравоохранения Российской Федерации по теме «Гигиеническое обоснование условий развития, обучения и социализации детей с ограниченными возможностями здоровья в образовательных организациях», НИОКТР № 1220040800175-2.

Авторы выражают благодарность сотрудникам центра «Гармония», а также руководителям дошкольных образовательных организаций района за участие в подготовке и проведении исследования.

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; принята в печать 26.08.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

CHARACTERISTICS OF HEALTH-PRESERVING BEHAVIOR OF PARENTS RAISING CHILDREN WITH DISABILITIES

Marina P. Guryanova

*National Medical Research Center for Children's Health
of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia
E-mail: guryanowamp@yandex.ru*

Polina D. Klochinova

*Borovsk Center for Social Assistance to Families and Children "Harmony",
Borovsk, Russia
E-mail: garmoniy-centr@yandex.ru*

For citation: Guryanova, Marina P. Characteristics of Health-Preserving Behavior of Parents Raising Children with Disabilities / M. P. Guryanova, P. D. Klochinova. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 88–104. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.6).

Abstract. The article presents the results of a study devoted to the study of health-preserving behavior of parents raising children with disabilities aged 6-10 years. The study was conducted in April-May 2024 in the Borovsky District of the Kaluga Region. The research method was a questionnaire survey of parents. The questions touched upon the implementation of such important areas of child health-preservation in the family as home nutrition, daily routine, sleep, hygiene, control over the safe use of gadgets for the child's health, the psychological climate in the family, the attitude of parents to their own health, etc. The process of interaction between parents and a medical institution and medical workers as subjects of child health-preservation was also studied. It was found that the majority of parents (85%) fully comply with the doctor's advice and prescriptions. Most parents (68%) know the specifics of the child's disease and treatment. According to 54% of parents, their children willingly follow the doctor's recommended prescriptions. 15% of parents failed to develop the skill of following doctors' recommendations in their children with disabilities. In 30% of parents, the child does not follow the doctor's orders or follows them thanks to the parents. In every third family, the sick child's sleep schedule is not followed. Only a third of parents (31%) have children who attend exercise therapy classes. Parents have a low level of health-preserving competence in the issue of healthy nutrition. The materials of the article can be used in the work of

specialists in medical and social institutions, educational and public organizations, and can also be useful for researchers interested in the problem of health preservation of children with disabilities.

Keywords: child with disabilities, family, educational organization, medical activity of parents, health-preserving behavior of parents

References

1. Starshinova, A. V. Activity of Families as a Factor of Medical Aid Availability for Disabled Children / A. V. Starshinova, E. A. Gogoleva. *Discussion*. 2015. No. 5(57). Pp. 103–109. (In Russ.).
2. Demina, I. S. Sem'ya, vospityvayushchaya rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdo-rov'ya, kak resurs provedeniya uspezhnoy korrektsionnoy raboty [A family raising a child with disabilities as a resource for successful correctional work]. In: *Rebenok v sovremennoy obrazovatel'nom prostranstve megapolisa [A child in a modern educational space of a metropolis]* : Proceedings of the IX All-Russian scientific and practical conference with international participation, Moscow, April 08, 2022. Moscow: News of the Institute of Pedagogy and Psychology of Education, 2022. C. 193–198. (In Russ.).
3. Rusanova, N. D. Rol' sem'i v formirovanii zdorovogo obraza zhizni detey s OVZ : Report. *Educational Portal "Prodlenka"*, 08.01.2018. URL: <https://www.prodlenka.org/metodicheskie-razrabotki/291253-rol-semi-v-formirovanii-zdorovogo-obraza-zhizn>. (In Russ.).
4. Siminiakina, L. V. Influence of the Family on the Psychological Well-Being of a Child with Disabled Health / L. V. Siminiakina N. A. Peshkova. *Sotsiokul'turnyye i psikhologicheskiye problemy sovremennoy sem'i: aktual'nyye voprosy sopro-vozhdeniya i podderzhki [Sociocultural and psychological problems of the modern family: current issues of support and assistance]* : Proceedings of the VI International scientific and practical conference, Tula, November 19, 2020. Cheboksary : LLC "Sreda" Publishing House, 2020. Pp. 186–190. (In Russ.).
5. Ukleina, A. E. The Role of The Family in the Socialization of Children with Disabilities / A. E. Ukleina, S. A. Mukhortova, T. V. Gorbacheva, et al. *National Association of Scientists*. 2021. No. 71-1. Pp. 41–43. (In Russ.).
6. Egizaryants, M. N. Rol' sem'i v vospitanii rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdo-rov'ya [The role of the family in raising a child with disabilities] / M. N. Egizaryants, A. A. Myakinkikh. *Problems of Pedagogy*. 2019. No. 4(43). Pp. 67–68. (In Russ.).
7. Ivaseva, O. V. Physical Education of Children with OVI in the Family. In: *Sotsial'no-ekonomicheskiye protsessy: novoye videniye, vyzovy, tendentsii [Socio-economic processes: new vision, challenges, trends]* : monograph. Petrozavodsk: International Center for Scientific Partnership "New Science", 2022. Pp. 233–259., 2022. (In Russ.).
8. Guryanova, M. P. Socio-Pedagogical Analysis of Socialization in Family of Children with Special Health and Disability / M. P. Guryanova, P. D. Klochinova, N. I. Kotova. *Pedagogy*. 2023. Vol. 87, No. 10. Pp. 41–50. (In Russ.).
9. Guryanova, M. P. Profilakticheskiye tekhnologii raboty spetsialistov sotsial'noy sluzhby po okazaniyu pomoshchi sem'ye v organizatsii pravil'nogo pitaniya [Preventive technologies of work of social service specialists in providing assistance to families in organizing proper nutrition] / M. P. Guryanova, Zh. Yu. Gorelova, E. V. Andreychuk, Yu. V. Solovieva. *Sotsial'noye obsluzhivaniye [Social services]*. 2023. No. 1. Pp. 71–80. (In Russ.).
10. Gorelova, Zh. Yu. The Possibilities of Using Modern Preventive Technologies in the Work of Specialists of Various Profiles to Assist the Family in Organizing Proper Nutrition of the Child / Zh. Yu. Gorelova, M. P. Guryanova. *Medical Alphabet*. 2023. № 8. Pp. 75–81. DOI [10.33667/2078-5631-2023-8-75-81](https://doi.org/10.33667/2078-5631-2023-8-75-81). (In Russ.).
11. Gorelova, Zh. Yu. Review of Studies on the Effect of Non-Alcoholic Tonic Drinks on the Health of Children and Adolescents Conducted in the Period from 2015 to 2023 / Zh. Yu. Gorelova, M. P. Guryanova, A. M. Kurgansky. *Medical Alphabet*. 2023. No. 29. Pp. 28–32. DOI [10.33667/2078-5631-2023-29-28-32](https://doi.org/10.33667/2078-5631-2023-29-28-32). (In Russ.).
12. Guryanova, M. P. Roditel'skiy kontrol' za bezopasnym dlya zdorov'ya rebenka ispol'zovaniyem gadzhetov i sotsssetey [Parental control over the safe use of gadgets and social networks for the child's health] / M. P. Guryanova, T. P. Seppyanen, A. M. Kurgansky. *Public Health Forum: Chelovek. Zdorov'ye. Okruzhayushchaya sreda [Human. Health. Environment]* : Proceedings of the Republican scientific and practical conference with international participation, Minsk, June 14, 2023. Minsk: Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, 2023. Pp. 147–151. (In Russ.).
13. Kurgansky, A. M. Medical and Socio-Pedagogical Risks of Primary School Children Using Digital Devices: An Empirical Study / A. M. Kurgansky, M. P. Guryanova, P. I. Khramtsov. *RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*. 2023. Vol. 20, No. 3. Pp. 501–525. DOI [10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525](https://doi.org/10.22363/2313-1683-2023-20-3-501-525). (In Russ.).
14. Tkacheva, V. V. Sem'ya rebenka s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya : diagnostika i konsul'tirovaniye [Family of a child with disabilities: diagnostics and counseling] : [manual]. Moscow: National Book Center, 2014. 149 p. ISBN 978-5-4441-0057-8. (In Russ.).

Bio notes

Marina P. Guryanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Chief Researcher, Research Institute of Hygiene and Health Protection of Children and Adolescents, National Medical Research Center for Children's Health of the Ministry of Health of Russia, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: guryanowamp@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0001-9066-6882](https://orcid.org/0000-0001-9066-6882); RSCI SPIN-code: [3447-1188](https://www.rsci.spin-code.ru/3447-1188).

Polina D. Klochinova, Director, Borovsk Center for Social Assistance to Families and Children "Harmony", Borovsk, Russia.

Contact information: e-mail: garmoniy-centr@yandex.ru.

Acknowledgments and financing

The article was prepared within the framework of the state assignment of the Research Institute of Hygiene and Health Protection of Children and Adolescents of the National Medical Research Center for Children's Health of the Ministry of Health of Russia on the topic "Hygienic justification of the conditions for the development, education and socialization of children with disabilities in educational organizations", Project No. 1220040800175-2.

The authors express their gratitude to the staff of the "Harmony" center, as well as to the heads of pre-school educational organizations of the district for their participation in the preparation and conduct of the study.

Received on 24.06.2024; accepted for publication on 26.08.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ И МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7)EDN [XOJKLU](https://edn.xojklu.net)

НОВЫЕ ТРЕНДЫ МИГРАЦИИ ИЗ КЫРГЫЗСТАНА В РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ

Рязанцев С. В.*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: riazan@mail.ru***Сыдыгалиева Б. А.***Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан**E-mail: bekadobrev@gmail.com*

Для цитирования: *Рязанцев, С. В.* Новые тренды миграции из Кыргызстана в Российскую Федерацию / *С. В. Рязанцев, Б. А. Сыдыгалиева* // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7). EDN [XOJKLU](https://edn.xojklu.net).

Аннотация. В последние десятилетия миграция населения стала одной из важных составляющих, определяющих процессы социально-экономического развития Кыргызской Республики. В последние годы граждане Кыргызстана работали в основном в России и Казахстане. На основе данных выборочного национального обследования бюджетов домохозяйств, Национального статистического комитета Кыргызстана, ФМС России, Главного управления по вопросам миграции МВД России, Росстата проведен сравнительный анализ численности и структуры потоков кыргызских трудовых мигрантов. Обозначены ключевые проблемы социально-правового положения кыргызских мигрантов в Российской Федерации: отсутствие регистрации по месту пребывания, ограничение или запрет на въезд, невыплаты зарплат, отсутствие доступа к медицинской помощи, невозможность начисления пенсий. Постепенно под влиянием внешних и внутренних факторов сформировались новые тренды трудовой миграции на Ближний Восток и Персидский залив, в Республику Корея и Японию, страны Европы и Америки. Миграционные потоки приобретают все более организованный характер, поскольку в их формировании участвуют органы государственной власти страны, частные агентства занятости, международные компании и другие акторы. Исследование показывает, что ключевые потребности в кыргызских трудящихся-мигрантах в ближайшей перспективе сосредоточены в следующих регионах (помимо традиционных направлений): во-первых, в странах Западной Европы (Великобритания и Германия); во-вторых, в Восточной Азии (Республика Корея и Япония); в-третьих, в государствах Восточной Европы (Польша, Венгрия, Болгария); в-четвертых, на Ближнем Востоке (Турция и страны Персидского залива); в-пятых, в Северной Европе (Швеция и Финляндия). В официальном дискурсе в Кыргызстане все больше набирает силу повестка, связанная с необходимостью трансформации миграционной политики от масштабного экспорта трудовых ресурсов в пользу трудоустройства избыточных трудовых ресурсов внутри страны за счет создания новых рабочих мест и расширения производства. Практически формируются новые идеологические подходы к переходу Кыргызской Республики из категории стран-экспортеров трудовых ресурсов в категорию стран, активно развивающих собственные производства и рынок труда.

Ключевые слова: трудовая миграция, трудовые ресурсы, направления миграции, частные агентства занятости, рынок труда, управление трудовой миграцией

Введение

По данным национальной переписи населения, в 2022 г. в Кыргызстане отсутствовали по месту жительства 1 095 тыс. человек, из них 877 тыс. находились за границей, т. е. фактически были международными мигрантами. Около 858 тыс. человек отсутствовали по причине работы за границей, в том числе 854 тыс. находились в Российской Федерации¹. Заметно выросла популярность других направлений трудовой миграции: около 50 тыс. кыргызских мигрантов работают в Казахстане, 30 тыс. – в Турции, 20 тыс. – в США, 15 тыс. – в Республике Корея, 9 тыс. – в Германии. Также кыргызстанцы трудятся в странах Персидского залива, Канаде, Италии и странах Восточной Европы.

В Кыргызской Республике идет активный процесс диверсификации направлений трудовой миграции, кроме традиционных стран назначения мигрантов. Пандемия коронавируса, российско-украинский конфликт и экономические последствия этих событий меняют направления миграции. Теперь большинство кыргызских мигрантов стремится уехать в США, Европу и государства Азии. Процесс сопровождается подписанием международных двусторонних соглашений, трансформацией миграционного законодательства, совершенствованием механизмов регулирования трудовой миграции, прочими шагами государства, которые призваны сделать миграцию управляемой, организованной и регулируемой в соответствии с провозглашенными ООН и МОМ ключевыми принципами в контексте достижения Целей устойчивого развития. Сложные условия труда и правового положения трудящихся-мигрантов в Российской Федерации и в Республике Казахстан способствуют переориентации потоков миграции из Кыргызстана на новые направления в страны Азии, Европы и Америки.

И все же, несмотря на географическую диверсификацию потоков трудовой миграции из Кыргызстана, Россия со своим емким и многообразным рынком труда по-прежнему остается наиболее привлекательной для кыргызского населения. Между Кыргызской Республикой и Российской Федерацией сложился и функционирует устойчивый миграционный коридор. Кроме того, очевидно, что обе экономики стали очень взаимозависимыми друг от друга, в частности российский рынок труда и российские работодатели крайне зависимы от трудовых ресурсов из Кыргызстана. Неслучайно, в последние годы кыргызские трудящиеся-мигранты стабильно входят в список лидеров по численности в России.

Целью настоящего исследования является оценка сложившихся и перспективных трендов трудовой миграции из Кыргызской Республики в Российскую Федерацию в социально-экономическом и геополитическом контексте, а кроме того, разработка рекомендаций по совершенствованию процесса регулирования трудовой миграции в интересах развития Кыргызстана в контексте достижения целей устойчивого развития. В статье проведен сравнительный анализ статистических данных по трудовой миграции в Кыргызской Республике (Национальный статистический комитет, Миграционная служба, Министерство труда, социальной обеспечения и миграции), а также в Российской Федерации как основной стране трудоустройства

¹ Данные получены по запросу в Национальном статистическом комитете Кыргызской Республики.

кыргызских трудящихся-мигрантов (данные Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел, Федеральной миграционной службы, Федеральной службы государственной статистики) и международных организаций (МОМ, МОТ, Евразийская экономическая комиссия, Статистический комитете стран СНГ). Проанализированы научные статьи и исследовательские отчеты международных организаций (МОМ, ПРООН, МОТ, Всемирного банка и других) о трудовой миграции из Кыргызстана за границу, зарубежный опыт управления трудовой миграцией и привлечения представителей кыргызских диаспор в интересах национального, регионального и местного развития.

Миграция из Кыргызстана за рубеж: масштабы и новые тренды

В последние 20 лет Кыргызстан стал активным поставщиком мигрантов за границу. Прежде всего, это подтверждается официальными данными Национального статистического комитета Кыргызстана о численности мигрантов: страна ежегодно имела миграционную убыль населения в объеме от 4 тыс. (2016–2017 гг.) до 51 тыс. человек (2010 г.). Таким образом, суммарный миграционный отток населения из Кыргызстана в 2010–2021 гг. составил не менее 142 тыс. человек. Только по итогам 2022 г. миграционный прирост в стране был положительным по причине притока российских граждан и возвращения кыргызстанцев после начала мобилизации в Российской Федерации (табл. 1).

Таблица 1

Миграционный прирост (убыль) в результате межгосударственной миграции в Кыргызстане в 2000–2020 гг. (тыс. человек)

Table 1

Migration increase (decrease) as a result of interstate migration in Kyrgyzstan in 2000–2020 (thousand people)

Год	Все страны	Страны СНГ	Другие страны
2000	-23,4	-19,4	-3,2
2005	-27	-25,9	-1,1
2010	-50,6	-50,4	-0,2
2011	-39,4	-39,3	-0,1
2012	-7,4	-7,3	-0,1
2013	-7,2	-7,2	0
2014	-7,8	-7,8	0
2015	-4,2	-4,3	0,1
2016	-3,9	-3,8	-0,1
2017	-3,9	-3,9	0
2018	-5,4	-5,2	-0,2
2019	-6,1	-6	-0,1
2020	-4,9	-4,7	-0,2
2021	-0,8	-1,1	0,3
2022	5,9	5,2	0,7

Источник: составлено авторами по данным Статистического комитета Кыргызской Республики (получены по запросу)

Максимальный миграционный отток населения в период 2011–2022 гг. наблюдался в Чуйской и Ошской областях, в г. Бишкек. Абсолютные значения миграционной убыли населения во всех регионах страны снизились к 2020 г. В 2021 г. в

Кыргызстане появились регионы, в которых был зафиксирован миграционный прирост населения. Наконец, в 2022 г. большинство регионов Киргизской Республики стало иметь положительный миграционный прирост, за исключением Чуйской области, откуда продолжался миграционный отток населения (табл. 2).

Таблица 2

Миграционная убыль (прирост) населения по регионам Кыргызстана вследствие международной миграции в 2011–2022 гг. (человек)

Table 2

Migration loss (increase) of population by regions of Kyrgyzstan due to international migration in 2011–2022 (people)

Регион	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	-39 403	-7 487	-7 203	-7 757	-4 229	-3 965	-3 925	-5 390	-6 160	-4 861	-769	5 917
Баткенская обл.	-2 261	-77	-200	-350	-114	-69	-68	-228	-315	-73	643	962
Джалал-Абадская обл.	-4 981	-285	-556	-694	-249	-232	-320	-458	-605	-500	1 191	1 975
Иссык-Кульская обл.	-2 477	-603	-559	-571	-333	-259	-216	-323	-373	-246	-273	74
Нарынская обл.	-443	-76	-64	-46	-28	-30	-33	-29	-42	-28	42	62
Ошская обл.	-7 975	-665	-694	-601	-373	-309	-426	-724	-793	-1 140	1 508	2 221
Таласская обл.	-1 105	-303	-339	-289	-215	-162	-137	-112	-115	-120	-98	69
Чуйская обл.	-9 171	-2 982	-2 574	-2 559	-1 389	-1 194	-1 145	-1 263	-1 473	-1 198	-2 226	-271
г. Бишкек	-7 439	-2 528	-2 108	-2 273	-1 365	-1 487	-1 407	-2 009	-2 075	-1 248	-1 691	289
г. Ош	-3 551	32	-109	-374	-163	-223	-173	-244	-369	-308	135	536

Источник: составлено авторами по данным Статистического комитета Кыргызской Республики (получены по запросу)

Эмигранты из Кыргызстана в основном выезжают на постоянное место жительства в две страны: Российскую Федерацию (70%) и Казахстан (22%). Но постепенно все более ощутимым становится миграционный поток в такие государства, как Германия, США, Узбекистан, Таджикистан, Украина и Беларусь.

По данным Департамента ООН по экономическим и социальным вопросам, численность мигрантов из Кыргызстана за границей стабильно росла с 523 тыс. в 1990 г. до 775 тыс. в 2020 г.

По данным Института миграционной политики, в середине 2020 г. численность мигрантов из Кыргызстана в ключевых странах составила: в Российской Федерации – 591 тыс., Германии – 93 тыс., Украине – 27 тыс., Таджикистане – 11 тыс., США – 9 тыс., Казахстане – 7 тыс., Беларуси и Узбекистане – по 5 тыс., Канаде и Турции – по 3 тыс. человек². Институт глобального партнерства знаний по миграции и развитию в 2021 г. оценивал количество кыргызских мигрантов за рубежом в 804 тыс. человек³.

Основная часть мигрантов из Кыргызстана выезжает в поисках работы за границей. И хотя основной поток трудящихся-мигрантов направляется в Российскую

² Bilateral Remittance Flows // Migration Policy Institute : [site]. URL: <https://www.migrationpolicy.org/programs/data-hub/charts/bilateral-remittance-flows> (accessed on 27.05.2024).

³ Data Download. Bilateral Migration Matrix // The Global Knowledge Partnership on Migration and Development (KNOMAD) : [site]. URL: <https://www.knomad.org/data> (accessed on 27.05.2024).

Федерацию, все более усиливается роль других направлений трудовой миграции. Оценка Государственной службы миграции при Правительстве Кыргызской Республики свидетельствует о том, что за пределами страны в 2017 г. работали 740 тыс. граждан Кыргызстана, в том числе 640 тыс. человек в Российской Федерации (80%), в Казахстане – 35 тыс., в Турции – 30 тыс., в США – около 30 тыс., в Республике Корея – 5 тыс. человек. Увеличивается численность кыргызских трудовых мигрантов в странах Восточной Европы и Ближнего Востока (ОАЭ, Катар, Саудовская Аравия и пр.), а также в Японии⁴. В 2019 г. за рубежом работали 732 тыс. граждан Кыргызстана, в том числе 640 тыс. – в Российской Федерации. Также граждане Кыргызской Республики активно выезжали в Турцию и Казахстан. Росла численность кыргызских трудящихся-мигрантов в странах Европы и США. Около 53% трудящихся-мигрантов составляли женщины⁵.

Анализ показателей Евразийской экономической комиссии на основе метода «зеркального» сопоставления статистических данных по парам стран подтверждает существенные расхождения объемов трудовой миграции. Например, по данным Кыргызстана, в другие государства выехали на работу 324,8 тыс. человек, в том числе 314,4 тыс. в Российскую Федерацию и 3,8 тыс. – в Казахстан. При этом данные принимающих стран на порядок ниже: в России насчитывалось только 78 кыргызских граждан, в Беларуси – 109 человек, в Казахстане они отсутствовали в принципе (табл. 3). Причиной столь значительных расхождений стала разная методология учета трудовых мигрантов, а кроме того, наличие у кыргызских граждан второго гражданства.

Таблица 3

Сопоставление национальных статистических данных о численности трудящихся-мигрантов из Кыргызстана в странах ЕЭАС в 2018–2022 гг. (человек)

Table 3

Comparison of national statistics on the number of migrant workers from Kyrgyzstan in the EAEU countries in 2018–2022 (people)

Страна пребывания	Источник	2018	2019	2020	2021	2022
Россия	Данные Кыргызстана	254 631	281 159	260 607	266 072	314 440
	Данные России	76	39	18	51	78
Казахстан	Данные Кыргызстана	1 988	1 195	1 879	2 282	3 822
	Данные Казахстана	52	35	н/д	н/д	н/д
Беларусь	Данные Кыргызстана	н/д	н/д	н/д	н/д	н/д
	Данные Беларуси	80	150	152	152	109

Источник: составлено авторами по данным Статистического комитета Кыргызской Республики и Евразийской экономической комиссии⁶

Данные выборочного национального обследования бюджетов домохозяйств

⁴ Миграционная ситуация в Кыргызской Республике в 2017 году // Пространство интеграции. Интернет-портал СНГ : [сайт]. URL: <https://e-cis.info/cooperation/3726/84707/> (дата обращения: 27.05.2024).

⁵ В Кыргызстане реализуется проект по поддержке женщин, вернувшихся из трудовой миграции / Радио Азаттык : [сайт]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/v-kyrgyzstane-startoval-proekt-po-podderzhke-zhenschin-vernuyshihsva-iz-trudovoy-migratsii/31083355.html> (дата обращения: 27.05.2024).

⁶ Рынок труда. Статистика Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaunion.org/upload/files/dep_stat/econstat/statpub/LabourMarketYearbook2018-2022.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

показывают, что в 2022 г. за границей работали 325 тыс. граждан Кыргызской Республики, что составляло 12% населения старше 15 лет. В социально-демографической структуре мигрантов преобладали выходцы из сельских районов Кыргызстана – 262 тыс. человек (81%) и мужчины – 257 тыс. человек (79%). Большинство трудящихся-мигрантов находилось в России – 314 тыс. человек⁷. Скорее всего, национальное обследование охватило не всех трудящихся-мигрантов, и реально их численность могла быть больше.

Министерство труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики подтвердило, что в 2023 г. около 700 тыс. человек трудились за рубежом. В миграции, по расчетам Кабинета министров, находится от 12% до 26% экономически активного населения страны. По некоторым данным, за границей работали более миллиона граждан Кыргызстана⁸.

В большинстве своем трудовые мигранты выезжают на работу за границу самостоятельно, поскольку существует безвизовый режим въезда и свободный рынок труда в ЕАЭС. Меньшее количество обращается в государственные институты за содействием в трудоустройстве или пользуется услугами частных агентств занятости (ЧАЗ), в основном для трудоустройства в странах – новых направлениях трудовой миграции в Азии, Европе и Америке. Но система ЧАЗ активно развивается, результаты их деятельности все более ощутимы, они все более активно диверсифицируют потоки рабочей силы из Кыргызстана в пользу новых направлений трудовой миграции.

По сведениям Министерства труда, социального обеспечения и миграции, в 2022 г. в Кыргызстане действовали 120 ЧАЗ, оказывавшие помощь в трудоустройстве в 21 стране мира. В первом полугодии 2022 г. частным агентствам занятости было выдано 59 лицензий, а в бюджет страны поступило около 236 тыс. сомов. Контроль за деятельностью и соблюдением правил работы ЧАЗов в Кыргызстане осуществляет Центр трудоустройства граждан за рубежом. Также данная структура содействует мигрантам в защите их прав за рубежом. Прежде всего, работа Центра концентрируется на таких направлениях трудовой миграции, как Россия, Великобритания, Республика Корея. В Центре можно получить информацию о стране пребывания: миграционном и трудовом законодательстве, трудовых договорах, обязательствах работодателей, миграционном учете. Ведется переговорный процесс также с такими странами как Финляндия, ФРГ, Япония. В других государствах трудоустройством рабочих занимаются частные структуры⁹.

По результатам исследования, проведенного Центром трудоустройства граждан за рубежом, в 2023 г. в Кыргызстане 181 ЧАЗ имел разрешение на трудоустройство граждан в 20 государствах мира. В 2019–2022 гг. ЧАЗы трудоустроили 9 тыс.

⁷ Занятость. Итоги интегрированного выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств и рабочей силы в 2022 г. // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/zanyatost/> (дата обращения: 27.05.2024).

⁸ В Кыргызстане предложили стимулировать мигрантов открывать бизнес на родине // Economist.kg : [сайт]. 29.03.2023. URL: <https://economist.kg/novosti/2023/03/29/v-kyrgyzstane-predlozhili-stimulirovat-migrantov-otkryvat-biznes-na-rodine/> (дата обращения: 27.05.2024).

⁹ В скольких странах кыргызстанцы могут легально трудоустроиться – пояснение // SPUTNIK Кыргызстан : [сайт]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20220503/kyrgyzstantsy-migratsiya-trudoustroystvo-zarubezh-1064111091.html> (дата обращения: 27.05.2024).

кыргызских граждан в Турции, 1 924 – в странах Восточной Европы (Польша, Хорватия, Чехия, Болгария, Латвия, Литва, Словакия), 1 238 – в Германии, 1 089 – в странах Персидского залива (ОАЭ, Катар, Кувейт, Оман, Саудовская Аравия, Бахрейн) и 59 человек – в Японии¹⁰. Министр труда, социального обеспечения и миграции К. Б. Базарбаев заявил, что более 7 тыс. кыргызстанцев трудоустроены за границей за шесть месяцев 2023 г. через ЧАЗы¹¹. В основном кыргызские мигранты работали в сфере услуг, строительстве и грузоперевозках. Учитывая, что многие мигранты находят работу самостоятельно, реальное количество трудоустроенных за рубежом граждан Кыргызстана на порядок больше.

Трудовая миграция из Кыргызской Республики в Российскую Федерацию

По оценкам политиков и экономистов, трудовые мигранты вносят весомый вклад в экономику России. В 2009 г. директор Федеральной миграционной службы РФ К. О. Ромодановский сообщил, что мигранты производят от 6% до 8% ВВП. Исследование на основе методики американского экономиста Ф. Мартина [1] показало, что в 2013 г. мигранты в России произвели товаров и услуг на сумму 1,4 трлн рублей (3,12% ВВП). В стране официально работали 173 тыс. граждан Кыргызстана (8% мигрантов на российском рынке труда). Вклад кыргызов в российскую экономику составил 109,2 млрд рублей (0,25% ВВП) [2].

В России кыргызские граждане работают в строительстве, жилищно-коммунальном хозяйстве, сфере услуг, сельском хозяйстве, на транспорте. Со второй половины 2000-х годов доля рабочих из Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана в России росла: в 2005 г. составляла 17%, а к 2008 г. достигла 55% всех мигрантов¹². В 2010 г. в Российской Федерации были введены патенты для мигрантов, трудоустроенных у частных лиц. Патенты стали выдаваться мигрантам из пяти стран, в том числе Кыргызстана. В данных ФМС России и Федеральной службы государственной статистики, налицо тенденция роста количества выданных разрешительных документов на работу гражданам Кыргызской Республики в 2011–2014 гг. В 2014 г. в России были трудоустроены 238 тыс. кыргызов, в том числе 73,4 тыс. по разрешениям на работу, а 164,5 тыс. получили патенты. В 2015 г. Кыргызстан присоединился к ЕАЭС, что упростило процедуру найма кыргызских граждан на российском рынке труда – им больше не требовались разрешения на работу и патенты. Следовательно, и из статистики граждане Кыргызстана выпали.

По данным ГУВМ МВД, в 2016–2018 гг. ежегодно фиксировалось 360–380 тыс. фактов регистрации граждан Кыргызстана по месту пребывания с целью работы в России. В 2019 г. это количество выросло до 450 тыс. Затем пандемия COVID-19 сократила количество регистраций мигрантов до 190 тыс. И наконец, в 2021–2022 гг.

¹⁰ Оценка наиболее благоприятных стран для трудоустройства граждан Кыргызской Республики за рубежом // Центр трудоустройства граждан за рубежом : [сайт]. URL: <https://migrant.home.kg/kg/useful/ocenka-naibolee-blagopriyatnyh-stran-dlya-trudoust/> (дата обращения: 27.05.2024).

¹¹ В каких странах можно получить легальную работу кыргызстанцам // TAG news. Кыргызское телеграфное агентство : [сайт]. URL: <https://kyrtag.kg/ru/news/v-kakikh-stranakh-mozhno-poluchit-legal-nuyu-rabotu-kyrgyzstantsam> (дата обращения: 27.05.2024).

¹² Масштабы трудовой миграции в Россию // Российский совет по международным делам : [сайт]. URL: https://web.archive.org/web/20160307090851/http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2342#top-content (дата обращения: 27.05.2024).

отмечался буквально «взрывной» рост регистраций трудящихся-мигрантов из Кыргызской Республики до 884 и 978 тыс. соответственно. В то же самое время «параллельная» статистика уведомлений о трудовых контрактах показывает, что в 2021–2022 гг. было получено 363 и 450 тыс. уведомлений от российских работодателей о начале трудовых отношений с гражданами Кыргызстана. Такой факт несоответствия статистических данных свидетельствует о двух важных моментах. Во-первых, о высокой мобильности кыргызских трудящихся-мигрантов, которые в течение года могут выезжать за пределы Российской Федерации на родину и возвращаться снова (в регистрации по месту пребывания учитываются факты регистрации, а не люди, поэтому возможен двойной учет). Во-вторых, очевидно, продолжает существовать определенный неформальный сегмент трудовых отношений между работниками и работодателями (скорее всего, российские работодатели уведомляют власти не обо всех случаях начала трудовых контактов).

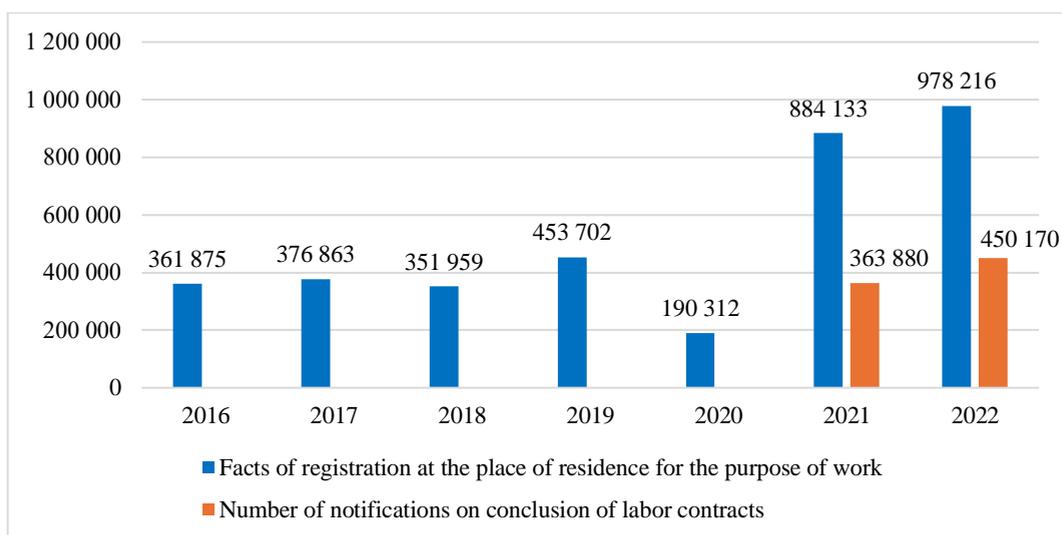

Рис. 1. Численность трудящихся-мигрантов из Кыргызской Республики в Российской Федерации в 2016–2022 годах (человек)

Fig. 1. Number of migrant workers from the Kyrgyz Republic in the Russian Federation in 2016–2022 (people)

Источник: составлено авторами по данным Главного управления по вопросам миграции Министерства внутренних дел России

Работа является основной причиной регистрации граждан Кыргызстана в России: в 2022 г. 84% зарегистрировались с целью работы, 10% отметили целью частный визит, 3% – обучение, 1% – туризм, менее 1% – бизнес-поездки и гуманитарные причины.

После вступления Кыргызстана в ЕАЭС кыргызы получили много преимуществ при трудоустройстве:

- мигранты и члены их семей могли находиться без регистрации до 30 дней;
- не требовалось получать разрешительные документы для работы;
- не нужно было сдавать экзамен на знание русского языка, истории и основ

законодательства;

– до 8 июля 2018 г. мигрантам предоставлялась возможность регистрироваться по месту нахождения работодателя на срок действия трудового или гражданско-правового договора;

– признавались документы об образовании и квалификации, выданные в государствах ЕАЭС, без дополнительной нострификации;

– с 26 июля 2017 г. граждане Кыргызстана получили разрешение на использование национальных или международных прав для управления транспортными средствами в России в отличие граждан других государств;

– доходы граждан Кыргызстана стали облагаться налогом на доходы физических лиц по ставке 13% (как для россиян, для граждан других стран – 30%);

– в течение 15 дней необходимо было заключить новый трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем;

– социальное обеспечение и медицинская помощь начали оказываться на равных условиях и объемах с гражданами Российской Федерации¹³.

Социально-правовое положение кыргызских мигрантов в России

Во-первых, у некоторых мигрантов отсутствует возможность регистрации по месту пребывания (проживания). Российские собственники жилья во избежание уплаты налоговых сборов зачастую отказываются регистрировать мигрантов. С 8 июля 2018 г. запрещается регистрация мигрантов на юридический адрес работодателя, что также осложнило положение мигрантов. С 26 октября 2023 г. в России иностранным гражданам предоставлено право самостоятельно уведомлять органы миграционного учета о своем прибытии и прибытии своих несовершеннолетних детей по месту временного пребывания в электронной форме с использованием федеральной государственной информационной системы «Единый портал предоставления государственных и муниципальных услуг (функций)». При заключении договора аренды жилья иностранные граждане смогут без дополнительного согласия от собственника самостоятельно подать (лично или в электронной форме) уведомление о своем прибытии и прибытии своих несовершеннолетних детей, указанных в договоре. Данные изменения были внесены с учетом предложений Министерства иностранных дел Кыргызской Республики. Фактически это стало элементом уведомительной регистрации, о которой долгое время говорили российские эксперты. Мера улучшает положение кыргызских граждан в России с точки зрения регистрации по месту пребывания.

Во-вторых, *ограничение (запрет) на въезд в Российскую Федерацию*. По данным Пограничной службы России, на начало 2017 г. 106 тыс. гражданам Кыргызстана был запрещен на въезд в Российскую Федерацию, на начало 2018 г. численность сократилась до 78 тыс. человек, а на 1 марта 2018 г. – до 72 тыс. человек. Ограничения на въезд в Россию устанавливают государственные структуры за различные правонарушения, которые могут быть в т. ч. и незначительными (к примеру, не оплачен штраф и т. п.). Чаще запреты связаны с отсутствием или незаконностью

¹³ За девять месяцев 2023 г. из России депортировано 1 900 кыргызстанцев // 24.KG : [сайт]. URL: https://24.kg/obschestvo/279609_zadevyat_mesyatsev_2023_goda_izrossii_deportirovano_ltyis-yacha_900_kyrgyzstantsev/ (дата обращения: 27.05.2024).

регистрации по месту пребывания. С 2014 г. по 2016 г. было установлено 145 тыс. запретов на въезд в Россию для граждан Кыргызстана только по линии ФМС РФ. На начало 2017 г. 41 тыс. гражданам Кыргызской Республики был закрыт въезд на основании судебных решений об административном выдворении за пределы Российской Федерации. В России в рамках операции «Нелегал» было выявлено 96 тыс. фактов нарушения миграционного законодательства и были депортированы 15 тыс. иностранных граждан, в том числе в 2022 г. – 2 200 граждан Кыргызстана, а за девять месяцев 2023 г. – 1 900¹⁴. В июле 2022 года после переговоров на высоком уровне Россия отменила запрет на въезд для 47 тыс. граждан Кыргызстана, фактически проведя амнистию мигрантов, совершивших мелкие административные правонарушения. В списке лиц, которым запрещен въезд в Российскую Федерацию, остаются около 35 тыс. граждан Кыргызской Республики.

В-третьих, *невыплаты зарплаты мигрантам*. Остро стоит вопрос информирования граждан Кыргызстана об условиях трудоустройства и необходимости оформления письменного договора с работодателями. Нередко отсутствует письменный трудовой договор между работодателем и работником. Зачастую работодатели нарушают условия трудового договора в части оплаты труда. В некоторых случаях удается решить вопрос в досудебном или судебном порядке. Помощь мигрантам оказывают неправительственные организации и юристы, сотрудники государственных органов Кыргызстана. Например, в представительство Государственной службы миграции Кыргызской Республики в России в 2017 г. поступили 662 обращения по невыплате заработной платы от 2 289 граждан Кыргызстана на сумму 102 млн рублей. В результате переговоров с 2 тыс. работодателей трудящимся-мигрантам был выплачен 41 млн рублей. Было оказано содействие пяти гражданам Кыргызстана по взысканию с работодателей компенсации за причиненный ущерб здоровью, связанный с производственной травмой на сумму 873 тыс. рублей. В отношении работодателей, не выплативших заработные платы, были направлены 320 писем в Следственный комитет, Прокуратуры Москвы и Московской области, Главное управление МВД России по г. Москве, Управление экономической безопасности и противодействию коррупции, Инспекцию труда г. Москвы. Так, компания «Профит Сервис Центр» не выплатила зарплату мигрантам из Кыргызстана. Сотрудники консульского отдела посольства Кыргызстана в Москве встретились с работодателем по поступившему обращению о невыплате заработной платы 21 гражданину Кыргызстана. По итогам встречи мигрантам выплатили заработную плату в сумме 2 520 тыс. рублей¹⁵. С осени 2022 г. в России функционирует представительство Министерства труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики. Сотрудники представительства смогли добиться выплаты зарплат 99 кыргызстанцам на сумму 8,5 млн сомов. Помимо этого, были выплачены компенсации двум гражданам Кыргызстана, получившим производственные травмы, на сумму

¹⁴ Московская компания не выплатила зарплату мигрантам из Киргизии на сумму 2,5 млн руб. // Eurasia Daily : [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/02/18/moskovskaya-kompaniya-ne-vyplatila-zarplatu-migrantam-iz-kirgizii-na-summu-25-mln-rub> (дата обращения: 27.05.2024).

¹⁵ Московская компания не выплатила зарплату мигрантам из Киргизии на сумму 2,5 млн руб. // Eurasia Daily : [сайт]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/02/18/moskovskaya-kompaniya-ne-vyplatila-zarplatu-migrantam-iz-kirgizii-na-summu-25-mln-rub> (дата обращения: 27.05.2024).

1 050 тыс. рублей. С января по апрель 2023 г. представительство проконсультировало 2 788 кыргызстанцев по вопросам миграционного законодательства¹⁶.

В-четвертых, *проблемы получения медицинской помощи мигрантами и членами их семей*. Эксперты отмечали: «Регистрация и медицинское страхование – это основные проблемы, с которыми сталкиваются кыргызские мигранты за рубежом. Особая проблема – женщины-мигрантки, находящиеся за рубежом, забеременев, не встают на учет в медицинских учреждениях. Это отрицательно сказывается как на женщине, так и на будущем ребенке. Чаще всего это связано с нехваткой денег у мигрантов» [3]. Особенно остро данный вопрос стоял до 2017 г., поскольку было невозможно получить полис обязательного медицинского страхования иностранцам, временно находившимся на территории России. Приказ Минздрава РФ от 27 октября 2016 г. № 803н «О внесении изменений в правила обязательного медицинского страхования, утвержденные приказом Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 28 февраля 2011 г. № 158н, с целью реализации положений Договора о Евразийском экономическом союзе, подписанного в г. Астане 29 мая 2014 г.» решил вопрос получения полиса обязательного медицинского страхования для иностранцев, находящихся в РФ.

В-пятых, *отсутствие учета пенсионного стажа и возможности получения пенсий мигрантами, работавшими в России*. 19 декабря 2016 г. коллегией Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) был одобрен проект Договора о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, который предусматривает зачет стажа работы в ЕАЭС, назначение и выплату пенсий. Документ был представлен для рассмотрения Советом комиссии и одобрен. Но пока данный аспект пенсионного обеспечения недостаточно проработан на практике, и многие мигранты сталкиваются с проблемой получения пенсий на родине.

Заключение

Кыргызстан остается страной, активно отправляющих трудовых мигрантов на работу за границу. Несмотря на сохранение ориентиров значительной части мигрантов на Россию и Казахстан, все больше миграционные потоки диверсифицируются в пользу новых направлений – стран Ближнего Востока и Персидского залива, Республики Корея и Японии, Европы и Америки.

Происходит расширение возможностей экспорта трудовых ресурсов из различных районов и трудоустройства безработных граждан Кыргызской Республики за рубежом на основе оценки реальных потребностей в трудовых ресурсах в основных странах – миграционных партнерах (Россия, Великобритания, Республика Корея, Япония, страны Скандинавии, Финляндия, государства Восточной Европы). В некоторых странах – настоящих или потенциальных миграционных партнерах Кыргызстана – существуют значительные потребности в трудовых ресурсах. В источниках сообщаются разные данные. Например, в рамках налаживания контактов с российскими работодателями для заключения договоров по трудоустройству

¹⁶ Мигранты из Кыргызстана в России остались без зарплат. Минтруда добилась выплат // 24.KG : [сайт]. URL: https://24.kg/obschestvo/265397_migrantyi_iznbspkvirgvyzstana_vnbsprossii_ostalis_bez_zarplat_mintruda_dobilos_vvyplat/ (дата обращения: 27.05.2024).

граждан Кыргызстана было выявлено 1 235 вакантных мест. Потребности в рабочей силе в секторе сельского хозяйства и птицеводства в Великобритании оцениваются в несколько сотен тысяч человек¹⁷. Заключены соглашения с операторами Великобритании о трудоустройстве 9 тыс. человек на сезонные сельскохозяйственные работы, а также подобные соглашения с Болгарией и Венгрией. Достигнута договоренность на 1 200 вакансий для граждан КР в сфере продаж, гостинично-ресторанного бизнеса в шести странах Персидского залива (ОАЭ, Саудовская Аравия, Бахрейн, Оман, Катар и Кувейт). До 5 тыс. кыргызстанцев сможет работать на предприятиях Франции, Швеции и Литвы. Есть значительные потребности в рабочей силе в странах Скандинавии и Финляндии для сбора диких ягод. Каждое лето в Финляндию приезжают 20 тыс. рабочих на сбор ягод, в основном из Таиланда и Украины. Растут потребности в рабочих в Республике Корея и Японии в сельском хозяйстве, промышленности, сфере услуг. На подобные работы возможно привлечение рабочих из Кыргызстана за счет трудоустройства безработных, которых в 2022 г. насчитывалось 131,6 тыс. человек. В данном контексте следует отметить опыт успешного сотрудничества Кыргызстана с Великобританией в области экспорта трудовых ресурсов для сельскохозяйственных и птицеводческих предприятий.

На основе анализа ситуации на рынках труда стран – миграционных партнеров Кыргызстана, их миграционной политики и активности рекрутинговых компаний были оценены потенциальные потребности в рабочей силе из Кыргызской Республики на краткосрочную перспективу с указанием объемов и основных отраслей и профессий. Исследование показывает, что ключевые потребности в кыргызских трудящихся-мигрантах в ближайшей перспективе сосредоточены в следующих регионах (помимо традиционных направлений миграции – Российской Федерации и Казахстана: во-первых, в государствах Западной Европы (Великобритания и Германия); во-вторых, в Восточной Азии (Республика Корея и Япония); в-третьих, в странах Восточной Европы (Польша, Венгрия, Болгария); в-четвертых, на Ближнем Востоке (Турция и страны Персидского залива); в-пятых, в Северной Европе (Швеция и Финляндия).

В официальном дискурсе в Кыргызстане все больше набирает силу проблематика, связанная с необходимостью трансформации миграционной политики от масштабного экспорта трудовых ресурсов в пользу трудоустройства избыточных трудовых ресурсов внутри страны за счет создания новых рабочих мест и расширения производства. Формируются новые идеологические подходы к переходу Кыргызской Республики из категории государств-экспортеров трудовых ресурсов в категорию стран, активно развивающих собственные производства и рынок труда.

Список литературы

1. *Martin, P.* The Economic Contribution of Migrant Workers to Thailand: Towards Policy Development. Bangkok : International Labor Organization, 2007. 32 p.
2. *Рязанцев, С. В.* Вклад трудовой миграции в экономику России: методы оценки и результаты // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 2 (22). С. 16–28. EDN [WEIIEE](#).

¹⁷ В каких странах можно получить легальную работу кыргызстанцам // TAG news. Кыргызское телеграфное агентство : [сайт]. URL: <https://kyrtag.kg/ru/news/v-kakikh-stranakh-mozhno-poluchit-legal-nuyu-rabotu-kyrgyzstantsam> (дата обращения: 27.05.2024).

DOI [10.12737/18147](https://doi.org/10.12737/18147).

3. Рязанцев, С. В. Социально-экономическое положение и правовой статус кыргызских трудовых мигрантов в России в контексте интеграции Кыргызстана в ЕАЭС / С. В. Рязанцев, А. А. Байков, В. М. Морозов // Миграционное право. 2019. № 1. С. 3–8. EDN [YZRAGT](https://doi.org/10.12737/18147).

Сведения об авторах

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); РИНЦ SPIN-код: [5112-6604](https://elibrary.ru/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [F-7205-2014](https://orcid.org/F-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Сыдыгалиева Бегимай Абдырайымовна, аспирант, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан.

Контактная информация: e-mail: bekadobrev@gmail.com, ORCID ID: [0000-0003-3646-0829](https://orcid.org/0000-0003-3646-0829); РИНЦ SPIN-код: [5908-0114](https://elibrary.ru/5908-0114).

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; принята в печать 29.08.2024.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

NEW TRENDS IN MIGRATION FROM KYRGYZSTAN TO THE RUSSIAN FEDERATION

Sergei V. Ryazantsev

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: riazan@mail.ru

Begimai A. Sydygalieva

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan

E-mail: bekadobrev@gmail.com

For citation: Ryazantsev, Sergei V. *New Trends in Migration from Kyrgyzstan to the Russian Federation* / S. V. Ryazantsev, B. A. Sydygalieva. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 105–118. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.7](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.7).

Abstract. In recent decades, population migration has become one of the main components of socio-economic development of Kyrgyzstan. In recent years, Kyrgyz citizens have been working in Russia and Kazakhstan. A comparative analysis of the number and structure of flows of Kyrgyz labour migrants is carried out on the basis of data from a sample national survey of household budgets, the National Statistical Committee of Kyrgyzstan, the Federal Migration Service of Russia, the Main Directorate for Migration Issues of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and Rosstat. The key problems of the social and legal situation of Kyrgyz migrants in Russia were identified: lack of registration at the place of stay, restriction/ ban on entry, non-payment of wages, access to medical care, and receipt of pensions. Gradually, under the influence of external and internal factors, new trends of labour migration to the Middle East and the Persian Gulf, the Republic of Korea and Japan, Europe and America have emerged. Migration flows are becoming more and more organised, as they involve the country's public authorities, private employment agencies, international companies and other actors. The study shows that the key needs for Kyrgyz migrant workers in the near future are concentrated in the following regions (in addition to traditional destinations): first, Western European countries (Great Britain and Germany); second, East Asia (Republic of Korea and Japan); third, Eastern European countries (Poland, Hungary, Bulgaria); fourth, the Middle East (Turkey and the Gulf countries); fifth, Northern Europe (Sweden and Finland). The official discourse in Kyrgyzstan is increasingly gaining momentum on the need to transform migration policy from large-scale export of labour resources to employment of surplus labour resources within the country by creating new jobs and expanding production. New ideological approaches to the transition of Kyrgyzstan from the category of countries – exporters of labour resources to the category of countries actively developing their own production and labour market are practically formed.

Keywords: labour migration, labour resources, migration directions, private employment agencies, labour market, labour migration management

References

1. Martin, P. *The Economic Contribution of Migrant Workers to Thailand: Towards Policy Development*. Bangkok : International Labor Organization, 2007. 32 p.
2. Ryazantsev, S. V. Contribution of Labor Migration to Economy of Russia: Evaluation Methods and Results. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2016. No. 2 (22). Pp. 16–28. DOI [10.12737/18147](https://doi.org/10.12737/18147). (In Russ.).
3. Ryazantsev, S. V. The Socioeconomic Position and the Legal Status of Kyrgyz Labor Migrants in Russia Within the Framework of Integration of Kyrgyzstan in the EAEU / S. V. Ryazantsev, A. A. Baikov, V. M. Morozov. *Migration Law*. 2019. No. 1. Pp. 3–8. (In Russ.).

Bio notes

Sergei V. Ryazantsev, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Doctor of Economics, Professor, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: riazan@mail.ru; ORCID ID: [0000-0001-5306-8875](https://orcid.org/0000-0001-5306-8875); RSCI SPIN-code: [5112-6604](https://www.rsci.ru/spin/5112-6604); Web of Science Researcher ID: [E-7205-2014](https://orcid.org/E-7205-2014); Scopus Author ID: [22136228700](https://orcid.org/22136228700).

Beginai A. Sydygalieva, Postgraduate Student, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: bekadobrev@gmail.com; ORCID ID: [0000-0003-3646-0829](https://orcid.org/0000-0003-3646-0829); RSCI SPIN-code: [5908-0114](https://www.rsci.ru/spin/5908-0114).

Received on 28.06.2024; accepted for publication on 29.08.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8)EDN [ZPVQJZ](https://www.edn.ru/ZPVQJZ)

МЕЖРЕГИОНАЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ МОЛОДЕЖИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Дождиков А. В.

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: antondnn@yandex.ru

Для цитирования: *Дождиков, А. В.* Межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 119–137. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8). EDN [ZPVQJZ](https://www.edn.ru/ZPVQJZ).

Аннотация. Предмет исследования – межрегиональная миграция молодежи в Российской Федерации в период получения высшего образования. Тема исследования – изменение миграционной привлекательности регионов для получения высшего образования. Гипотеза исследования: произошло изменение центров притяжения миграционных потоков и статуса регионов в рассматриваемые годы – в 2017 г., в 2020 г. и 2023 г. – по причине воздействия пандемии коронавирусной инфекции и мер государства по повышению привлекательности вузов в регионах. Исходные данные: официальные материалы государственной статистики за период с 2017 по 2023 г. В статье выявлены ограничения по использованию данного источника (миграция 18-летних и миграция 21-летних не тождественна прямой и возвратной образовательной миграции). Сформулирован тезис о необходимости использования агрегированных данных «цифровых следов» абитуриентов, выпускников и федеральных информационных систем. Проведена оценка изменения статуса регионов за 2017, 2020 и 2023 гг. Сделаны предположения о возможности использования инструментов объективного мониторинга межрегиональной образовательной миграции абитуриентов для совершенствования работы вузов. Необходимо сосредоточение усилий региональных властей региона-«донора» и регионального вузовского сообщества на получении сначала «транзитного» статуса для вуза и региона с последующим переходом в категорию «акцепторов». Для 2017 г. автором идентифицировано 12 «территорий-акцепторов», 59 «территорий-доноров», остальные относились к смешанным и промежуточным формам. В 2020 г. «доноров» было всего 30, «акцепторов» – 12, 37 вышли на условные «балансовые» позиции – так на межрегиональную миграцию повлияла пандемия COVID-2019. В 2023 г. в Российской Федерации насчитывалось 12 «акцепторов» (перечень немного изменился), число «доноров» составило 46, «балансового» состояния достигла 21 территория, остальные по-прежнему относятся к промежуточным типам.

Ключевые слова: молодежная межрегиональная миграция, образовательная миграция, «доноры» миграции, «акцепторы» миграции, транзитные вузы, управление вузом, возвратная миграция

Введение

В современном мире высшее образование играет важнейшую роль в формировании конкурентных преимуществ региона. Молодежь, являющаяся ключевым активом в области инноваций и развития территорий, участвует в формировании образовательных потребностей, а при невозможности их удовлетворения в своем регионе – в выборе места для получения высшего образования, вовлекаясь в межрегиональную образовательную миграцию.

Развитие высшего регионального образования стимулирует приток студентов из других регионов и способствует обогащению культурного и интеллектуального потенциала местного сообщества. В свою очередь, увеличение числа студентов в вузах региона стимулирует экономический рост и поступление инвестиций.

Основная гипотеза исследования предполагает изменение центров притяжения миграционных потоков и статуса ряда территорий в 2020 и 2023 гг. по сравнению с 2017 г. по причине воздействия пандемии и мер государства по повышению привлекательности вузов в регионах, совершенствованию молодежной политики.

Результатом доказательства данной гипотезы стали два перечня регионов – улучшивших и ухудшивших свою миграционную привлекательность для молодежи с поправкой на экстраординарные события, связанные с пандемией COVID-19, и другие в том числе чрезвычайные обстоятельства. Это даст основу для более глубокого изучения за рамками данной публикации позитивных практик и успешной деятельности вузов, а также для выявления ошибок в планировании, низких показателей результативности и эффективности у второй группы регионов.

Отметим, что такой важный фактор как общий уровень экономической развитости региона, безусловно, влияет на качество образования, миграционную привлекательность региона, однако в ряде случаев при низких значениях он может быть скорректирован административно-управленческими усилиями вузов при поддержке региональных и федеральных органов власти. В перспективе за счет этих усилий регион может перейти из категории «донора» в «транзитный» статус или обрести пограничное «балансовое» состояние, затем претендовать на позиции «акцептора». Отдельная категория – «замкнутые» в плане межрегиональной образовательной миграции регионы (в первую очередь – национальные республики) с низкой востребованностью высшего образования за пределами и низким миграционным оттоком [1, с. 69]. Изучение специфики таких регионов требует отдельного исследования.

Эмпирическую базу научной статьи составили данные официального статистического наблюдения, которые создают общее представление о миграционных потоках в хронологическом разрезе и применительно к молодежи от 15 до 35 лет. Автор провел обработку материалов с преобразованием в сводные таблицы с последующей визуализацией данных в форме «тепловой таблицы» и графиков¹.

Информация по межрегиональной молодежной миграции собиралась по официальным данным Росстата с использованием «витрин данных» по потокам прибывших и выбывших². Оценивалась выборка за 2017–2023 гг. по субъектам Российской Федерации (по списку на 2017 г.), без детализации на муниципалитеты, городскую и сельскую местность. Анализировалась межрегиональная миграция по возрасту от 15 до 35 лет без разделения на пол и без идентификации причин миграции. Данные статистического учета прибытия и убытия имеют ограничение, связанное с тем, что не все переехавшие студенты встают на регистрационный учет. Соответственно информация не совпадает с формой «ВПО-1»³. Этот источник так же имеет

¹ Обобщенные материалы находятся в открытом доступе в репозитории // Github.com : [сайт]. URL: https://github.com/AntonDozhdikov/AntonDozhdikov/blob/main/mig_15-35_2017_23.xlsx (дата обращения: 21.08.2024).

² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

³ Высшее образование // Министерство образования и науки Российской Федерации : [сайт] URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 21.08.2024).

ограничения: названо количество студентов из другого региона (можно определить долю образовательных мигрантов), но без указания «региона-донора».

Объективными источниками данных по образовательной миграции молодежи, включая количественные показатели и графы миграционных связей между регионами, могут быть объединенные агрегированные в региональном разрезе данные информационных систем итоговой государственной аттестации и приема в образовательные организации высшего и среднего профессионального образования⁴ при условии их публикации по аналогии с агрегированной информацией в формах «ВПО-1».

Обзор литературы

Образовательная миграция имеет немаловажное значение для развития России, в частности, несет как минимум четыре ключевых эффекта: социальный, политический, демографический и экономический, имеет сложную типологию [2]. В таком контексте межрегиональная образовательная миграция – в первую очередь «миграция выпускников 11-х классов школ, связанная с получением высшего образования» [3, с. 82]. Хотя к образовательной миграции, ассоциирующейся с поступлением в вуз, может иметь отношение и миграция семьи с обучающимися в 7–10 классах с целью последующего обучения в школах в «регионах-акцепторах» и поступления в вузы этих регионов.

Миграция всегда связана с «ростом социального неравенства» [4, с. 52] и «зависит как от традиционных центр-периферийных отношений внутри регионов и между регионами, так и от специфических факторов, влияющих на принятие решений о выборе места проживания» [5, с. 38].

Помимо самой миграции абитуриентов мы можем отслеживать и «возвратную миграцию», обусловленную «наличием в родном городе определенной инфраструктуры (прежде всего жилья) и социальных связей» [6, с. 36].

Классификация причин образовательной миграции из региона и причин остаться в регионе достаточно подробно разобрана в авторской статье «Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов» [7]. Десять факторов, оказывающих наибольшее влияние на показатель образовательной миграции, обозначены в коллективной работе «Образовательная миграция в регионах России: статистический подход» [8].

В 2020 г. количественные показатели миграции были сглажены пандемией: отмечено снижение востребованности крупных университетских центров при возрастании популярности высшего образования в вузах домашнего региона [9, с. 111], что прослеживается на графиках за 2020 г.

До недавнего времени для системы образования, как и в целом для общей миграционной ситуации в Российской Федерации, был характерен так называемый «западный дрейф» [10, 11], связанный с перемещением для получения высшего образования из восточных регионов страны в западные. В то же время деятельность

⁴ ФИС ГИА и приема // Федеральный центр тестирования : [сайт]. URL: <https://rustest.ru/fis-gia-and-reception/> (дата обращения: 21.08.2024).

государства по сокращению количества вузов и филиалов в предшествовавшее десятилетие способствовала снижению доступности высшего образования и увеличивала мотивацию к миграции молодежи.

Образовательную миграцию можно измерить, как и уровень привлекательности региона через показатели его социально-экономического развития. В некоторых исследованиях рассматривается зависимость показателя, характеризующего межрегиональную миграцию, от социально-экономических показателей регионов [12, с. 64]. Проблема взаимосвязи между эффективностью молодежной политики и миграционными потоками уже поднималась в исследованиях [13]. Как и вопросы индексной оценки эффективности реализации региональных государственных программ в сфере молодежной политики [14], так и вопросы эффективности самих вузов с помощью системы индексов и рейтингов [15].

Основной период интенсивной образовательной миграции молодежи приходится на возраст 18 лет и связан с получением высшего образования [16, с. 61]. Для России в целом характерны «пик» образовательной миграции 18-летних и второй сглаженный пик «возвратной» миграции в возрасте 21–23 лет после получения образования уровня бакалавра, магистра или специалиста, реализующих один из трех жизненных сценариев: возвращение в родной регион, обустройство на месте, дальнейшая миграция (в т. ч. образовательная). Здесь еще раз отметим, что данные федерального статистического наблюдения не связывают перемещения представителей молодежи в возрасте 18 и 21 лет с получением образования напрямую: вывод сделан по причине совпадения цикла обучения с данными и отсутствия иных массовых причин для перемещений для указанных возрастов.

Отдельный вопрос – это миграция молодежи из отдаленных регионов в высшие учебные заведения Москвы и Санкт-Петербурга [17]. Исследовали выделяли «доноров» и «акцепторов» образовательной миграции. Так, в конце нулевых годов текущего века г. Санкт-Петербург, Томская область, Новосибирская область, г. Москва, Свердловская область, Воронежская область, Красноярский край, Самарская область, Московская область однозначно относились к категории «акцепторов». Все остальные субъекты Российской Федерации [3, с. 87] принадлежали к категории «доноров».

Наиболее сильная положительная связь показателя образовательной популярности наблюдалась с такими параметрами, как вузовский рейтинг региона (0,74), число студентов на 10 тыс. населения (0,68), индекс развития человеческого потенциала (0,64), уровень культуры (0,63) и численность населения субъекта Федерации (0,63) [3, с. 88].

В упомянутом исследовании проведен анализ влияния социально-экономических факторов на показатель образовательной популярности. Установлено, что положительно влияют три фактора: уровень культуры региона, индекс развития человеческого потенциала и вузовский рейтинг региона [3, с. 89].

Обратим внимание на то, что показатели социально-экономического развития региона оказывают влияние на качество общего образования (коэффициент корреляции 0,7–0,85), и через качество общего образования – на выбор обучающимися

предметов для сдачи ЕГЭ, результаты ЕГЭ и на дальнейшую образовательную траекторию и образовательную миграцию⁵.

Нами предложены «промежуточные» категории субъектов: регионы-реципиенты или «акцепторы»; «регионы-доноры»; регионы смешанного или «транзитного» типа (уехавшие выпускники замещаются приехавшими); замкнутые (низкая интенсивность миграционных процессов) [1].

Другие исследователи вычленяют три территориально отличающихся образовательных кластера: «Столичный», «Южный» и «Сибирский», включающие в себя 27 регионов России из двух лучших по показателю образовательной миграции кластеров [8, с. 48] или три общероссийских и один субрегиональный центр студенческой межрегиональной мобильности: 1) центростремительный: Москва и регионы Центрального федерального округа; 2) северо-западный или регион «второй столицы»: Санкт-Петербург и близкие к нему географически регионы; 3) южный: Краснодарский край и его «спутник», Республика Адыгея; 4) сибирский: Новосибирская и Томские области [18].

В отдельный кластер выделены регионы, способные притягивать абитуриентов и закреплять у себя студентов после завершения обучения – Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область, Свердловская и Новосибирская области [19, с. 116].

Возможные к использованию методы исследования (в перспективе): изучение образовательной миграции с помощью данных социальных сетей [20] и «больших образовательных данных», таких как результаты ЕГЭ и данных по поступлению в вузы [21], анализ ключевых факторов влияния и кластеризация, установление связи с показателями популярности субъекта [8, с. 88].

Результаты и оценки

Проведенный анализ всех регионов Российской Федерации по данным зарегистрированных органами учета⁶ миграционных потоков 15–35-летних для периода времени 2017–2023 гг. показал изменения в ситуации по сравнению с периодом времени середины-окончания первого десятилетия XXI века и начала второго. В качестве иллюстрации: из числа «доноров» на позицию транзитного региона образовательной миграции вышла, например, Республика Мордовия [21].

На приведенном ниже графике (рис. 1) для Кемеровской области⁷ виден «пик миграции» 18-летних и «возвратная миграция» 21–23-летних, ассоциируемая с окончанием обучения на уровне бакалавриата, специалитета и магистратуры, и, предположительно, возвращением в родной регион⁸.

⁵ Более подробные данные корреляционного анализа и выводы в отношении результатов ЕГЭ изложены в статье «К вопросу о рабочей модели модернизации Единого государственного экзамена для преодоления неравенства доступа к высшему образованию», готовящейся к публикации.

⁶ Регистрационные данные органов миграционного учета отличаются от данных ВПО-1.

⁷ В файле репозитория доступна информация по всем регионам Российской Федерации по списку на 2017 г., включая возможность построения как сальдированного результата, так и графика выбывающей и прибывающей миграции в разрезе 2017–2023 гг. и по возрасту от 15 до 35 лет.

⁸ Подтверждение такой гипотезы возможно на источниках данных, связанных с идентификацией причин миграции.

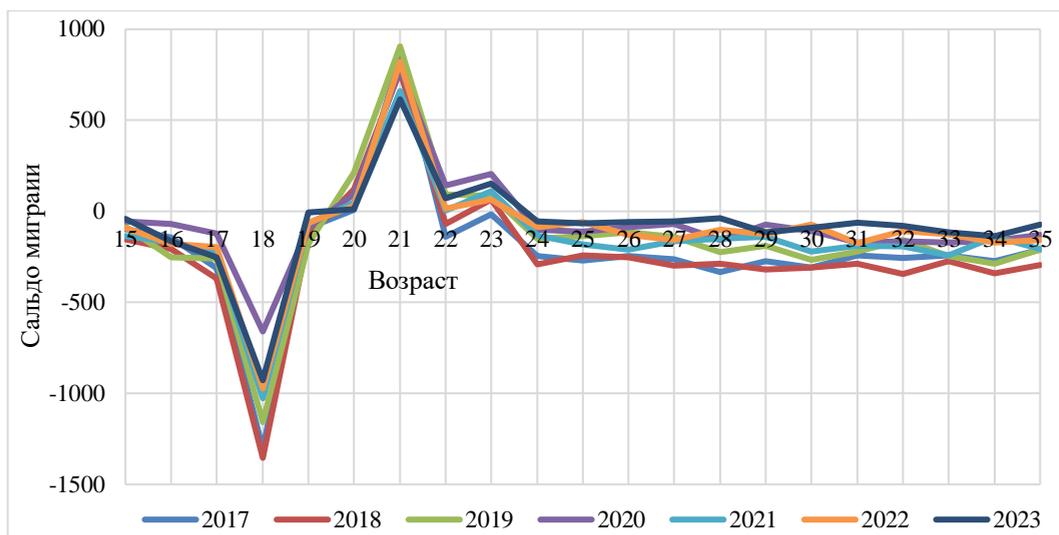

Рис. 1. График сальдо межрегиональной миграции по Кемеровской области
Fig. 1. Graph of the balance of interregional migration in the Kemerovo region

Источник: составлено автором по данным Росстата⁹

На основании этих графиков определяется тип региона, динамика изменений за три периода времени. Если Кемеровская область – классический «регион-донор», то обратная форма графика будет характерным признаком «региона-акцептора». В табл. 1 представлены изменения распределения регионов по статусам за 2017, 2020 и 2023 гг.

Таблица 1

Количество российских регионов по оценке миграционных потоков

Table 1

Quantity of regions of Russia based on migrant flow assessment

Тип региона	2017 г.	2020 г.	2023 г.
«Донор»	60	31	46
«Акцептор»	13	13	13
«Балансовый»	5	35	20
Другое	10	9	9

Источник: составлено автором по данным Росстата¹⁰

Под «регионом-донором» подразумевается территория с устойчивым оттоком молодежи в возрасте 18 лет и характерным пиком «возвратной миграции» в 21 год. Пример «донора» приведен на рис. 1. Регион «акцептор» – регион с устойчивым пиком прибывающей миграции 18-летних и впадиной на графике для 21–23-летних по причине возвратной миграции. Альтернативное объяснение предполагает, что это могут быть и жители региона, родившиеся и окончившие вуз в этом же регионе, и

⁹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

¹⁰ Там же.

сразу после его окончания уехавшие в другой город. Используемые источники информации не дают возможность интерпретировать мотивацию и причины миграции – перспективными источниками данных здесь могут быть «цифровые следы» выпускников и выборочные опросы уехавших. Пример «акцептора» приведен на рис. 2.

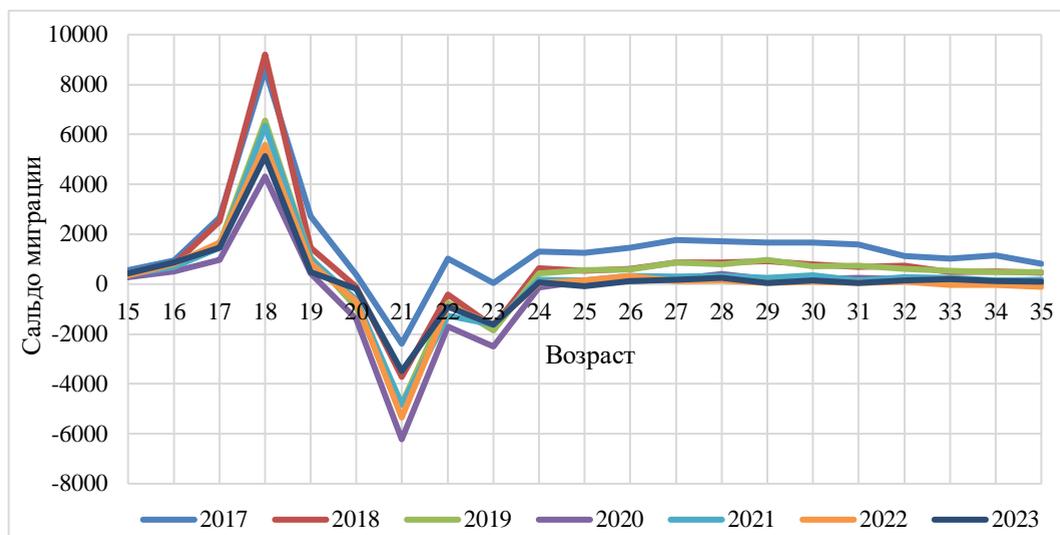

Рис. 2. График сальдо межрегиональной миграции по г. Санкт-Петербургу
Fig. 2. Graph of the balance of interregional migration in the city of St. Petersburg

Источник: составлено автором по данным Росстата¹¹

Отдельно следует выделить «балансовый» регион, в котором околонулевое сальдо миграции 18-летних, равно как и практически уравнивающие друг друга показатели «возвратной миграции». Необходимо отметить, что уменьшение миграционных потоков в 2020 г. привело значительную часть регионов России к состоянию, близкому к «балансу». Характерный пример «балансового региона» – Саратовская область (рис. 3). Нет резких пиков и впадин на графике в отношении 18 и 21-летних. Однако присутствует отрицательный миграционный поток в более старших возрастных категориях молодежи в 2017 г.

Замкнутый регион – прежде всего территория с традиционно с низким уровнем оттока и притока 18-летних и показателями возвратной миграции, как правило – это национальные республики в составе Российской Федерации.

¹¹ Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

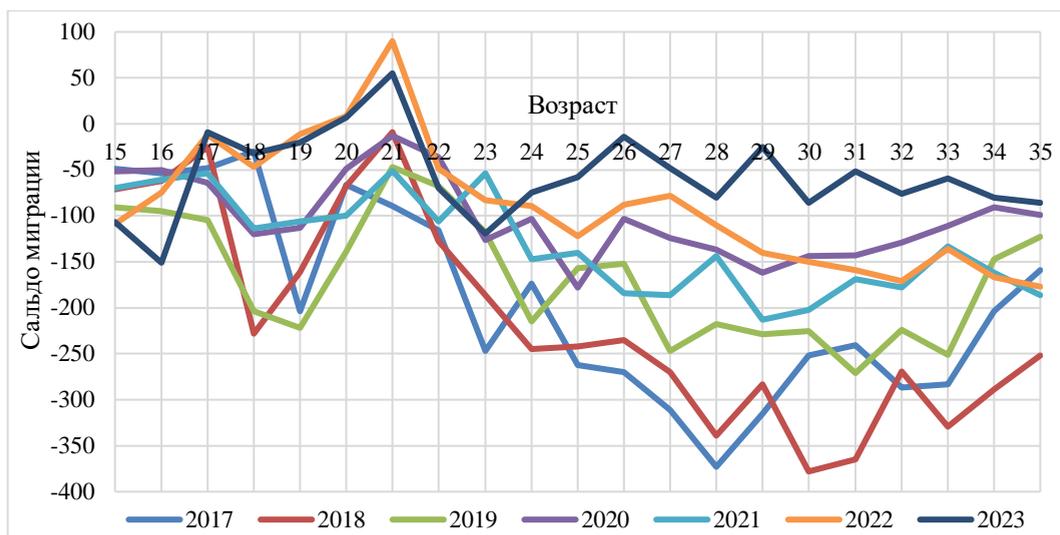

Рис. 3. График сальдо межрегиональной миграции по Саратовской области

Fig. 3. Graph of the balance of interregional migration of the Saratov region

Источник: составлено автором по данным Росстата¹²

Должное внимание стоит обратить на Калининградскую область с невысоким оттоком 18-летних и существенным притоком 23-летних, особенно в 2020 г. (рис. 4). Предположительно, это может быть связано с «транзитным» статусом региона с ориентацией последующих перемещений на страны Европы.

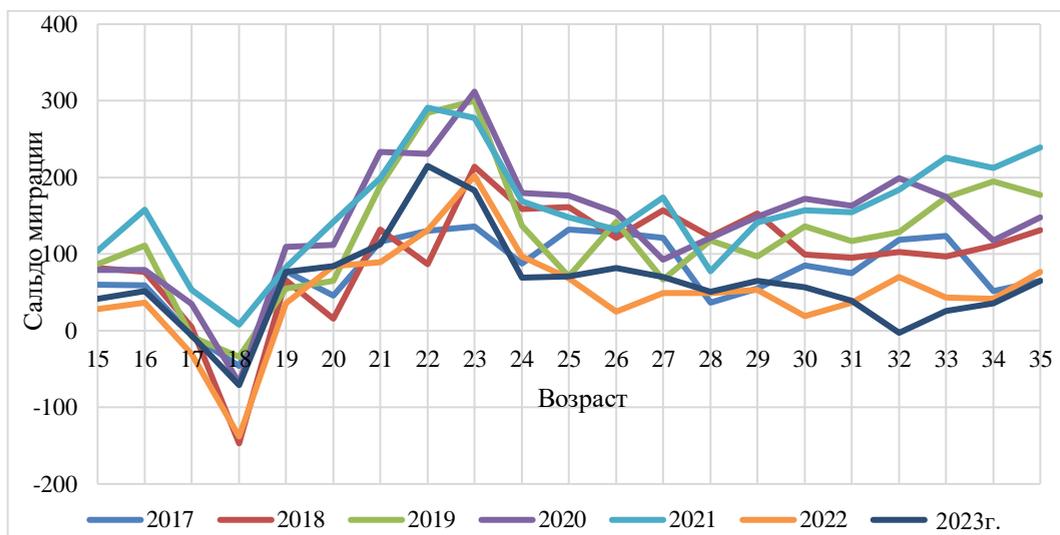

Рис. 4. График сальдо межрегиональной миграции по Калининградской области

Fig. 4. Graph of the balance of interregional migration of the Kaliningrad region.

Источник: составлено автором по данным Росстата¹³

¹² Демография // Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 21.08.2024).

¹³ Там же.

И «регион-акцептор», и «транзитный» регион привлекательны для мигрантов, но для уточнения статусов необходимы дополнительные исследования на предварительно выявленных примерах с привлечением иных источников данных. «Транзитные» и «замкнутые» регионы являются специфическими трудно идентифицируемыми категориями.

Ситуация 2020 г. вследствие пандемии COVID-19 и ограничения миграционных потоков привела к переходу значительной части регионов в «балансовое» состояние. Однако в 2023 г. возврата к картине образца 2017 г. не произошло. Число «акцепторов» осталось прежним, число «доноров» сократилось, большинство регионов сместилось в сторону «балансового» статуса. Подробные таблицы по статусам регионов представлены в Приложении 1. С одной стороны, изменение картины может быть отложенным влиянием пандемии и ограничительных мер, с другой – следствием инициатив по выделению дополнительных мест на региональном уровне, повышения внимания к системе образования в целом.

Особняком в данной группе находится Белгородская область. В 2020 г. регион с позиции «донора» перешел в состояние «акцептора», дальнейший тренд предполагал закрепление в этой категории. Но в 2023 г. регион опять стал «донором» по вполне очевидной причине чрезвычайных обстоятельств, связанных с приграничным статусом и возникшими рисками на фоне террористических угроз и атак со стороны сопредельного государства. Вероятно, что 2024 г. так же может негативно сказаться на статусе Белгородской, Курской и Воронежской областей применительно к межрегиональной молодежной миграции. Возвращение регионов к категории «акцепторов» молодежной миграции или достижению «балансового» состояния произойдет с прекращением действия чрезвычайных обстоятельств.

Определенная негативная трансформация произошла с г. Севастополем: его привлекательность уменьшилась в 2023 г. до «балансового» состояния. Город перестал быть «акцептором», вероятно, по аналогии с Белгородской областью и причинам, связанным с приграничным статусом и текущим геополитическим конфликтом. Возврат к статусу «акцептора» может произойти после прекращения действия внешнеполитических обстоятельств.

Ухудшились позиции Свердловской области (регион из «акцептора» стал «донором» миграции 18-летних).

Еврейская автономная область в 2020 г. из чистого «донора» перешла в «балансовое» состояние и сохранила его в 2023 г. Аналогичный путь проделали Калужская Кировская и Курская области (в последнем случае по итогам 2024 г. возможны негативные изменения).

Очень серьезный путь проделал Красноярский край¹⁴, став чистым «акцептором» в 2023 г. Аналогичное «повышение» категории произошло и в Республике Татарстан – от «балансового» состояния к «акцептору» в 2023 г.. Похожую траекторию прошли Ростовская (из «балансового» состояния в «акцепторы») и Самарская (из «донора» в «балансовое» состояние) области.

¹⁴ Здесь можно предположить повышение эффективности работы вузов и региональных властей на фоне увеличения контрольных цифр приема. Каждый регион требует дополнительного изучения обстоятельств.

Ухудшил свои позиции один из прежних лидеров по привлекательности для обучения – Новосибирская область¹⁵ (в 2020 г. лидер по оттоку, с «акцептора» до «балансового» состояния).

Практически не изменила своего статуса Томская область с большими прибывающими и выбывающими потоками миграции. Аналогично в 2023 г. сохранили свою привлекательность Ярославская, Ивановская и Воронежская области.

Наибольшее количество контрольных цифр приема, за исключением столичных центров, в 2022 г. было направлено в крупные научно-образовательные регионы: Республику Татарстан, Свердловскую область, Ростовскую область, Новосибирскую область, Республику Башкортостан, Томскую область и Красноярский край. В целом акцент в распределении контрольных цифр приема на 2022/2023 учебный год сделан на регионы – 73,3%¹⁶. Так, некоторые из регионов смогли воспользоваться полученной возможностью, перейдя на ступень выше: от «донора» к «балансовому» состоянию и далее – к «акцептору». В то же время другие регионы, вероятно, (в каждом случае необходимо дополнительное изучение причин и выявление внешних факторов) воспользовались этим преимуществом не в полной мере, что является основанием для перерасчетов контрольных цифр приема на последующий период в пользу территорий и вузов, где наблюдается повышенный спрос и миграционная привлекательность.

Если оценивать результаты по крайним датам за 2017 и 2023 гг. (за вычетом «аномального» 2020 г.), то свой статус поменяли 24 региона. 16 его улучшили. 12 из «доноров» стали «балансовыми». 3 из «балансового» статуса превратились в «акцепторов». 2 региона из «доноров» перешли в категорию «замкнутых». 6 регионов ухудшили свой статус: 4 – с «акцептора» на «балансовый», 1 – с «балансового» на «донора», 1 из «акцептора» стал «донором».

С учетом разных методик расчетов и используемых источников данных возможны иные критерии разделения регионов по типам. К примеру, по численности поступивших студентов, количеству выпускников школ с определением «показателей востребованности региональной системы высшего образования» [22, с. 9] и дальнейшей оценки не только миграции абитуриентов, но и выпускников с учетом перспектив их трудоустройства [23]. Очевидно, что объективную оценку типологии регионов можно получить на основе сравнения данных за большой период времени. Только данных по миграции (ограничены эффективностью миграционного учета в регионах) или форм «ВПО-1» (нет ссылок на источники миграции) для этого недостаточно.

Выводы

Для создания реалистичной типологии необходимо использовать как данные официальной статистики, данные «ВПО-1» и другие источники, с проведением кластеризации регионов по выявленным признакам.

¹⁵ Вероятно, уменьшение эффективности работы вузов и региональных органов власти или воздействие иных факторов, на фоне объективного роста контрольных цифр приема.

¹⁶ Минобрнауки России объявило результаты распределения бюджетных мест на 2022/2023 год // Министерство образования и науки Российской Федерации : [сайт]. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/33254/> (дата обращения: 05.08.2024).

Дальнейшее исследование межрегиональной молодежной миграции дает возможность выхода на количественные оценки усилий государства по развитию вузов в регионах, по оценке эффективности и результативности работы их руководства. Ключевой вывод таков: смена статуса с «донора» на «балансовый» или на промежуточную стадию и с «балансового» на «акцептора» – показатель эффективности использования дополнительных бюджетных средств, результативности политики по развитию вузов в регионах Российской Федерации.

Образовательная миграция – это всегда преимущество и выгоды для вузов и регионов, работа с ней на региональном и федеральном уровне не должна носить «запретительный» характер. В этой связи вызывают опасения формулировки исследований и разрабатываемых на их основе нормативных актов наподобие: «решение задач закрепления молодых специалистов, демографического воспроизводства» [24, с. 43], «профилактика молодежной миграции» [25, с. 624], «инструмент удержания» [26, с. 11], «политика по закреплению молодежи» [27, с. 90], «обеспечение оседлости» [28, с. 48] «сдерживание межрегиональной учебной миграции» [29, с. 71] и прочие, направленные против естественной межрегиональной образовательной миграции. Формирование «региональной лояльности» [30, с. 238] представляется более нейтральным, но все же не идеальным термином.

При реализации государственной политики в сфере миграции и высшего образования необходимо смещение акцентов на развитие потенциала молодежи [31] и использование энергии молодежного мигрантопотока. Сам факт межрегиональной миграции может быть поставлен на службу регионам: он снизит интерес молодежи к деструктивной социально-политической активности. Если молодой человек не находит себе места в локальном сообществе (опять же в силу замкнутости или высокой конкуренции при ограниченном количестве ресурсов), вариант образовательной миграции в регион с большим потенциалом является на самом деле благом для «региона-донора», который всегда может рассчитывать как на «возвратную миграцию», так и на переезд уже состоявшегося человека, специалиста с опытом, капиталом, новыми связями и знаниями.

Вместо ограничительных мер, препятствующих образовательной миграции, следует создавать условия для «возвратной миграции», получения регионом статуса «акцептора» образовательной миграции или хотя бы «транзитного региона» и «транзитного вуза» [32].

Образовательная миграция является следствием снижения образовательной доступности и сокращения (оптимизации) вузовской среды [33]. Отсутствие образовательных организаций по выбранной профессии или специальности в населенном пункте, где молодежь оканчивает школу, становится основной причиной образовательной миграции [34, с. 61]; «молодежь выбирает вуз другого региона в надежде, что будет легче найти работу, соответствующую их желанию» [35, с. 78].

Результаты проведенного нами исследования показывают, что увеличение контрольных цифр приема в вузы для регионов может способствовать повышению привлекательности субъектов Российской Федерации для межрегиональной образовательной миграции, снятия диспропорций и уменьшения «западного дрейфа», но только при условии эффективного использования выделяемых средств. Созда-

ние благоприятных условий для обучения и развития молодежи, а также поддержка ее профессионального и личностного роста должны быть приоритетами при целеполагании и реализации программ развития образовательных организаций. Повышение эффективности работы с молодежью требует дополнительных ресурсов и организационных усилий, грамотного кадрового подхода и политики в сфере управления вузами.

Дальнейшее направление исследования связано с сопоставлением полученных результатов с агрегированными сведениями формы «ВПО-1» и другими источниками данных с целью уточнения критериев типологии регионов и оценки общей динамики миграции по периодам времени. Вместе с тем объективные сведения именно по образовательной миграции абитуриентов могут быть доступны из двух источников: из материалов, имеющих связь как с результатами итоговой государственной аттестации («регион-донор») и данными приема («регион» и «вуз-акцептор») – «ФИС ГИА и приема» и из «больших данных» статусов социальных сетей абитуриентов, студентов и выпускников вузов и их «цифровых следов» [36, 37]. До их учета расчеты будут носить оценочный характер.

Исследование и его выводы могут использоваться федеральными органами исполнительной власти для оценки последствий перераспределения контрольных цифр приема в вузы, при планировании развития сети вузов. Для образовательных организаций результаты применимы при формировании стратегии развития и маркетинга образовательных услуг с учетом типологии региона и ближайших соседей (источников миграции), при развитии студенческих общежитий, общественных пространств вуза и сопутствующей инфраструктуры, поскольку основной источник данных отражает в первую очередь зарегистрированных на новом месте жительства студентов, а максимальный учет налажен, как правило, именно в них. Фактические данные вузов и данные по численности зарегистрированных студентов могут использоваться при определении потенциального спроса на общежития.

Список литературы

1. *Дождиков, А. В.* Образовательная миграция абитуриентов между регионами Российской Федерации как источник данных для планирования развития системы высшего образования / А. В. Дождиков, Е. В. Корнилова // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 3. С. 67–83. EDN [DUSOSM](#). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83](#).
2. *Корепина, Т. А.* Место и роль образовательной миграции в общей классификации видов миграционного движения населения // Вестник НГУЭУ. 2018. № 3. С. 65–77. EDN [YGHCLZ](#).
3. *Питухин, Е. А.* Анализ межрегиональной мобильности выпускников школ при поступлении в высшие учебные заведения / Е. А. Питухин, А. А. Семенов // Университетское управление: практика и анализ. 2011. № 3 (73). С. 82–89. EDN [NYOOIL](#).
4. *Верещагина, А. В.* Интеллектуальная безопасность России в условиях кризиса научно-образовательной сферы и роста социального неравенства / А. В. Верещагина, С. И. Самыгин, С. И. Имгрунт // Гуманитарий Юга России. 2016. Т. 18, № 2. С. 52–65. EDN [VSYZAV](#).
5. *Атаева, А. Г.* Межрегиональная молодежная миграция как угроза утери человеческого капитала территории (на материалах Республики Башкортостан и регионов Приволжского федерального округа) / А. Г. Атаева, А. Г. Уляева // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2018. № 44. С. 38–57. EDN [YUNJOP](#). DOI [10.17223/19988648/44/2](#).
6. *Варшавская, Е. Я.* Миграционные планы выпускников региональных вузов России / Е. Я. Варшавская, О. С. Чудинских // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2014. № 3. С. 36–58. EDN [SFEVXX](#).

7. *Захарова, И. В.* Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 7. С. 71–84. DOI. EDN [AMMQJP](#). DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](#).
8. *Питухин, Е. А.* Образовательная миграция в регионах России: статистический подход / Е. А. Питухин, О. А. Зятева, Л. В. Щеголева, В. Е. Соколов // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 8–9. С. 48–69. EDN [WJNQWD](#). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69](#).
9. *Артеменков, М. Н.* Трансформация образовательных стратегий выпускников школ в условиях распространения коронавируса COVID-19: региональный аспект / М. Н. Артеменков, Е. Е. Сухова // Региональные исследования. 2020. № 2 (68). С. 111–120. EDN [PAFJZK](#). DOI [10.5922/1994-5280-2020-2-9](#).
10. *Вишневский, А. Г.* Демографические вызовы России. Часть третья – миграция / А. Г. Вишневский, М. Б. Денисенко, Ж. А. Зайончковская, Н. В. Мкртчян // Демоскоп Weekly. 2017. № 753–754. С. 1–10. EDN [ZXLTPV](#).
11. *Воробьева, О. Д.* Исторические аспекты и современные особенности внутренней миграции населения в России / О. Д. Воробьева, А. А. Субботин // Уровень жизни населения регионов России. 2021. Т. 17, № 1. С. 32–41. EDN [MZJJEC](#). DOI [10.19181/lspr.2021.17.1.3](#).
12. *Питухин, Е. А.* Управление потоками межрегиональной образовательной миграции выпускников / Е. А. Питухин, А. А. Семенов // Экономика и управление. 2014. № 7 (105). С. 64–69. EDN [SNOAYP](#).
13. *Никифорец-Такигава, Г. Ю.* К вопросу о взаимообусловленности молодежной политики и миграционных потоков в России / Г. Ю. Никифорец-Такигава, А. А. Михаленко, А. Ю. Музалевская // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2018. Т. 8, № 1 (40). С. 76–85. EDN [QKTFXV](#).
14. *Калашникова, С. К.* Эвристический потенциал применения индекса оценки региональных государственных программ в сфере молодежной политики / С. К. Калашникова, И. И. Андриив // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2023. Т. 25, № 2. С. 486–499. EDN [QJHJPF](#). DOI [10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499](#).
15. *Раззаков, Д. И.* Взаимосвязь рейтинга университетов с межрегиональной образовательной миграцией в России // Вестник науки. 2022. Т. 3, № 12 (57). С. 225–231. EDN [XEHMVB](#).
16. *Клячко, Т. Л.* Миграционная мобильность российской молодежи обусловлена образовательными приоритетами / Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 10. С. 61–63. EDN [HMALBL](#).
17. *Тропынина, Н. Е.* Тенденции и причины межрегиональной образовательной миграции на примере Забайкальского края / Н. Е. Тропынина, Б. Б. Нимаева // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2018. Т. 2, № 7 (33). С. 197–201. EDN [YPNDVJ](#).
18. *Гарафиев, И. З.* Типологизация регионов РФ на основании уровня межрегиональной образовательной мобильности в системе высшего образования // Теория и практика общественного развития. 2023. № 12 (188). С. 91–97. EDN [JLJXPK](#). DOI [10.24158/tpor.2023.12.9](#).
19. *Габдрахманова, Г. Ф.* Образы университета и города в миграции иногородних студентов: региональный кейс // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 6. С. 116–138. EDN [NRQEXK](#). DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138](#).
20. *Чернышев, К. А.* Образовательные миграции в Сибири: исследование на основе данных социальной сети / К. А. Чернышев, Т. Р. Мирязов, Е. Ю. Петров // Географический вестник. 2023. № 4 (67). С. 41–51. EDN [MCBQOB](#). DOI [10.17072/2079-7877-2023-4-41-51](#).
21. *Дождиков, А. В.* Образовательная миграция в Республике Мордовия // Регионология. 2023. Т. 31, № 1 (122). С. 182–198. EDN [EPJCGK](#). DOI [10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198](#).
22. *Козлов, Д. В.* Где учиться и где работать: межрегиональная мобильность студентов и выпускников университетов / Д. В. Козлов, Д. П. Платонова, О. В. Лешуков // Современная аналитика образования. 2017. № 4(12). С. 4–28.
23. *Габдрахманов, Н. К.* «От Волги до Енисея...»: образовательная миграция молодежи в России / Н. К. Габдрахманов, Н. Ю. Никифорова, О. В. Лешуков // Современная аналитика образования. 2019. № 5(26). С. 4–42. EDN [FYIYZV](#).
24. *Козлова, К. С.* Проблемы миграции молодежи в контексте реализации государственной молодежной политики в Приморском крае / К. С. Козлова, В. А. Андреев, Е. В. Султанова // Фундаментальные исследования. 2021. № 10. С. 43–48. EDN [BCRXSZ](#). DOI [10.17513/fr.43107](#).
25. *Некрасов, Н. А.* Социальная ответственность частных компаний и профилактика миграции молодежи в регионе присутствия // Форум молодых ученых. 2019. № 12 (40). С. 624–633. EDN [HILKZE](#).

26. *Бондарев, И. В.* Молодежная политика Калужской области как инструмент удержания молодежи в регионе: состояние, проблемы и перспективы // Гуманитарный акцент. 2022. № 2. С. 11–20. EDN [OYWXQJ](#).

27. *Гемадеева, Ю. Э.* Социально-экономическая политика по закреплению молодежи на селе в Республике Татарстан // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 4, № 2 (134). С. 90–94. EDN [QGIABY](#). DOI [10.36871/ek.up.p.r.2023.02.04.011](#).

28. *Окорокова, М. П.* Развитие человеческого капитала молодежи в рамках стратегии развития муниципального образования (на материалах Республики Саха (Якутия)) / М. П. Окорокова, Т. А. Максимова // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 48–52. EDN [UYSBYZ](#). DOI [10.24158/per.2019.11.7](#).

29. *Захарова, И. В.* Сдерживание межрегиональной учебной миграции: роль вузов // Высшее образование в России. 2019. Т. 28, № 7. С. 71–84. EDN [AMMQJP](#). DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](#).

30. *Петрова, М. Д.* Миграционная молодежная политика: к определению понятия «региональная лояльность» / М. Д. Петрова, Е. В. Малкова // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. 2019. № 1 (3). С. 238–250. EDN [REPILW](#).

31. *Алексеев, С. В.* Молодежная политика как механизм развития потенциала молодежи в современном мире // PolitBook. 2022. № 4. С. 43–56. EDN [WUVCBG](#).

32. *Санникова, О. В.* Транзитный университет как фактор межрегиональной образовательной миграции / О. В. Санникова, В. Ю. Хотинец // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. 2017. Т. 27, № 1. С. 41–45. EDN [VYKZQG](#).

33. *Габдрахманов, Н. К.* Образовательная миграция молодежи и оптимизация сети вузов в разных по размеру городах / Н. К. Габдрахманов, Л. Б. Карачурина, Н. В. Мкртчян, О. В. Лешуков // Вопросы образования. 2022. № 2. С. 88–116. EDN [ANWKLZ](#). DOI [10.17323/1814-9545-2022-2-88-116](#).

34. *Клячко, Т. Л.* Образовательная миграция: основные причины / Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова // Экономическое развитие России. 2021. Т. 28, № 12. С. 60–63. EDN [GWEJIZ](#).

35. *Ислакаева, Г. Р.* Образовательная межрегиональная миграция: причины и социально-экономические следствия // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 3 (201). С. 77–88. EDN [XCGSJL](#).

36. *Митягина, Е. В.* Цифровые следы выпускников вузов при исследовании миграции из регионов-доноров / Е. В. Митягина, Е. В. Конышев, К. А. Чернышев, Э. Р. Сайфулин // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 144–155. EDN [GCQDCH](#). DOI [10.17223/15617793/467/18](#).

37. *Габдрахманов, Н. К.* Миграционное поведение студентов российских вузов на основе данных цифровых следов / Н. К. Габдрахманов, В. В. Орлова, Ю. К. Александрова // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 467. С. 106–114. EDN [IJYMZD](#). DOI [10.17223/15617793/467/14](#).

Сведения об авторе

Дожиков Антон Валентинович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: antondnn@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1069-1648](#); РИНЦ SPIN-код: [2208-1891](#); Scopus Author ID: [57221684847](#).

Статья поступила в редакцию 24.06.2024; принята в печать 23.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

INTERREGIONAL MIGRATION OF YOUTH IN THE RUSSIAN FEDERATION

Anton V. Dozhdikov

Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: antondnn@yandex.ru

For citation: Dozhdikov, Anton V. Interregional Migration of Youth in the Russian Federation. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 119–137. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.8](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.8).

Abstract. The subject of the study is interregional migration of young people in the Russian Federation during the period of obtaining higher education; The topic of the study is the change in the migration attractiveness of regions for higher education; research hypothesis: there has been a change in the centers of gravity of migration flows and the status of regions from 2017 to 2020 and 2023 due to the impact of the pandemic and government measures to increase the attractiveness of universities in the regions. Source data includes official government statistics for the period from 2017 to 2023. The article identifies limitations on the use of this source (migration of 18-year-olds and migration of 21-year-olds is not identical to direct and return educational migration) and formulates a thesis about the need to use aggregated data of «digital traces» of applicants and graduates and federal information systems. An assessment of changes in the status of regions for 2017, 2020 and 2023 was carried out. The study makes assumptions about the possibility of using tools for objective monitoring of interregional educational migration of applicants to improve the work of universities. It is necessary to concentrate the efforts of the regional authorities of the «donor» region and the regional university community on first obtaining «transit» status for the university and the region, followed by transition to the «acceptor» category. For 2017, the author identified 12 «acceptor» territories, 59 «donor territories» (the rest were mixed and intermediate forms). In 2020, there were only 30 «donors», 12 «acceptors», 37 – they reached conditional «balance» positions – this is how the COVID-2019 pandemic affected interregional migration. In 2023, there were 12 «acceptors» in the Russian Federation (the list has changed slightly), the number of «donors» was 46, 21 territories reached a «balance» state, the rest still belong to intermediate types.

Keywords: youth interregional migration, educational migration, migration donors, migration acceptors, transit universities, university management, return migration

References

1. Dozhdikov, A. V. Educational Migration of Applicants Between Regions of the Russian Federation as a Source of Data for Planning the Development of the Higher Education System / A. V. Dozhdikov, E. V. Kornilova. *Higher education in Russia*. 2023. Vol. 32, No. 3. Pp. 67–83. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-3-67-83). (In Russ.).
2. Korepina, T. A. Place and Role of Educational Migration in the General Classification of Types of Migration Movement of the Population. *Vestnik NSUEM*. 2018. No. 3. Pp. 65–77. (In Russ.).
3. Pitoukhin, E. A. Analysis of Inter-Regional Mobility of School-Leavers Entering to Universities / E. A. Pitoukhin, A. A. Semenov. *University Management: Practice and Analysis*. 2011. No. 3 (73). Pp. 82–89. (In Russ.).
4. Vereshchagina, A. V. Intellectual Security of Russia in Terms of Science and Educational Crisis and Growth of Social Inequality / A. V. Vereshchagina, S. I. Samygin, S. I. Imgrunt. *Humanities of the South of Russia*. 2016. Vol. 18, No. 2. Pp. 52–65. (In Russ.).
5. Ataeva, A. G. Modern Trends and Factors of Inter-Regional Migration of Youth in Russia / A. G. Ataeva, A. G. Ulyayeva. *Tomsk State University Journal of Economy*. 2018. No. 44. Pp. 38–57. DOI [10.17223/19988648/44/2](https://doi.org/10.17223/19988648/44/2). (In Russ.).
6. Varshavskaya, E. Ya. Migration Intentions of Graduates of Russia's Regional Higher Educational Institutions / E. Ya. Varshavskaya, O. S. Chudinovskikh. *Moscow University Economic Bulletin*. 2014. No. 3. Pp. 36–58. (In Russ.).
7. Zakharova, I. V. The Role of Universities in Curbing Interregional Educational Migration. *Higher Education in Russia*. 2019. Vol. 28, No. 7. Pp. 71–84. DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84). (In Russ.).
8. Pitoukhin, E. A. Educational Migration in Russians Regions: Statistical Approach / E. A. Pitoukhin, O. A. Zyateva, L. V. Shchegoleva, V. E. Sokolov. *Higher Education in Russia*. 2023. Vol. 32, No. 8–9. Pp. 48–69. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-8-9-48-69). (In Russ.).

9. Artemenkov, M. N. Transformation of School Graduates' Educational Strategies in the Context of Coronavirus COVID-19: Regional Dimension / M. N. Artemenkov, E. E. Sukhova. *Regional'nye Issledovaniya [Regional studies]*. 2020. No. 2 (68). Pp. 111–120. DOI [10.5922/1994-5280-2020-2-9](https://doi.org/10.5922/1994-5280-2020-2-9). (In Russ.).
10. Vishnevsky, A. G. Demograficheskiye vyzovy Rossii. Chast' tret'ya – migratsiya [Demographic challenges of Russia. Part three – migration] / A. G. Vishnevsky, M. B. Denisenko, Zh. A. Zayonchkovskaya, N. V. Mkrtchyan. *Demoscope Weekly*. 2017. No. 753–754. Pp. 1–10. (In Russ.).
11. Vorobyova, O. D. Historical Aspects and Modern Features of Internal Migration in Russia / O. D. Vorobyova, A. A. Subbotin. *Living Standards of the Population of Russian Regions*. 2021. Vol. 17, No. 1. Pp. 32–41. DOI [10.19181/lsprr.2021.17.1.3](https://doi.org/10.19181/lsprr.2021.17.1.3). (In Russ.).
12. Pitukhin, E. A. Inter-Regional Migration of Educational Graduates in the Russian Federation / E. A. Pitukhin, A. A. Semenov. *Economics and Management*. 2014. No. 7 (105). Pp. 64–69. (In Russ.).
13. Nikiporets-Takigawa, G. Yu. K voprosu o vzaimoobuslovennosti molodezhnoy politiki i migratsionnykh potokov v Rossii [On the issue of the interdependence of youth policy and migration flows in Russia] / G. Yu. Nikiporets-Takigawa, A. A. Mikhaleiko, A. Yu. Muzalevskaya. *Issues of National and Federal Relations*. 2018. Vol. 8, No. 1 (40). Pp. 76–85. (In Russ.).
14. Kalashnikova, S. K. Heuristic Potential of Applying the Assessment Index to Regional Public Programs in the Field of Youth Policy / S. K. Kalashnikova, I. I. Andriiv. *RUDN Journal of Political Science*. 2023. Vol. 25, No. 2. Pp. 486–499. DOI [10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499](https://doi.org/10.22363/2313-1438-2023-25-2-486-499). (In Russ.).
15. Razzakov, D. I. Relationship of University Ranking with Interregional Educational Migration in Russia. *Vestnik nauki [Bulletin of Science]*. 2022. Vol. 3, No. 12 (57). Pp. 225–231. (In Russ.).
16. Klyachko, T. L. Migration Mobility of Russian Youth is Justified by Educational Priorities / T. L. Klyachko, E. A. Semionova. *Economic Development of Russia*. 2021. Vol. 28, No. 10. Pp. 61–63. (In Russ.).
17. Tropynina, N. E. Trends and Causes of Interregional Educational Migration on the Example of Zabaikalsky Krai / N. E. Tropynina, B. B. Nimaeva. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya [Innovative economics: prospects for development and improvement]*. 2018. Vol. 2, No. 7 (33). Pp. 197–201. (In Russ.).
18. Garafiev, I. Z. Typology of Centers of Interregional Educational Mobility in the Higher Education System of the Russian Federation. *Theory and Practice of Social Development*. 2023. No. 12 (188). Pp. 91–97. DOI [10.24158/tpor.2023.12.9](https://doi.org/10.24158/tpor.2023.12.9). (In Russ.).
19. Gabdrakhmanova, G. F. The University and City Images for Migration of Nonresident Students: A Regional Case. *Higher Education in Russia*. 2023. Vol. 32, No. 6. Pp. 116–138. DOI [10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-6-116-138). (In Russ.).
20. Chernyshev, K. A. Educational Migration in Siberia: Research Based on Social Network Data / K. A. Chernyshev, T. R. Miryazov, E. Yu. Petrov. *Geographical Bulletin*. 2023. No. 4 (67). Pp. 41–51. DOI [10.17072/2079-7877-2023-4-41-51](https://doi.org/10.17072/2079-7877-2023-4-41-51). (In Russ.).
21. Dozhdikov, A. V. Educational Migration in the Republic of Mordovia. *Russian Journal of Regional Studies*. 2023. Vol. 31, No. 1 (122). Pp. 182–198. DOI [10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198](https://doi.org/10.15507/2413-1407.122.031.202301.182-198). (In Russ.).
22. Kozlov, D. V. Gde učit'sya i gde rabotat': mezhhregional'naya mobil'nost' studentov i vypusknikov universitetov [Where to study and where to work: interregional mobility of students and university graduates] / D. V. Kozlov, D. P. Platonova, O. V. Leshukov. *Sovremennaya analitika obrazovaniya [Modern education analytics]*. 2017. No. 4 (12). Pp. 4–28. (In Russ.).
23. Gabdrakhmanov, N. K. Educational Migration of Youth in Russia / N. K. Gabdrakhmanov, N. Yu. Nikiforova, O. V. Leshukov. *Sovremennaya analitika obrazovaniya [Modern education analytics]*. 2019. No. 5 (26). Pp. 4–42. (In Russ.).
24. Kozlova, K. S. Problems of Youth Migration in the Context of Implementation of the State Youth Policy in Primorsky Krai / K. S. Kozlova, V. A. Andreev, E. V. Sultanova. *Fundamental Research*. 2021. No. 10. Pp. 43–48. DOI [10.17513/fr.43107](https://doi.org/10.17513/fr.43107). (In Russ.).
25. Nekrasov, N. A. Social Responsibility of Private Companies and Prevention of Youth Migration in the Region of Presence. *Forum of Young Scientists*. 2019. No. 12 (40). Pp. 624–633. (In Russ.).
26. Bondarev, I. V. Youth Policy of the Kaluga Region as a Tool to Keep Youth in the Region: Condition, Problems and Perspectives. *Humanitarian accent*. 2022. No. 2. Pp. 11–20. (In Russ.).
27. Gemadeeva, Yu. E. Socio-Economic Policy for the Consolidation of Youth in Rural Areas in the Republic of Tatarstan. *Economics and management: problems, solutions*. 2023. Vol. 4, No. 2 (134). Pp. 90–94. DOI [10.36871/ek.up.p.r.2023.02.04.011](https://doi.org/10.36871/ek.up.p.r.2023.02.04.011). (In Russ.).
28. Okorokova, M. P. Development of the Human Capital of Youth Within the Framework of the Development Strategy of Municipality (Based on Materials of the Republic of Sakha (Yakutia)) / M. P. Okorokova, T. A. Maksimova. *Society: Politics, Economics, Law*. 2019. No. 11 (76). Pp. 48–52. DOI [10.24158/pep.2019.11.7](https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.7). (In Russ.).

29. Zakharova, I.V. Containing interregional educational migration: the role of universities / I.V. Zakharova. *Higher education in Russia*. 2019. Vol. 28, No. 7. Pp. 71–84. DOI [10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2019-28-7-71-84). (In Russ.).
30. Petrova, M. D. Migration Youth Policy: To Definition of the Concept “Regional Loyalty” / M. D. Petrova, E. V. Malkova. *Social and Humanitarian Sciences: Theory and Practice*. 2019. No. 1 (3). Pp. 238–250. (In Russ.).
31. Alekseev, S. V. Youth Policy as a Mechanism of Youth Potential Development in the Modern World. *PolitBook*. 2022. No. 4. Pp. 43–56. (In Russ.).
32. Sannikova, O. V. Transit University as a Factor of Interregional Educational Migration / O. V. Sannikova, V. Yu. Khotinets. *Bulletin of the Udmurt University. Series Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 2017. Vol. 27, No. 1. Pp. 41–45. (In Russ.).
33. Gabdrakhmanov, N. K. Educational Migration of Young People and Optimization of the Network of Universities in Cities of Different Sizes / N. K. Gabdrakhmanov, L. B. Karachurina, N. V. Mkrtchyan, O. V. Leshukov. *Educational Studies*. 2022. No. 2. Pp. 88–116. DOI [10.17323/1814-9545-2022-2-88-116](https://doi.org/10.17323/1814-9545-2022-2-88-116). (In Russ.).
34. Klyachko, T. L. Educational Migration: Driving Factors / T. L. Klyachko, E. A. Semionova. *Economic Development of Russia*. 2021. Vol. 28, No. 12. Pp. 60–63. (In Russ.).
35. Islakaeva, G. R. Educational Interregional Migration: Causes and Socioeconomic Consequences. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*. 2016. No. 3 (201). Pp. 77–88. (In Russ.).
36. Mityagina, E. V. A Study of University Graduates’ Migration in Regions with High Migration Outflow: A Digital Footprint Analysis / E. V. Mityagina, E. V. Konyshchev, K. A. Chernyshev, E. R. Saifulin. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. No. 467. Pp. 144–155. DOI [10.17223/15617793/467/18](https://doi.org/10.17223/15617793/467/18). (In Russ.).
37. Gabdrakhmanov, N. K. Migration Behavior of Russian University Students Based on Digital Footprint Data / N. K. Gabdrakhmanov, V. V. Orlova, Yu. K. Aleksandrova. *Bulletin of Tomsk State University*. 2021. No. 467. Pp. 106–114. DOI [10.17223/15617793/467/14](https://doi.org/10.17223/15617793/467/14). (In Russ.).

Bio note

Anton V. Dozhikov, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Institute of Socio-Political Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: antondnn@yandex.ru; ORCID ID: [0000-0002-1069-1648](https://orcid.org/0000-0002-1069-1648); RSCI SPIN-code: [2208-1891](https://www.spin-portal.ru/spin/2208-1891); Scopus Author ID: [57221684847](https://orcid.org/57221684847).

Received on 24.06.2024; accepted for publication on 23.08.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

Приложение / Appendix

Таблица 1

Типология субъектов Российской Федерации по салдо миграции молодежи

Table 1

Typology of the subjects of the Russian Federation by the balance of youth migration

Регион	Тип региона		
	в 2017 г.	в 2020 г	в 2023 г.
Алтайский край	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Амурская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Архангельская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Архангельская область (без Ненецкого автономного округа)	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Астраханская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Белгородская область	«Донор»	«Акцептор»	«Донор»
Брянская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Владимирская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Волгоградская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Вологодская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Воронежская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Город Москва	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Город Санкт-Петербург	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Город Севастополь	«Акцептор»	«Акцептор»	«Балансовый»
Еврейская автономная область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Забайкальский край	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Ивановская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Иркутская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Кабардино-Балкарская Республика	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Калининградская область	Транзит	Транзит	Транзит
Калужская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Камчатский край	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Карачаево-Черкесская Республика	Замкнут	Замкнут	Замкнут
Кемеровская область – Кузбасс	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Кировская область	«Донор»	«Донор»	«Балансовый»
Костромская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Краснодарский край	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Красноярский край	«Балансовый»	«Балансовый»	«Акцептор»
Курганская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Курская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Ленинградская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Липецкая область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Магаданская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Московская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Мурманская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ненецкий автономный округ (Архангельская область)	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Нижегородская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Новгородская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Новосибирская область	«Акцептор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Омская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Балансовый»
Оренбургская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Орловская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Пензенская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Пермский край	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Приморский край	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Псковская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Адыгея (Адыгея)	Замкнут	Замкнут	Замкнут
Республика Алтай	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Башкортостан	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Бурятия	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Дагестан	«Донор»	Замкнут	Замкнут

Регион	Тип региона		
	в 2017 г.	в 2020 г	в 2023 г.
Республика Ингушетия	«Донор»	Замкнут	Замкнут
Республика Калмыкия	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Карелия	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Республика Коми	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Крым	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Республика Марий Эл	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Мордовия	Транзит	Транзит	Транзит
Республика Саха (Якутия)	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Северная Осетия-Алания	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Республика Татарстан (Татарстан)	«Балансовый»	«Балансовый»	«Акцептор»
Республика Тыва	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Республика Хакасия	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ростовская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Акцептор»
Рязанская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Балансовый»
Самарская область	«Донор»	«Донор»	«Балансовый»
Саратовская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Балансовый»
Сахалинская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Свердловская область	«Акцептор»	«Донор»	«Донор»
Смоленская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Балансовый»
Ставропольский край	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Тамбовская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Тверская область	«Донор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Томская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»
Тульская область	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Тюменская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Тюменская область (кроме ХМАО и ЯНАО)	«Акцептор»	«Донор»	«Балансовый»
Удмуртская Республика	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ульяновская область	«Балансовый»	«Балансовый»	«Донор»
Хабаровский край	«Акцептор»	«Балансовый»	«Балансовый»
Челябинская область	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Чеченская Республика	Замкнут	Замкнут	Замкнут
Чувашская Республика - Чувашия	«Донор»	«Балансовый»	«Донор»
Чукотский автономный округ	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ямало-Ненецкий автономный округ (Тюменская область)	«Донор»	«Донор»	«Донор»
Ярославская область	«Акцептор»	«Акцептор»	«Акцептор»

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9)

EDN [ZSYZBJ](https://edn.zsyzbj.ru)

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ В КЫРГЫЗСТАНЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Письменная Е. Е.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия
E-mail: nikitar@list.ru

Сыдыгалиева Б. А.

*Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина,
Бишкек, Кыргызстан*
E-mail: bekadobrev@gmail.com

Для цитирования: *Письменная, Е. Е. Образовательная миграция в Кыргызстане: тенденции и перспективы / Е. Е. Письменная, Б. А. Сыдыгалиева // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 138–153. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9). EDN [ZSYZBJ](https://edn.zsyzbj.ru).*

Аннотация. Образовательная миграция в Кыргызстане имеет социально-демографическую структуру, которая может варьироваться в зависимости от ряда факторов, таких как возраст, пол, национальность, образовательный уровень и прочее. Одной из основных тенденций образовательной миграции в Кыргызскую Республику является рост числа студентов из близлежащих государств – Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, а также из стран Средней Азии и Кавказа. Это обуславливается как экономическими причинами, так и историческими связями и культурными сходствами между этими государствами. Образовательная миграция в Кыргызстан из Индии, Пакистана и других стран имеет социально-демографическую структуру, отличающуюся от образовательной миграции из других государств. Одним из основных факторов, который стимулирует образовательную миграцию, выступает недостаток качественного образования в родной стране. Многие студенты стремятся получить образование на Западе, т.к. оно считается более качественным и престижным. Кроме того, образовательная миграция может быть вызвана желанием улучшить перспективы на рынке труда и получить высокооплачиваемую работу за рубежом. В статье дается прогноз динамики образовательной миграции в Кыргызстане. Авторы полагают, что будет наблюдаться тенденция к росту образовательной миграции в стране, что положительно скажется на экономике Республики. Разработанные рекомендации по совершенствованию системы управления образованием в Кыргызской Республике способствуют продвижению и реализации образовательных услуг, ориентированных на студентов.

Ключевые слова: миграция, население, образовательная миграция, студенты, иностранные студенты

Введение

Цель данного исследования заключается в оценке сложившихся и перспективных трендов образовательной миграции в Кыргызстане в демографическом и социально-экономическом контексте, разработка рекомендаций по совершенствованию процесса регулирования образовательной миграции в Кыргызской Республике. В исследовании использовались статистические методы, методы сравнительного анализа и другие общенаучные методы с целью обеспечения достоверности полученных результатов. Материалами для научного труда послужили статистические данные Всемирного банка, Международной организации труда, Международной организации по миграции, Межгосударственного статистического комитета СНГ, Департамента статистики ЕЭК, НСК КР, базы данных национальных

статистических органов и ведомств государств-членов ЕАЭС, ряд иных информационных и аналитических материалов.

Проблема образовательной миграции для современного общества является одной из наиболее острых. Это можно связать со значительным увеличением миграционных процессов по причине политических, демографических, социально-экономических потрясений в мире.

По сути, каждый год миллионы людей перемещаются в разные страны с целью получения высшего и поствузовского образования, повышения квалификации, прохождения стажировок, изучения иностранного языка.

Вступая в эпоху цифровизации, высшие учебные заведения государств ближнего и дальнего зарубежья активно приглашают иностранных студентов для получения высшего профессионального образования, расширяют границы международного образовательного и научного сотрудничества и обмена студентами. Принимающие страны на рынке образовательных услуг регулярно сталкиваются с проблемами, связанными с миграционными процессами, включая и образовательную миграцию.

Эффективная система образовательной миграции становится одним из механизмов решения проблемы, поскольку ее социально-экономические и демографические выгоды для Кыргызстана значительны. В нынешних реалиях высшие учебные заведения, в том числе и региональные, конкурируют между собой за отечественных и иностранных абитуриентов/студентов, поскольку от этого зависит их функционирование и престиж.

Концептуальных подходов к дефиниции «образовательная миграция» недостаточно. В научной литературе выделяется несколько трудов, в которых представлены следующие трактовки (табл. 1).

Таблица 1

Определения понятий «миграция населения» и «образовательная миграция»

Table 1

Definition of “population migration” and “educational migration”

Автор	Определение
Е. Равенштейн	Постоянное или временное изменение места жительства человека [1]
Я. Щепанский	Любое перемещение независимо от изменения места в географическом пространстве [2]
М. В. Курман	Все виды движения населения, имеющие общественную значимость [3]
В. И. Переведенцев	Совокупность всяких перемещений людей в пространстве (в широком смысле). Совокупность переселений людей, т. е. таких их перемещений по территории, которые неразрывно связаны со сменой места жительства на относительно продолжительный срок (в узком смысле) [4]
Л. Л. Рыбаковский	Территориальные перемещения, совершающиеся между разными населенными пунктами одной или нескольких административно-территориальных единиц, независимо от продолжительности, регулярности и целевой направленности (в широком смысле). Законченный вид территориального перемещения (в узком смысле) [5]
S. N. Eisenstadt	Физический переход индивида или группы из одного общества в другое [6]
J. H. Johnson, J. Salt	Движение, ведущее к изменению места жительства и имеющее постоянный характер [7]
Росстат	Перемещение людей (мигрантов) через границы тех или иных территориальных единиц (в широком смысле). Наиболее важные с точки зрения общественного развития перемещения, которые сопровождаются перемещением территориально-административной границы и переменной обычного (постоянного) места жительства на более или менее длительное время или навсегда в течение определенного периода времени – так называемого миграционного интервала (в узком смысле) [8]

Автор	Определение
С. В. Рязанцев	Социальный тип, так как она не связана с материальной выгодой от перемещения, в отличие от экономической миграции [9]
Т. К. Ростовская, В. И. Скоробогатова	Комплекс мер по обеспечению эффективного привлечения профессионалов из-за рубежа, сдерживанию выезда квалифицированных кадров из страны, репатриации мигрантов, созданию системы национальных образовательных программ по поддержке зарубежного обучения, а также разработке совместных межуниверситетских программ с целью повышения репутации региона в области образовательных услуг [10]
И. И. Афанасьева Д. С. Ушаков	Социокультурный процесс, характеризующий состояние развития интернационализации и глобализации высшего образования в мире [11]
О. В. Санникова	Временное перемещение студента для получения специфических знаний, академической подготовки с обязательным последующим возвращением к месту постоянного обучения, проживания [12]
Е. Н. Алексеева	Совокупность перемещений людей с целью получения образования различного уровня и на различные сроки. Она охватывает как внутренние, так и внешние перемещения и всегда направлена на получение новых профессиональных или научных компетенций независимо от перспектив последующей миграции или возвращения [13]
М. Ю. Апанович	Перемещение с целью получения и/или осуществления трудовой деятельности в области образования, т. е. преподавания, проведения исследований [14]
Концепция государственной миграционной политики РФ	Миграция с целью получения или продолжения образования ¹
В. А. Ионцев, И. А. Алешковий, Н. А. Воронина	Одна из форм миграции, а именно: разновидность интеллектуальной миграции [15]

Источник: составлено авторами

Таким образом, на основе глубокого анализа, систематизации и обобщения существующих трактовок образовательной миграции, нами предложена уточненная и дополненная авторская трактовка. Под образовательной миграцией, по нашему мнению, следует понимать «мобильность и движение людей внутри и вне страны с целью получения или продолжения образования различного уровня, способствующие развитию человеческого и интеллектуального капитала, повышению качества и уровня образования, как источника международного опыта и знаний, мощный двигатель развития, обогащающий общество, улучшающий образовательные стандарты и способствующий региональной интеграции».

Образовательная миграция в Кыргызстан

Численность постоянного населения Кыргызской Республики на начало 2024 г. составила 7 176 тыс. человек, наличного населения – 6 363 тыс. человек (рис. 1). За 13 лет наблюдался рост численности населения в 1,3 раза.

Как следует из рис. 2, на изменение общей численности населения страны существенное влияние оказывает и миграция. Так, в 2023 г. миграционные изменения характеризовались значительным увеличением внутривосточных передвижений и снижением миграции населения за пределы Кыргызстана.

¹ Указ «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» // Президент России : [сайт]. 31.10.2018. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/58986> (дата обращения: 12.05.2024)

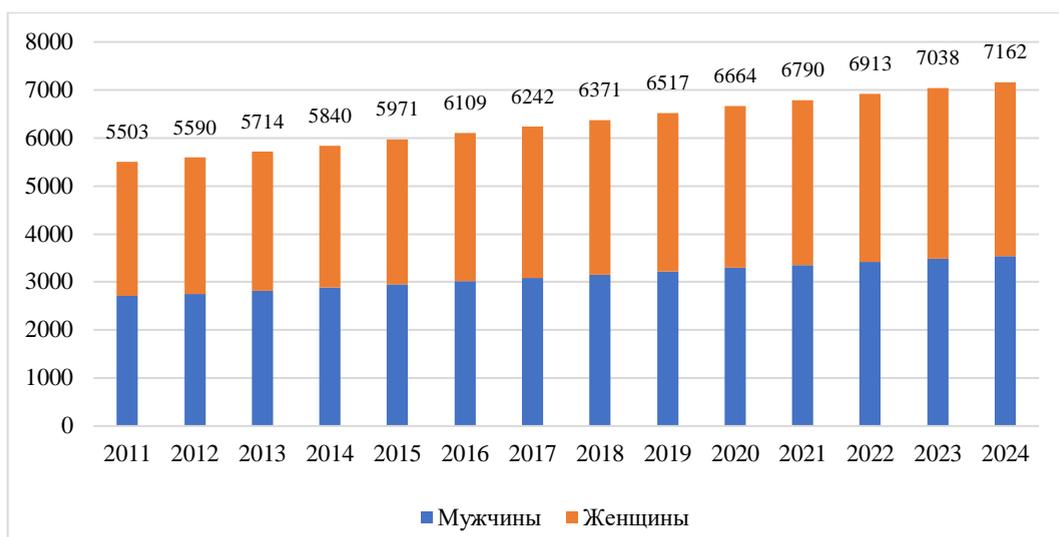

Рис. 1. Численность постоянного населения Кыргызстана по полу (тыс. человек)
Fig. 1. Permanent population of Kyrgyzstan by gender (thousand people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики²

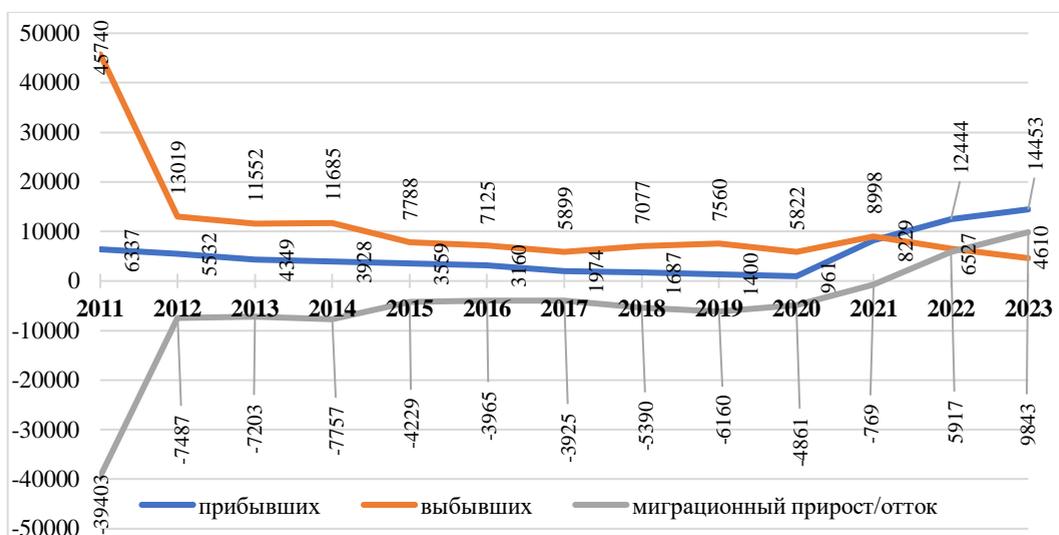

Рис. 2. Внешняя миграция в Кыргызстане (человек)
Fig. 2. International migration in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики³

² Население. Официальная статистика. Статистика Кыргызстана // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (дата обращения: 12.05.2024).

³ Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

По данным НСК КР, «в 2023 г. в Кыргызстан прибыло 14 453 человека, выбыло 4 610 человек, миграционный приток населения за пределы страны составил 9 843 человек (отток 769 человек в 2021 г.). Таким образом, в 2023 г. в республике отмечалось снижение эмиграции населения страны на постоянное место жительства»⁴.

В табл. 2 динамика общего количества студентов из стран СНГ, обучающихся в Кыргызстане, отражает значительный рост в 2010–2022 гг. Достигнув пика в 2020–2021 гг., показатель несколько снизился в 2022 г. При рассмотрении структуры по странам можно отметить значительные колебания в численности студентов из разных государств. Например, студенты из Узбекистана представляют самую значительную группу и в 2010–2022 гг. продемонстрировали значительный рост. Также стоит отметить стремительный рост числа студентов из Казахстана в 2012 г. Динамика численности студентов из других стран, таких как Россия, Таджикистан, Туркменистан, также имеет свои особенности. Так, в 2013 г. наблюдался резкий скачок числа студентов из Таджикистана, в то время как в 2019–2020 гг. происходил значительный рост количества студентов из России и Узбекистана.

Таблица 2

Численность студентов из стран СНГ в Кыргызстане (человек)

Table 2

Number of students from CIS countries in Kyrgyzstan (people)

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	9 814	7 068	7 977	8 195	8 466	8 908	8 194	7 653	8 764	21 049	43 889	57 103	46 353
Азербайджан	21	29	41	132	57	56	153	33	132	21	11	21	15
Армения	3	8	1	-	-	-	-	-	2	-	-	1	-
Белоруссия	-	3	8	-	-	-	-	-	-	-	42	1	4
Казахстан	2 700	2 941	4 357	4 338	4 828	5 184	4 655	3 294	2 479	2 083	2 178	1 985	3 179
Молдавия	2	2	152	3	23	3	-	-	-	-	-	-	-
Россия	818	847	927	1 225	1 377	1 186	910	1 535	1 622	1 844	2 005	1 672	1 916
Таджикистан	570	1 113	885	1 130	1 423	1 840	1 864	1 856	2 365	2 439	1 932	1 595	876
Туркменистан	1 567	571	369	240	129	111	60	51	100	121	146	219	64
Украина	11	10	18	33	9	9	12	2	1	3	4	4	17
Узбекистан	4 122	1 544	1 219	1 094	620	519	540	882	2 063	14 538	37 571	51 605	40 282

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики⁵

Анализ данных табл. 3. показал, что образовательная миграция в Кыргызстан из Индии, Пакистана и пр. стран имеет свою социально-демографическую структуру, которая отличается от образовательной миграции из других государств.

В основном в Кыргызскую Республику приезжают студенты из Индии, Пакистана, Китая, Афганистана, Непала, Таджикистана, Узбекистана и др. для получения медицинского образования. Среди таких студентов преобладают мужчины в возрасте от 18 до 25 лет из небольших городов и деревень, имеющие низкий уровень

⁴ Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.gov.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

⁵ Численность студентов из стран СНГ в ВПУЗах // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/1222/> (дата обращения: 12.05.2024).

доходов. Однако они мотивированы получить качественное образование в медицинской сфере, и их в Кыргызстан привлекает популярность медицинских университетов этой страны.

Таблица 3

Численность студентов из других стран в Кыргызстане (человек)

Table 3

Number of students from other countries in Kyrgyzstan (people)

Год	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022
Всего	3 366	3 099	3 286	3 467	4 257	5 627	6 520	8 881	10 862	15 547	19 529	23 598	25 321
Афганистан	73	74	54	66	107	123	148	169	161	141	49	274	347
Китай	539	433	385	255	267	187	269	273	220	204	99	216	399
Индия	581	788	1 137	1 709	2 377	3 917	4 745	6 828	8 662	10 749	12 272	14 377	15 306
Иран	17	21	25	2	7	7	2	1	3	9	7	3	10
Монголия	13	7	2	1	8	8	6	9	13	19	26	26	20
Непал	82	50	21	45	23	17	15	24	11	7	3	1	4
Сирия	27	24	43	7	15	16	14	16	20	24	21	10	23
Пакистан	955	928	778	628	559	413	390	579	830	3 533	6 003	7 498	8 407
Турция	793	727	772	679	696	695	655	624	510	532	509	499	467
Грузия	5	4	3	1	2	1	-	-	1	2	1	1	-
Др. страны	281	43	66	74	196	243	276	358	431	327	539	693	338

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики⁶

Образовательная миграция в Кыргызстане преимущественно связана с поступлением в вузы. Согласно данным Министерства образования и науки Кыргызской Республики, в 2021 г. наибольшее количество иностранных студентов в Кыргызстане было зачислено в следующие вузы:

- 1) Кыргызский национальный университет имени Жусупа Баласагына – 1 366 студентов;
- 2) Ошский государственный университет имени Ю. А. Гагарина – 575 студентов;
- 3) Международный университет Кыргызстана – 342 студента;
- 4) Кыргызско-Турецкий университет «Манас» – 295 студентов;
- 5) Кыргызско-Российский Славянский университет – 214 студентов.

Большинство иностранных студентов из стран вне СНГ приезжает в Кыргызскую Республику для обучения из Индии и Пакистана. В 2023 г. в высших учебных заведениях Кыргызстана учились 25 774 иностранных студента из стран за пределами СНГ. Количество иностранных студентов из стран вне СНГ в Кыргызстане выросло на 22 307 человек за десять лет. А вот студенты из Пакистана стали активно приезжать в эту страну только в 2019 г.

Таким образом, страны региона Азии, особенно Индия и Пакистан, играют ключевую роль в привлечении иностранных студентов в кыргызские вузы. Это может быть обусловлено различными факторами: доступность образовательных программ, стоимость обучения, качество образования. Кроме того, важно учитывать

⁶ Численность студентов из стран вне СНГ в ВПУЗах // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/1226/> (дата обращения: 12.05.2024).

международные образовательные и культурные связи, которые влияют на выбор иностранных студентов при поиске образовательных возможностей за рубежом, наблюдается тенденция увеличения студентов из-за границы, таких как Индия, Пакистан Турция и Китай.

Следует отметить, что экономический вклад и воздействие образовательной миграции в Кыргызстане в целом улучшают показатели экономического развития и производительности в Республике. К примеру, «в среднем в вузы Кыргызстана за год поступают только от студентов из этих трех стран 56,5 миллионов долларов США или 4 млрд 992,3 млн сомов ежегодно»⁷.

В ходе опроса, который провела в 2021 г. Международная организация по миграции, большинство опрошенных ответили, что иностранные студенты оказывают позитивное влияние на жизнь в Кыргызстане.

«Подавляющая часть респондентов сообщила о существенном вкладе иностранных студентов и мигрантов в развитие страны. В топ-5 основных вкладов вошли следующие:

- пополнение бюджета страны – 90%;
- интерес у местного населения к изучению других языков – 88%;
- увеличение рыночного потребления в городах – 84%;
- расширение культурного разнообразия и обмена знаниями – 83%;
- открытие новых возможностей для бизнеса и инвесторов – 80%»⁸.

Вклад образовательной миграции в Кыргызстане может быть положительным, исходя из нескольких аспектов. Во-первых, миграция студентов может привести к увеличению количества квалифицированных кадров в различных сферах экономики и общества Кыргызстана. Кроме того, студенты, получившие образование за границей, могут привносить новые знания и опыт, что может способствовать развитию инноваций и современных технологий в стране.

В целом вклад образовательной миграции может стать значимым, если правительство Кыргызской Республики будет проводить политику, стимулирующую возвращение высококвалифицированных специалистов в страну и поддерживать сотрудничество с выпускниками зарубежных университетов.

Прогноз образовательной миграции в Кыргызстане

Для прогнозирования образовательной миграции в Кыргызской Республике на предстоящие шесть лет были использованы фактические данные, предоставленные Национальным статистическим комитетом страны. Эти показатели играют важную роль в экономическом планировании и разработке соответствующих политических стратегий. Прогнозы позволяют государству оценить масштаб проблемы, в нашем случае результаты миграции студентов в стране, и определить необходимость привлечения иностранных учащихся в сферу образования. Планирование на основе прогнозирования может способствовать созданию долгосрочных стратегий,

⁷ Студенты-иностранцы уезжают. Почему это может отрицательно сказаться на Кыргызстане? // Кактус-медиа : [сайт]. URL: https://kaktus.media/doc/501645_stydeny_inostrancy_vezjaut_pocemy_eto_mojet_otricatelno_skazatsia_na_kyrgyzstane.html (дата обращения: 12.05.2024).

⁸ Там же.

направленных на снижение бедности и создание условий для устойчивого развития.

Для прогнозирования образовательной миграции в Кыргызстане на период до 2030 года использовался метод экспоненциального сглаживания на основе фактических данных, предоставленных Национальным статистическим комитетом Кыргызской Республики. Этот метод позволяет сглаживать временные ряды данных, выделяя тенденции и минимизируя влияние случайных колебаний.

Прогнозирование осуществлялось по трем сценариям:

1. Средний прогноз. Этот сценарий был основан на текущих тенденциях с использованием стандартного значения коэффициента сглаживания (α), который обеспечивает умеренное сглаживание и отражает наиболее вероятное развитие ситуации.

2. Оптимистичный прогноз. Для данного сценария применялся более высокий коэффициент сглаживания, предполагающий ускоренный рост численности студентов. Этот сценарий учитывает возможные положительные изменения в экономике и образовательной политике Кыргызстана.

3. Пессимистичный прогноз. В таком сценарии использовался более низкий коэффициент сглаживания, что предполагает замедление роста или даже снижение численности студентов в связи с возможными неблагоприятными социально-экономическими или иными условиями.

Применение метода экспоненциального сглаживания позволило учесть различные сценарии и обеспечить точность прогнозов, что является важным для разработки стратегий в образовательной сфере.

Как видно на рис. 3, при среднем статистическом прогнозе численность студентов из Казахстана в Кыргызскую Республику к 2030 г. снизится до 73% и составит 1 690 чел. При оптимистичном прогнозе количество студентов из РК по сравнению с 2023 г. увеличится на 43% или на 5 343 чел. При пессимистичном прогнозе налицо вероятность того, что число студентов из Республики Казахстан будет снижаться. Это связано с экономическим развитием страны и другими условиями в Кыргызстане в сравнении с Казахстаном.

Наблюдается положительная динамика роста количества студентов из России (рис. 4), обучающихся в Кыргызстане, что говорит о квалифицированном уровне образования в этой Республике. При вероятностном прогнозе можно наблюдать рост численности российских студентов в Кыргызстане, что положительно повлияет на качество образования в Республике.

Судя по рис. 5, при среднем статистическом прогнозе количество студентов увеличилось в два раза, т. е. более чем на 246%. При оптимистичном и пессимистичном прогнозах заметен рост численности студентов за рассматриваемый период.

Количество студентов из Индии при среднем статистическом прогнозе за рассматриваемый период увеличилось в два раза. При оптимистичном и пессимистичном вариантах наблюдаем рост численности, что говорит о положительной динамике образования в Республике (рис. 6).

Из рис. 7 следует, что к 2016 г. количество студентов из Пакистана уменьшилось в два раза, но в последующие годы наблюдается рост числа студентов из данной

страны, к 2030 г. при среднем статистическом прогнозе за рассматриваемые периоды их число вырастет почти на 75%.

Как видно на рис. 8, количество студентов из Турции снизится к 2030 г. на 60% при оптимистичном прогнозе, а при пессимистичном – уменьшится почти в два раза.

В последние годы наметился устойчивый рост числа студентов из Китайской Народной Республики в Кыргызскую Республику. Но, как следует из рис. 9, численность студентов из КНР уменьшится на 92 студента при среднем статистическом прогнозе. При оптимистичном прогнозе будет наблюдаться рост на 241 студента (на 49%).

Численность афганских студентов увеличилась на 136% при среднем статистическом прогнозе (рис. 10). Наибольший рост можно наблюдать при оптимистичном прогнозе (на 187%), что связано с последними событиями в Исламской Республике Афганистан и низким уровнем качества образования в этой стране.

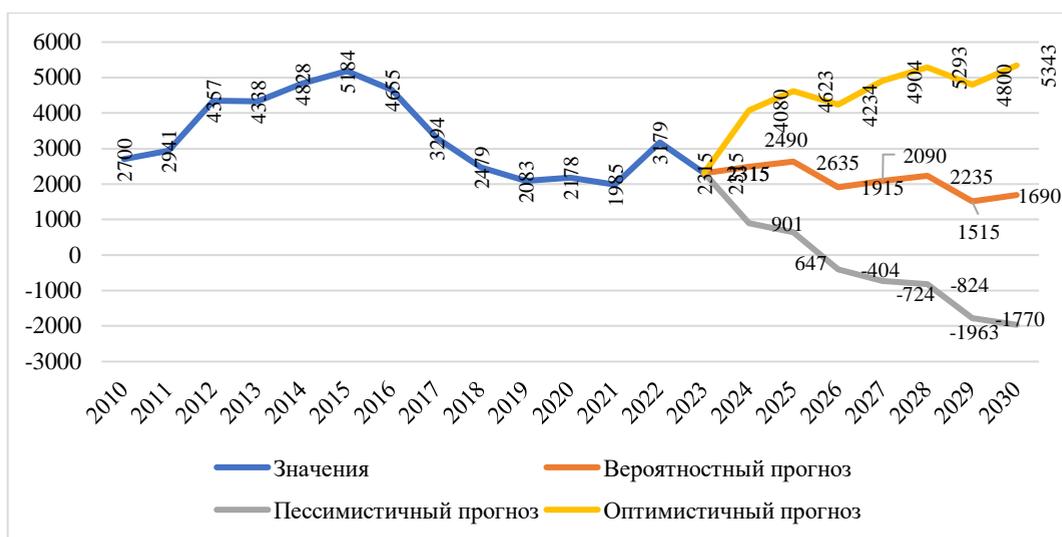

Рис. 3. Прогноз численности студентов из Казахстана в Кыргызстане (человек)
Fig. 3. The forecast of the number of students from Kazakhstan in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики⁹

⁹ Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

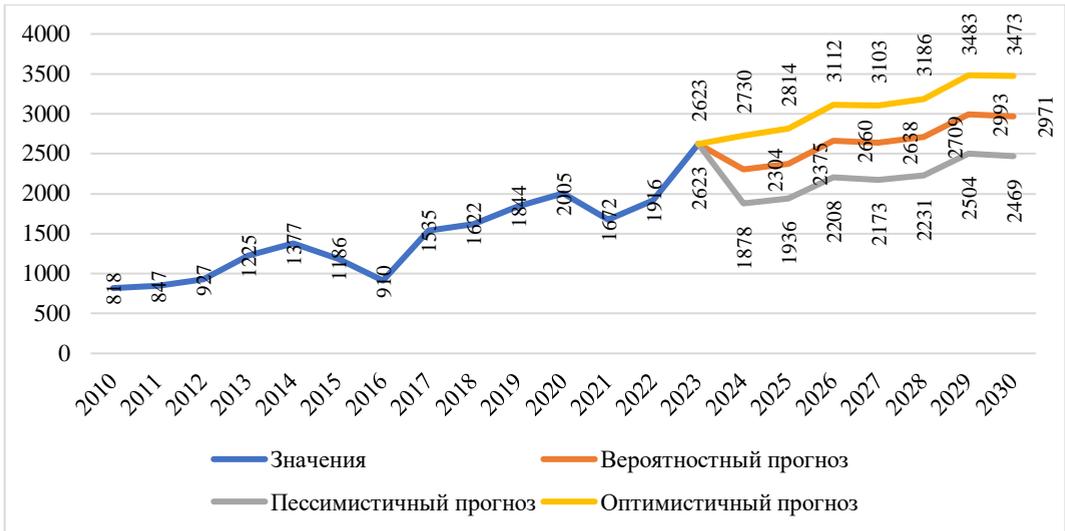

Рис. 4. Прогноз численности студентов из России в Кыргызстане (человек)
Fig. 4. The forecast of the number of students from Russia in Kyrgyzstan (people)
 Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹⁰

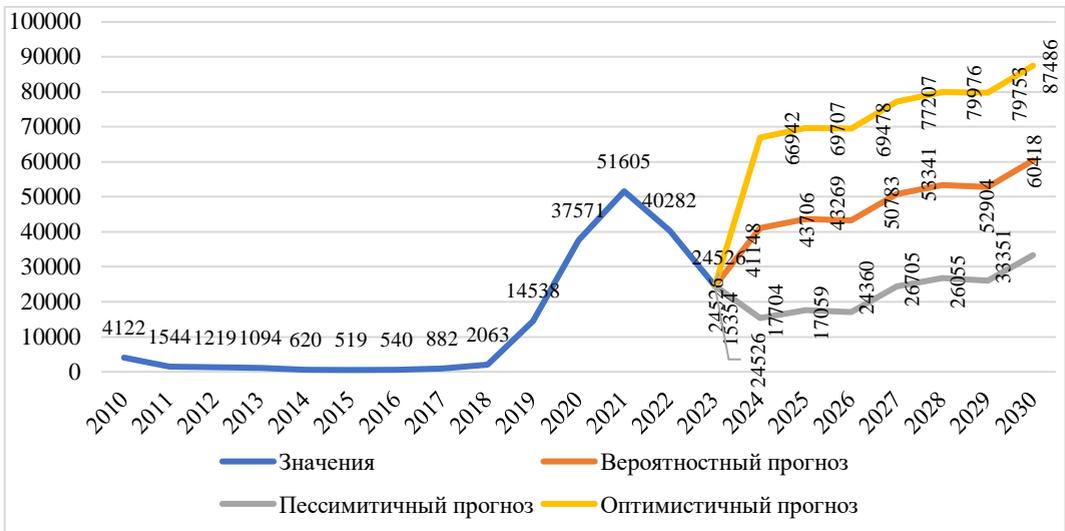

Рис. 5. Прогноз численности студентов из Узбекистана в Кыргызстане (человек)
Fig. 5. The forecast of the number of students from Uzbekistan in Kyrgyzstan (people)
 Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹¹

¹⁰ Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹¹ Там же.

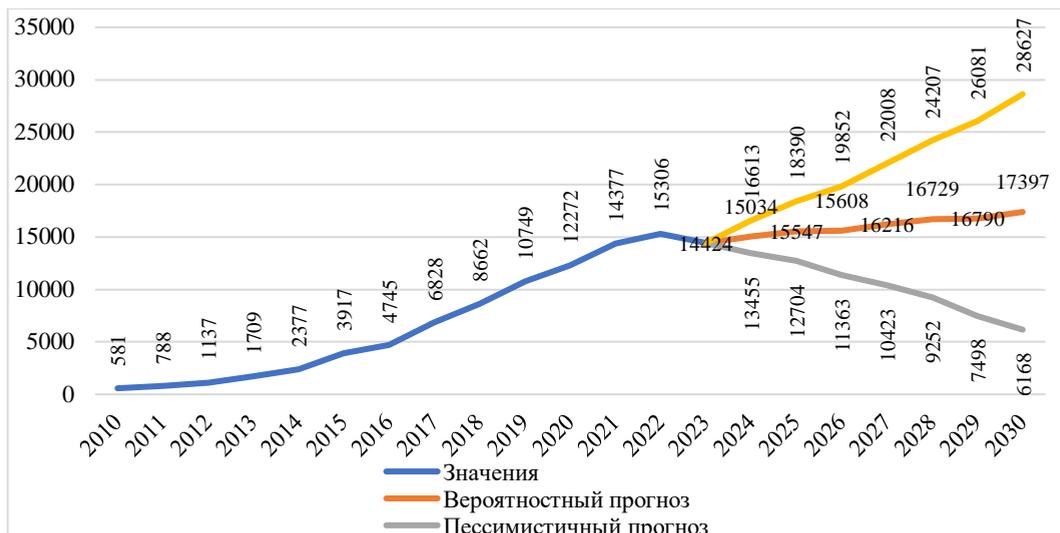

Рис. 6. Прогноз численности студентов из Индии в Кыргызстане (человек)

Fig. 6. The forecast of the number of students from India in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹²

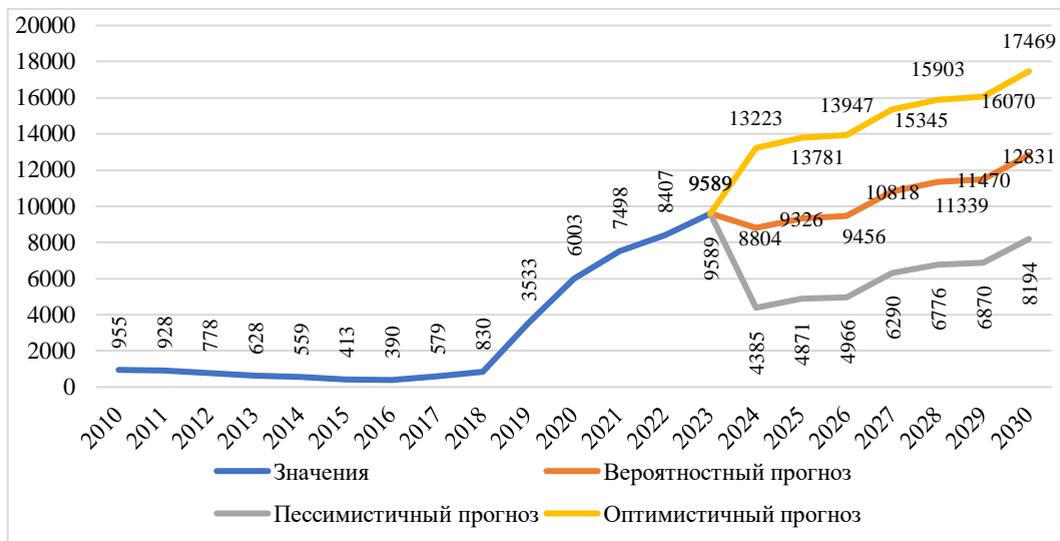

Рис. 7. Прогноз численности студентов из Пакистана в Кыргызстане (человек)

Fig. 7. The forecast of the number of students from Pakistan in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹³

¹² Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики : [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹³ Там же.

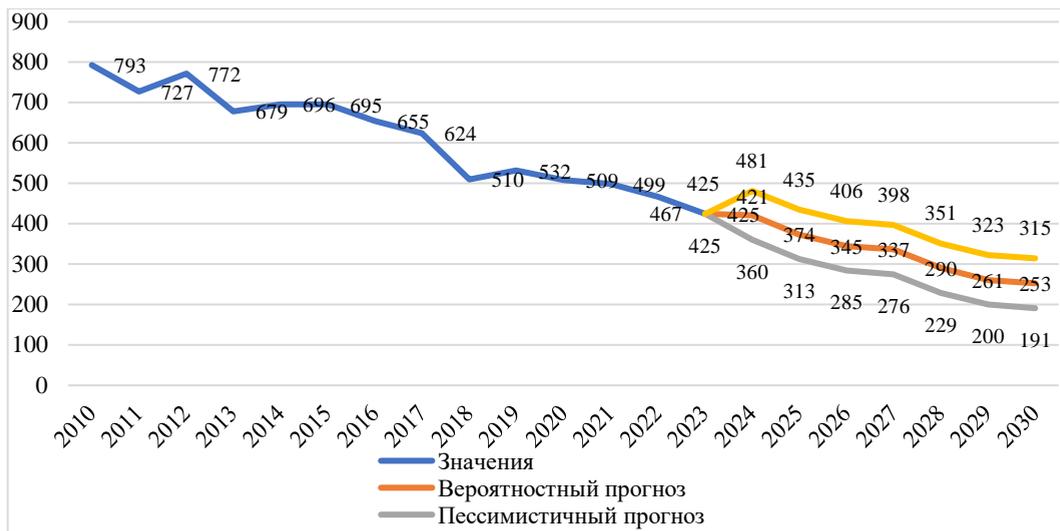

Рис. 8. Прогноз численности студентов из Турции в Кыргызстане (человек)
Fig. 8. The forecast of the number of students from Turkey in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹⁴

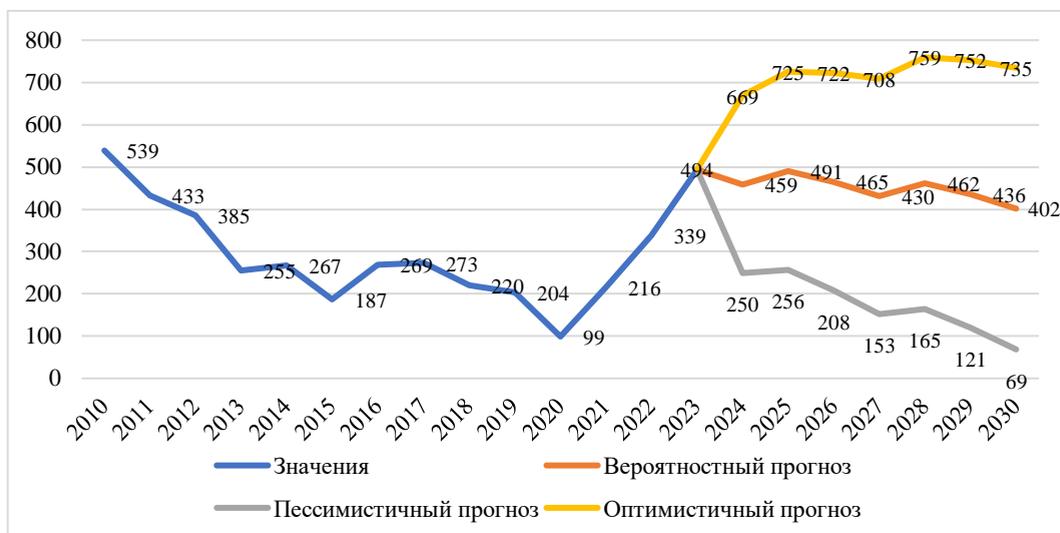

Рис. 9. Прогноз численности студентов из Китая в Кыргызстане (человек)
Fig. 9. The forecast of the number of students from China in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹⁵

¹⁴ Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

¹⁵ Там же.

Рис. 10. Прогноз численности студентов из Афганистана в Кыргызстане (человек)
Fig. 10. The forecast of the number of students from Afghanistan in Kyrgyzstan (people)

Источник: составлено авторами по данным Национального статистического комитета Кыргызской Республики¹⁶

Рекомендации

Государственная политика должна быть направлена на создание благоприятных условий для получения высшего образования населением. В рамках этой задачи правительству Кыргызстана необходимо принять ряд мер, направленных на повышение качества образования, улучшение материально-технической базы вузов, повышение престижа высшего образования в обществе и привлечение молодежи в вузы, а именно: улучшить финансирование высшего образования, предоставляя стипендии, в том числе стимулирующие стипендии и гранты на обучение, а также льготы для молодых людей, которые хотят получить высшее образование.

Государственную политику Кыргызской Республики в сфере привлечения студентов в национальные вузы нужно направить на создание благоприятных условий и улучшение качества жизни студентов, обеспечение системы общежитий, расширение возможности для занятия спортом и посещения культурных мероприятий, создание условий для работы и саморазвития студентов.

Также государственная политика Кыргызстана должна быть направлена не только на удержание, но и на привлечение квалифицированных преподавателей и исследователей в национальные вузы. Для этого правительству необходимо предусматривать меры по увеличению зарплат и льгот для преподавателей, созданию современных научных лабораторий и центров и привлечение инвестиций в образовательную сферу.

¹⁶ Внешняя миграция населения по государствам прибытия (выбытия) // Национальный статистический комитет Кыргызской Республики: [сайт]. URL: <https://www.stat.kg/ru/statistics/download/dynamic/327/> (дата обращения: 12.05.2024).

Для активного и эффективного привлечения кыргызских студентов из-за рубежа и их возвращения на родину необходимо предоставлять им работу в крупных компаниях и государственных организациях страны, создать систему выделения грантов для создания собственного бизнеса в Кыргызстане, а также для того, чтобы они могли применить свои знания и опыт в собственной стране.

Приоритетным направлением на ближайшие годы должны стать продвижение медиаинформационной грамотности и поддержка реформ в сфере цифровизации образовательного процесса в Кыргызстане.

Важно совершенствовать государственную политику в области образовательной миграции и применения интеллектуального потенциала выпускников зарубежных вузов в Кыргызской Республике.

Список литературы

1. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration // Journal of the Statistical Society of London. 1885. Vol. 48, No. 2. Pp. 167–235. DOI [10.2307/2979181](https://doi.org/10.2307/2979181).
2. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии. Москва : Прогресс, 1969. 230 с.
3. Курман, М. В. Актуальные вопросы демографии: демографические процессы в СССР в послевоенный период. Москва : Статистика, 1976. 220 с.
4. Переведенцев, В. И. Методы изучения миграции населения. Москва : Наука, 1975. 232 с.
5. Рыбаковский, Л. Л. Демографический понятийный словарь. Москва : Центр социального прогнозирования, 2003. 352 с. ISBN 5-98201-007-393. EDN [QOOXKR](https://www.edn.gov.kg/entry/000XKR).
6. Eisenstadt, S. N. Institutionalization of Immigrant Behavior // Human Relations. 1952. Vol. 5, No. 4. Pp. 373–395. DOI [10.1177/001872675200500404](https://doi.org/10.1177/001872675200500404).
7. Johnson, J. H. Labour Migration Within Organizations: An Introductory Study / J. H. Johnson, J. Salt // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1980. Vol. 71, No. 5. Pp. 277–284. DOI [10.1111/j.1467-9663.1980.tb00900.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.1980.tb00900.x).
8. Энциклопедия статистических терминов. В 8 т. Т. 5. Демографическая и социальная статистика. Москва : Федеральная служба государственной статистики, 2011. 482 с.
9. Рязанцев, С. В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии. Москва : Формула права, 2008. 576 с. ISBN 978–5–8467–0049–9. EDN [QSOKDX](https://www.edn.gov.kg/entry/QSOKDX).
10. Ростовская, Т. К. Образовательная миграция как инструмент интеграции иностранных студентов в российскую социокультурную среду / Т. К. Ростовская, Е. А. Князькова // ЦИТИСЭ. 2023. № 3. С. 200–209. DOI [10.15350/2409-7616.2023.3.17](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.3.17). EDN [WEBJBF](https://www.edn.gov.kg/entry/WEBJBF).
11. Афанасьева, И. И. Международная образовательная миграция в эпоху современных глобальных трансформаций / И. И. Афанасьева, Д. С. Ушаков // Вестник Академии знаний. 2019. № 33 (4). С. 37–42. EDN [JOMQZM](https://www.edn.gov.kg/entry/JOMQZM).
12. Санникова, О. В. Некомпенсируемая образовательная миграция как проблема развития российского региона // Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 19–21. EDN [VCOJGH](https://www.edn.gov.kg/entry/VCOJGH).
13. Алексеева, Е. Н. Особенности и перспективы образовательной миграции в эпоху глобальных трансформаций // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2012. № 4. С. 113–136. EDN [PRGELV](https://www.edn.gov.kg/entry/PRGELV).
14. Апанович, М. Ю. Образовательная миграция в России: точки развития // Вестник науки и образования. 2015. № 9 (11). С. 79–82. EDN [UWYJGX](https://www.edn.gov.kg/entry/UWYJGX).
15. Ионцев, В. А. Тенденции международной миграции в глобализирующемся мире / В. А. Ионцев, И. А. Алешковкий // Век глобализации. 2008. № 2. С. 77–87. EDN [MTWMVX](https://www.edn.gov.kg/entry/MTWMVX).

Сведения об авторах

Письменная Елена Евгеньевна, доктор социологических наук, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); ПИНЦ SPIN-код: [2200-7304](https://www.spin.gov.kg/entry/2200-7304); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Сыдыгалиева Бегимай Абдырайымовна, аспирант, Кыргызско-Российский Славянский университет имени Б. Н. Ельцина, Бишкек, Кыргызстан.

Контактная информация: e-mail: bekadobrev@gmail.com, ORCID ID: [0000-0003-3646-0829](https://orcid.org/0000-0003-3646-0829); ПИНЦ SPIN-код: [5908-0114](https://www.spin.gov.kg/entry/5908-0114).

Статья поступила в редакцию 08.07.2024; принята в печать 10.09.2024.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

EDUCATIONAL MIGRATION IN KYRGYZSTAN: TRENDS AND PROSPECTS

Elena E. Pismennaya

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia
E-mail: nikitar@list.ru

Begimai A. Sydygalieva

Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: bekadobrev@gmail.com

For citation: Pismennaya, Elena E. Educational Migration in Kyrgyzstan: Trends and Prospects / E. E. Pismennaya, B. A. Sydygalieva. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 138–153. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.9](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.9).

Abstract. Educational migration in Kyrgyzstan has a socio-demographic structure that may vary depending on several factors, such as age, gender, nationality, educational level, etc. One of the main trends in educational migration to the Kyrgyz Republic is the increase in the number of students from neighboring countries - Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, as well as from the countries of Central Asia and the Caucasus. This is due to both economic reasons and historical ties and cultural similarities between these countries. Educational migration to Kyrgyzstan from India, Pakistan and other countries has a socio-demographic structure that differs from educational migration from other countries. One of the main factors that stimulates educational migration is the lack of quality education in the home country. Many students seek to get an education in the West, because it is considered to be of higher quality and more prestigious. In addition, educational migration can be caused by the desire to improve prospects in the labor market and get a highly paid job abroad. The article provides a forecast of the dynamics of educational migration in Kyrgyzstan. The authors believe that there will be a tendency towards an increase in educational migration in the country, which will have a positive impact on the economy of the Republic. The developed recommendations for improving the education management system in the Kyrgyz Republic contribute to the promotion and implementation of educational services aimed at students.

Keywords: migration, population, educational migration, students, foreign students

References:

1. Ravenstein, E. G. The Laws of Migration. *Journal of the Statistical Society of London*. 1885. Vol. 48, No. 2. Pp. 167–235. DOI [10.2307/2979181](https://doi.org/10.2307/2979181).
2. Szczepanski, J. *Elementarnyye ponyatiya sotsiologii [Elementary concepts of sociology]*. Moscow : Progress Publishing House, 1969. 230 p. (In Russ.).
3. Kurman, M. V. *Aktual'nyye voprosy demografii: demograficheskiye protsessy v SSSR v poslevoyennyy period [Actual issues of demography: demographic processes in the USSR in the post-war period]*. Moscow : Statistika Publishing House, 1976. 220 p. (In Russ.).
4. Perevedentsev, V. I. *Metody izucheniya migratsii naseleniya [Methods of studying population migration]*. Moscow : Nauka Publishing House, 1975. 232 p. (In Russ.).
5. Rybakovsky, L. L. *Demograficheskiy ponyatiymy slovar' [Demographic conceptual dictionary]*. Moscow : Center for Social Forecasting, 2003. 352 p. ISBN 5-98201-007-3P93. (In Russ.).
6. Eisenstadt, S. N. Institutionalization of Immigrant Behavior. *Human Relations*. 1952. Vol. 5, No. 4. Pp. 373–395. DOI [10.1177/001872675200500404](https://doi.org/10.1177/001872675200500404).
7. Johnson, J. H. Labour Migration Within Organizations: An Introductory Study / J. H. Johnson, J. Salt. *Tijdschrift voon Economische en Sociale Geografie*. 1980. Vol. 71, No. 5. Pp. 277–284. DOI [10.1111/j.1467-9663.1980.tb00900.x](https://doi.org/10.1111/j.1467-9663.1980.tb00900.x).

8. *Entsiklopediya statisticheskikh terminov [Encyclopedia of statistical terms]*. 8 vols. Vol. 5. Demograficheskaya i sotsial'naya statistika [Demographic and social statistics]. Moscow : Federal State Statistics Service, 2011. 482 p. (In Russ.).
9. Ryazantsev, S. V. *Trudovaya migratsiya v stranakh SNG i Baltii [Labor migration in the CIS and Baltic countries]*. Moscow : Formula prava Publishing House, 2008. 576 p. ISBN 978-5-8467-0049-9. (In Russ.).
10. Rostovskaya, T. K. Educational Migration as a Tool for Integrating Foreign Students into the Russian Socio-Cultural Environment / T. K. Rostovskaya, E. A. Knyazkova. *CITISE*. 2023. No. 3 (37). Pp. 200–209. DOI [10.15350/2409-7616.2023.3.17](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.3.17). (In Russ.).
11. Afanasyeva, I. I. International Educational Migration in the Era of Modern Global Transformations / I. I. Afanasyeva, D. S. Ushakov. *Bulletin of the Academy of Knowledge*. 2019. No. 33 (4). Pp. 37–42. (In Russ.).
12. Sannikova, O. V. Uncompensated Educational Migration as a Problem of Development of the Russian Region. *Theory and Practice of Social Development*. 2015. No. 24. P. 19–21. (In Russ.).
13. Alekseeva, E. N. Osobennosti i perspektivy obrazovatel'noy migratsii v epokhu global'nykh transformatsiy [Features and prospects of educational migration in the era of global transformations]. *Bulletin of Moscow University. Series 18: Sociology and Political Science*. 2012. No. 4. Pp. 113–136. (In Russ.).
14. Apanovich, M. Yu. Obrazovatel'naya migratsiya v Rossii: točki razvitiya [Educational migration in Russia: points of development]. *Bulletin of Science and Education*. 2015. No. 9 (11). Pp. 79–82. (In Russ.).
15. Iontsev, V. A. Tendentsii mezhdunarodnoy migratsii v globaliziruyushchemsya mire [International Migration Trends in a Globalizing World] / V. A. Iontsev, I. A. Aleshkovskiy. *The Age of Globalization*. 2008. No. 2. P. 77–87. 17. (In Russ.).

Bio notes

Elena E. Pismennaya, Doctor of Sociological Sciences, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: nikitar@list.ru; ORCID ID: [0000-0002-0401-2071](https://orcid.org/0000-0002-0401-2071); RSCI SPIN-code: [2200-7304](https://www.rsci.spin-code.org/2200-7304); Web of Science Researcher ID: [C-1344-2018](https://orcid.org/C-1344-2018); Scopus Author ID: [8731444800](https://orcid.org/8731444800).

Beginai A. Sydygalieva, Postgraduate Student, Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin, Bishkek, Kyrgyzstan.

Contact information: e-mail: bekadobrev@gmail.com, ORCID ID: [0000-0003-3646-0829](https://orcid.org/0000-0003-3646-0829); RSCI SPIN-code: [5908-0114](https://www.rsci.spin-code.org/5908-0114).

Received on 08.07.2024; accepted for publication on 10.09.2024.

The authors have read and approved the final manuscript.

ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10)EDN [ULAOFW](https://edn.ulaofw.ru)

УПРАВЛЕНИЕ МИГРАЦИОННЫМИ ПРОЦЕССАМИ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Леденева В. Ю.

Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

Для цитирования: *Леденева, В. Ю. Управление миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза: сравнительный анализ // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 154–166. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10). EDN [ULAOFW](https://edn.ulaofw.ru).*

Аннотация. В статье анализируются основные подходы и механизмы управления миграционными процессами в странах Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС). Рассматриваются как общие черты, так и различия в подходах к управлению. Цель статьи – сравнительный анализ миграционных политик стран-участниц ЕАЭС с акцентом на выявление ключевых проблем с учетом национальных особенностей. Новизна заключается в комплексном сравнительном анализе миграционного законодательства государств-участников Союза, который до настоящего времени не проводился. Представлена систематизация механизмов, применяемых для управления миграцией, их критическая оценка с точки зрения эффективности и влияния на миграционные процессы в регионе. В статье используется междисциплинарный подход, сочетающий анализ статистических данных, политических и стратегических документов стран-участниц. Предложены рекомендации по улучшению межгосударственного сотрудничества в сфере миграции и повышения эффективности управления миграционными процессами в рамках ЕАЭС, а также для разработки единой и согласованной миграционной политики Союза, что особенно актуально в контексте социальной динамики текущих геополитических вызовов.

Ключевые слова: ЕАЭС, миграционная политика, трудовые мигранты, нормативно-правовые акты, права мигрантов, Договор ЕАЭС

Введение

Евразийский экономический союз (ЕАЭС) был основан 29 мая 2014 г., когда лидеры России, Беларуси и Казахстана подписали договор, который вступил в силу 1 января 2015 года. Армения и Киргизия присоединились к данному Союзу в 2015 г. На пространстве ЕАЭС проживает более 183 млн человек. Союз был создан как экономическое объединение, основанное на свободном перемещении товаров, капитала, труда и услуг. Прошло уже десять лет, однако процессы интеграции продолжают развиваться. В частности, в сфере миграции идет формирование единой законодательной базы, основанной на понимании того, что в рамках Союза объединены государства с различными экономическими и демографическими показателями,

потенциалом и ресурсами. При этом необходимо учитывать, что дифференциация населения стран ЕАЭС по уровню жизни является существенным фактором перераспределения производительных сил, под воздействием которого происходит их саморегулирование в виде трудовой миграции на территории Союза [1, с. 28].

Миграционное законодательство, формирующееся в рамках ЕАЭС, за десять лет претерпело значительные изменения и сегодня играет критическую роль, влияя на социальную стабильность, экономическое развитие и международные отношения стран-участниц.

С созданием ЕАЭС в 2015 г. начала формироваться новая отрасль международного права – право ЕАЭС [2, с. 208], основой которой является Договор о Евразийском экономическом союзе¹ и иные правовые акты:

- Раздел 26 «Трудовая миграция» Договора о Евразийском экономическом союзе;
- Протокол об оказании медицинской помощи трудящимся государств-членов и членам семей (Приложение № 30 к Договору о Евразийском экономическом союзе);
- Соглашение о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств;
- Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г.;
- Акты Евразийской Экономической комиссии;
- прочие документы.

В разделе 26 «Трудовая миграция» Договора о Евразийском экономическом союзе предусмотрен ряд преференций для мигрантов из стран-участниц. В отличие от трудовых мигрантов из государств, не входящих в Союз, гражданам ЕАЭС не нужно оформлять разрешительные документы для трудоустройства в любой из стран Союза, на них не распространяются меры по защите национального рынка труда и правила миграционного учета, которые требуют регистрации и поиска работы в течение 30 дней, срок их пребывания и пребывания членов их семей определяется сроком, на который заключен трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем. Вместе с тем необходимо учитывать, что трудовая деятельность в рамках ЕАЭС регулируется законодательством о трудоустройстве страны приема.

Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) ЕАЭС, как ключевой орган, отвечает за управление трудовой миграцией. Комиссия включает Совет и Коллегию, которые принимают нормативно-правовые решения по вопросам миграции, обязательные для всех государств-членов, издает организационные распоряжения и рекомендации, не имеющие обязательного характера. Решения Комиссии входят в правовую систему Союза и подлежат непосредственному применению на территориях стран-участниц. Вопросами перемещения трудовых ресурсов, а также Соглашением о сотрудничестве по противодействию нелегальной трудовой миграции из третьих государств ведает Департамент трудовой миграции и социальной защиты

¹ «Договор о Евразийском экономическом союзе» (Подписан в г. Астане 29.05.2014) (ред. от 25.05.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 24.06.2024) // КонсультантПлюс : [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 17.05.2024).

ЕЭК [3, с. 16]. Кроме того, Департамент отвечает за мониторинг и контроль за реализацией положений Договора о трудовой миграции и иных соглашений в этой области, занимается разработкой двусторонних договоров и соглашений, направленных на улучшение условий для трудовых мигрантов и противодействие нелегальной миграции.

Миграционные процессы на пространстве ЕАЭС имеют ряд особенностей:

- наибольшие миграционные потоки связаны с перемещением временных трудовых мигрантов, а не долгосрочных;
- больше всего мигрантов направляется в Россию. В другие государства Союза поток мигрантов незначителен;
- среди стран ЕАЭС донором временной трудовой миграции выступает Кыргызстан;
- миграционная ситуация на пространстве ЕАЭС, в первую очередь, зависит от неравномерного развития экономических и демографических процессов.

Материалы и методы исследования

Для достижения целей нашего исследования использовались методы междисциплинарного подхода, включая анализ статистических данных, изучение политических и стратегических документов стран-участниц, анализ нормативно-правовой базы. Все эти методы позволили комплексно рассмотреть и оценить миграционные процессы в странах ЕАЭС. Стоит отметить, что изучение данных процессов не пользуется широким интересом среди исследователей, и не часто освещается в СМИ. Однако в последнее время появляются актуальные статьи, подчеркивающие уникальные особенности миграции в Союзе: о «спилловер-эффектах», оказывающих влияние на благосостояние населения государств, участвующих в интеграционных процессах [4], о способности иностранных работников из евразийского блока адаптироваться к кризисным ситуациям на рынке труда принимающей страны [5], анализируются вызовы и перспективы интеграции национальных миграционных политик и законодательства [6]. И все же исследовательских работ не так много, что показал контент-анализ российской научной электронной библиотеки eLibrary.ru. По запросу «трудовая миграция в ЕАЭС» в системе представлена только одна опубликованная работа, по запросу «ЕАЭС» из более 6 тыс. наименований публикаций лишь небольшое количество посвящено разным видам миграции. Большая часть научных исследований о миграции касается вопросов привлечения и пребывания трудовых мигрантов из других стран СНГ, в частности, Узбекистана и Таджикистана. Считается, что в рамках ЕАЭС ситуация с миграцией в целом находится под контролем. Однако такой взгляд может быть несколько упрощенным и не отражать полной картины. Несмотря на установленные правила и договоренности, существует множество скрытых проблем и нюансов, требующих более глубокого анализа и внимания.

Например, на уровне деклараций и официальной статистики страны-участницы ЕАЭС заявляют о стабильно функционирующей системе миграции. Тем не менее на практике сталкиваются с такими вызовами, как недостаточная интеграция рынка труда, отсутствие координации в области миграционной политики и

несогласованность в применении правовых норм. Эти проблемы часто остаются незамеченными и недооцененными, что создает иллюзию благополучия.

Более того, недостаток актуальной и детализированной статистики осложняет объективную оценку текущей ситуации. Многие миграционные процессы остаются непрозрачными, что затрудняет мониторинг и принятие своевременных мер. Также существуют проблемы, связанные с защитой прав мигрантов, обеспечением социальной интеграции и созданием благоприятных условий для их трудоустройства, которые требуют более пристального внимания. Как отмечает С. Гребенкина, «отсутствие ограничений для миграционных потоков может обуславливать как положительные, так и отрицательные последствия для устойчивого функционирования российского труда» [7].

Результаты и обсуждение

Анализ данных Департамента статистики Евразийской экономической комиссии, представленный в табл. 1, показывает динамику прибывших мигрантов в отдельные страны ЕАЭС из государств-членов ЕАЭС².

Таблица 1

**Миграционный профиль государств-членов ЕАЭС
(число лиц, прибывших и зарегистрированных в органах внутренних дел при
перемене постоянного места жительства, человек)**

Table 1

**The migration profile of the EAEU member States
(the number of persons who arrived and registered with the internal affairs bodies
when changing their permanent place of residence, people)**

Прибывшие из государств-членов ЕАЭС	2018	2019	2020	2021	2022
Армения	860	1 053	926	1 125	5 832
Республика Беларусь	8 257	12 321	-	-	-
Республика Казахстан	4 583	3 861	4 129	4 144	6 740
Кыргызская Республика	815	775	316	6 483	9 969
Российская Федерация	565 685	701 234	594 146	667 922	730 347

Источник: составлено автором по данным Департамента статистики Евразийской экономической комиссии³

В период с 2018 по 2021 г. количество зарегистрированных лиц, прибывших в Республику Армения, колебалось в диапазоне от 860 до 1 125 человек. В 2022 г. наблюдался значительный рост числа прибывших до 5 832 человек, что может быть связано с началом специальной военной операции (СВО) и увеличением миграционных потоков из России.

² Демография в цифрах. Статистика Евразийского экономического союза // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/publications/newsletters_collections_booklets/demography.php (дата обращения: 17.05.2024).

³ Динамические ряды // Евразийская экономическая комиссия : [сайт]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_stat/union_stat/current_stat/population/series/ (дата обращения: 17.05.2024).

Данные по Республике Беларусь доступны только за 2018 и 2019 гг., когда количество зарегистрированных прибывших составляло 8257 и 12321 человек соответственно. Отсутствие данных за 2020–2022 гг. не позволяет провести полный анализ динамики миграции.

Миграционные потоки в Республику Казахстан и Кыргызскую Республику также характеризуют геополитическую ситуацию, сложившуюся в 2022 г. Так, количество прибывших в Казахстан варьировалось с незначительными изменениями в течение 2018–2021 гг., но в 2022 г. произошло резкое увеличение числа прибывших – почти в два раза (с 3 861 человек в 2019 г. до 6 740 в 2022 г.).

В Кыргызстане данные показывают существенный рост количества прибывших в 2021 и 2022 гг. (6 483 и 9 969 человек соответственно) по сравнению с предыдущими годами.

Российская Федерация демонстрирует наиболее стабильный и высокий уровень миграционных потоков среди стран ЕАЭС с наибольшим числом прибывших, превышающий 500 000 человек ежегодно. Несмотря на начало СВО, в 2022 г. число прибывших достигло 730 347 человек, что является самым высоким показателем за анализируемый период.

Таким образом, анализ статистических данных о количестве прибывших показывает, что в большинстве государств ЕАЭС в динамике наблюдается увеличение числа зарегистрированных, прибывших в 2022 г., особенно в Армении и Кыргызской Республике, а Россия остается основным центром миграции, что связано с ее экономической привлекательностью и масштабами рынка труда.

Важность обмена статистической информацией о миграции в межгосударственном сотрудничестве – необходимый фактор политического взаимодействия. Недостаток статистики приводит к тому, что многие вопросы решаются на национальном уровне без учета общего контекста и специфики каждой из стран-участниц ЕАЭС. Поэтому в вопросах интеграции миграционного регулирования разработка мониторинга данных о миграции в странах Союза имеет особое значение.

Обратимся к миграционной нормативно-правовой базе каждой из стран ЕАЭС в отдельности.

Различные аспекты миграции в Армении регулируются Конституцией Республики, международными договорами, отдельными законами и решениями правительства [8, с. 119]. В Республике Армения регулирование миграционных вопросов находится в ведении Миграционной службы в составе Министерства территориального управления и развития. Правовое обеспечение миграционных процессов включает: Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации (2000 г.)⁴; Закон «О гражданстве Республики Армения»; Закон Республики Армения об иностранных лицах (принят

⁴Договор между Российской Федерацией и Республикой Армения о правовом статусе граждан Российской Федерации, постоянно проживающих на территории Республики Армения, и граждан Республики Армения, постоянно проживающих на территории Российской Федерации // Электронный фонд правовой и нормативно-технической информации : [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902293> (дата обращения: 03.06.2024).

25.12.2006)⁵. Ранее в Армении были приняты важные документы, касающиеся миграционной политики – «Стратегия миграционной политики Республики Армения на 2017–2021 гг.»⁶ и «План действий Стратегии»⁷. В Стратегии подчеркивалась необходимость поддержки армянских граждан, находящихся в эмиграции. В данном контексте необходимо отметить роль диаспор, выступающих посредниками между государством и армянскими гражданами, выезжающими на заработки в другие государства. Диаспора оказывает помощь в оформлении документов, решает правовые и социальные вопросы. Для Армении как донора миграционных потоков очень важно через диаспоры поддерживать связь со своими гражданами. В этом заключается главная особенность миграционной политики Республики Армения. Кроме того, в разные годы разрабатывались и принимались «Концепции государственного регулирования миграции в Армении» (2000, 2004 и 2010 гг.), которые также включали планы действий. Впрочем, дальнейшего развития эти документы не получили. Основными направлениями миграционной политики Республики Армения являются вопросы легальной миграции; международной защиты и поддержки своих граждан за рубежом; борьбы с нелегальной миграцией; взаимодействия с международными организациями по вопросам миграции.

Реализуются отдельные проекты и программы, в основном со стороны общественных и международных организаций при финансовой поддержке зарубежных стран и фондов. Однако многие реализуемые программы репатриации носят эпизодичный характер. В Армении актуальна проблема единой координации и систематизации существующих проектов и их эффективности. При наличии огромного не реализованного потенциала многомиллионной армянской диаспоры данный вопрос заслуживает более детального изучения и урегулирования на государственном уровне.

В Республике Беларусь ответственный государственный орган – Департамент по гражданству и миграции Министерства внутренних дел. Комплексная нормативно-правовая база регулирования миграции основана на Конституции Республики и включает: Закон «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь»⁸; Закон «Об изменении Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции»»⁹; раздел «Миграция» Государственной

⁵ Закон Республики Армения об иностранных лицах // Национальное собрание Республики Армения : [сайт]. URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?ID=2861&lang=rus&sel=show> (дата обращения: 03.06.2024).

⁶ Стратегия миграционной политики Республики Армения (Приложение к протокольному решению № 12 от 23 марта 2017 г.) // Государственная миграционная служба Армении : [сайт]. URL: <http://smsmta.am/?id=60220> (дата обращения: 03.06.2024).

⁷ План действий по эффективной реализации миграционной стратегии Республики Армения на 2017–2021 годы (Приложение к протокольному решению № 37 от 31 августа 2017 г.) // Государственная миграционная служба Армении : [сайт]. URL: <http://smsmta.am/?id=60224> (дата обращения: 03.06.2024).

⁸ Закон Республики Беларусь 4 января 2010 г. № 105-3 О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Республике Беларусь // Эталон-Online : [сайт]. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=H11000105> (дата обращения: 03.06.2024).

⁹ Закон Республики Беларусь 30 декабря 2022 г. № 233-3 Об изменении Закона Республики Беларусь «О внешней трудовой миграции» // Pravo.by : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=H12200233> (дата обращения: 03.06.2024).

программы «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 гг.¹⁰, Концепция миграционной политики на 2024–2028 гг.¹¹ В Беларуси действует строгая система регулирования трудовой миграции. Привлечение иностранных работников осуществляется на основании специальных разрешений, которые выдаются компетентными государственными органами. Трудовые мигранты обязаны получить разрешение на работу, а работодатели должны соответствовать ряду требований для их найма. Эта система направлена на контроль за количеством и квалификацией привлекаемых работников, а также на защиту национального рынка труда. Иностранцы, желающие трудоустроиться в РБ, могут заниматься поиском работы самостоятельно, используя Общереспубликанский банк вакансий, в котором информация о наличии свободных рабочих мест обновляется ежедневно. В нем есть сведения об имеющихся в организациях Республики вакансиях с предоставлением жилого помещения. А еще можно разместить информацию о себе в виде анкеты-резюме для просмотра ее нанимателями на сайте Государственной службы занятости.

В Республике Казахстан миграционная политика реализуется Комитетом миграционной службы Министерства внутренних дел. Комплекс нормативно-правовых документов регулирования миграции включает Конституцию Республики, законы «Об иммиграции»¹² и «О гражданстве Республики Казахстан»¹³, Указы Президента Республики Казахстан «О правовом положении иностранных граждан в Республике Казахстан», «О порядке предоставления политического убежища иностранным гражданам и лицам без гражданства в Республике Казахстан» и иные нормативно-правовые акты. В 2022 г. утверждена Концепция государственной миграционной политики РК на 2023–2027 гг.¹⁴, которая содержит 26 инициатив, направленных на совершенствование миграционной политики с учетом новых вызовов. В Концепции акцент сделан на образовательную миграцию. В частности, для повышения качества образования предусмотрено привлечение зарубежных преподавателей, расширение связей академической мобильности, наращивание образовательной инфраструктуры. Для развития бизнес-миграции разработана инвесторская виза, виза для востребованных профессий, специальная виза для цифровых кочевников «Neo Nomad Visa». Другими словами, Концепция миграционной политики Казахстана охватывает многие направления, которые позволяют регулировать отношения с государствами ЕАЭС.

¹⁰ Постановление Совета министров Республики Беларусь 14 декабря 2021 г. № 719 Об утверждении Государственной программы «Обеспечение правопорядка» на 2021–2025 годы // Pravo.by : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100719> (дата обращения: 03.06.2024).

¹¹ Постановление Совета министров Республики Беларусь 23 января 2024 г. № 48 Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Беларусь на 2024–2028 годы // Эталон-Online : [сайт]. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=c22400048&q_id=0 (дата обращения: 03.06.2024).

¹² Закон Республики Казахстан от 26 июня 1992 г. № 1437 Об иммиграции (Внесены изменения Законом РК № 154-1 от 11.07.97) // Zakon.kz : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1001223 (дата обращения: 03.06.2024).

¹³ О гражданстве Республики Казахстан. Закон Республики Казахстан от 20 декабря 1991 года 1017-ХП // Закон.Учет.kz : [сайт]. URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/history/Z910004800 /13.05.2020> (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁴ Об утверждении Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы // GOV.KZ : [сайт]. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/enbek/documents/details/383914?lang=ru> (дата обращения: 03.06.2024).

В Кыргызской Республике миграционными вопросами ведаёт Государственная служба миграции при Правительстве страны. Нормативно-правовая база основывается на следующих ключевых документах: Конституции Республики, международных соглашениях, законах «О внешней миграции»¹⁵, «О внешней трудовой миграции»¹⁶, «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике»¹⁷, «О гражданстве Кыргызской Республики»¹⁸, «Концепции миграционной политики на 2021–2030 гг.»¹⁹ Целью миграционной политики является разработка государственных программ, которые направлены на развитие образовательного, трудового, профессионального, культурного потенциала и создание системы защиты прав граждан Кыргызстана, находящихся за пределами страны. Уменьшение макроэкономических индексов развития Кыргызской Республики влияет на увеличение числа трудовых мигрантов в другие, более экономически развитые государства. Так как ВВП на душу населения в Российской Федерации выше, чем данный показатель в Кыргызской Республике, это является решающей причиной потока трудовой миграции из КР в РФ [9]. Ключевое направление миграционной политики Кыргызстана заключается в преодолении сложившихся негативных миграционных тенденций, включая возвратную миграцию, и сдерживание эмиграционных потоков, вызванных социально-экономической ситуацией в стране.

В Российской Федерации миграционное законодательство формируется на протяжении более 30 лет. Первыми правовыми актами в 1993 г. стали Законы «О беженцах»²⁰ и «О вынужденных переселенцах»²¹. С увеличением потока внешних трудовых мигрантов в начале 2000-х годов принимаются законы «О гражданстве»²², «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»²³, «О миграционном учете»²⁴. В 2018 году принята «Концепция государственной миграционной

¹⁵ Закон Кыргызской Республики от 17 июля 2000 года № 61 «О внешней миграции» // Zakon.kz : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30252607 (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁶ Закон Кыргызской Республики от 13 января 2006 года № 4 «О внешней трудовой миграции» // Zakon.kz : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30313144 (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁷ Закон Кыргызской Республики от 14 декабря 1993 года № 1296-XII «О правовом положении иностранных граждан в Кыргызской Республике» // Zakon.kz : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30211780 (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁸ Закон Кыргызской Республики от 18 декабря 1993 года № 1333-XII «О гражданстве Кыргызской Республики» // Zakon.kz : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30211796 (дата обращения: 03.06.2024).

¹⁹ Постановление Правительства Кыргызской Республики от 4 мая 2021 года № 191 «Об утверждении Концепции миграционной политики Кыргызской Республики на 2021–2030 годы» // Zakon.kz : [сайт]. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38444299 (дата обращения: 03.06.2024).

²⁰ Федеральный закон от 19 февраля 1993 г. N 4528-I «О беженцах» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/10105682/> (дата обращения: 06.06.2024).

²¹ Закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-I «О вынужденных переселенцах» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/10105693/> (дата обращения: 06.06.2024).

²² Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/184539/> (дата обращения: 06.06.2024).

²³ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/184755/> (дата обращения: 06.06.2024).

²⁴ Федеральный закон от 18 июля 2006 г. № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/12148419/> (дата обращения: 06.06.2024).

политики Российской Федерации на 2019–2025 гг.»²⁵ Целью миграционной политики заявлено создание миграционной ситуации, которая способствует решению задач в сфере социально-экономического, пространственного и демографического развития страны. В миграционное законодательство России часто вносятся изменения из-за текущей ситуации для более эффективного решения задач. Основными направлениями миграционной политики является привлечение временных трудовых ресурсов, интеграция мигрантов, академическая мобильность, гуманитарная миграция, возвращение соотечественников и другие.

Завершая краткий обзор, отметим, что миграционное законодательство государств-участников ЕАЭС в целом сформировано и соответствует миграционной ситуации каждой страны. Но остаются общие проблемы в миграционной сфере Союза. По мнению А. Г. Гришановой, «взаимное отсутствие «деликатной» дипломатии до сих пор не позволили эту роль перспективной интеграционной модели сыграть до сегодняшнего дня. И это важнейший методологический просчет на сегодняшний день, который сохраняется и в рамках ЕАЭС» [10, с. 73]. Остаются нерешенными вопросы:

- формирования системы организованного набора трудовых мигрантов. Например, Россия заключила соглашения об оргнаборе с Узбекистаном и Таджикистаном, вместе с тем со странами-участницами ЕАЭС такие соглашения пока не рассматриваются;

- разработки совместных государственных программ по домиграционной подготовке, обучению языку и профессиональным навыкам трудовых мигрантов с учетом потребностей рынков труда. В настоящее время разработка такого рода программ ведется в отношении граждан стран, которые не входят в ЕАЭС. Однако все чаще экспертами и руководителями диаспор поднимаются вопросы о необходимости домиграционной подготовки трудовых мигрантов государств-участников Союза. В основном речь идет о гражданах Кыргызстана, как страны-донора миграционных ресурсов;

- социокультурной адаптации мигрантов. Неподготовленные мигранты плохо адаптируются в местное сообщество и их проблемы вынуждены решать диаспоры. Либо адаптация происходит в замкнутых миграционных сообществах, что негативно влияет на отношение местного населения к мигрантам;

- преодоления реверсивного кросс-культурного шока при возвращении репатриантов на родину.

Актуальной остается проблема расширения сотрудничества интеграционного объединения со странами-наблюдателями. Особого внимания заслуживает анализ взаимоотношений Союза и Узбекистана в сфере трудовой миграции, где исследователи отмечают положительные факторы, способствующие укреплению рынка труда и защите прав узбекских мигрантов. Важно учитывать изменяющиеся политические условия, при которых Узбекистан, ранее стремившийся к полноправному участию в ЕАЭС, сейчас демонстрирует осторожность в данном вопросе [11; 12]. Тем

²⁵ Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. URL: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения: 06.06.2024).

не менее, несмотря на существующие разногласия, государства-участники ЕАЭС постепенно унифицируют миграционное законодательство в соответствии с системой международных соглашений. Так, в начале 2021 г. вступило в силу Соглашение о пенсионном обеспечении трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза от 20 декабря 2019 г. Основной целью Соглашения является формирование пенсионных прав трудовых мигрантов на тех же условиях и в том же порядке, что и для граждан страны трудоустройства – вне зависимости от мест предыдущей работы и проживания [13, с. 15].

С 1 июля 2021 г. в странах ЕАЭС работает унифицированная система поиска «Работа без границ». Эта платформа объединяет 5 национальных информационных систем по поиску работы, их базы вакансий и резюме. Чтобы ею воспользоваться, надо авторизоваться в национальной системе по трудоустройству и перейти в поисковую систему «Работа без границ».

Перспективы разработки единой концепции миграционной политики стран – участниц ЕАЭС

Разработка единой концепции миграционной политики стран, входящих в ЕАЭС, имеет значительный потенциал для совершенствования управления миграционными процессами и обеспечения прав мигрантов.

Для успешной реализации этой концепции необходимо учитывать следующие аспекты:

1. *Единые правила и стандарты.* Разработка унифицированных правовых норм и стандартов для регулирования миграции, включая процедуры регистрации, выдачи разрешений на работу и пребывание. Введение единых и упрощенных процедур для мигрантов из стран Союза будет способствовать упрощению процедур трудовой и образовательной миграции;

2. *Социальная защита и права мигрантов.* Обеспечение доступа мигрантов к социальной защите, здравоохранению и образованию наравне с гражданами принимающих стран. Гарантии защиты трудовых прав мигрантов, включая справедливую оплату труда и условия работы;

3. *Экономическая интеграция.* Обеспечение равных возможностей для трудоустройства мигрантов из государств-участников ЕАЭС, в т. ч. доступ к вакансиям и профессиональному обучению. В настоящее время система обучения рабочими специальностями не выстроена, хотя потребность в этом увеличивается в каждом году. Поддержка инвестиционной миграции, предпринимательской деятельности мигрантов с акцентом на господдержку наиболее значимых проектов;

4. *Единая статистическая база.* Единая информационная база статистических данных о миграционной ситуации на пространстве ЕАЭС и обмен такими данными между странами – важнейшие факторы управления миграционными процессами;

5. *Развитие информационных технологий и ресурсов,* информационная поддержка всех субъектов, так или иначе связанных с регулированием миграционных процессов, организация информационно-консультационных центров для мигрантов. В частности, актуализируются вопросы пересечения границы трудовыми мигрантами по id-картам. Все чаще граждане стран ЕАЭС (Казахстан, Киргизия, Украина, Беларусь) въезжают в Россию по id-картам – документам, удостоверяющим

личность; биометрические карты признаются странами-участницами ЕАЭС полноценными документами, однако карты не имеют отметок о пересечении границы. Отсутствие штампов в id-карте затрудняет проверку сроков пребывания иностранцев в России. Это создает определенные сложности для работодателей, которые не могут визуально определить, является ли въезд первичным или иностранец уже нарушил разрешенный срок пребывания. К сожалению, быстро получить информацию о пересечении границы иностранцем по id-карте невозможно. Запросы в МВД требуют времени, а прием на работу ограничен законом сроками.

Заключение

В статье рассмотрены основные аспекты миграционной политики государств-участников ЕАЭС. Проведен сравнительный анализ миграционного законодательства и выделены основные особенности в реализации миграционной политики каждой страны, входящей в Союз. В частности, страны с большим притоком мигрантов (Россия и Казахстан) ориентированы, с одной стороны, на ограничение низкоквалифицированных мигрантов, с другой стороны, на развитие механизмов приема, особенно высококвалифицированных и образовательных мигрантов. Государства с высоким оттоком мигрантов (Киргизия и Армения) ориентированы на защиту прав своих соотечественников за рубежом, возвращение и репатриацию соотечественников и создания условий для их реадaptации. Важно продолжать работу над гармонизацией единого миграционного законодательства ЕАЭС, что позволит существенно улучшить управление миграционными процессами и будет способствовать интеграционному потенциалу стран-участниц.

Список литературы

1. Абрамян, Д. М. Особенности социально-экономического развития стран ЕАЭС // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2022. № 1. С. 27–38. DOI [10.26653/2076-4650-2022-1-02](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-1-02). EDN [ANGACU](https://www.edn.ru/ANGACU).
2. Гаева, А. С. Миграционные процессы на евразийском пространстве // Россия и современный мир. 2019. № 1 (102). С. 207–222. DOI [10.31249/rsm/2019.01.14](https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.14). EDN [WRPMEH](https://www.edn.ru/WRPMEH).
3. Регулирование миграционных процессов в СНГ, ЕАЭС и Российской Федерации / сост. А. Н. Якимов, ред. Б. Л. Панич; ПСП-фонд. Санкт-Петербург, 2021. 64 с.
4. Шкиотов, С. В. Исследование спилловер-эффектов трудовой миграции на пространстве ЕАЭС / С. В. Шкиотов, М. А. Майорова, М. И. Маркин // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 1 (111). С. 17–24. DOI [10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458](https://doi.org/10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458). EDN [LKZTTW](https://www.edn.ru/LKZTTW).
5. Ходеева, Е. П. Анализ современных особенностей миграции населения в странах ЕАЭС // Инновационная наука. 2024. № 4–1. С. 142–145. EDN [PQRCKU](https://www.edn.ru/PQRCKU).
6. Егорова, Е. Н. Правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе и его странах-наблюдателях (на примере Республики Узбекистан) // Миграционное право. 2022. № 3. С. 37–40. DOI [10.18572/2071-1182-2022-3-37-40](https://doi.org/10.18572/2071-1182-2022-3-37-40). EDN [LGOZKV](https://www.edn.ru/LGOZKV).
7. Гребенкина, С. А. Анализ подходов к обеспечению устойчивости рынка труда на фоне миграционных потоков из стран ЕАЭС // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15, № 5. С. 33. EDN [LUMXGW](https://www.edn.ru/LUMXGW).
8. Айрапетян, Э. М. Социологические подходы к регулированию миграционных процессов на постсоветском пространстве // Научная мысль. 2020. Т. 13, № 3–1(37). С. 113–122. EDN [CCCCFN](https://www.edn.ru/CCCCFN).
9. Кошоев, Ч. М. Развитие миграционных процессов в Кыргызской Республике: перспективы, проблемы и сценарии // Сегодня и завтра Российской экономики. 2021. № 105–106. С. 17–26. DOI [10.26653/1993-4947-2021-105-106-02](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2021-105-106-02). EDN [LPSRKZ](https://www.edn.ru/LPSRKZ).
10. Гришанова, А. Г. Трансформация миграционной политики в координатах Стратегии пространственного развития РФ на период до 2025 года // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2020. № 6. С. 67–77. DOI [10.26653/2076-4685-2020-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-6-05). EDN [TLINKB](https://www.edn.ru/TLINKB).

11. Узбекистан и ЕАЭС: перспективы и потенциальные эффекты экономической интеграции. Доклады и рабочие документы 21/2 / Е. Винокуров, Т. Цукарев, А. Ахунбаев [и др.] Москва : Евразийский банк развития, 2021. 69 с.

12. Исакулов, Ш. Н. Проблемы и возможности эффективного регулирования внешней трудовой миграции в Республике Узбекистан // Народонаселение. 2021. Т. 24, № 4. С. 161–174. DOI [10.19181/population.2021.24.4.13](https://doi.org/10.19181/population.2021.24.4.13). EDN [JKUQJC](https://www.edn.ru/jkuqjc).

13. Полетаев, Д. А. Аналитический отчет. Решение проблем трудовой миграции в контексте Евразийского Союза. Вена: Международный центр по развитию миграционной политики (ICMPD), 2019. 22 с.

Сведения об авторе

Леденева Виктория Юрьевна, доктор социологических наук, доцент, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; ПИНЦ SPIN-код: [3331-0909](https://www.spin-portal.ru/author/3331-0909); ORCID ID: [0000-0002-9478-2917](https://orcid.org/0000-0002-9478-2917); Web of Science Researcher ID: [AAU-6083-2021](https://www.researcherid.org/AAU-6083-2021); Scopus Author ID: [57208709009](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57208709009).

Статья поступила в редакцию 28.06.2024; принята в печать 02.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION MANAGEMENT IN THE COUNTRIES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: A COMPARATIVE ANALYSIS

Viktoriya Y. Ledeneva

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vy.ledeneva@yandex.ru

For citation: Ledeneva, Viktoriya Y. Migration Management in the Countries of the Eurasian Economic Union: A Comparative Analysis. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 154–166. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.10](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.10).

Abstract. The article presents a comparative analysis of migration management in the countries of the Eurasian Economic Union (hereinafter referred to as the EAEU). Both common features and differences in approaches to migration management are analyzed. The purpose of the article is a comparative analysis of the migration policies of the EAEU member states with an emphasis on identifying key problems and specific features, considering national peculiarities in the management of migration processes. The novelty lies in a comprehensive comparative analysis of the migration legislation of the EAEU member states, which has not been conducted so far. The article presents a systematization of the mechanisms used to manage migration, as well as their critical assessment in terms of effectiveness and impact on migration processes in the region. The article uses an interdisciplinary approach combining the analysis of statistical data, political and strategic documents of the participating countries. The study offers recommendations for improving interstate cooperation in the field of migration and improving the efficiency of migration management within the EAEU, as well as for developing a unified and coordinated migration policy of the Union, which is especially relevant in the context of the social dynamics of current geopolitical challenges.

Keywords: The EAEU, migration policy, migrant workers, regulatory legal acts, migrant rights, the EAEU Treaty

References

1. Abrahamyan, D. M. Features of Socio-Economic Development of the EAEU Countries. *Scientific Review. Series 1: Economics and Law*. 2022. No. 1. Pp. 27–38. DOI [10.26653/2076-4650-2022-1-02](https://doi.org/10.26653/2076-4650-2022-1-02). (In Russ.).

2. Gaeva, A. S. Migration Processes in the Eurasian Space. *Russia and the Contemporary World*. 2019. No. 1 (102). Pp. 207–222. DOI [10.31249/rsm/2019.01.14](https://doi.org/10.31249/rsm/2019.01.14). (In Russ.).

3. *Regulirovaniye migratsionnykh protsessov v SNG, YEAES i Rossiyskoy Federatsii [Regulation of migration processes in the CIS, the EAEU and the Russian Federation]* / ctr. A. N. Yakimov, ed. B. L. Panich ; PSP-Fond. St. Petersburg, 2021. 64 p. (In Russ.).
4. Shkiotov, S. V. Case Study of Spillover Effects of Labor Migration in the EAEU / S. V. Shkiotov, M. A. Mayorova, M. I. Markin. *Universum: Economics and Law*. 2024. No. 1 (111). Pp. 17–24. DOI [10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458](https://doi.org/10.32743/UniLaw.2024.111.1.16458). (In Russ.).
5. Khodeeva, E. P. Analiz sovremennykh osobennostey migratsii naseleniya v stranakh YEAES [Analysis of contemporary features of population migration in the EAEU countries]. *Innovatsionnaya nauka [Innovative Science]*. 2024. No. 4–1. Pp. 142–145. (In Russ.).
6. Egorova, E. N. Legal Regulation of Labor Migration in the Eurasian Economic Union and in EAEU Observer Countries (On the Example of the Republic of Uzbekistan). *Migration Law*. 2022. No. 3. Pp. 37–40. DOI [10.18572/2071-1182-2022-3-37-40](https://doi.org/10.18572/2071-1182-2022-3-37-40). (In Russ.).
7. Grebenkina, S. A. Analysis of Approaches to Ensuring the Sustainability of the Labor Market Against the Backdrop of Migration Flows from the EAEU Countries. *Eurasian Scientific Journal*. 2023. Vol. 15, No. S5. P. 33. (In Russ.).
8. Hayrapetyan, E. M. Sociological Approaches to the Regulation of Migration Processes in the Post-Soviet Space. *Nauchnaya mys' [Scientific thought]*. 2020. Vol. 13, No. 3–1(37). Pp. 113–122. (In Russ.).
9. Koshoev, Ch. M. Development of Migration Processes in the Kyrgyz Republic: Outlook, Challenges and Scenarios. *Today and Tomorrow of Russian Economy*. 2021. No. 105–106. Pp. 17–26. DOI [10.26653/1993-4947-2021-105-106-02](https://doi.org/10.26653/1993-4947-2021-105-106-02). (In Russ.).
10. Grishanova, A. G. Transformation of Migration Policy in the Coordinates of the Spatial Development Strategy of the Russian Federation for the Period till 2025. *Scientific Review. Series 2: Humanities*. 2020. No. 6. Pp. 67–77. DOI [10.26653/2076-4685-2020-6-05](https://doi.org/10.26653/2076-4685-2020-6-05). (In Russ.).
11. *Uzbekistan i YEAES: perspektivy i potentsial'nyye efekty ekonomicheskoy integratsii [Uzbekistan and the EAEU: Prospects and Potential Effects of Economic Integration]*. Reports and Working Papers 21/2 / E. Vinokurov, T. Tsukarev, A. Akhunbaev [et al.] Moscow : Eurasian Development Bank, 2021. 69 p.
12. Isakulov, Sh. N. Problems and Opportunities for Effective Regulation of Labor Migration in the Republic of Uzbekistan. *Population*. 2021. Vol. 24, No. 4. Pp. 161–174. (In Russ.).
13. Poletaev, D. A. *Analiticheskiy otchet. Resheniye problem trudovoy migratsii v kontekste Yevraziyskogo Soyuza [Analytical report. Addressing Labor Migration Issues in the Context of the Eurasian Union]*. Vienna : International Centre for Migration Policy Development (ICMPD), 2019. 22 p. (In Russ.).

Bio note

Viktoriya Y. Ledeneva, Doctor of Sociological Sciences, Docent, Chief Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vy.ledeneva@yandex.ru; RSCI SPIN-code: [3331-0909](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=3331-0909); ORCID ID: [0000-0002-9478-2917](https://orcid.org/0000-0002-9478-2917); Web of Science Researcher ID: [AAU-6083-2021](https://www.researcherid.com/rid/AAU-6083-2021); Scopus Author ID: [57208709009](https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorID=57208709009).

Received on 28.06.2024; accepted for publication on 02.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.11)EDN [WGXXZK](https://www.edn.by/edn/10.19181/demis.2024.4.3.11)

ДЕПОПУЛЯЦИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКИ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Злотников А. Г.

Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель, Беларусь

E-mail: zlot@tut.by

Для цитирования: *Злотников, А. Г. Депопуляция и ограничения демографической статистики в Республике Беларусь // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 167–181. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.11). EDN [WGXXZK](https://www.edn.by/edn/10.19181/demis.2024.4.3.11).*

Аннотация. Рассматриваются проблемы в демографических процессах Республики Беларусь. Анализируются перепады в современных демографических «волнах» Беларуси. Приводятся доводы, что репродуктивным процессам Республики свойственны изменения по депопуляционной спирали. Обосновывается озабоченность перспективами ее демографического развития. Отмечаются проблемы государственной демографической политики в преодолении депопуляции. Освещается состояние белорусской демографической науки по выработке подходов в деле реализации демографической политики. Дается характеристика управленческих решений, как их позитивной, так и негативной роли в осуществлении демографической политики. Показывается значимость Концепции национальной безопасности Республики Беларусь и роль в ней обеспечения демографической безопасности. В свете Концепции национальной безопасности страны исследуются последствия ограничений статистической информации для демографической науки и демографической политики Беларуси. Выявляется роль демографической информации в обеспечении национальной безопасности Республики. Раскрываются результаты механизма пересчета населения от итогов переписи населения 2019 г. Излагаются методические подходы расчета показателей репродуктивной ситуации Беларуси в 2020–2023 гг. в условиях ограничения демографической статистики.

Ключевые слова: Республика Беларусь, демографические процессы, демографические «волны», демографические «ямы», демографическая политика, демографическая безопасность, демографические перспективы, демографическая информация, депопуляционная спираль, пересчет численности населения, демографическая наука

Введение

Реализация Закона Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», принятого в 2002 г.¹, в течение немногим более десяти лет положительно сказывалась на репродуктивных процессах в стране. Так, численность родившихся увеличилась с самого низкого уровня рождаемости в 2003 г. в 88 512 человек до 119 028 человек в 2015 г., что оказалось наивысшим показателем в демографической истории суверенной Беларуси. Но затем страна столкнулась с тенденцией снижения рождаемости, которая в 2016 г. составила 117 779 человек. Далее сокращение шло по резко снижающейся экспоненте: 2017 г. – 102 558 человек, 2018 г. – 94 042 человек, а в 2019 г. рождаемость упала ниже уровня 2003 г., составив 87 608 человек².

¹ Закон РБ № 80-3 от 04.01.2002. О демографической безопасности Республики Беларусь // Белзакон.net : [сайт]. URL: https://belzakon.net/Законодательство/Закон_РБ/2002/1218 (дата обращения: 20.05.2024).

² Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сборник. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. 429 с. ISBN 978-985-7184-69-9.

Причины такого значительного снижения рождаемости изложены в авторских статьях «Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси» и «Источники нового витка депопуляции в Беларуси» [1; 2]. Выполненные на основе конкретных статистических данных, они характеризуют демографическое развитие Республики Беларусь по трендам депопуляционной спирали. Концепцией национальной безопасности страны (далее Концепция), принятой в апреле 2024 г. Всебелорусским народным собранием³, эти тенденции отнесены как ко внутренним, так и внешним демографическим угрозам национальной безопасности государства.

В статье 57 Концепции основными направлениями нейтрализации внутренних источников угроз в демографической сфере Беларуси определены: «всестороннее стимулирование рождаемости, обеспечивающее простое воспроизводство населения, укрепление института семьи, недопущение ее деградации, сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей; снижение смертности, увеличение продолжительности жизни, охрана здоровья матери и ребенка, сохранение репродуктивного и общего здоровья населения». К важнейшим направлениям защиты от внешних угроз отнесены: «оптимизация миграционных процессов, создание условий для уменьшения эмиграции, сохранение интеллектуального и трудового потенциала республики, привлечение высококвалифицированных кадров из-за рубежа, а также активное противодействие незаконной миграции».

Концепция предусматривает «антикризисное реагирование на риски, вызовы и угрозы национальной безопасности, для чего требуется осуществление анализа (мониторинга), оценки ситуации, прогнозирования ее развития и возможных негативных последствий, выработка предложений по совершенствованию оперативного реагирования на вызовы и угрозы национальной безопасности Беларуси». Антикризисное реагирование в деле нейтрализации угроз должно осуществляться системно и комплексно на межведомственном уровне. Современное состояние демографической науки Республики, как и сами демографические процессы, находится в глубоком кризисе. Это кризисное состояние демографической науки и, соответственно, демографической политики отражает ситуация, сложившаяся в их современном информационном обеспечении.

Ключевая цель настоящей статьи в условиях ограничения статистической демографической информации в Республике Беларусь состоит в выявлении проблем в решении национальной демографической безопасности страны. Ее составными задачами являются: анализ перепадов в современных демографических «волнах» Беларуси; обоснование того, что репродуктивным процессам страны свойственны изменения по депопуляционной спирали; освещение роли управленческих решений в реализации демографической политики и демографической информации в обеспечении национальной безопасности государства; обоснование методики расчета показателей репродуктивной ситуации в Беларуси в 2020–2023 гг. в условиях ограничения данных демографической статистики.

³ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь // Pravo.by : [сайт]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=P924v0005> (дата обращения: 20.05.2024).

Основная проблема современной демографической науки Республики Беларусь

Существенной проблемой белорусской демографической науки с начала третьего десятилетия нынешнего столетия стало исчезновение статистической демографической информации о процессах естественного и механического движения населения, за исключением общей численности населения и распределения ее по пятилетним возрастным когортам. Исчезла статистическая информация о рождаемости и смертности, миграции, численности пенсионеров, продолжительности жизни, оттоке кадров из IT-отрасли. С 2020 г. перестал публиковаться ежегодно ранее издаваемый важнейший для научного сообщества статистический сборник «Демографический ежегодник Республики Беларусь» (ранее «Население Республики Беларусь»). Прекращено издание регулярных ежемесячных и квартальных демографических бюллетеней. Исключением является обстоятельная публикация Белстатом итогов переписи населения Республики Беларусь 2019 г.⁴, материалы которой представлены в авторской статье «Репродуктивные процессы и репродуктивные установки в Беларуси» [3].

Постановлением Национального статистического комитета Республики Беларусь (Белстата) от 24 марта 2023 г. № 14 такая позиция белорусских статистических органов обосновывается тем, что раскрытие этих данных «может причинить вред национальной безопасности, общественному порядку, нравственности, правам и законным интересам юридических и физических лиц»⁵. На наш взгляд, наоборот не раскрытие, а сокрытие демографической информации затрагивает интересы и физических и юридических лиц, что наносит вред обеспечению национальной безопасности страны.

Их отсутствие, во-первых, способствует распространению различных домыслов о действительном состоянии демографического развития Беларуси, что негативно сказывается на имидже государства и его социальной политике. К примеру, в Интернете в связи с пересчетом отдельных демографических показателей на основе полученных итогов переписи населения 2019 г. появились домыслы от его пользователей о якобы ежегодной 10%-й тенденции снижения в Беларуси уровня рождаемости.

Во-вторых, а это – главное и существенное, ограниченность демографической информации лишает научное сообщество конкретной информационной базы как одной из основ разработки эффективной демографической политики, которая в этой связи в последнее время приобрела ведомственный характер. Сокрытие детальной статистической демографической информации от научной общественности наносит вред демографической науке и проведению адекватной современным реалиям демографической политики. Здесь значительная роль принадлежит реализации социальной направленности государственной демографической политики, что зависит от специалистов разнообразного профиля и прежде всего

⁴ Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года : стат. сборник. Т. 2. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2021. 491 с. ISBN 978-985-7239-41-2.

⁵ Белстат уточнил порядок распространения и представления статистической информации // БелТА : [сайт]. 05.04.2023. URL: <https://www.belta.by/society/view/belstat-utochnil-porjadok-rasprostraneniya-i-predstavleniya-statisticheskoy-informatsii-559421-2023/> (дата обращения: 25.05.2024).

демографов, чьи рекомендации и выводы должны базироваться на конкретных данных, но, к сожалению, лишенных ныне такой фактической статистической информации. И тем самым указанное Постановление, якобы ратующее за обеспечение прав и законных интересов физических лиц, направлено против этих прав и интересов. Отметим, что в данной связи, несмотря на возрастающую политическую, социальную и экономическую значимость демографических процессов, наблюдается и сокращение защит диссертационных работ по демографической проблематике. Соответственно свертывается деятельность демографических подразделений академических институтов.

Впрочем, эта ситуация демографической науке Беларуси не нова. В 1960–1970-х гг. в открытой печати отсутствовала информации о миграционных процессах. Так, пионерские диссертации белорусских ученых по проблемам миграции А. Н. Пешковой «Миграция населения Белорусской ССР» (Ростов-на-Дону, 1968 г.) [4] и Л. Е. Тихоновой «Социально-экономические аспекты миграции населения БССР» (Москва, 1982 г.) [5] защищались под грифом «Для служебного пользования» (ДСП). При защите диссертации «Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов Белорусской ССР)» (Москва, 1978 г.) [6] по проблеме, именуемой ныне в теории миграции как релокант, что означает людей, меняющих свое месторасположение (работу или жилье), автору настоящей статьи также пришлось столкнуться с проблемой ДСП. Получив отказ в Минске от органов по охране государственных тайн в печати на разрешение открытого тиражирования автореферата, пришлось обращаться в соответствующий орган в Москве, от которого разрешение было получено. Хотя, естественно, печатание указанного автореферата осуществлялось в Минске.

С 1970-х гг. в статических сборниках исчезла информация об уровнях рождаемости и смертности в Беларуси [7, с. 33], которые в то время приобрели отрицательные тенденции: рождаемость снижалась, а смертность росла. Позже, во второй половине 1980-х гг. и за прошедшие 1971–1974 и 1976–1979 гг., эта статистика *post factum* в сборниках появилась. Но современные пользователи статистики динамических рядов, впрочем, как даже и молодые ученые, считают, что такая информация была всегда.

Сегодня статистическая информация о репродуктивных и миграционных процессах стала недоступной не только физическим, но и юридическим лицам. Отдельные ученые, как физические лица, исследующие демографические процессы, и юридические лица, выполняющие исследования по государственным программам, лишены конкретной статистической информации. Несмотря на это, заведующий отделом социально-трудовых отношений Научно-исследовательского института труда Министерства труда и социальной защиты населения Республики Беларусь Г. В. Ридевский в сборнике научных статей Института экономики Уральского отделения РАН все же попытался дать комплексную оценку устойчивости демографического развития регионов Беларуси в условиях ограничений демографической информации [8]. Из-за отсутствия статистической демографической информации вынуждены переориентировать свои научные интересы и ученые-демографы институтов социологии и экономики НАН Беларуси, что также наносит ущерб

юридическим лицам. Это означает, что указанное Постановление Белстата не защищает права и законные интересы юридических и физических лиц, а лишь затрудняет их осуществление. И тем самым ситуация с недоступностью демографических данных наносит вред не только демографической науке Республики Беларусь, но и ее национальной безопасности, общественному порядку, нравственности.

Спиралеобразные демографические тенденции Беларуси в XXI столетии

Г. В. Ридевский на основе опубликованных Белстатом данных об общей численности населения Беларуси, ее областей, районов, городской и сельской местности, как специалист в области географии населения, дал укрупненную региональную и общую демографическую характеристику. В условиях ограниченности демографической информации автор этой статьи, следуя принципу «голь на выдумку хитра», на основе отдельных опубликованных Белстатом статистических данных попытался дать характеристику уровней и тенденций естественного движения демографических процессов после переписи населения Республики Беларусь 2019 г.

Исходными данными такого расчета является, во-первых, публикуемая на сайте Белстата информация о численности населения на начало года. Во-вторых, при отсутствии ранее существовавших данных, важными становятся сведения статистики о распределении этой численности по пятилетним возрастным когортам в разрезе мужского и женского населения. В-третьих, данные о демографических тенденциях прошлого периода, которыми также допустимо воспользоваться. В условиях ограниченности демографической информации на основе имеющихся отдельных данных, экстраполируя эти тенденции на 2020–2023 гг. все же с некоторой статистической погрешностью можно рассчитать ряд важных демографических показателей.

Белстатом осуществлен перерасчет численности населения межпереписного периода 2009–2019 гг. на основе итогов переписи населения 2019 г. Такой пересчет и корректировка показателей об общей численности населения межпереписного периода в связи с появлением новой информации являются распространенной стандартной международной практикой. В Беларуси пересчет численности населения от итогов прошедших переписей осуществляется не впервые. Так, в результате получения новой, более достоверной информации на основе сглаживания рядов динамики корректировались данные об общей численности населения и за межпереписные 1990–1998 и 2000–2008 гг., осуществленные от итогов переписей населения 1989, 1999, 2009 гг. Они прежде всего выявили тенденцию роста миграционного оттока населения Республики Беларусь. Показатели от общей численности населения на 1 января межпереписного периода 2010–2018 гг., как отметил Белстат, пересчитывались на основе итоговых данных переписи населения 2019 г. и текущих показателей естественного (разницы между числом родившихся и умерших) и текущего механического (разницы между численностью прибывшего и выбывшего населения) движения за 2010–2018 гг.

Пересчитанные на основе сглаживания рядов динамики измененные величины расходятся, имея тенденцию отклонения от ранее публикуемой текущей информации – от 4,4 тыс. человек в 2010 г. до 45,9 тыс. человек к 2019 г. (табл. 1). По

информации Onliner, начальник управления демографической статистики и статистики здравоохранения Белстата И. Е. Бичан пояснила, что такое расхождение данных о величине численности населения за годы между переписями 2009 и 2019 гг. появилось из-за проблем миграционного учета: «разница объясняется, как правило, недоучетом миграции». Этот недоучет она связывает с тем, что «граница с Россией у нас открыта и невозможно отследить всех выезжающих и приезжающих»⁶.

Таблица 1

Сравнение показателей общей численности населения Республики Беларусь до пересчета и после их пересчета от итогов переписей населения 2009 и 2019 гг. (человек, на начало года)

Table 1

Comparison of the total population of the Republic of Belarus before and after recalculation from the results of the 2009 and 2019 Population Censuses (people, at the beginning of the year)

Годы	До пересчета	Пересчет	Отклонение
2009	9 513 557	9 513 557	-
2010	9 499 972	9 495 608	4 364
2011	9 481 193	9 472 064	9 129
2012	9 465 150	9 451 221	13 929
2013	9 463 840	9 442 450	21 390
2014	9 468 154	9 443 972	24 182
2015	9 480 868	9 453 058	27 910
2016	9 498 364	9 469 093	29 271
2017	9 504 704	9 469 655	35 049
2018	9 491 823	9 448 312	43 511
2019	9 475 174	9 429 257	45 917

Источник: рассчитано автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

За период между переписями 2009 и 2019 гг. численность населения Республики Беларусь сократилась на 84 300 человек, в т. ч. за счет изменений в естественном движении за 2010–2018 гг. в 147 198 человек, что по пересчитанным данным означает, что страна вроде бы имеет положительное сальдо миграции. А это противоречит процитированному выше пояснению специалиста Белстата, но одновременно свидетельствует о сложностях современного учета миграционных процессов в демографическом развитии не только Беларуси, но и отражают межгосударственные миграционные потоки. При этом списывать все только на открытость границ между Республикой Беларусь и Российской Федерацией неправомерно. Тем не менее между Беларусью и Россией имеются проблемы учета миграционных процессов, о чем свидетельствуют разночтения статистики обоих союзных государств о ее масштабах (табл. 2).

В данной противоречивой статистической информации, на наш взгляд, за верные можно принять показатели Белстата о численности прибывших из Российской

⁶ Белстат пересчитал численность населения за 10 лет. Узнали почему // Onliner: [сайт]. 13.05.2021. URL: <https://people.onliner.by/2021/05/13/v-belstate-rasskazali> (дата обращения: 28.05.2024).

Федерации в Республику Беларусь, а в отношении численности прибывших из Беларуси в Россию – показатели Росстата, ибо и те и другие базируются на сведениях органов внутренних дел своих стран, фиксирующих реальное прибытие. Если взять белорусские данные текущего статистического учета выбытия граждан Беларуси в Россию за 2010–2019 гг., то Белстат зафиксировал показатели в 55 784 человек. Это в 2,4 раза меньше, чем по росстатовским данным прибытия белорусских граждан на постоянное место жительства из Беларуси в Россию, число которых составило 131 400 человек.

Таблица 2

Сравнительная характеристика миграционного белорусско-российского обмена, по данным текущего статистического учета за 2010–2019 гг. (человек)

Table 2

Comparative characteristics of the Belarusian-Russian migration exchange according to current statistical data for 2010–2019 (people)

Годы	Данные Белстата			Данные Росстата		
	Прибыло	Выбыло	Прирост	Прибыло	Выбыло	Прирост
2010	9 268	4 237	5 031	4 894	2 899	1 995
2011	9 666	4 953	4 713	10 182	2 622	7 560
2012	8 560	5 493	3 067	17 878	11 156	6 722
2013	9 150	4 378	4 772	12 012	9 456	2 556
2014	9 131	4 669	4 462	14 486	8 709	5 777
2015	7 837	5 137	2 700	14 087	11 053	3 034
2016	6 611	5 912	699	10 899	10 655	244
2017	6 025	6 125	- 100	17 059	7 760	9 299
2018	7 040	6 732	308	15 024	10 004	5 020
2019	10 440	8 148	2 292	14 879	10 445	4 434
2010–2019	83 728	55 784	27 944	131 400	84 759	46 641

Источник: Демографический ежегодник Республики Беларусь, 2019⁷; Демографический ежегодник России, 2021⁸

Кроме разрыва времени между отъездом из одной страны (т. е. из Беларуси) и оформлением документов как прибывших в другую страну (т. е. в Россию) есть и другие факторы такого значительного превышения численности прибывших граждан из Республики Беларусь на постоянное место жительства в Российскую Федерацию (данные Росстата) по сравнению с выбытием граждан из Беларуси на постоянное место жительства в Россию (данные Белстата). Эти размеры белорусской трудовой миграции, занятой на российском рынке труда, в условиях отсутствия таможенных барьеров между Беларусью и Россией в различные периоды колебалась от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. человек (2013–2019 гг.).

Несмотря на сложности учета миграционного движения населения основная проблема сокращения численности населения Беларуси связана с демографическими процессами, протекающими по депопуляционной спирали: негативные тенденции демографического прошлого отражают процессы демографического настоящего и формируют их демографическое будущее.

⁷ Демографический ежегодник Республики Беларусь : стат. сборник. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2019. 429 с. ISBN 978-985-7184-69-9.

⁸ Демографический ежегодник России. 2021 : стат. сб. / Росстат. Москва, 2021. 256 с.

Снижение числа родившихся за период предыдущей демографической «ямы» (1994–2003 гг.), низший показатель которого, как отмечено выше, в 2003 г. составил 88 512 человек, сказалось на появлении новой, более глубокой демографической «ямы» – сокращении рождаемости спустя более трех десятилетий. Гребень демографической «волны» за прошедшие годы текущего столетия достиг своего высокого уровня в 2015 г. Перепад между гребнем предыдущей демографической «волны» и демографической «ямой» отражает нисходящую демографическую спираль рождаемости, свидетельствуя о появлении эффекта соотношения невысокого уровня этого гребня и значительно низкой глубины демографической «ямы». Высота такого гребня зависит не только от предыдущих демографических волн, но и от демографической политики, способной в определенной степени повлиять на них.

В данной связи главными препятствиями по пути позитивного развития демографического будущего Республики Беларусь являются внутренние источники угроз демографической безопасности. Об этом свидетельствуют данные табл. 3, отражающие итоги естественного движения населения на рубеже столетий.

Таблица 3

Динамика масштабов рождаемости населения Республики Беларусь за период 1990–2019 гг. (человек)

Table 3

Dynamics of the birth rate of the population of the Republic of Belarus for the period 1990–2019 (people)

Годы	Родилось	Годы	Родилось	Годы	Родилось
1990	142 167	2000	93 691	2010	108 050
1991	132 045	2001	91 720	2011	109 147
1992	127 971	2002	88 743	2012	115 893
1993	117 384	2003	88 512	2013	117 997
1994	110 599	2004	88 943	2014	118 534
1995	101 144	2005	90 508	2015	119 028
1996	95 798	2006	96 721	2016	117 779
1997	89 586	2007	103 626	2017	102 556
1998	92 645	2008	107 876	2018	94 042
1999	92 975	2009	109 263	2019	87 608

Источник: данные Национального статистического комитета Республики Беларусь

Показатели естественного движения населения характеризуют, во-первых, тенденцию суженного спиралеобразного снижения числа родившихся, а, во-вторых, тенденцию расширяющегося спиралеобразного роста естественной убыли населения, связанной со смертностью и ростом миграционного оттока населения. Последнее формирует рост естественной убыли населения, составившей по данным табл. 4 за 1990–2019 гг. более 3,9 млн человек (3 914 823), что превышает его восполнения рождаемостью почти на четверть – на 23,8%. В результате чего потери по причинам естественного движения населения составили более 760 тыс. человек (762 262).

Таблица 4

**Динамика масштабов смертности населения Республики Беларусь
за 1990–2019 гг. (человек)**

Table 4

Dynamics of mortality rates in the Republic of Belarus for 1990–2019 (people)

Годы	Умерло	Годы	Умерло	Годы	Умерло
1990	109 582	2000	134 867	2010	137 132
1991	114 650	2001	140 299	2011	135 090
1992	116 674	2002	146 655	2012	126 531
1993	128 544	2003	143 200	2013	125 326
1994	130 003	2004	140 064	2014	121 542
1995	133 775	2005	141 857	2015	120 026
1996	133 422	2006	138 426	2016	119 379
1997	136 653	2007	132 993	2017	119 311
1998	137 296	2008	133 879	2018	120 053
1999	142 027	2009	135 097	2019	120 470

Источник: Данные Национального статистического комитета Республики Беларусь

В тенденциях рождаемости в Беларуси текущего столетия отмечается ее спиралеобразное снижение, на которое за почти четверть века пришлось более шестидесяти процентов ее уменьшения – с уровня 142 167 человек в 1990 г. до 88 512 человек в 2003 г. Потом рождаемость сменилась небольшим (около 35%) ростом в течение немногим более 10 лет (2004–2015 гг.). Затем опять началось сокращение – со значительно меньшего уровня, чем в 1990 г. – с 119 028 человек в 2015 г. до 87 608 человек в 2019 г. Это снижение, только за четыре года составившее 26,4%, является беспрецедентным показателем ухудшения репродуктивного процесса, свидетельствующего о сужении спиралеобразной тенденции снижения. Таким образом, демографические процессы Беларуси предшествующих периодов формируют еще меньшие уровни рождаемости, обуславливая продолжение таких негативных тенденций в будущем.

Противоположные спиралеобразные тенденции характеризуют процессы смертности в Республике Беларусь. При этом в 1992 г. число родившихся превысило число умерших более чем на 11 тыс. человек. В 1993 г. демографическое развитие Беларуси стало характеризоваться отрицательным сальдо естественно движения населения – величина смертности по сравнению с рождаемостью уже превысила такой же 11-тысячный показатель. Самого высокого уровня смертности страна достигла в 2002 г. – 146 555 человек, обуславливая при снижающейся рождаемости самую наивысшую в истории демографии суверенной Беларуси естественную убыль населения в 57,9 тыс. человек. Отметим, что в том же 2002 г. был принят Закон Республики Беларусь «О демографической безопасности в Республике Беларусь», реализация которого в течении немногим более 10-летнего периода положительно сказались на демографических процессах, прежде всего на росте рождаемости.

Процессы смертности характеризуются относительной инертностью, отражая прежде всего демографическое развитие предшествующих тенденций и процессов рождаемости более 60–70-летней давности. В 2001–2005 гг. смертность превышала показатель в 140 тыс. человек. В 2006–2011 гг. смертность снизилась до уровней от

133–138 тыс. человек. Самый низкий уровень смертности – немногим более 119 тыс. человек – отмечен в последнем десятилетии – в 2016–2017 гг. В следующих доковидных 2018–2019 годах наблюдался ее небольшой рост – соответственно 120 053 и 120 470 человек. Тенденции смертности ковидного и послековидного периодов отражены нами в статье «Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19» [9].

Подчеркнем, что самый минимальный показатель естественной убыли населения последнего десятилетия составил 998 человек в 2015 г. Далее развитие осуществлялось по растущей спирали. В результате чего в 2019 г. естественная убыль населения при относительно низком уровне смертности достигла самого высокого показателя в прошлом десятилетии, составив около 33 тыс. человек: в 2016 г. – 1 600 человек, в 2017 г. – 16 755 человек, в 2018 г. – 26 011 человек, в 2019 г. – 32 868 человек.

Демографические процессы в Республике Беларусь в контексте проблем ограниченности статистической информации

С начала текущего десятилетия демографическое развитие Беларуси характеризуется беспрецедентным сокращением численности населения. Если за десятилетие между последними национальными переписями численность населения страны сократилась на 90,4 тыс. человек, то лишь за один 2021 г. это сокращение оказалось более значительным – 94,1 тыс. человек. А за годы после последней переписи численность населения Беларуси уменьшилась на 257,4 тыс. человек⁹. Это означает, что, если ежегодная убыль населения за последнее межпереписное десятилетие составляла 9 036 человек, то за годы после данной переписи она стала почти в 5,9 раза больше – 53 207 человек, что привело к снижению численности населения страны до 9 155 978 человек на начало 2024 г. Такого уменьшения численности населения (более чем на четверть миллиона за короткий срок) не было за всю историю суверенного развития Республики Беларусь.

Каков «вклад» в эту не совсем радостную картину отдельных видов демографических явлений белорусская статистика не дает, однако мы попытались это восполнить. Наши расчеты основываются на частично публикуемой статистическими органами о тенденциях изменений в пятилетних возрастных когортах информации и определения доли родившихся в возрасте 0–4 года на основе метода передвижки возрастов. Они в последних годах, по которым Белстат публиковал данные о рождаемости, составили соответственно в 2018 и 2019 гг. коэффициенты 0,1619892 и 0,1572437. Что позволяет рассчитать в пределах некоторой статистической погрешности показатель рождаемости в годы, скрываемые белорусской статистикой.

При значительном уменьшении численности населения в возрасте 0–4 года (на начало 2020 г. – 520 478 человек, 2021 г. – 482 898 человек, 2022 г. – 444 851 человек, 2023 г. – 416 021 человек¹⁰), естественно, снижается и число родившихся младенцев

⁹ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 : стат. сборник. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2023. 322 с. ISBN 978-985-7307-61-6; Численность населения на 1 января 2024 г. и среднегодовая численность населения за 2023 год по Республике Беларусь в разрезе областей, районов, поселков городского типа : стат. бюллетень. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2024. 30 с.

¹⁰ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 : стат. сборник. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2023. 322 с. ISBN 978-985-7307-61-6.

в возрастной структуре 0–4 года. Распространение вышеуказанных коэффициентов на 2020–2023 гг. дает расчетную численность родившегося белорусского населения. С учетом некоторой статистической погрешности рождаемость составила в 2020 г. – в пределах от 84 312 до 81 842 младенцев, в 2021 г. – от 78 224 до 75 933 человек, в 2022 г. – от 72 061 до 69 950 человек, в 2023 г. – от 67 391 до 65 417 человек (табл. 5).

Таблица 5

Расчет уровня рождаемости в Республике Беларусь в 2020–2023 гг. в условиях ограниченности статистических демографических данных (человек)

Table 5

Calculation of the birth rate in the Republic of Belarus in 2020–2023 in conditions of limited statistical demographic data (people)

Годы	Родилось за год	Численность в возрасте 0–4 года, на начало года	Расчет родившихся при коэффициенте:	
2015	119 028	573 012	0,2077234	
2016	117 779	585 524	0,2011514	
2017	102 556	584 097	0,1726250	
2018	94 042	580 545	-	0,1619892
2019	87 608	557 148	0,1572347	-
2020	-	520 478	81 842	84 312
2021	-	482 898	75 933	78 224
2022	-	444 851	69 950	72 061
2023	-	416 021	65 417	67 391

Источник: рассчитано автором на основе данных Национального статистического комитета Республики Беларусь

Анализ гендерной рождаемости как важнейшего объективного фактора репродуктивных процессов показывает, что снизившаяся демографическая база (количество родившихся девочек) перспективной потенциальной рождаемости в Республике Беларусь еще более угрожает обострению демографической ситуации. Ежегодная численность женщин активного репродуктивного возраста (родившихся в 1996–2006 гг.) оказалась менее 45 тыс. человек. К 2016 г. их численность выросла, достигнув максимального уровня немногим более 57 тыс. Но с 2017 г. она резко сузилась: сначала в 2017 г. – более чем на 7 тыс., в 2018 г. – более чем на 4 тыс., затем в 2019 г. – еще более чем на 3 тыс. девочек. А всего за 5 лет репродуктивный потенциал сократился почти на 20 тыс. потенциальных матерей. По расчетам автора, численность родившихся девочек (потенциальных матерей) в 2020 г. составляет приблизительно 40 460 человек, в 2021 г. – 39 040 человек, в 2022 г. – 34 560 человек и в 2023 г. – 32 340 человек. Что значит, что только за последние четыре года стало меньше еще на 10,5 тыс. потенциальных матерей. В итоге это еще более значительно повлияет на сокращение рождаемости и уменьшение численности населения белорусского государства к 2050 и в последующие годы.

В сокращении численности населения страны наряду со снижением показателей репродуктивного процесса значимая доля принадлежит росту смертности. В связи с сокрытием таких показателей воспользуемся данными об изменениях в возрастной структуре численности населения старше трудоспособного возраста. При

этом учтем, что данной возрастной когорте свойственно снижение миграционной мобильности. Итак, на начало года численность населения старше трудоспособного составила: в 2020 г. – 2 315 589 человек, 2021 г. – 2 269 167 человек, 2022 г. – 2 195 177 человек, в 2023 г. – 2 163 728 человек¹¹. Очевидно, что сокращение за последние три года более чем на 150 тыс. населения этого возраста (в т. ч. в 2020 г. – на 46 422 человек, в 2021 г. – на 73 390 человек, в 2022 г. – еще на 31 449 человек) связано с ростом смертности.

Заключение

Публиковавшие ранее данные о сложившихся репродуктивных процессах за более чем 30-летний период свидетельствуют о негативных демографических перспективах Республики Беларусь. Во-первых, они выявляют, что единственным источником демографического развития белорусского государства является рождаемость, которая, во-вторых, имеет постоянную тенденцию к значительному уменьшению.

Именно этим – сокращением репродуктивной демографической базы – белорусские статистики объясняют негативные демографические процессы в стране. Действительно, такое уменьшение имеет место. Но значительным фактором резкого обострения демографической ситуации в Республике и снижения рождаемости, а это, в-третьих, явились решения субъектов управления, основанные на сугубо ведомственных интересах.

Негативную значимость последнего обстоятельства отразило обострение в репродуктивной сфере, связанное с отменой с начала 2016 г. учета в общем трудовом стаже, необходимом для расчета пенсии, периода нахождения женщин в «декретном» отпуске и больничных по уходу за ребенком. С данного периода рождаемость протекала по резко убывающей экспоненте. Этот сугубо ведомственный подход, отвечающий интересам министерства финансов, нанесший вред демографическим процессам, был отменен только спустя пятилетие.

Ведомственным интересам отвечает и ситуация, связанная с запретом публиковать информацию о состоянии демографических процессов после переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Поэтому долг ученого, обеспокоенного демографическим будущим страны, указать на эту важнейшую проблему демографической науки как фактологической основы демографической политики и отразить состояние репродуктивных процессов в условиях ограниченности статистической демографической информации.

В Республике Беларусь и в Российской Федерации наблюдаются сходные депопуляционные процессы. Но в целом при одинаковых демографических проблемах, схожих демографических вызовах и угрозах существуют различные научные подходы. В России научному сообществу доступна демографическая информация своей страны. Иная ситуация сложилась в Беларуси. Скрытие детальной статистической демографической информации от научной общественности наносит вред демографической науке и демографической политике государства. Здесь

¹¹ Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2023 : стат. сборник. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2023. 322 с. ISBN 978-985-7307-61-6.

значительная роль принадлежит реализации социальной направленности государственной демографической политики, что зависит от специалистов разного профиля и прежде всего демографов, чьи рекомендации и выводы должны базироваться на фактических данных, но, к сожалению, ныне они лишены такой объективной статистической информации.

Со статистической погрешностью в пределах 3–5% даже в условиях ограниченности демографической информации мы рассчитали показатели рождаемости за 2020–2023 гг. Это будет весьма интересно, ведь спустя какое-то время, когда статистические органы все же опубликуют эти данные, можно будет убедиться в степени правильности или ошибочности данного анализа и имеющих место расчетов. Тем более, что статистические органы после проведения переписей населения осуществляют пересчет (корректируют) данных о численности населения на начало текущих годов межпереписного периода.

Демографические процессы в Республике Беларусь осуществляются по депопуляционной спирали: негативные тенденции демографического прошлого отражают демографическое настоящее и формируют демографическое будущее. Естественное движение населения характеризуют, во-первых, тенденция суженного спиралеобразного снижения рождаемости, и, во-вторых, расширяющийся спиралеобразный рост естественной убыли населения.

По расчетным данным автора, уровень рождаемости в 2021 г. стал значительно меньше 80 тыс. А в 2022 г. он упал до уровня чуть более 70 тыс. и в 2023 г. оказался ниже 70 тыс. Причем, если в 2016 г. родилось потенциальных матерей (девочек) более 57 тыс., то менее чем за десятилетие потенциальная репродуктивная база, т. е. количество потенциальных матерей, сократилась почти на 25 тыс. человек. Отсюда не трудно понять, с какими сложностями в своем демографическом развитии через 20–30 лет столкнется Республика Беларусь, а следовательно, и ее производственные и непроизводственные сферы.

В этой связи своевременной и системной является Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, предусматривающая антикризисное реагирование на риски, вызовы и угрозы национальной безопасности. Это касается и демографической безопасности, для чего требуются осуществление анализа (мониторинга), оценка ситуации, прогнозирование ее развития и возможных негативных последствий, выработка предложений по совершенствованию оперативного реагирования на вызовы и угрозы национальной безопасности страны. Антикризисное реагирование в деле нейтрализации угроз должно осуществляться на межведомственном и междисциплинарном уровнях, в которых не последняя роль принадлежит демографической науке.

Список литературы

1. Злотников, А. Г. Экспертиза современной репродуктивной ситуации в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2017. № 3. С. 59–68. EDN [YRXANV](#).
2. Злотников, А. Г. Истоки нового витка депопуляции в Беларуси // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2022. № 2. С. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](#). EDN [DQLCJX](#).
3. Злотников, А. Г. Репродуктивные процессы и репродуктивные установки в Беларуси // ДЕМИС. Демографические исследования. 2022. Т. 2, № 3. С. 71–88. DOI [10.19181/demis.2022.2.3.6](#). EDN [PLPMOX](#).

4. *Пешикова, А. Н.* Миграция населения Белорусской ССР : диссертация ... кандидата географических наук : 11.00.00. Ростов-на-Дону, 1968. 228 с.
5. *Тихонова, Л. Е.* Социально-экономические аспекты миграции населения БССР : автореф. дис. ... кандидата экономических наук. Минск, 1982. 20 с.
6. *Злотников, А. Г.* Социально-экономические проблемы регулирования текучести рабочих промышленности (на материалах промышленности городов БССР) : диссертация ... кандидата экономических наук : 09.00.09. Москва, 1978. 200 с.
7. *Никитенко, П. Г.* Состояние и тенденции демографического развития Беларуси / П. Г. Никитенко, А. А. Раков. Минск : Право и экономика, 2005. 111 с. ISBN 9854421295.
8. *Ридевский, Г. В.* Комплексная оценка устойчивости демографического развития регионов Беларуси в условиях ограниченной демографической информации // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы : сборник научных статей. Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2024. С. 297–308. DOI [10.17059/udf-2024-2-14](https://doi.org/10.17059/udf-2024-2-14). EDN [GVDGQJ](https://edn.net/GVDGQJ).
9. *Злотников, А. Г.* Смертность в Беларуси в период пандемии COVID-19 // ДЕМИС. Демографические исследования. 2021. Т. 1, № 2. С. 28–46. DOI [10.19181/demis.2021.1.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.2). EDN [DLBESG](https://edn.net/DLBESG).

Сведения об авторе

Злотников Анатолий Геннадьевич, кандидат экономических наук, доцент, профессор, Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации, Гомель, Беларусь.

Контактная информация: e-mail: zlot@tut.by; ORCID ID: [0000-0002-8182-4970](https://orcid.org/0000-0002-8182-4970); РИНЦ SPIN-код: [5989-6369](https://www.eislib.net/spin/5989-6369).

Благодарности и финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке НАН Республики Беларусь в рамках темы «Совершенствование системы государственной миграционной политики в обеспечении социально-экономической безопасности и устойчивого развития Республики Беларусь» (№ 2021-57-143) Государственной программы научных исследований «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 гг.

Статья поступила в редакцию 05.07.2024; принята в печать 05.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

DEPOPULATION AND LIMITATIONS OF DEMOGRAPHIC STATISTICS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Anatoly G. Zlotnikov

Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, Gomel, Belarus

E-mail: zlot@tut.by

For citation: Zlotnikov, Anatoly G. Depopulation and Limitations of Demographic Statistics in the Republic of Belarus. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 167–181. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.11](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.11).

Abstract. The article considers the problems in the demographic processes of the Republic of Belarus. The fluctuations in the modern demographic "waves" of Belarus are analyzed. It is argued that the reproductive processes of the Republic are characterized by changes in the depopulation spiral. Concern about the prospects for its demographic development is substantiated. The problems of the state demographic policy in overcoming depopulation are noted. The state of the Belarusian demographic science in developing approaches to the implementation of demographic policy is highlighted. A characteristic of management decisions is given, both their positive and negative role in the implementation of demographic policy. The significance of the Concept of National Security of the Republic of Belarus and the role of ensuring demographic security in it are shown. In the light of the Concept of National Security of the country, the consequences of restrictions on statistical information for demographic science and demographic policy of Belarus are studied. The role of demographic information in ensuring the national security of the Republic is revealed. The results of the mechanism for recounting the population from the results of the 2019 population census are disclosed. Methodological approaches to calculating the indicators of the reproductive situation of Belarus in 2020-2023 are presented. in conditions of limited demographic statistics.

Keywords: Republic of Belarus, demographic processes, demographic “waves”, demographic “pits”, demographic policy, demographic security, demographic prospects, demographic information, depopulation spiral, population recalculation, demographic studies

References

1. Zlotnikov, A. G. Expertise of the Modern Reproductive Situation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017. No. 3. Pp. 59–68. (In Russ.).
2. Zlotnikov, A. G. The Origins of a New Round of Depopulation in Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2022. No. 2. Pp. 36–48. DOI [10.33581/2521-6821-2022-2-36-48](https://doi.org/10.33581/2521-6821-2022-2-36-48). (In Russ.).
3. Zlotnikov, A. G. Reproductive Processes and Reproductive Installations in Belarus. *DEMIS. Demographic Research*. 2022. Vol. 2, No. 3. Pp. 71–88. DOI [10.19181/demis.2022.2.3.6](https://doi.org/10.19181/demis.2022.2.3.6). (In Russ.).
4. Peshkova, A. N. *Migratsiya naseleniya Belorusskoy SSR [Population Migration in the Byelorussian SSR]*: thesis for the degree of Candidate of Geographical Sciences by speciality 11.00.00. Rostov-on-Don, 1968. 228 p. (In Russ.).
5. Tikhonova, L. E. *Sotsial'no-ekonomicheskiye aspekty migratsii naseleniya BSSR [Socio-economic aspects of population migration in the BSSR]*: abstract of a thesis for the degree of Candidate of Economic Sciences. Minsk, 1982. 20 p. (In Russ.).
6. Zlotnikov, A. G. *Sotsial'no-ekonomicheskiye problemy regulirovaniya tekuchesti rabochikh promyshlennosti (na materialakh promyshlennosti gorodov BSSR) [Socio-economic problems of regulating the turnover of industrial workers (based on materials from the industry of the cities of the BSSR)]*: thesis for the degree of Candidate of Economic Sciences by speciality 09.00.09. Moscow, 1978. 200 p. (In Russ.).
7. Nikitenko, P. G. *Sostoyaniye i tendentsii demograficheskogo razvitiya Belarusi [Status and trends of demographic development of Belarus]* / P. G. Nikitenko, A. A. Rakov. Minsk: Pravo i Ekonomika Publishing Hous, 2005. 111 p. ISBN 9854421295. (In Russ.).
8. Rydzeuski, G. V. Comprehensive Assessment of the Sustainability of Demographic Development in Belarusian Regions in the Context of Limited Demographic Information. In: *Ustoychivost' demograficheskogo razvitiya: determinanty i resursy [Sustainability of demographic development: determinants and resources]*: collection of scientific articles. Yekaterinburg: Institute of Economics, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. Pp. 297–308. DOI [10.17059/udf-2024-2-14](https://doi.org/10.17059/udf-2024-2-14). (In Russ.).
9. Zlotnikov, A. G. Mortality in Belarus During the COVID-19 Pandemic. *DEMIS. Demographic Research*. 2021. Vol. 1, No. 2. Pp. 28–46. DOI [10.19181/demis.2021.1.2.2](https://doi.org/10.19181/demis.2021.1.2.2). (In Russ.).

Bio note

Anatoly G. Zlotnikov, Candidate of Economic Sciences, Docent, Professor, Belarusian Trade and Economics University of Consumer Cooperatives, Gomel, Belarus.

Contact information: e-mail: zlot@tut.by; ORCID ID: [0000-0002-8182-4970](https://orcid.org/0000-0002-8182-4970); RSCI SPIN-code: [5989-6369](https://www.elibrary.ru/author_index.action?id=59896369).

Acknowledgments and financing

The reported study was funded by the National Academy of Sciences of the Republic of Belarus within the framework of the topic “Improving the system of state migration policy in ensuring socio-economic security and sustainable development of the Republic of Belarus” (No. 2021-57-143) of the State Scientific Research Program “Society and Humanitarian Security of the Belarusian State” for 2021–2025.

Received on 05.07.2024; accepted for publication on 05.09.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.12)

EDN [WKQSP0](https://www.edn.ru/WKQSP0)

МИГРАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: БАЛАНС МЕЖДУ ПРАВОМ И МОРАЛЬЮ

Аксютин Н. А.

МГИМО МИД России, Москва, Россия

E-mail: aksnik-2000@mail.ru

Для цитирования: *Аксютин, Н. А.* Миграционная политика Европейского союза: баланс между правом и моралью // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 182–198. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.12). EDN [WKQSP0](https://www.edn.ru/WKQSP0).

Аннотация. В статье определены основы международной морали и ее взаимодействие с международным правом. Рассмотрены существующие трудности, связанные с применением принципов морали в миграционной политике ввиду обращения к национальному суверенитету, что затрудняет следование глобальным гуманитарным принципам. Изложены различные теоретические подходы к моральным аспектам международных отношений и их влияние на миграционную политику в разных регионах. Цель статьи заключается в формулировании основ международной морали и исследовании ее взаимодействия с международным правом, а также в анализе сложности применения моральных принципов в миграционной политике в контексте национального суверенитета. Прослежена эволюция миграционной политики с течением времени через анализ нормативно-правовых актов, статистических данных, международных докладов и широкой литературной базы. Показаны степень возможного следования моральным принципам и случаи изменения миграционного курса в условиях сложной ситуации в Европейском союзе. Выводы работы указывают на целостность заявленных принципов миграционной политики, что особенно проявляется в противоречиях между Брюсселем и отдельными странами Европы. Отмечены трудности в ЕС, побуждающие привлекать миграционный потенциал, описаны механизмы интеграции и адаптации мигрантов. Количественно отражена взаимозависимость между миграционными потоками и решениями на государственном уровне, включая моральные принципы.

Ключевые слова: миграционная политика, международная мораль, «теория справедливости», солидарность, Европейский союз

Введение

Современная миграционная ситуация оказывает влияние на формирование международных отношений, которые приобретают новое качество через солидарность и противоречия. Под воздействием миграционных потоков формируются новые международные отношения, интеграционные процессы на фоне обратной дезинтеграции, этнонациональная обособленность.

Неотъемлемой частью международных отношений является международное право, состоящее из принципов и норм, позволяющих регулировать отношения между акторами на мировой арене и закрепленных в специальных документах, таких как Устав Организации Объединенных Наций. Подобные нормы носят императивный (обязательный к исполнению всеми субъектами) характер, их исполнение становится основой для выстраивания внешней политики государств и, более того, их ценность выражается в определении степени допустимых свобод и ограничений. Помимо международного права, данную функцию воплощает в себе международная мораль – комплексный по своей природе феномен, который представляет из себя совокупность одинаково истолковываемых и принимаемых всеми, почти всеми или только некоторыми членами международного сообщества (а значит, и

действующих в разных пределах) нравственных норм, своего рода международный моральный кодекс, сближающийся по статусу с кодексом норм международного права [1, с. 498]. Другими словами, как и в случае с обычной моралью, это та планка, к которой нужно стремиться (международной она является по причине того, что акторы выстраивают внешнюю политику исходя из следования определенным этическим принципам). На сегодняшний день международная мораль не является чем-то обособленным, она имеет глубинную связь с международным правом, а одним из наиболее ярких примеров взаимодополняемости норм морали и права, на взгляд автора, служит получение международного признания такой сферой как права человека, поскольку их как таковых в международных отношениях не существовало вплоть до принятия в 1948 г. Всеобщей декларации прав человека. Защита прав человека включала в себя, в том числе и право на свободу передвижения, и выбор места жительства в пределах того или иного государства, равно как и на возврат в государство происхождения, что составляет основу осуществления процессов миграции¹. Не менее важными оказываются Конвенция о статусе беженца 1951 г., закрепившая аспект равноправия мигрантов и коренного населения, выражавшегося в «столь же благоприятном положении попавших в страну извне, ответственность за обеспечение которого ложилась на плечи самого государства»², и специальный Протокол, касающийся статуса беженцев, принятый в 1967 г., по которому соблюдение равноправия достигалось при содействии соответствующих международных органов, отвечающих за миграционную сферу³.

Ко всему прочему, в нормативно-правовых актах, посвященных миграционной сфере, отмечается, что права мигрантов должны защищаться в той же степени, что и права граждан страны, границу которой они пересекли, причем на эти государства ложится ответственность за переселенцев даже когда они находятся в пути⁴. Исходя из этого, можно подчеркнуть, что в международно-правовом поле действия государств должны быть направлены на максимально возможное достижение эгалитарности между гражданами и людьми, прибывшими из-за рубежа.

Действительно, с морально-этической точки зрения, государства и иные акторы обязаны прилагать все возможные усилия для достижения этой «моральной планки». Вместе с тем сама сущность морали, рассматриваемая через призму международных отношений, уже содержит в себе определенное противоречие – нормы международной морали не несут какой-либо императивности, они могут как исполняться в полной мере, так и в той же степени игнорироваться [1, с. 501]. Наглядным примером подобного положения дел является призывающий к ответственности в отношении мигрантов Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции, принятый в 2018 г., который, однако, не является юридически

¹ Всеобщая декларация прав человека (Ст. 13) // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.02.24).

² Конвенция о статусе беженца (Ст. 4) // ООН: [сайт]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/refugees.shtml (дата обращения: 02.05.24).

³ Протокол, касающийся статуса беженцев, от 31 января 1967 г. (Ст. 2) // ООН: [сайт]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/ОHCHR-1966> (дата обращения: 02.05.24).

⁴ «В условиях безопасности и достоинства: решение проблемы перемещений больших групп беженцев и мигрантов» (Доклад Генерального секретаря, Ст. 54) // Агентство ООН по делам беженцев: [сайт]. URL: <https://www.refworld.org.ru/docid/5732e36b4.html> (дата обращения: 10.03.24).

обязательным⁵, что также признается как проблема на уровне международных организаций [2, с. 211–212].

Более того, международные наднациональные отношения остаются сильны корпоративностью и групповыми интересами. Реальное противоречие проявляется в том, что в международных отношениях в вопросах миграции на уровне нормативно-правового регулирования декларируется единство мнений и действий, а фактически существует плюрализм мнений, что существенно затрудняет разработку единой платформы. Отсутствует общая позиция о признании нравственных стандартов и ценностей морали по отношению к мигрантам, особенно к беженцам и лицам, ищущим убежище, т. к. возможности морального выбора в сфере международных отношений весьма ограничены.

Международная мораль – система норм, оценок, предписаний, образцов поведения, которые выполняют функции морального регулирования в системе международных отношений, в формировании ценности культуры мира, в становлении демократического и ненасильственного мироустройства. Международную мораль или полностью отрицают или высоко ценят.

В миграционной политике моральные и этические принципы определяют, как страны и международное сообщество должны обращаться с мигрантами и регулировать миграционные потоки, какие ценности и нормы следует направить на обеспечение справедливого, гуманного и уважительного отношения к мигрантам, независимо от их статуса.

Основные аспекты международной морали в миграции следующие: признание и защита прав мигрантов независимо от их правового статуса. Это включает право на жизнь, свободу и личную безопасность, свободу от дискриминации и жестокого обращения, право на справедливое обращение, доступ к юридической защите и справедливому судебному разбирательству, защиту от дискриминации на основании расы, религии, национальности, пола или другого статуса. Итак, обязанность государства состоит в том, чтобы обеспечить мигрантам равные возможности для участия в экономической, социальной и культурной жизни. Таким образом, международная мораль в миграции подчеркивает важность гуманного и справедливого обращения с мигрантами, уважения их прав и достоинства.

Научная новизна настоящего исследования заключается в выявлении факторов, которые препятствуют реализации норм международной морали в миграционной политике при ее практическом осуществлении.

Обзор научной литературы

Вопросу морали в международных отношениях посвящены отдельные работы, в которых раскрывается ее сущность, трактовка, взаимодействие с международным правом [1], говорится о существующих теоретических подходах, связанных с опорой на моральные принципы [3–5], дается подробная характеристика примеров выстраивания миграционного вектора в Евросоюзе и раскрываются присущие ему

⁵ Глобальный договор о безопасной, упорядоченной и легальной миграции (Ст. 14) // ООН : [сайт]. URL: https://migrationnetwork.un.org/sites/g/files/tmzbd1416/files/docs/gcm_russian.pdf (дата обращения: 22.02.24).

особенности [6–14]. В то же время используемая в данной работе эмпирическая база вбирает в себя лишь отдельные аспекты по теме международной морали и миграционной сферы, а, кроме того, недостаточно обращается к нормативно-правовым актам и европейским политическим элитам, являющимся рупором проводимой ими миграционной политики. Более того, уделяется недостаточно внимания элементу восприятия мигрантов со стороны принимающего общества, что также может поспособствовать выявлению сложностей со степенью следования моральным принципам в миграционной сфере.

Методы исследования и источники информации

В данной работе были использованы следующие методы – метод исторического анализа (позволил проследить изменчивость миграционного законодательства ЕС), методы анализа и синтеза (изучение Европейского союза до и после наступления кризисных событий, связанных со сферой миграции с позиции суверенных государств, политиков и общественности, и выведение на основе этого общей характеристики ситуации на анализируемой территории).

В ходе работы были использованы нормативно-правовые акты, принятые в ЕС в миграционной сфере, а также статистические данные, взятые с официальных сайтов Евросоюза (Eurostat), а также из докладов международных организаций (Международной организации по миграции, группы Всемирного банка), что помогло проследить существующие тенденции при выстраивании миграционной политики в Европейском союзе.

Существующие теории в сфере миграции

В теоретическом пространстве среди подходов при обсуждении вопроса открытости границ для мигрантов отсутствует единство. К примеру, американский политический философ М. Уолцер, рассуждая о степени соблюдения эгалитарности в правах граждан и неграждан, говорил о важности «политической принадлежности», которая дает доступ к иным благам и которую нужно распространять в целях избегания дискриминации. Сделать это, по мнению эксперта, можно только принимая переселенцев [3, с. 46–47] (открытые границы необходимы). Схожие мысли выражает и канадский политолог Д. Каренс, ставящий во главу угла либеральный эгалитаризм [3, с. 47].

Отдельно стоит выделить теорию американского неолиберального философа Дж. Роулза – «теорию справедливости». По Роулзу, справедливость, выступающая атрибутом вполне упорядоченного общества (*well-ordered society*), основывается на двух принципах: принципе системы свобод, исходящем из права каждого индивида на доступ к системе основных свобод в той же мере, в которой имеют доступ остальные люди, причем при отклонении свободы от категории равенства положение индивидов должно быть приемлемым [4, с. 223], и принципе дифференциации, чья сущность выражается в достижении наибольшей выгоды для наименее преуспевших индивидов и групп индивидов, включая честное равенство возможностей [4, с. 84].

Применяя данный подход именно в миграционной сфере, можно увидеть, что Дж. Роулз ставит во главу угла полное достижение правовой эквивалентности

между гражданами какой-либо страны и людьми, попавшими на ее территорию извне (мигрантами). Все описанное ранее ставит теорию Роулза на одну позицию со сторонниками открытого подхода при взаимодействии с мигрантами и превалированием соблюдения принципов прав человека, уже упомянутыми М. Уолцером и Д. Каренсом. И действительно, в парадигме неоллиберала в данном случае нет и речи о каких-то ограничениях, которые могли бы помешать достижению желаемой правовой эгалитарности между коренным населением и мигрантами.

Отдельные сторонники такой парадигмы не говорят об абсолютном и безоговорочном равенстве, приводя в качестве примера «исключительные обстоятельства» – угрозу поглощения одного народа другим и угрозу перенаселения. Важно упомянуть и то, что предложивший данные исключения британский философ М. Даммит использует их с большой осторожностью во избежание злоупотребления трактовками [5, с. 134].

С другой стороны, более реалистичную картину описывают такие политические философы, как британский представитель политического реализма Б. Уильямс. По мнению Уильямса, стремление к полному равенству, что, в частности, является фундаментом «теории справедливости» Роулза, представляет из себя одну из разновидностей политического морализма – так философ называет точки зрения, в которых моральный аспект превалирует над политическим [6, с. 2–3]. Это приводит к тому, что последний ограничивается рамками первого, что, в свою очередь, не позволяет лицам, ответственным за миграционную политику своей страны или группы стран, мыслить, исходя из конкретных сложившихся обстоятельств, что как результат, лишь дестабилизирует ситуацию. Исходя из идей Б. Уильямса, интересы должны отстаиваться на равных, но с опорой не на моральную составляющую, а с обращением к локальным историческим сюжетам [6, с. 13].

Таким образом, соотнесение направления миграционной политики государств с соблюдением незыблемых прав человека несет в себе моральную составляющую, что, однако, не избавляет его от противоречий, выраженных в измерении «наши права – их права».

Евросоюз: особенности государственно-правового регулирования миграционной политики

Европейский союз, будучи уникальным политическим объединением, включающим в себя почти 30 государств, подвергся серьезным изменениям в проводимой политике в сфере миграции. Так, шаги, составившие первоначальную основу миграционной политики ЕС, были предприняты еще до превращения Европейского союза в политическое объединение государств: в июне 1990 г. в Дублине была подписана, а в сентябре 1997 г. вступила в силу конвенция о предоставлении убежища в ЕС. Согласно данному нормативному акту, ответственность за предоставление убежища ложится на страну, чью границу мигрант пересек первой при въезде на территорию Союза⁶. Как итог, Дублинская конвенция олицетворяла инструмент укрепления сотрудничества между европейскими государствами.

⁶ Дублинская конвенция (Ст. 6) // Агентство ООН по делам беженцев : [сайт]. URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/5204dbc94.pdf> (дата обращения: 02.03.24).

Принятие в 1992 г. Маастрихтского договора стало одним из ключевых этапов в процессе перехода политики государств-членов Евросоюза в сфере миграций от сотрудничества на межправительственной основе к более тесному взаимодействию на наднациональном уровне. По договору иммиграция входила в сферу вопросов, представляющих общий интерес для стран-членов Европейского союза, а политика в этом направлении должна была осуществляться государствами в духе лояльности и взаимной солидарности⁷. Важно отметить, что данный вектор осуществления политики шел параллельно с развитием европейских интеграционных процессов с самого их зарождения – еще в 1950 г. премьер-министр Франции Р. Шуман заявлял о первостепенности установления «де-факто солидарности» [7, с. 202].

Но поворотным моментом для миграционной политики в рамках ЕС стал Амстердамский договор 1997 г. (вступил в силу в мае 1999 г.). В нем перед странами Европы ставилась цель превратить Европейский союз в пространство свободы, безопасности и правосудия путем расширения его компетенции в сферах иммиграционной и визовой политики, предоставления убежища, контроля внешних границ⁸.

Наднациональная составляющая миграционной политики Евросоюза укрепилась еще сильнее с подписанием в 2009 г. Лиссабонского договора – произошло четкое разделение общеевропейских и национальных полномочий в области миграционной политики. В частности, под контроль ЕС помимо процесса предоставления убежища перешло решение вопросов обеспечения дополнительной и временной защиты мигрантов на основе принципа единообразия⁹. В то же время европейские государства сохраняли за собой право устанавливать квоты на легальное пребывание и трудоустройство граждан третьих стран¹⁰. Исходя из этого можно увидеть, что с течением времени наднациональный уровень осуществления политики в области миграции все больше и больше начинает превалировать над уровнем государственным.

Отдельного внимания заслуживает факт того, что Европейский союз обладает достаточно развитым набором инструментов в вопросе оценки событий, связанных с миграционной политикой. Так, например, под эгидой Европейской комиссии работают Европейская миграционная сеть, созданная в 2008 г.¹¹, в рамках которой дается информация по событиям, связанным с мигрантами в регионе, а также Европейский миграционный форум, который проводится на ежегодной основе, начиная с 2015 г., и представляет из себя площадку, на которой экспертное сообщество и представители европейского гражданского общества могут обсудить различные

⁷ Договор о Европейском союзе (Ст. 24 п. 2) // Право Европейского Союза : [сайт]. URL: https://eulaw.ru/treaties/teu_old/ (дата обращения: 02.03.24).

⁸ Document 11997D/TXT (Раздел IV Амстердамского договора) // EUR-Lex : [сайт] 02.10.1997 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:11997D/TXT> (accessed on 02.03.24).

⁹ Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция, Ст. 78) // Право Европейского Союза : [сайт]. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 02.03.24).

¹⁰ Договор о функционировании Европейского Союза (новая редакция, Ст. 79 п. 5) // Право Европейского Союза : [сайт]. URL: <https://eulaw.ru/treaties/tfeu/> (дата обращения: 02.03.24).

¹¹ 2008/381/EC: Council Decision of 14 May 2008 establishing a European Migration Network // EUR-Lex : [сайт] 14.05.2008 г. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX:32008D0381> (accessed on 15.04.24).

вопросы по миграционной тематике и, более того, дать рекомендации по изменению миграционного вектора как на национальном, так и на наднациональном уровне¹².

Повестка данной площадки включает в себя множество аспектов осуществления курса в сфере миграции, однако важно подчеркнуть, что уже на самом первом миграционном форуме внимание было уделено вопросу соблюдения прав человека и борьбы с предвзятым отношением людей к приезжающим из третьих государств людям¹³ и, что очень важно, аспекту авторитета (“credibility”) существующей в ЕС миграционной системы, который достигается, во-первых, большей степенью распределения ответственности за мигрантов между всеми странами-членами объединения, и, во-вторых, достижением баланса между обеспечением справедливого доступа людей во входящие в ЕС государства и применением практик выселения мигрантов с их территорий (с обязательным учетом принципа невыдворения, когда в стране происхождения мигранту угрожает прямая опасность)¹⁴.

Подобные заявления являются очередным доказательством приверженности Евросоюза отраженному на нормативном уровне принципу солидарности. Тем не менее каждое государство принимает собственные решения по мере того, как мигранты оказываются на его территории – ключевым аспектом в данном случае выступает механизм интеграции и адаптации мигрантов в принимающее сообщество. Наиболее яркий пример внедрения подобных механизмов – Германия, самая популярная среди мигрантов европейская страна (рис. 1).

К примеру, еще в 2007 г. был принят Национальный план по интеграции, целью которого выступало содействие «реализации потенциала людей из семей с миграционным прошлым, потенциала, который важен для целостности общества и экономического развития Германии» [8, с. 105–106]. На практике это выражалось в применении таких видов, как образовательная интеграция, интеграция через изучение немецкого языка, культуру и спорт. В результате нововведений количество людей, получивших немецкое гражданство, немного снизилось¹⁵, но, с другой стороны, иностранцы, проживающие в Германии в течение длительного срока, но не обладающие немецким свидетельством об окончании школы, получали возможность обретения паспорта гражданина ФРГ.

Даже невзирая на существующий миграционный кризис в европейском регионе, Германия в июле 2016 г. приняла Закон об интеграции, который, во-первых, расширял возможности для трудоустройства переселенцев, а во-вторых, стимулировал их активно интегрироваться. В случае не только тотального отказа от участия в процессе интеграции, но и неполноценного прохождения предусмотренных уже

¹² European Migration Forum (EMF) // Европейская комиссия : [сайт]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-forum-emf_en (accessed on 15.04.24).

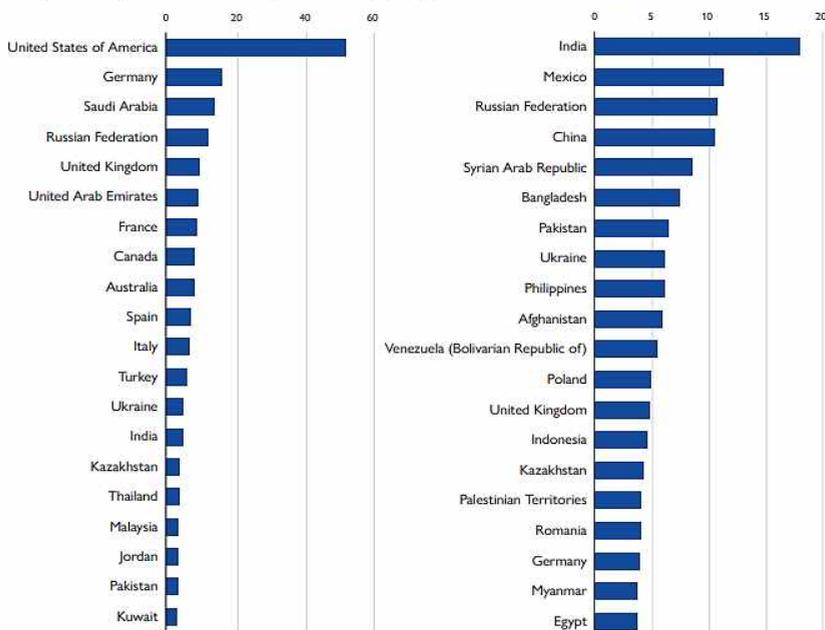
¹³ Safe routes, safe futures. How to manage the mixed flows of migrants across the Mediterranean? / 1st meeting of the European Migration Forum // Европейская комиссия : [сайт]. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/document/download/d26f723b-4561-440c-862c-3ccae8a7ac08_en?filename=emf-01-report.pdf (accessed on 15.04.24).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Naturalisations, 2000 to 2023 // Федеральное ведомство по статистике Германии : [сайт]. URL: <https://www.destatis.de/EN/Themes/Society-Environment/Population/Migration-Integration/Tables/naturalisations-rate.html> (accessed on 30.05.24).

упомянутым планом по интеграции курсов они могли быть лишены предусмотренных пособий¹⁶. В марте 2020 г. был принят Закон об иммиграции квалифицированных работников с целью повышения привлекательности рынка труда Германии путем сведения на нет бюрократических трудностей для высококвалифицированных иностранцев¹⁷. Все вышеперечисленное свидетельствует о месте Германии среди других стран в вопросе успешности реализации интеграционных процессов¹⁸.

Figure 2. Top 20 destinations (left) and origins (right) of international migrants in 2020 (millions)

Source: UN DESA, 2021a.

Рис. 1. Ключевые государства-реципиенты международной миграции

Pic. 1. Key destination states for international migration

Источник: World Migration Report 2022 [15]

Отход от принципа солидарности в миграционной политике Евросоюза

Будучи интеграционным объединением, миграционная политика которого регулируется на наднациональном уровне и одной из незыблемых основ которого выступает упомянутый ранее принцип солидарности, Европейский союз неоднократно сталкивался с ситуациями, когда государства отходили от этих устоев. Одним из первых расколов стали события начала 2011 г. в Северной Африке (Ливия), когда европейские страны, границы которых выходят к берегам Средиземного моря, столкнулись с большим количеством беженцев, а в это время их северные

¹⁶ Integrationsgesetz (Закон об интеграции от 7 июля 2016 г., Ст. 4 п. 4) // Gesetze und Verordnungen des deutschen Bundesrechts im Internet : [сайт]. URL: <https://www.buzer.de/gesetz/12155/index.htm> (accessed on 24.04.24).

¹⁷ Fachkräfteeinwanderungsgesetz als Gesetzestext (Закон об иммиграции квалифицированных работников от 1 марта 2020 г., Ст. 1 п. 45) // Fachkräfteeinwanderungsgesetz : [сайт]. URL: <https://fachkraefteeinwanderungsgesetz.de/gesetzestext/> (accessed on 23.04.24).

¹⁸ Germany // Migrant Integration Policy Index : [сайт]. URL: <https://www.mipex.eu/germany> (accessed on 30.05.24).

соседи не придали данному аспекту должного значения. Так, отдельные государства принижали серьезность и масштабность числа людей, попавших из Африки в страны Южной Европы, вследствие чего Италия наряду с Мальтой чувствовали себя изолированными от остальной Европы¹⁹. В свою очередь, на наднациональном уровне были предприняты действия, которые можно охарактеризовать как символические, поскольку в действительности они мало на что влияли (к таковым можно отнести проведение миссии «Гермес» под эгидой европейского Агентства по охране границ [9, с. 94]). Такие ситуации повторялись из года в год, Италия, возле берегов которой часто происходят трагические случаи гибели мигрантов, призывала остальные государства Европейского союза к демонстрации большей степени солидарности²⁰ – того самого принципа, который соблюдается странами-членами ЕС на нормативном уровне.

С началом пандемии COVID-19 европейские страны продемонстрировали следование принципу солидарности и значительно ограничили объемы трудовой миграции, причем наибольшее снижение (около 80 %) в количестве выдачей разрешений на работу произошло именно в Германии (рис. 2).

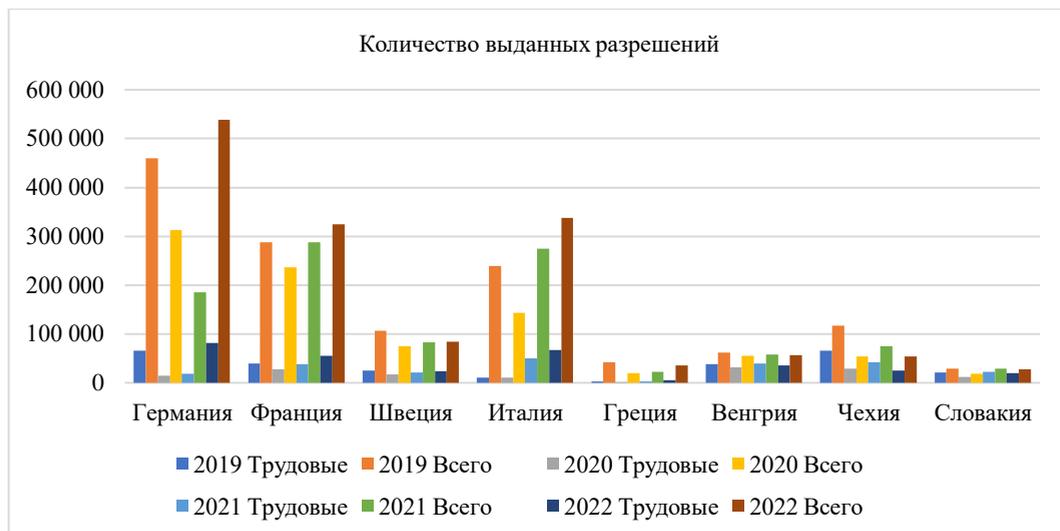

Рис. 2. Интенсивность миграционных потоков в государствах ЕС

Fig. 2. Intensity of migration flows in the EU states

Источник: составлено автором по данным Eurostat Data Browser²¹

Тем не менее объединение столкнулось с серьезным испытанием, значительно дестабилизировавшим ситуацию как на уровне ЕС в целом, так и отдельных стран.

¹⁹ Refugee Influx Exposes Limitations of European Solidarity // Der Spiegel : [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/international/europe/is-this-your-democracy-refugee-influx-exposes-limitations-of-european-solidarity-a-757666.html> (accessed on 01.03.24).

²⁰ EU pressed to rethink immigration policy after Lampedusa tragedy // The Guardian : [сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/oct/08/eu-immigration-policy-lampedusa-tragedy> (accessed on 01.03.24).

²¹ Immigration // Eurostat : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00176/default/table?lang=en> (accessed on 04.03.24).

Например, еще в 2014 г. число потенциальных кандидатов на предоставление в ФРГ политического убежища составило более 200 000, а в 2015 г. количество заявок увеличилось более чем в два раза – до 476 000²². Надо отметить, что Германия стала рекордсменом и по абсолютным показателям миграции – лишь в течение 2015 г. в стране оказались более 1 500 000 человек²³.

На выбор людей в существенной степени повлиял проводимый в ФРГ курс, оплотом которого выступила политика канцлера А. Меркель: в 2015 г. она выступила с заявлением, что Германия «справится» с возникшей ситуацией²⁴. Это стимулировало увеличение числа лиц, надеющихся попасть на территорию ФРГ. Однако многие были не согласны с данной позицией²⁵, так как граждане сталкивались с растущей нехваткой жилья и непрекращающейся чередой преступлений²⁶.

Причины столь промигрантского подхода кроются в демографической плоскости, непосредственно связанной с миграционной сферой и предвосхищающей ее. Дело в том, что страны Европы (и в особенности Германия) испытывают ряд трудностей, связанных с собственным населением: низкий уровень рождаемости (коэффициент фертильности составляет в среднем 1,5 ребенка на семью [10, с. 8]) и значительное старение населения (в среднем группа лиц возрастом 65+ держится на уровне 20%²⁷). Один из способов решения этой проблемы заключается в задействовании миграционного потенциала, на что и была нацелена деятельность ФРГ.

Впрочем, решение демографических проблем создает проблемы для интеграции культурных и ценностных принципов мигрантов и принимающего населения. Ценностная конфронтация прослеживается, начиная от быта и предпочитаемой пищи и заканчивая вероисповеданием [11, с. 316]. Т. Саррацина в книге «Германия: самоликвидация» указывает на угрозы со стороны иммигрантов-мусульман, т. к. они не интегрируются в принимающие общества, что главным образом проявляется в отказе уважать систему европейских ценностей [12, с. 233]. Мало того, обеспечивая мигрантов социальными выплатами, руководство европейских государств лишает их необходимости менять привычный уклад жизни и воспринимать реалии жизни в новом социуме [12, с. 135]. Уже в годы миграционного кризиса подавляющее большинство жителей ФРГ выступало за введение ограничений в вопросе принятия людей на территории своей страны²⁸.

²² Asylum and first time asylum applicants – annual aggregated data // Eurostat : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00191/default/table?lang=en> (accessed on 04.03.24).

²³ Immigration // Eurostat : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00176/default/table?lang=en> (дата обращения: 04.03.24).

²⁴ Меркель призвала Германию встречать мигрантов позитивно // YouTube : [сайт]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=fTOneOrAEJg> (accessed on 02.03.24).

²⁵ Канцлер под ударом // Лента : [сайт]. URL: https://lenta.ru/articles/2015/11/27/merkel_problems/ (дата обращения: 27.02.24).

²⁶ Мигранты в Германии: права ли была Меркель, открыв двери сотням тысяч беженцев // Sova. News : [сайт]. URL: <https://sova.news/2020/08/24/migranty-v-germanii-prava-li-byla-merkel-otkryv-dveri-sotnyam-tysyach-bezhtentsev/> (дата обращения: 28.02.24).

²⁷ Population projection for Germany // Destatis. Statistisches Bundesamt : [сайт]. <https://service.destatis.de/bevoelkerungspyramide/index.html#!y=2023&l=en> (дата обращения: 31.05.24).

²⁸ Опрос: Большинство немцев выступает за ограничение числа беженцев // NDR : [сайт]. URL: https://www.ndr.de/fernsehen/sendungen/panorama_die_reporter/Fluechtlinge-Mehrheit-glaubt-an-Integration,umfrageintegration100.html (accessed on 05.02.24).

В дальнейшем отношение к проводимому немецкими властями миграционному курсу не претерпело серьезных изменений – почти 60% считали мигрантов главной проблемой, требующей решения²⁹. Наряду с этим, все большую популярность набирало праворадикальное движение против исламизации Запада – ПЕ-ГИДА. По словам лидера движения Л. Бахмана, Германия не представляет из себя страну для иммиграции, а немецкие ценности должны стоять на первом месте для всех, кто находится в стране³⁰. Примечательно, что только в 2016–2017 гг. прошло около 300 демонстраций по всей стране, посредством которых участники хотели добиться изменений в Германии [13, с. 32].

Миграционный вопрос продолжал оставаться для немцев в тройке самых серьезных вызовов, на начало 2020 г. процент обеспокоенных граждан составлял 20% (2-е место)³¹ и 11% на конец года соответственно (что в первую очередь было обусловлено пандемией COVID-19)³², а согласно последним данным, миграционный вопрос воспринимается немцами в качестве наиболее серьезной угрозы для безопасности страны, на решение которой потребуется время³³.

Приведенная информация подтверждает реальную действительность: фактор восприятия мигрантов гражданами государств-реципиентов весьма значим, поскольку миграционная политика по своей сути является «улицей с двусторонним движением». Именно поэтому международная мораль, воплощенная в теории, провозглашающей достижение равенства, в реальности может оказать невыполнимой.

В качестве ответа на сложившуюся ситуацию на уровне Европейского союза была предпринята попытка реформировать собственное законодательство в сфере миграции, но на практике в очередной раз был продемонстрирован уход от справедливых и солидарных устоев – наиболее яркий протест существующей общеевропейской миграционной политике выразили страны, входящие в Вышеградскую четверку (В4): Чехия, Венгрия, Польша и Словакия. Несмотря на сходство позиции о необходимости пересмотра Дублинского регламента, Вышеградская группа считала неприемлемой существование ключевого направления реформы – введения механизма распределения и санкций за отказ от обязательств по расселению (речь идет о штрафах в 250 тыс. евро за каждого непринятого в соответствии с квотой человека). Одной из причин возникшей реальности стала низкая привлекательность государств-участников В4 в связи с проводимым ими жестким миграционным курсом.

²⁹ Немцы сочли мигрантов главной проблемой // Лента : [сайт]. URL: https://lenta.ru/news/2016/12/09/biggest_problem/ (дата обращения: 07.03.2024).

³⁰ Движение PEGIDA – кошмар для немецкого правительства // Военное обозрение : [сайт]. URL: <https://topwar.ru/66789-dvizhenie-pegida-koshmar-dlya-nemeckogo-pravitelstva.html> (дата обращения: 30.01.24).

³¹ Transatlantic Trends 2020. Transatlantic opinion on global challenges before and after COVID-19 // Institute Montaigne : [сайт]. URL: <https://www.institutmontaigne.org/ressources/pdfs/publications/transatlantic-trends-2020.pdf> (accessed on 10.05.24).

³² Ibid.

³³ Transatlantic Trends 2023: Public Opinion in a Shifting Global Order. Security and Defense // Jstor : [сайт]. URL: <https://www.jstor.org/stable/resrep53481.8?seq=1> (accessed on 10.05.24).

В качестве альтернативы в 2016 г. этими странами был предложен механизм «гибкой солидарности». Данная концепция предполагает, что каждое государство-член ЕС в праве самостоятельно определять свой миграционный вектор, исходя главным образом из опыта и потенциала в сфере взаимодействия с переселенцами, что подразумевает добровольное участие стран в механизме расселения потенциальных получателей убежища [14, с. 46]. Общеизвестен факт, что в качестве подкрепления протеста против принятых на уровне Союза мер государства Вышеградской четверки в 2017 г. не приняли ни одного распределенного по квотам переселенца³⁴.

Не остались в стороне и лидеры государств. К примеру, один из самых антимиграционно настроенных европейских политиков премьер-министр Венгрии В. Орбан заявил, что постоянно прибывающие мигранты – это проблема Германии, а не всего европейского региона³⁵. Кроме того, он активно призывал венгерскую и остальные европейские нации сплотиться, чтобы обуздать Брюссель и не допустить разрушения Европы под натиском переселенцев³⁶. Схожими мыслями делился и чешский лидер М. Зеeman, по мнению которого «мигрантов никто в Чехию не приглашал»³⁷. А руководитель Польши А. Дуда сделал заявление, что мигранты из Африки и Ближнего Востока – не те люди, которых готова принять его страна³⁸. Все это свидетельствует о неустойчивости существующих в ЕС принципов солидарности, что также подтверждается отказом отдельных государств соблюдать их в дальнейшем и требованием пересмотра положений о распространении солидарности в автоматическом режиме³⁹. Объяснение подобного отношения к мигрантам кроется в географических и социально-экономических факторах – выражающие протест страны являются транзитными, тем не менее они все равно должны выделять ресурсы на обеспечение мигрантов, даже невзирая на их потенциальную нехватку (рис. 3). На уровне ЕС считалось, что солидарность не ограничивается лишь волеизъявлениями государств – этот ключевой политический принцип накладывает на акторов законные обязательства действовать определенным образом, даже вопреки их собственным интересам⁴⁰.

³⁴ Final decisions on asylum applications – annual data // Eurostat : [сайт]. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/tps00193/default/table?lang=en> (accessed on 04.03.24).

³⁵ Премьер Венгрии назвал беженцев проблемой Германии // Рамблер : [сайт]. URL: <https://news.rambler.ru/europe/31184479-premer-vengrii-nazval-bezhentsev-problemy-germanii/> (дата обращения: 04.03.24).

³⁶ «Glory To The Heroes, Honor To The Brave»: PM Viktor Orbán's March 15 Speech In Full // Hungary Today : [сайт]. URL: <https://hungarytoday.hu/glory-heroes-honour-brave-prime-minister-viktor-orbans-march-15-speech-full-47458/> (accessed on 04.03.24).

³⁷ «Keiner hat hier Flüchtlinge eingeladen» // Der Spiegel : [сайт]. URL: <https://www.spiegel.de/politik/ausland/osteuroopa-fluechtlingskrise-spaltet-europa-a-1051193.html> (accessed on 05.03.24).

³⁸ Интересы стран Вышеградской группы и миграционная политика ЕС // Foreign Policy : [сайт]. URL: <http://www.foreignpolicy.ru/analyses/interesy-stan-vyshegradskoy-gruppy-i-migratsionnaya-politika-es/> (дата обращения: 10.03.24).

³⁹ EU Reveals 'Mandatory Solidarity Mechanism' to Spread Migrants Across All States // Breitbart : [сайт]. URL: <https://www.breitbart.com/europe/2020/09/24/eu-plots-mandatory-solidarity-mechanism-spread-migrants/> (accessed on 10.03.24).

⁴⁰ EU Secondary Movements of Asylum Seekers: a Matter of Effective Protection and Solidarity // Fondazione ISMU [сайт]. URL: https://www.ismu.org/wp-content/uploads/2018/10/Colombo-E-Eu-secondary-movements_paper_july2019_ed.pdf (accessed on 15.04.24).

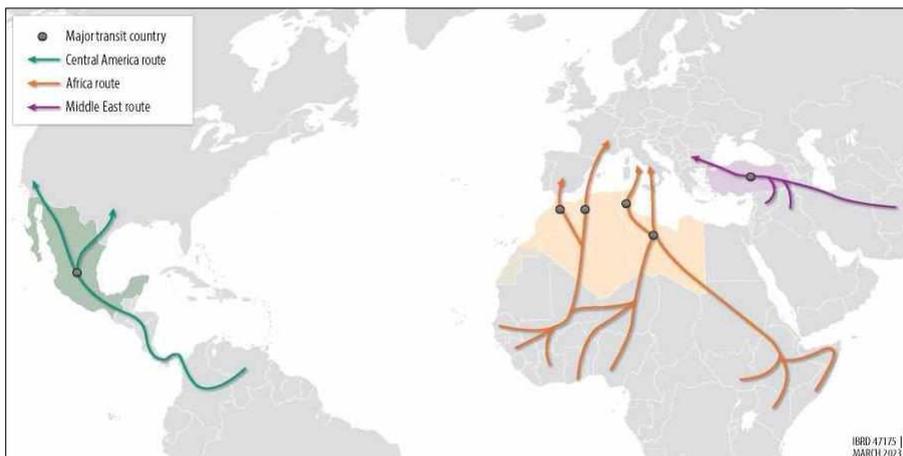

Рис. 3. Главные маршруты транзитной миграции

Рис. 3. Main routes of transit migration

Источник: World Development Report 2023 [2]

Ситуация не изменилась и на современном этапе, поскольку между государствами, входящими в Евросоюз, периодически возникают разногласия касательно вопросов приема мигрантов (например, предложение Австрии построить забор на болгарско-турецкой границе с целью сдерживания миграционных потоков, что, согласно европейскому руководству, идет вразрез с европейскими ценностями⁴¹). Корень проблемы заключается в том, что на фоне перекидывания странами ответственности наблюдается тенденция повышенной смертности среди желающих попасть в Европу (в первую очередь – по Средиземноморскому маршруту, на котором заражает гибнет несколько сотен человек⁴²). Важно, что этот маршрут сохраняет актуальность для перемещения миграционных потоков со времен кризиса 2015 г. [2, с. 247].

В отдельных случаях отмечается даже потенциальное деление мигрантов на «вредных» и «полезных» для ЕС⁴³, что служит одним из доказательств подрыва ценностных устоев единой политики данного объединения.

Невзирая на обозначенные выше примеры, Европейский союз де-юре не отказывается от следования существующим принципам. Так, в конце декабря 2023 г. был принят, а в феврале 2024 г. согласован постоянными представителями ЕС⁴⁴

⁴¹ Добро пожаловать отсюда: как Евросоюз намерен решать проблемы миграции // Известия : [сайт]. URL: <https://iz.ru/1467018/nataliia-portiakova/dobro-pozhalovat-otsiuda-kak-evrosoiuz-nameren-reshat-problemy-migracii> (дата обращения: 19.03.24).

⁴² Europe's migration policies in chaos as arrivals surge // CNN : [сайт]. URL: <https://edition.cnn.com/2023/04/16/europe/europe-migration-chaos-boat-arrivals-intl/index.html> (accessed on 19.03.24).

⁴³ Европейский Союз начинает пересмотр политики иммиграции: в ближайшие годы планируется выделить понятия полезной и бесполезной/вредной иммиграции // ABCSPain : [сайт]. URL: <https://abcspain.ru/telegram-news/-evropeyskiy-soyuz-nachinaet-peresmotr-politiki-immigratsii-v-blizhayshe-gody-planiruetsya-vydelit/> (дата обращения: 19.03.24).

⁴⁴ Постпреды стран ЕС согласовали пакт об убежище и миграции // Интерфакс : [сайт]. URL: <https://www.interfax.ru/world/945261> (дата обращения: 19.03.24).

Пакт об убежище и миграции, одним из столпов которого называлось справедливое распределение ответственности на основе солидарности в ряде аспектов миграционной политики – от вопросов предоставления убежища до разрешения кризисных ситуаций⁴⁵. Последние будут разрешаться как непосредственной разгрузкой стран, принявших наиболее значительное количество мигрантов, так и путем денежных выплат от государств, не имеющих возможности принять переселенцев⁴⁶.

Таким образом, Евросоюз установил принцип солидарности в качестве приоритетного с момента своего основания как политического объединения, однако в реальности существует немало событий, которые серьезно повлияли на деятельность ЕС как целостного субъекта ввиду того, что отдельные государства либо игнорировали существование этой самой солидарности, либо открыто ей сопротивлялись – как по причине ценностной несовместимости мигрантов и коренного населения, так и вследствие недостаточного объема ресурсов, которые страны могут выделить на обеспечение и содержание мигрантов без ущерба для собственных граждан. Все это подчеркивает расхождение в соотношении теоретической идеи с реальной действительностью и указывает на трудность в имплементации нормативно-правовых принципов, связанных с международной моралью, на которых зиждется миграционная политика Европейского союза.

Заключение

Следовательно, можно сделать вывод о том, что международная мораль является многоаспектным феноменом, который очень тесно связан с международным правом и который не лишен противоречивости в вопросе соотношения миграционного вектора с аспектом соблюдения фундаментальных прав человека. Яркий пример подобного расхождения – столкновение глобальных моральных принципов, основанных на гуманизме, и деятельности отдельных акторов. В данной связи особого внимания заслуживает миграционная политика, проводимая Евросоюзом. Так, невзирая на соблюдение де-юре солидарности, в реальности среди европейских стран отсутствует единство в отношении всесоюзного вектора осуществления миграционной политики: государства ввиду географического положения, экономических и финансовых ресурсов, а также заинтересованности в привлечении рабочей силы из-за рубежа отказывались солидаризироваться по фундаментальным аспектам воплощения курса в сфере миграций. Часть стран-членов ЕС открыто шла против наднационального курса, исходя из собственных интересов и выстраивая наиболее благоприятную для себя политику в миграционной сфере. Несмотря на факт того, что Европейский союз впоследствии предпринял попытки модернизировать законодательство с целью найти решение, устраивающее все входящие в него государства, на деле так и не удалось достичь консенсуса в данном вопросе, что свидетельствует о сложности нахождения того самого баланса, той «золотой

⁴⁵ A fresh start on migration: Building confidence and striking a new balance between responsibility and solidarity // Европейская Комиссия : [сайт]. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/ip_20_1706 (accessed on 19.03.24).

⁴⁶ Проблема на аутсорсе? Кто и как будет отвечать на миграционный вызов ЕС // Российский совет по международным делам : [сайт]. <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/problema-na-avtorsore-kto-i-kak-budet-otvechat-na-migratsionnyy-vyzov-es/> (дата обращения: 20.03.24).

середины» между следованием принципам морали и собственным правовым установкам в миграционной сфере, поскольку права и обязанности есть как у мигрантов, так и у стран, их принимающих. В данном случае недостаточно только заявить о соблюдении международной морали, нужно также учитывать множественные элементы таких процессов, как адаптация и интеграция мигрантов в новых социальных реалиях. И пример ЕС наглядно демонстрирует, что принципы политики в сфере миграции, основанные на справедливости и солидарности, и теоретические взгляды, которые их отстаивают, носят идеалистический характер и не могут быть в одинаковой степени применены ко всем государствам.

Список литературы

1. Байков, А. А. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке : учебник / А. А. Байков, Э. Я. Баталов, А. В. Бирюков и др. Под. ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. Москва : Издательство «Аспект Пресс», 2022. 520 с. ISBN 978-5-7567-1146-2. EDN [WZVJFZ](#).
2. World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies. Washington : World Bank, 2023. 348 p. ISBN 978-1-4648-1942-1. DOI [10.1596/978-1-4648-1941-4](#).
3. Апанович, М. Ю. Только лишь перемещение в пространстве? Миграция в свете концепций справедливости // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 45–52. DOI [10.17976/jpps/2022.01.05](#). EDN [ICBPKH](#).
4. Ролз, Дж. Теория справедливости: пер. с англ.; науч. ред. и предисл. В. В. Целищева. Москва : ЛКИ, 2010. 536 с. ISBN 978-5-382-01051-9. EDN [VZPHWT](#).
5. Троицкий, К. Е. В поисках этики миграции. Дискуссия о государственных границах: основные теоретические позиции и аргументы // Этическая мысль. 2018. Т. 18, № 1. С. 130–145. DOI [10.21146/2074-4870-2018-18-1-130-145](#). EDN [YLADRZ](#).
6. Williams, B. Realism and Moralism in Political Theory. Contemporary Political Philosophy: An Antology, 3rd edition / Ed. R. E. Goodin, Ph. Pettit. Hoboken : WileyBlackwell, 2019. Pp. 3–13. ISBN 978-1-119-15418-1.
7. Napoli, E. Solidarity in the European Union in Times of Crisis: Towards “European Solidarity”? // Solidarity as a Public Virtue?: Law and Public Policies in the European Union / E. Napoli, D. Russo; Ed. V. Federico, Ch. Lahusen. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft mbH, 2018. Pp. 195–248. ISBN 978-3-8452-9005-8. DOI [10.5771/9783845290058](#).
8. Нефедов, Д. В. Политика Германии в сфере социальной адаптации мигрантов // Идеи и идеалы. 2015. Т. 2, № 1 (23). С. 102–111. EDN [TOMDLZ](#).
9. Романова, Т. А. Системные проблемы внешней политики Европейского союза (на примере реакции на события в Северной Африке в начале 2011 г.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2011. Т. 7, № 3. С. 88–102. EDN [ONHDYX](#).
10. Комиссарова, Ж. Н. Современные демографические проблемы Европейского союза / Ж. Н. Комиссарова, Е. А. Сергеев // Мировое и национальное хозяйство. 2020. № 1 (50). С. 1–19. EDN [TTGBDB](#).
11. Апанович, М. Ю. Приводит ли миграция к столкновению ценностей? // Вестник МГИМО-Университета. 2010. С. 315–319. EDN [NCTQOF](#).
12. Саррацин, Т. Германия: самоликвидация: пер. с нем. Москва : Рид Групп, 2012. 400 с. ISBN 978-5-4252-0682-4.
13. Свечникова, С. В. Движение ПЕГИДА как отражение европейского миграционного кризиса // Ученые записки Орловского государственного университета. 2018. № 3. С. 29–33. EDN [GJMVJC](#).
14. Потемкина, О. Ю. Вышеградская группа и «гибкая солидарность» // Современная Европа. 2016. № 6. С. 43–52. DOI [10.15211/soveurope620164352](#). EDN [VNLLJQ](#).
15. World Migration Report 2022. Geneva : International Organization for Migration (IOM), 2021. 540 p. ISBN 978-92-9268-076-3.

Сведения об авторе

Аксютин Никита Александрович, магистрант, МГИМО МИД России, Москва, Россия.
Контактная информация: e-mail: aksnik-2000@mail.ru; ORCID ID: [0009-0004-3672-2360](https://orcid.org/0009-0004-3672-2360).

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; принята в печать 05.08.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

MIGRATION POLICY OF THE EUROPEAN UNION: THE BALANCE BETWEEN LAW AND MORALITY

Nikita A. Aksiutin

Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

E-mail: aksnik-2000@mail.ru

For citation: Aksiutin, Nikita A. Migration policy of the European Union: The Balance Between Law and Morality. *DEMIS. Demographic Research*. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 182–198. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.12](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.12).

Abstract. The article defines the foundations of international morality and its relationship with international law. The existing difficulties related to the application of moral principles in migration policy due to the appeal to national sovereignty, which makes it difficult to follow global humanitarian principles, are considered. Different theoretical approaches to moral aspects of international relations and their impact on migration policy in different regions are described. The aim of the article is to define the foundations of international morality and explore its interaction with international law, as well as to analyze the complexity of applying moral principles in migration policy in the context of national sovereignty. The evolution of migration policy over time is traced through analyses of legal and regulatory instruments, statistical data, international reports, and a broad literature base. The extent to which moral principles can be adhered to and instances of changing migration policy in the context of the complex situation in the European Union are reflected. The conclusions point to the integrity of the stated principles of migration policy, which is particularly evident in the tensions between Brussels and individual European countries. Difficulties in the EU that encourage the attraction of migration potential are highlighted, and mechanisms for the integration and adaptation of migrants are described. The interdependence between migration flows and state-level decisions, including moral principles, is quantified.

Keywords: migration policy, international morality, “theory of justice”, solidarity, European Union

References

1. Baikov, A. A. Megatrendy: Osnovnyye trayektorii evolyutsii mirovogo poryadka v XXI veke [*Mega-trends: Main Trajectories of World Order Evolution in the 21st Century*] / A. A. Baikov, E. Ya. Batalov, A. V. Birukov et al.; ed. by T. A. Shakleina., A. A. Baikov. Moscow : Aspect Press Publishing House, 2022. 520 p. ISBN 978-5-7567-1146-2. (In Russ.).
2. *World Development Report 2023: Migrants, Refugees, and Societies*. Washington, DC : World Bank, 2023. 348 p. ISBN 978-1-4648-1942-1. DOI [10.1596/978-1-4648-1941-4](https://doi.org/10.1596/978-1-4648-1941-4).
3. Apanovich, M. Yu. A Spatial Displacement Only? Migration in the Light of Justice Concepts. *Polis. Political Studies*. 2022. No. 1. Pp. 45–52. DOI [10.17976/jpps/2022.01.05](https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.05). (In Russ.).
4. Rawls, J. *Theory of Justice* / Transl. V. V. Tselishev. Moscow : LKI Publishing House, 2010. 536 p. ISBN 978-5-382-01051-9. (In Russ.).
5. Troitskiy, K. E. In Search of the Ethics of Migration. The Discussion About Borders: Major Perspectives and Arguments. *Ethical Thought*. 2018. Vol. 18, No. 1. Pp. 130–145. DOI [10.21146/2074-4870-2018-18-1-130-145](https://doi.org/10.21146/2074-4870-2018-18-1-130-145). (In Russ.).
6. Williams, B. *Realism and Moralism in Political Theory. Contemporary Political Philosophy: An Antology*. 3rd edition. Ed. R. E. Goodin, Ph. Pettit. Hoboken : WileyBlackwell, 2019. Pp. 3–13. ISBN 978-1-119-15418-1.
7. Napoli, E. Solidarity in the European Union in Times of Crisis: Towards “European Solidarity”? In *Solidarity as a Public Virtue?: Law and Public Policies in the European Union* / E. Napoli, D. Russo; Ed. V. Federico, Ch. Lahusen. Baden-Baden : Nomos Verlagsgesellschaft mbH, 2018. Pp. 195–248. ISBN 978-3-8452-9005-8. DOI [10.5771/9783845290058](https://doi.org/10.5771/9783845290058).
8. Nefedov, D. V. German Policy of Migrants’ Adaptation in the Modern Society. *Ideas and Ideals*. 2015. Vol. 2, No. 1. Pp. 102–111. (In Russ.).
9. Romanova, T. A. Systemic Problems of the EU’s Foreign Policy (The Case of the EU’s Reaction to the Events in North Africa in the Beginning of 2011). *Political Expertise*. 2011. Vol. 7, No. 3. Pp. 88–102. (In Russ.).
10. Komissarova, Zh. N. Current Demographic Challenges of the European Union / Zh. N. Komissarova, E. A. Sergeev. *Global and National Economy*. 2020. No. 1. Pp. 1–19. (In Russ.).
11. Apanovich, M. Yu. Privodit li migratsia k stolknoveniyu tsennostei? [Does migration lead to a clash of values?]. *Vestnik of MGIMO-University*. 2010. Pp. 315–319. (In Russ.).

12. Sarratsin, T. *Germaniya: Samolikvidatsiya [Germany: Self-destruction]*. Moscow : Read Group., 2010. 400 p. ISBN 978-5-4252-0682-4. (In Russ.).
13. Svechnikova, S. V. PEGIDA Movement as a Reflection of the Crisis of the European Migration. *Scientific Notes of Orel State University*. 2018. No. 3. Pp. 29–33. (In Russ.).
14. Potemkina, O. Yu. Vishegradskaya gruppa i gibkaya solidarnost' [The Vishegrad Group and Flexible Solidarity]. *Modern Europe*. 2016. No. 6. Pp. 43–52. DOI [10.15211/soveurope620164352](https://doi.org/10.15211/soveurope620164352). (In Russ.).
15. *World Migration Report 2022*. Geneva : International Organization for Migration (IOM), 2021. 540 p. ISBN 978-92-9268-076-3.

Bio note

Nikita A. Aksiuin, Master Student, Moscow State Institute of International Relations, Moscow, Russia

Contact information: e-mail: aksnik-2000@mail.ru; ORCID ID: [0009-0004-3672-2360](https://orcid.org/0009-0004-3672-2360).

Received on 03.06.2024; accepted for publication on 05.08.2024.

The author has read and approved the final manuscript.

РЕЦЕНЗИИ И ЭССЕ

DOI [10.19181/demis.2024.4.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.13)EDN [SFAEQU](https://edn.sfaequ.ru)

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: РАЗВИТИЕ НАУЧНЫХ ИДЕЙ Л. Л. РЫБАКОВСКОГО

Безвербный В. А.*Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия**E-mail: vadim_ispr@mail.ru*

Для цитирования: *Безвербный, В. А. Геополитические аспекты демографических процессов: развитие научных идей Л. Л. Рыбаковского // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4, № 3. С. 199–208. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.13). EDN [SFAEQU](https://edn.sfaequ.ru).*

Аннотация. В статье рассматриваются современные и исторические взгляды на значимость демографических факторов в геополитической конкуренции стран и измерении национальной мощи государства. Особое внимание уделяется анализу геополитических аспектов демографических процессов в трудах выдающегося российского демографа Л. Л. Рыбаковского. Анализируются ключевые концепции ученого, включая демографическую безопасность, геополитическое значение миграционных процессов, взаимосвязь демографии и пространственного развития России, роль демографической политики как инструмента геополитического влияния.

Ключевые слова: Л. Л. Рыбаковский, демографические процессы, геополитика, национальная мощь, демографическая политика, численность населения, структуры населения, национальная безопасность.

Введение

Впервые с Леонидом Леонидовичем Рыбаковским мы встретились в 2007 г. во время проведения вступительных экзаменов по специальности (демография) в очную аспирантуру Института социально-политических исследований РАН. Впоследствии, после утверждения темы моей кандидатской диссертации «Демографическое развитие России в контексте геополитических стратегий Запада» под научным руководством члена-корреспондента РАН С. В. Рязанцева, профессор Л. Л. Рыбаковский оказывал неоценимую консультативную поддержку в процессе работы над диссертационным исследованием. Особую ценность представляли его рекомендации относительно необходимости углубленного анализа региональных аспектов демографического развития Российской Федерации, а также изучения последствий «утечки мозгов» из страны в контексте информационной политики США. Кроме того, Л. Л. Рыбаковский акцентировал внимание на важности рассмотрения исторических взглядов на рост численности населения как инструмент международного влияния государства.

В дальнейшем выяснилось, что в Центре социальной демографии ИСПИ РАН функционировал сектор геополитических проблем народонаселения под руководством Л. Л. Рыбаковского, что только усилило мой интерес к научным работам выдающегося ученого и укрепило убеждение в необходимости дальнейшего исследования взаимосвязей демографических процессов с международной конкуренцией и геополитическим влиянием стран и регионов мира.

Научное наставничество Л. Л. Рыбаковского существенно обогатило методологическую и теоретическую базу моего исследования, способствуя формированию комплексного подхода к изучению демографических процессов в геополитическом контексте.

Исторические концепции определения геополитического потенциала

В контексте современной геополитической науки, берущей свое начало от греческих терминов “geo” (земля) и “polis” (политика), особое значение приобретает анализ факторов, определяющих могущество государства и его способность достигать внешнеполитических целей. Согласно как классическим, так и современным геополитическим концепциям, ключевым элементом в реализации стратегических задач государства выступает его экономическая и военно-политическая мощь [1–3].

Одним из фундаментальных компонентов, формирующих потенциал государства, являются человеческие ресурсы, которые в условиях современной глобальной экономики сохраняют статус наиболее ценного и конкурентоспособного актива. Демографические характеристики страны в значительной степени определяют не только количественные, но и качественные параметры трудовых ресурсов, что непосредственно влияет на экономическое развитие и инновационный потенциал государства.

Более того, демографические факторы играют ключевую роль в формировании мобилизационного потенциала страны, что особенно актуально в контексте обеспечения национальной безопасности. Численность и распределение населения также оказывают существенное влияние на характер пространственного развития государства, определяя уровень заселенности территорий и эффективность их освоения.

Немаловажным аспектом является и то, что демографические показатели во многом формируют образ государства на международной арене. Динамика численности населения, его возрастная структура, уровень образования и здоровья нации – все эти факторы учитываются при оценке геополитического веса страны мировым сообществом.

В истории человечества вопросы народонаселения всегда играли ключевую роль в формировании государственной политики и философской мысли. Начиная с бронзового века, правители древних государств уже осознавали важность регулирования брачно-семейных отношений. Кодексы Ур-Намму, Билаламы и Хаммурапи заложили основы семейного права, что свидетельствует о понимании значимости института семьи для стабильности общества [4]. В древнем Китае Конфуций

развивал идеи сбалансированного размещения населения, что можно рассматривать как ранний пример демографической политики [5]. Древнегреческие философы Платон и Аристотель впервые сформулировали концепцию оптимума населения, которая остается актуальной и в современной демографии [6]. Римская империя демонстрирует нам первые примеры целенаправленной пронаталистской политики. Законы императора Августа (*Lex Julia et Papia-Poppea*) были направлены на стимулирование рождаемости среди римских граждан, что было связано с потребностью в человеческих ресурсах для экспансионистской политики [7].

Средневековье характеризуется преобладанием религиозного взгляда на демографические процессы. Ф. Аквинский в своей «Сумме теологии» рассматривал население как экономический и военный ресурс, что отражало реалии феодального общества [8].

Эпоха Возрождения и Новое время привнесли новый виток развития демографической мысли. Работы Н. Макиавелли, Т. Мора, Ж. Бодена и других мыслителей затрагивали вопросы роста населения, здоровья и регулирования численности. Особо следует отметить вклад Т. Мальтуса, теория народонаселения которого оказала огромное влияние на последующее развитие демографии [9].

В новейшее время демографические идеи тесно переплетаются с геополитическими концепциями. Теории «жизненного пространства» Ф. Ратцеля, геополитические работы Х. Дж. Маккиндера и теория пассионарности Л. Гумилева демонстрируют, как демографические факторы влияют на международные отношения и историческое развитие [9]. Истоки подобного подхода можно проследить еще в средневековой политической философии. Показательным примером служит призыв Папы Урбана II в 1095 г., обосновывавший необходимость крестовых походов не только религиозными мотивами, но и демографическими соображениями – расселением «избыточного» населения Западной Европы на новых территориях [10].

В 1707 г. маршал Франции С. де Вобан в своем труде «Проект королевской десятины» сформулировал ключевой тезис о взаимосвязи между численностью населения и могуществом государства. Он утверждал, что *«величие королей измеряется численностью их подданных, которые составляют силу, богатство и благополучие страны»*. Этот постулат основывался на наблюдаемой корреляции между снижением международного влияния Франции и уменьшением ее населения, что привело к сокращению налоговой базы, трудовых ресурсов и вооруженных сил. С. де Вобан не только систематизировал идеи предшественников, но и впервые четко обозначил геополитическую составляющую демографических процессов [11].

Демографический фактор сыграл значительную роль в геополитическом положении Франции в XX веке. Низкая рождаемость и замедление роста населения рассматривались как одна из ключевых причин поражения страны во Второй мировой войне. К началу XX века Франция уступала Германии по численности населения примерно в 1,5 раза. Премьер-министр Ж. Клемансо предупреждал о потенциальных последствиях такого демографического дисбаланса между двумя странами, несмотря на условия Версальского договора. Осознавая эти риски, французское правительство предприняло ряд мер. Помимо строительства оборонительной Линии Мажино в 1929–1934 гг., в 1939 г. был разработан законопроект «Code de la famille»,

предусматривавший меры материальной поддержки различных категорий семей [12]. Однако эти меры были реализованы слишком поздно, чтобы существенно повлиять на демографическую ситуацию перед Второй мировой войной.

Весомый вклад в теоретическое осмысление роли демографического фактора в геополитике внес немецкий ученый Ф. Ратцель (1844–1904). Он разработал концепцию государства как живого организма, развивающегося в определенном «жизненном пространстве» (Lebensraum) [13]. Эта органицистская парадигма получила дальнейшее развитие в работах шведского социолога и политолога Р. Челлена (1864–1922), который ввел в научный оборот термин «геополитика». Р. Челлен определял геополитику как «науку о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве» [14].

Известный русский популяризатор науки Н. А. Рубакин (1862–1946 гг.) среди множества проблем народонаселения России не пренебрег обратить внимание на показатели низкой заселенности территорий российского государства: «Какую особенную силу может иметь государство, если, например, на каждой квадратной версте его земли живет не больше, как по два по три человека? Народ силен только там, где его много, где он сгущен, сплочен и организован. Разбросанность же населения весьма легко ведет ни к чему иному, как к его международной слабости» [15].

Следует отметить, что мировой научный континуум демонстрирует непрерывность развития демографической мысли на протяжении всей истории человечества. Каждая эпоха вносила свой вклад в понимание процессов народонаселения, формируя фундамент современной демографической науки (табл. 1).

На основе представленной информации можно констатировать наличие устойчивой взаимосвязи между геополитическими возможностями и демографическим потенциалом современного государства. Эта взаимозависимость не только сохраняет свою актуальность в XXI веке, но и приобретает новые формы в условиях глобализации и технологического прогресса. В контексте исторического развития геополитической мысли демографический фактор неизменно занимал центральное место в теоретических построениях ведущих ученых и политических мыслителей.

Таблица 1

Эволюция демографических концепций в геополитическом контексте

Table 1

Evolution of demographic concepts in the geopolitical context

Исторические эпохи/Регионы	Авторы	Ключевые идеи	Знаменитые произведения
Бронзовый век	Ур-Намму; Царь Эшнунны Билалама; Царь Вавилона Хаммурапи	Регулирование брачно-семейного законодательства, укрепление брака	Кодекс Ур-Намму; Законы Эшнунны; Кодекс Хаммурапи
Древний Китай	Конфуций	Сбалансированное размещение населения	Лун Юй
Древняя Греция	Платон; Аристотель; Плутарх	Оптimum населения, проблемы недостаточной численности населения	Республика; Политика; Житие Плутарха

Исторические эпохи/Регионы	Авторы	Ключевые идеи	Знаменитые произведения
Древний Рим	Гай Юлий Цезарь; Август; Нерва; Траян	Увеличение роста населения, пронаталистская политика, человеческие ресурсы для экспансионистской политики	Lex Julia et Papia-Poppea
Средние века	Папа Урбан Второй; Фома Аквинский	Население как экономический и военный ресурс	Сумма теологии
Новое время	Никколо Макиавелли; Томас Мор; Жан Боден; Томмазо Кампанелла; Томас Мун; Себастьян де Вобан; Адам Смит; Томас Мальтус	Восстановление и дальнейший рост численности населения, здоровье населения, регулирование численности населения, теория популяционизма	Государь; Утопия; Шесть книг о государстве; Город Солнца; Englands Treasure by Forraign Trade; Short treatise on the wealth and poverty of nations; Очерк о законе народонаселения
Новейшее время	Карл фон Клаузевиц; Фридрих Ратцель; Рудольф Челлен; Хэлфорд Джон Макиндер; Лев Гумилев	Теория «жизненного пространства», плотность населения, атрибуты населения, трудовые ресурсы, геополитические аспекты народонаселения, теория пассионарности	О войне; Государство как форма жизни; Man-Power as a Measure of National and Imperial Strength; Этногенез и биосфера Земли

Источник: составлено автором

Анализ классических геополитических концепций позволяет утверждать, что численность и качество населения рассматривались как ключевые детерминанты государственной мощи и успешности территориальной экспансии. Среди любопытных исторических закономерностей автор статьи отмечает постепенное усложнение демографических концепций от простого регулирования брачных отношений до комплексных теорий взаимосвязи населения и геополитики, циклическое чередование про- и антинаталистских идей в зависимости от исторического контекста.

Вклад Л. Л. Рыбаковского в исследование геополитических аспектов демографических процессов

Работы профессора Л. Л. Рыбаковского внесли ценный вклад в понимание взаимосвязи между демографическими процессами и геополитическими перспективами государства. Его исследования охватывают широкий спектр вопросов, включая миграционные процессы, демографическую безопасность и стратегическое значение демографической политики для России.

Одно из центральных понятий в работах ученого – концепция демографической безопасности. Он определял ее как *«такое состояние демографических процессов, которое достаточно для воспроизводства населения без существенного воздействия внешнего фактора и обеспечения людскими ресурсами геополитических интересов государства»* [16, С. 124]. Ученый подчеркивал, что демографическая безопасность является неотъемлемой частью национальной безопасности и имеет прямое влияние на геополитическое положение страны: *«Внешняя сторона демографической безопасности состоит в формировании таких совокупностей людских (переселенческих, мобилизационных, трудовых) ресурсов, которые должны соответствовать всему кругу геополитических интересов государства: заселенности территории, охране ее границ, поддержанию оборонного*

потенциала, обеспечению экономики собственными трудовыми ресурсами и др. Следовательно, демографический фактор должен быть достаточным для обеспечения национальной безопасности по всем ее направлениям» [16, С. 125].

В статье «Депопуляция и ее этнические аспекты в России» Л. Л. Рыбаковский писал: «Начавшаяся в начале 1990-х гг. и продолжавшаяся 20 лет до 2013 г. в России депопуляция породила ряд крайне острых для страны проблем. Прежде всего, ускорилось сокращение доли России в мировом населении, поскольку на этот процесс стали влиять не только более высокие темпы роста населения мира, но уменьшение численности населения РФ вследствие естественной убыли. В результате Россия, занимая четвертое место в мире по численности населения в начале 1990-хх гг., передвинулась в новом тысячелетии на девятое. Этот процесс ведет к снижению геополитического статуса государства, сокращению его экономического и оборонного потенциала, ослаблению политического влияния в мире» [17, С. 18].

Неослабное внимание в своих работах Леонид Леонидович придавал анализу миграционных процессов и их геополитических последствий. Он рассматривал миграцию не только как демографическое явление, но и как важный инструмент геополитического влияния. В монографии «Миграция населения: теория и практика исследования» ученый отмечал: «Ожидаемый в первой половине наступившего столетия в ряде стран демографический взрыв (в Узбекистане, Пакистане, Ираке и некоторых других население удвоится), концентрация многомиллионных армий безработных, как правило, лиц неквалифицированного труда, в обстановке исламизации бывших союзных республик и усиления их связей с соседними мусульманскими государствами может существенно изменить геополитическую ситуацию на юге России, вызвать мощную миграционную экспансию. На этом, южном, геополитически важном направлении также должна проводиться активная миграционная политика, не сводимая лишь к выдаче миграционных карт» [18, С. 71]. Особое внимание ученый уделял миграционным процессам на постсоветском пространстве: анализировал их влияние на демографическую ситуацию в России и других странах СНГ, изучал геополитические последствия этих процессов [19].

Л. Л. Рыбаковский придавал большое значение вопросам пространственного развития России и его связи с демографическими процессами. Он подчеркивал, что неравномерное распределение населения по территории страны создает серьезные геополитические риски, особенно в контексте освоения Сибири и Дальнего Востока. В работе «Демографическое развитие России в XXI веке» ученый отмечал: «Демографическое опустынивание восточных регионов России представляет собой серьезную угрозу национальной безопасности. Необходима целенаправленная политика по привлечению и закреплению населения в этих стратегически важных районах» [20].

Л. Л. Рыбаковский предложил комплекс мер по стимулированию миграции в восточные регионы России и повышению их демографической устойчивости. Он считал это важнейшей геополитической задачей, необходимой для сохранения территориальной целостности и экономического потенциала страны. В его работах демографическая политика исследуется не только как инструмент решения внутренних проблем, но и как важный элемент геополитической стратегии государства. Он подчеркивал, что эффективная демографическая политика может суще-

ственно усилить позиции страны на международной арене. В работе «Стратегия демографического развития России, понятие и содержание» он писал: *«Применительно к современной России Стратегия демографического развития состоит в обеспечении, прежде всего за счет воспроизводственной компоненты, восходящей динамики населения, необходимой для устойчивого повышения уровня заселенности страны, особенно ее азиатской части, прироста трудовых, образовательных и воинских контингентов, обеспечивающих неуклонное наращивание социально-экономической и оборонной мощи государства. Только при устойчивом возрастании демографического потенциала государство сможет эффективно использовать свои естественные преимущества (природные ресурсы, выгодное географическое положение, огромную территорию, открытые выходы в мировой океан)»* [21, С. 57] Ученый подчеркивал необходимость учета демографических факторов при разработке внешнеполитической стратегии и оценке геополитических рисков.

Заключение

Демографические процессы являются фундаментальным фактором, влияющим на геополитическую ситуацию в мире. Понимание и учет демографических тенденций необходимы для адекватного анализа и прогнозирования глобальных геополитических изменений. В XXI веке демографические вызовы, такие как старение населения в развитых странах, демографический взрыв в развивающихся регионах и усиление миграционных потоков, будут играть все более важную роль в формировании международных отношений и глобального баланса сил.

Для эффективного управления этими процессами потребуются новые подходы к международному сотрудничеству, включая разработку глобальных механизмов регулирования миграции, поддержку устойчивого развития в странах с быстрорастущим населением и адаптацию социально-экономических систем к демографическим изменениям. Только комплексный и скоординированный подход позволит минимизировать риски и максимизировать возможности, связанные с глобальными демографическими сдвигами.

В свою очередь труды Л. Л. Рыбаковского представляют собой глубокий и всесторонний анализ взаимосвязи между демографическими процессами и геополитическими реалиями. Его исследования демонстрируют, что демография является не просто статистической наукой, но и важнейшим инструментом понимания и прогнозирования геополитических изменений. Ключевые идеи ученого о демографической безопасности, геополитических аспектах миграции, пространственном развитии России и стратегическом значении демографической политики остаются актуальными и сегодня. Они предоставляют ценную теоретическую и методологическую базу для дальнейших исследований в области демографии и геополитики.

Работы ученого указывают на необходимость комплексного подхода к демографическим проблемам, учитывающего их геополитические аспекты. Это особенно важно для России, учитывая ее огромную территорию, сложную демографическую ситуацию и уникальное геополитическое положение. В целом научное наследие Л. Л. Рыбаковского представляет собой важный вклад в понимание сложных взаимосвязей между демографическими процессами и геополитикой, открывая новые перспективы для исследований в этой области.

Список литературы

1. Лукьянович, Н. В. Геополитика: учебник. 2-е изд., пер. и доп. Москва : Издательство Юрайт, 2015. 319 с. ISBN 978-5-9916-5485-2. EDN [TYPYRF](#).
2. Дугин, А. Г. Основы геополитики. Москва : АРКТОГЕЯ-центр, 2000. 928 с.
3. Нартов, Н. А. Геополитика: Учебник для вузов / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов. Под ред. проф. В. И. Старовойтова. 4-е изд., перераб. и доп. Москва : ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 527 с. ISBN 5-238-01142-3.
4. Westbrook, R. A History of Ancient Near Eastern Law. Ed. by Raymond Westbrook. Leiden : Brill, 2003. 1229 p.
5. Charbit, Y. The Classical Foundations of Population Thought: From Plato to Quesnay. Dordrecht : Springer, 2010. 179 p. ISBN 978-94-017-8327-9. DOI [10.1007/978-90-481-9298-4](#).
6. *Speculum Iuris: Roman Law as a Reflection of Social and Economic Life in Antiquity*. Ed. by J. J. Aubert, B. Sirks. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2002. 203 p. ISBN 0-47-211251-1.
7. Урланис, Б. Ц. Историческая демография: избранные труды. Москва : Наука, 2007. 467 с. ISBN 5-02-035488-0.
8. Weeks, J. R. Population: An Introduction to Concepts and Issues. Boston : Cengage Learning, 2005. 608 p. ISBN 978-13-050-9450-5.
9. Agnew, J. Making Political Geography / J. Agnew, L. Muscara. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 268 p. DOI [10.4324/9780203764343](#). ISBN 978-02-037-6434-3.
10. Tyerman, C. The Crusades: A Very Short Introduction. Oxford : Oxford University Press, 2005. 167 p. ISBN 978-01-915-1750-1.
11. Rosen, G. Mercantilism and Health Policy in Eighteenth Century French Thought. *Medicina e Historia*. 1959. P. 259–277. DOI [10.1017/S0025727300024789](#).
12. Иванов, С. Ф. Современная наука о международных отношениях за рубежом: Хрестоматия в трех томах. Москва : НП РСМД, 2015. 1000 с. ISBN 978-5-9905847-2-3.
13. Ratzel, F. Politische Geographie. Munich : R. Oldenbourg, 1897. 748 p.
14. Kjellen, R. Staten Som Livsform. Stockholm : Hugo Gebers Förlag, 1916. 116 p.
15. Рубакин, Н. А. Россия в цифрах. Страна. Народ. Сословия. Классы (Опыт статистической характеристики сословно-классового населения русского государства). Санкт-Петербург : Вестник Знания, 1912. 214 с.
16. Рыбаковский, Л. Л. Демографическая безопасность // Безопасность Евразии. 2003. № 3 (13). С. 154–186. EDN [QZVRTB](#).
17. Рыбаковский, Л. Л. Депопуляция и ее этнические аспекты в России // Социологические исследования. 2015. № 4 (372). С. 18–28. EDN [TRRQJL](#).
18. Рыбаковский, Л. Л. Демографическое будущее России и миграционные процессы // Социологические исследования. 2004. № 3 (251). С. 71–81. EDN [OOYHJB](#).
19. Рыбаковский, Л. Л. Миграционный потенциал русского населения в странах нового зарубежья // Социологические исследования. 1996. № 11. С. 31–41.
20. Рыбаковский, Л. Л. Демографическое развитие России в XXI веке. Москва : Экон-Информ, 2009. 339 с. EDN [QOPJDR](#). ISBN 978-5-9506-0413-3.
21. Рыбаковский, Л. Л. Стратегия демографического развития России, понятие и содержание / Л. Л. Рыбаковский, Г. Р. Хасаев // Народонаселение. 2015. № 2 (68). С. 52–63. EDN [TZFRPD](#).

Сведения об авторе

Безвербный Вадим Александрович, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

Контактная информация: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](#); РИНЦ SPIN-код: [5758-6360](#); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](#); Scopus Author ID: [57195734612](#).

Статья поступила в редакцию 12.07.2024; принята в печать 12.09.2024.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

GEOPOLITICAL ASPECTS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES: DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC IDEAS OF LEONID RYBAKOVSKY

Vadim A. Bezvebny

Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: vadim_ispr@mail.ru

For citation: Bezvebny, Vadim A. Geopolitical Aspects of Demographic Processes: Development of Scientific Ideas of Leonid Rybakovsky. DEMIS. Demographic Research. 2024. Vol. 4, No. 3. Pp. 199–208. DOI [10.19181/demis.2024.4.3.13](https://doi.org/10.19181/demis.2024.4.3.13).

Abstract. Demographic processes play a key role in the formation of the geopolitical picture of the world. Population size, its age structure, growth rates and migration flows have a significant impact on the economic power of states, their military potential and their ability to project power in the international arena. This article examines contemporary and historical views on the significance of demographic factors in the geopolitical competition of countries and the measurement of a state's national power. The study covers both contemporary and historical aspects of the issue. The paper provides a systematic review of the evolution of scientific views on the significance of demographic factors in the geopolitical context. Particular attention is paid to modern methodological approaches to measuring the national power of a state considering demographic indicators. The article offers a critical analysis of existing models for assessing geopolitical influence based on demographic factors and considers their applicability in the context of global demographic transformations. The study also addresses topical issues of the impact of demographic trends on the geopolitical strategies of states in the 21st century, including the problems of population aging, migration processes and demographic imbalances between developed and developing countries. Special attention is paid to the analysis of geopolitical aspects of demographic processes in the works of the outstanding Russian demographer L. L. Rybakovsky. The paper considers the key concepts of the scientist, including demographic security, the geopolitical significance of migration processes, the relationship between demography and spatial development of Russia, as well as the role of demographic policy as an instrument of geopolitical influence.

Keywords: L. L. Rybakovsky, demographic processes, geopolitics, national power, demographic policy, population size, population structures, national security

References

1. Lukyanovich, N. V. *Geopolitika [Geopolitics]* : textbook. 2nd ed., rev. and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2015. 319 p. (In Russ.).
2. Dugin, A. G. *Osnovy geopolitiki [Fundamentals of geopolitics]*. Moscow : ARCTOGEIA-Center Publishing House, 2000. 928 p. (In Russ.).
3. Nartov, N. A. *Geopolitika [Geopolitics]* : textbook for universities / N. A. Nartov, V. N. Nartov. Ed. by V. I. Staroverov. 4th ed., rev. and add. Moscow : UNITI-DANA Publishing House, 2010. 527 p. ISBN 5-238-01142-3. (In Russ.).
4. Westbrook, R. *A History of Ancient Near Eastern Law*. Ed. by Raymond Westbrook. Leiden : Brill, 2003. 1229 p.
5. Charbit, Y. *The Classical Foundations of Population Thought: From Plato to Quesnay*. Dordrecht : Springer, 2010. 179 p. ISBN 978-94-017-8327-9. DOI [10.1007/978-90-481-9298-4](https://doi.org/10.1007/978-90-481-9298-4).
6. *Speculum Iuris: Roman Law as a Reflection of Social and Economic Life in Antiquity*. Ed. by J. J. Aubert, B. Sirks. Ann Arbor : University of Michigan Press, 2002. 203 p. ISBN 0-47-211251-1.
7. Uralnis, B. C. *Istoricheskaya demografiya: Izbrannyye trudy [Historical Demography: Selected Works]*. Moscow : Nauka Publishing House, 2007. 467 p. ISBN 5-02-035488-0. (In Russ.).
8. Weeks, J. R. *Population: An Introduction to Concepts and Issues*. Boston : Cengage Learning, 2005. 608 p. ISBN 978-13-050-9450-5.
9. Agnew, J. *Making Political Geography* / J. Agnew, L. Muscara. Lanham : Rowman & Littlefield Publishers, 2012. 268 p. DOI [10.4324/9780203764343](https://doi.org/10.4324/9780203764343). ISBN 978-02-037-6434-3.
10. Tyerman, C. *The Crusades: A Very Short Introduction*. Oxford : Oxford University Press, 2005. 167 p. ISBN 978-01-915-1750-1.

11. Rosen, G. Mercantilism and Health Policy in Eighteenth Century French Thought. *Medicina e Historia*. 1959. P. 259–277. DOI [10.1017/S0025727300024789](https://doi.org/10.1017/S0025727300024789).
12. Ivanov, S. F. *Sovremennaya nauka o mezhdunarodnykh otnosheniyakh za rubezhom [Modern science of international relations abroad]: Textbook in 3 vol.* Ed. by I. S. Ivanov. Moscow : RIAC Books, 2015. Vol. 2. 1000 p. (In Russ.).
13. Ratzel, F. *Politische Geographie*. Munich : R. Oldenbourg, 1897. 748 p.
14. Kjellen, R. *Staten Som Livsform*. Stockholm : Hugo Gebers Förlag, 1916. 116 p.
15. Rubakin, N. A. *Rossiya v tsifrakh. Strana. Narod. Sosloviya. Klassy (Opyt statisticheskoy kharakteristiki soslovno-klassovogo naseleniya russkogo gosudarstva) [Russia in Figures. Country. People. Estates. Classes (Experience of statistical characterization of class and class population of the Russian state)]* Saint Petersburg : Vestnik Znania Publishing House, 1912. 214 p. (In Russ.).
16. Rybakovsky, L. L. The Demographic Security. *Bezopasnost' Evrasii [Eurasia Security]*. 2003. No. 3 (13). Pp. 154–186. (In Russ.).
17. Rybakovsky, L. L. Depopulation and its Ethnical Aspects in Russia. *Sociological Studies*. 2015. No. 4 (372). Pp. 18–28. (In Russ.).
18. Rybakovsky, L. L. Russia's Demographic Future and Migration Processes. *Sociological Studies*. 2004. No. 3 (251). Pp. 71–81. (In Russ.).
19. Rybakovsky, L. L. Migratsionnyy potentsial russkogo naseleniya v stranakh novogo zarubezh'ya [Migration potential of the Russian population in the countries of the new abroad]. *Sociological Studies*. 1996. No. 11. Pp. 31–41. (In Russ.).
20. Rybakovsky, L. L. *Demograficheskoye razvitiye Rossii v XXI veke [Demographic development of Russia in the XXI century]*. Moscow : Econ-Inform Publishing House, 2009. 339 p. ISBN 978-5-9506-0413-3. (In Russ.).
21. Rybakovsky, L. L. Strategy of the Demographic Development of Russia, the Notion and Contents / L. L. Rybakovsky, G. R. Khasaev. *Population*. 2015. No. 2 (68). Pp. 52–63. (In Russ.).

Bio note

Vadim A. Bezverbny, Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute for Demographic Research FCTAS RAS, Moscow, Russia.

Contact information: e-mail: vadim_ispr@mail.ru; ORCID ID: [0000-0002-3148-7072](https://orcid.org/0000-0002-3148-7072); RSCI SPIN-code: [5758-6360](https://www.rsci.spin-code.org/5758-6360); Web of Science Researcher ID: [0-1050-2016](https://orcid.org/0-1050-2016); Scopus Author ID: [57195734612](https://orcid.org/57195734612).

Received on 12.07.2024; accepted for publication on 12.09.2024.
The author has read and approved the final manuscript.

ДЕМИС. Демографические исследования. DEMIS. Demographic Research.

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ЭЛ № ФС 77 - 83138 от 26.04.2022 г.

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

Издатель – Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН
Адрес: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1

Главный редактор: Сергей Васильевич Рязанцев

Заместитель главного редактора: Евгения Михайловна Моисеева

Ответственный секретарь: Никита Григорьевич Кузнецов

Редактор-корректор: Елена Адольфовна Лукашенко

Журнал «ДЕМИС. Демографические исследования» включен в базу РИНЦ,
перечень ВАК (категория К2)

Журнал открытого доступа. Доступ к контенту журнала бесплатный.
Плата за публикацию с авторов не взимается.

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает
точку зрения редакции.

При перепечатке материалов ссылка на журнал
«ДЕМИС. Демографические исследования» обязательна.

2024. Том 4, № 3. Дата выхода в свет 30.09.2024.

Адрес редакции: 119333, Москва, ул. Фотиевой, д. 6, корп. 1
Тел.: +7 495 822 28 82. E-mail: demis-journal@mail.ru
Размещение журнала: <https://www.demis-journal.ru>

ДЕМИС. Демографические исследования
2024. ТОМ 4. № 3

Сайт журнала:
www.demis-journal.ru